

Натали Р.

ВРАГ МОЕГО ВРАГА.

«Ийон Тихий»

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Натали Р.

Враг моего врага. «Ийон Тихий»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=64421028

SelfPub; 2021

Аннотация

Война, в которой Земля поддержала Шшерский Рай против Гъде, продолжается. Бывшие враги учатся взаимодействовать и сотрудничать. Тем временем в войну вовлекаются все новые цивилизации. Гъдеанский адмирал Ен Пиран считает, что в войне все средства хороши. Чтобы погубить командира земного крейсера «Ийон Тихий», он обращается к силам тьмы. У капитана Гржельчика в жизни наступает черная полоса. Церковь подозревает вмешательство дьявола, но командование настроено скептически. Сумеет ли Гржельчик справиться с проклятием, выжить и победить? Содержит нецензурную брань.

Содержание

3.1	4
3.2	292

Натали Р.

Враг моего врага.

«Ийон Тихий»

3.1

*Ну ничего тут такого нет,
Что я не видел в другой войне –
Опять расколотый континент,
А значит, здесь мы еще в цене.
А на борту нарисован крест,
А я в кармане таскаю свой.
Но вот опять перемена мест,
Чужое небо над головой.
Алькор*

Ихеру Симу не удалось догнать эскадру. Корабли исчезли, оставив на прощание радужную занавесь, и бывший адъютант Ена Пирана остался один среди врагов в своей спасательной капсуле. Хорошо, врагам было не до него. Пять крейсеров земного флота разворачивались над Нлакисом на фоне звезд, один из них занял низкую орбиту и описывал величавый круг над планетой.

Молодой гьдеанин помнил, как поступал с чужими спасательными капсулами адмирал. Погибать, попав немилосердному врагу под горячую руку, остро не хотелось. Судорожно схватившись за рычаги, он устремил капсулу прочь от землян – куда глаза глядят, только подальше. Это был момент паники, за который он позже себя корил. Вражеские корабли исчезли из виду, душенька адъютанта слегка успокоилась, мозги пришли в нормальное состояние... и он понял, что заблудился.

Спасательная капсула – не корабль. Консервная банка с простеньким управлением и небольшими запасами ресурсов – только продержаться, эвакуировавшись с гибнущего корабля, до тех пор, пока свои тебя не подберут. Никакой навигации, никаких опознавательных систем. Никакого оружия, разумеется. Жалкий передатчик. Дохлый двигатель. Никто его не заметил, и некоторое время он был счастлив. Пока не стала заканчиваться еда.

Вначале кончились запасы консервов, и Ихер Сим слегка заволновался. Потом – вода. Он включил передатчик, обшаривая эфир. Где же гьдеанская эскадра? Он думал, что адмирал соберет силы для ответного удара и вернется, чтобы разбить землян. Но время шло, а в эфире стояла равнодушная тишина.

А потом стал заканчиваться воздух.

Миг – и корабль уже в десятой доле светового года от того

места, где вошел в прыжок. В мире за это время прошел месяц, но для тебя – лишь миг. Один вдох, один удар сердца.

Размытые дорожки звезд вновь стали точками, и Ччайкар Ихстл перевел взгляд с пульта на своего старшего помощника. Цхтам Шшер сгорбился в кресле. Он дышал тяжело, будто пробежал эту десятую светового года на своих двоих, и никак не мог отдышаться. Лицо бледное, потерявшее краску, словно у сумеречника, хотя Цхтам принадлежит к дневному клану. Повязка на голове промокла от крови.

Ччайкар запустил сканирование эфира. Чисто статистически, хоть когда-то, хоть на кого-то они должны наткнуться!

И они наткнулись на чужой «SOS».

– Кто здесь? – по-хантски спросил Ччайкар, поймав частоту.

– Помогите! – сдавленный голос, приправленный истерикой. – Я в спасательной капсуле!

Ччайкар невольно засмеялся – с сарказмом и разочарованием.

– Чем мы тебе поможем-то? Мы сами в аварийной ситуации.

– У меня нет воды и еды! И воздух кончается, – в отчаянии добавил собеседник.

Ччайкар покачал головой – тот, конечно, не увидел его жеста. Ладно, «Звезде» терять нечего, а этот потерпевший хотя бы надышится и наестся. И, возможно – он кинул взгляд на Цхтама, – пригодится.

– Сам подойти сможешь? У нас ни одного ускорителя.

Когда Ихер Сим засек движущуюся меж звезд точку, его охватила лихорадочная радость. Корабль! Он понесся к нему, выжимая из слабенького двигателя все, на что он способен. Корабль приближался, проявился силуэт. Ихер Сим плохо разбирался в типах кораблей, однако понял: не гдеанский, но и не земной. Еще чуть ближе, и сделалось ясно: это вообще не ГС-корабль. Характерное сопло фотонного разгонника, покрытое трещинами. Корпус то ли неправильной формы, то ли так пострадал в бою или ином несчастье, что утратил первоначальные контуры. Приближаясь, Ихер Сим различал все новые подробности. Между носовым и кормовым модулем – тонкая неровная перемычка, центральные отсеки выгорели. Обшивка вздулась и потрескалась, целые куски вырваны «с мясом». Потечи металла, следы пламени. Изорванные, словно картон, переборки. Посудине досталось с лихвой.

– Подходи к носовому стыковочному люку, – ожили наушники. – С кормы до нас не доберешься без вакуумного скафандра.

Неловко дергая рычаги, Ихер Сим подвел капсулу вплотную. На бугристой поверхности различались следы краски. Неизвестные буквы, не то иероглифы, ни о чем не говорящие гдеанину. И красный контур звезды в круге.

Пристыковаться удалось не с первого раза: все-таки Ихер Сим не был пилотом, а помочь ему не могли. Но наконец

капсула поймала стыковочный шлюз. Радостный Ихер Сим, заглушив двигатель, сорвался с места, придерживая дыхательную маску: кислорода уже не хватало на полное обновление атмосферы в капсуле, и последние два дня он экономил, отключив воздухообмен и лишь меняя в маске перекисные патроны. Загремел изъеденный огнем корабельный люк, открываясь, и Ихер Сим почти ввалился в чужой корабль, сдирая маску и с упоением глотая воздух, насыщенный кислородом.

– Добро пожаловать на «Райскую звезду».

Это сказал пожилой шитанн с лицом, покрытым суровыми морщинами, и короткой косой четверного плетения, серой от седины. Ихер Сим уставился на него, пытаясь справиться с головокружением от свежего воздуха. Шитанн?

Он попятился.

– Не убивайте меня! Я не делал ничего дурного.

Он еще боялся угодить к землянам! А нарвался на шитанн.

– Ну что ты, милый, – старик улыбнулся. – Конечно же, мы тебя не убьем. Это было бы расточительством. Иди сюда, сладенький.

Жилистая рука взяла его за горло, задирая подбородок, холодные пальцы прошлись по шее, нащупывая вену. Ихер Сим в ужасе зажмурился.

Эта планета была не похожа ни на что, виденное прежде.

Венера, Марс, спутники Юпитера, пояс астероидов – куда только не забрасывала Захара его работа. Он вдоволь накатался на внутрисистемных судах, зарабатывая имидж и опыт. Теперь он – впервые в жизни – совершил путешествие на ГС-крейсере. Обманчиво краткое: раз – и там. Крейсер доставил его на орбиту, вниз пришлось спускаться шаттлом. Небесная лодка несла его сквозь атмосферу, сквозь белую вату облаков к оранжевой земле, покрытой сотнями темных трещин – пересохших ручьев.

Умеренно холодно: минус десять, минус двадцать... Достаточно теплых штанов и полушубка. Вот только снега совсем нет. Когда-то на планете журчала вода: без воды траинит не образуется. Где она теперь? Возможно, геолог мог бы подсказать, но Захар не был геологом, да и вопрос этот интересовал его лишь постольку-поскольку. Другие насущные задачи видел он перед собой.

– Захар Маркович, наденьте маску, – напомнил один из сопровождающих.

Он натянул дыхательную маску, подключил патрон. Атмосферное давление здесь приемлемое, состав воздуха благоприятный: азот, метан... Увы, нет кислорода. Была ли здесь жизнь когда-нибудь? Кислород – важное условие для жизни, но не обязательное. В азотно-метановой атмосфере многие организмы прекрасно чувствовали бы себя. Но почему-то планета стерильна. Почему? Этот вопрос тоже не слишком волновал Захара. Так, повод поразмыслить на досуге, кото-

рого, скорее всего, не будет.

Ступив на поверхность, Захар взглянул вверх, и у него захватило дух от зеленого свода неба с облаками-клетками. Такого он не видел нигде. Поразительные краски, которые дарил свет иного солнца, будоражили глаз.

– Захар Маркович, сюда.

Для безжизненной планеты пейзаж был слишком оживлен. Здания с полукруглыми куполами, соединенные переходами; карьер, на дне которого замерли странные, инопланетного производства машины, смахивающие на помесь экскаватора с подъемным краном. Конуса-терриконы на заднем плане, на переднем – бункеры на рельсах, наполненные неровными розоватыми глыбами. Под навесами, где располагались бункеры, поверхность была усыпана мелкой розовой галькой. Захар снял меховую рукавицу, поднял один из камешков, посмотрел сквозь него, щурясь. Изображение причудливо двоилось и преломлялось. Родохромный траинит. Он сунул камешек в карман.

Огромная территория была огорожена колючей проволокой. Наверняка еще и под током, подумал Захар. Кое-где виднелись следы штурма периметра: кровавые пятна на этой земле не выцветают, ведь тут нет ни воды, ни бактерий. Захар нахмурился:

– Рудник брали с кровью?

Сопровождающий отрицательно покачал головой:

– Это не наша кровь, Захар Маркович. Мы взяли их базу

без потерь. Они пытались отстреливаться, ядовитый газ пустили, но скорее с отчаяния. Кого остановит эта проволока? Наш десант атаковал сверху.

Некоторые секции ограды были явно заменены, причем не так давно. Кто-то все же штурмовал периметр. Должно быть, шшерцы.

– Значит, у нас потерь нет? – уточнил Захар.

– Всего лишь несколько легко раненных, Захар Маркович. Здесь ведь не военная элита сидела – так себе бойцы, разжиревшие охраннички. От шшерцев рудник в основном прикрывали с орбиты.

Захар кивнул. Без потерь – это хорошо. Он не будет начинать с репрессий.

– Проводите меня в кабинет, – распорядился он. Взгляд его вновь упал на бункеры. – И отрядите людей, пусть возмут рабочих и начинают загружать челнок траинитом.

– Этот прием называется «Травинка прорастает сквозь скалу», – сказал Аддарекх, закончив показывать выполнение, и, поблагодарив кивком своего партнера Каггера Шшера, добавил со смешком: – Правда, я не знаю, как вы будете выполнять его в своей броне.

Майор Райт ухмыльнулся.

– Броня не всегда под рукой. Пригодится.

Десантники «Ийона Тихого» – несколько десятков здоровых мужчин – внимали тому, что говорил и показывал

Аддарекх. Разбившись на пары, повторяли по мере сил, исправляли свои ошибки с помощью пятерых темнокожих шитанн. Каггер Шшер, Ййу Шшер, Винк Трагг, Шшагил Хот, Зигленк Арранц. И Аддарекх Кенцца, немолодой уже вояка, бывший командир младшего звена, неожиданно-негаданно сделавшийся главным над всеми, кто спасся с «Райского грома».

Аддарекх не задавал глупых вопросов и пресекал попытки своих подчиненных. Когда мы вернемся домой? Сейчас прямо капитан Гржельчик все бросит и повезет тебя домой. У «Ийона Тихого» своя боевая задача, и ясно как стекло, что Рай в его маршрут не входит. Скажи спасибо, что тебя вытащили с гъдеанского корабля, не дали пропасть. И смирись с тем, что какое-то время – может, и долгое – ты проведешь на «Ийоне». Да, это не родной борт, но и не плен. Здесь ты можешь внести свой вклад в победу над Гъде. Неважно, чью.

– В броне можно и без приемов, – подал язвительный голос один из десантников. – А вот как вы, такие доходяги, воюете даже и с приемами – диву даюсь.

– Мы не всегда такими были, – мрачно буркнул Аддарекх. Два месяца назад он был высоким и сильным. Теперь – разве что высоким. Длинный, костлявый дистрофик, которому еще неделю поэтапно выходить из голодания, если – как популярно объяснила вечно сердитая, даром что такая красавица, докторша фрау Золинген – он не хочет, чтобы кишечник узлом свернулся. Сколько времени потребует-

ся, чтобы вернуть мышечную массу, лучше не загадывать. И сколько крови еще понадобится, чтобы измученный организм преодолел жажду? Докторша злится, что они пьют кровь – можно подумать, ее собственную. Кругом полно землян, от запаха горячей здоровой крови крышу сносит, но лучше и не заикаться. Ни один не даст. Даже донорскую консервированную кровь, которую фрау Золинген выдает столь неохотно, словно от сердца отрывает, приходится пить так, чтобы никто не видел, будто занимаешься чем-то постыдным.

Нет, Аддарекх не роптал. Земляне вообще отнеслись к ним лучше, чем можно было ожидать по самым благоприятным прогнозам. Не сторонились, нормально разговаривали, справлялись о самочувствии. Но некоторые вещи их раздражают, и ничего с этим не поделаешь.

– А вот такой прием называется «Снег падает на столб», – продолжил Аддарекх.

– А есть такой прием – «Столб падает на снег»? – поинтересовался все тот же язвительный Вилис.

Земляне засмеялись. Шитанн поморщился.

– Это не прием. Это когда неподготовленный человек, не умея падать, все же падает.

Все заржали снова.

– Юморист, – одобрительно хмыкнул Бен Райт.

– «Снег падает на столб», – Аддарекх повел рукой, останавливая смех. – Смотрите внимательно.

Когда капитан Гржелычик приказал заняться боем со своими десантниками, Аддарекх отнесся к этому без энтузиазма. Чему учить землян? Они прекрасно подготовлены. Оказалось, есть чему учить и есть чему поучиться. Слишком разные школы. Нежданно-негаданно ему понравилось быть наставником. Не просто сидеть и тупо ждать врага, а делать полезное осмысленное дело. К тому же дело отвлекало от ненужных воспоминаний.

Пока Аддарекх сидел на цепи, у него половина чувств словно выключилась. Наверное, защитная реакция. В ангаре, где Ен Пиран приковал пленных, висела атмосфера жути и боли, и только так можно было выжить и не сойти с ума. Теперь же, в тепле, уюте и безопасности, железный кулак, в котором он держал себя, ослаб. Чувства начали включаться одно за другим и вопить от остаточного ужаса. Днем – туда-сюда: обучение, тренировки, разговоры, процедуры... Фильмы, музыка опять же – земляне знают толк в досуге. А ночью совсем кранты. Чувства, почуяв пустоту, начинали выть, не давая спокойно уснуть.

Докторша накричала на него и обвинила в симуляции. Она вообще постоянно бранилась. Но Аддарекх не обращал внимания. Медблок работает круглосуточно, а значит, и ночью. Раз уж невозможно спать, есть куда пойти. Полюбоваться на фрау Золинген, послушать, как она ругается – красивым, хорошо поставленным голосом...

– Ничего у тебя не выйдет, – сказал ему майор Райт.

– В смысле? – не понял он.

– В смысле, с Кларой, – пояснил тот. – Безнадега. К ней только ленивый не подкатывал, красивая же баба. Но она всех отшивает.

– Я и не думал на этот счет.

Конечно, Аддарекх думал о ней как о женщине – глупо было бы не думать о такой красавице, – но чисто теоретически: соблазнять докторшу он действительно не планировал. Даже желания не возникало: организм еще в себя не пришел. Может быть, когда-нибудь...

– Ага, не думал, – хмыкнул Райт. – Чего тогда по ночам в медблок шастаешь?

– Плохо мне, – проворчал он, – вот и шастаю.

Землянин сочувственно похлопал его по плечу.

– Плохо... Ладно. Как станет хорошо, учти: Клара – барышня строгих правил. Один муж и никаких любовников. Никому не светит. А тебе, вампиру – уж извини, в последнюю очередь. Не любит она вампиров. Почему-то, – добавил он.

Вот это «почему-то» побудило Аддарекха задать вопрос:

– А ты? Ты любишь?

Райт уткнулся отрешенным взглядом куда-то в пространство, словно видел там нечто, не видимое больше никому.

– Я люблю кетрейи, – тихо проговорил он. – Я так ее люблю, что себя забываю.

– А она?

Райт помолчал.

– Она сказала, что живет для шитанн.

Аддарекх кивнул. И неожиданно для себя подбодрил майора:

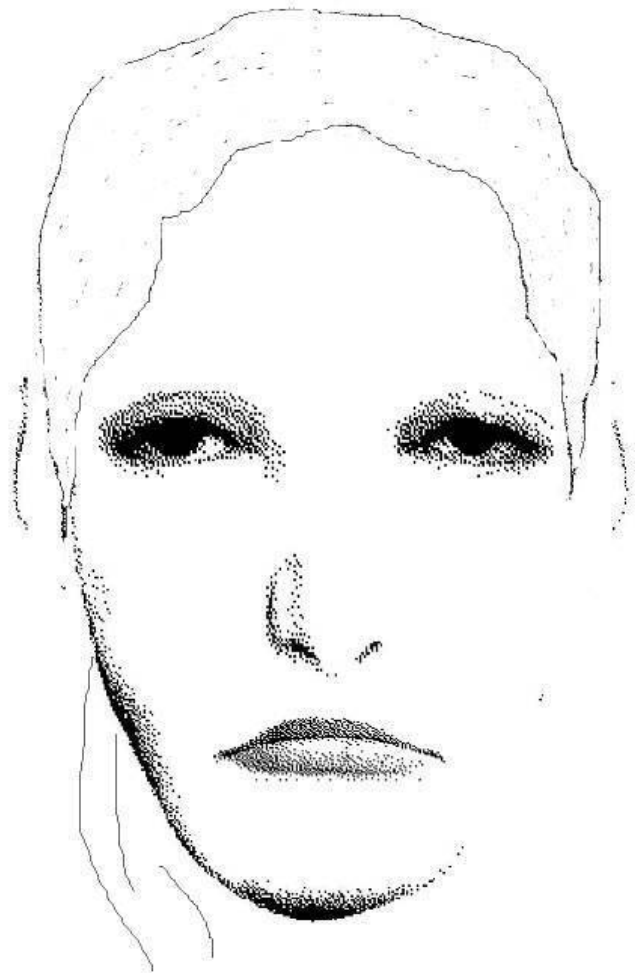
– Не расстраивайся, Райт. Это так, мы живем для кетрейи, а они для нас. Но женятся все на тех, с кем можно завести детей. У вас с кетрейи могут быть дети. Найди ее и попросись в ее клан.

Райт скосил на него глаза.

– Войти в райский клан? Отрастить проклятую косичку и поить ваших баб кровью?

Аддарекх пожал плечами.

– Ты ведь так любишь, что готов себя забыть. Или все-таки не готов?

Тьма отпускала неохотно. В глазах плясали мушки. Но в конце концов Ихеру Симу удалось приподнять голову. Первым, что он увидел, была пластиковая бутылка с водой. Он с трудом дотянулся, преник трясущимися губами к вожденному источнику влаги. Наверняка он сейчас выглядит не лучше кровососа, в экстазе впившегося в чужое горло. Его передернуло.

– Очнулся, сладенький? – голос старика, почти нежный.

Ихер Сим съежился.

– Не надо больше, – прошептал он и инстинктивно прикрыл горло ладонями. – Не надо!

– Это, милый, не тебе решать, – усмехнулся старик. – Цхтам, ты как?

Второй шитанн пугал Ихера Сима гораздо больше пожилого. Страшный, окровавленный, с гримасой жажды – таким он впервые увидел Цхтама Шшера, когда старик Ччайкар подтащил его к нему вплотную, и в ужасе забился в цепких руках. Старик лишь засмеялся тогда и коротко полоснул его по горлу лезвием ножа. Кровь побежала, падая капля за каплей, он видел свою кровь на губах шитанн, видел его оскал, неумолимо приближающийся, пока не догадался закрыть глаза. Он зажмурил их крепко, боясь открыть, но не мог не чувствовать холодный рот, сладострастно присосавшийся к его шее. Он содрогался в конвульсиях ужаса и отвращения, а Ччайкар держал его – так, чтобы второму кро-

вососу было удобнее...

Ихер Сим не помнил, чтобы старик пил его кровь. Только тот, второй. Старший помощник Цхтам Шшер, провались он... Он поймал на себе его примеривающийся взгляд и снова всхлипнул:

– Не надо!

– Надо, милый, надо, – шитанн предвкушающе провел языком по губам.

Он выглядел уже не так страшно, как в первый раз. Два хвоста темных волос по бокам головы отмыты от крови, повязка на затылке свежая. Лицо не искажено неукротимым желанием разорвать сосуды и высосать жертву досуха. Но Ихера Сима начинало трясти, едва старпом обращал на него внимание.

– Почему ты меня боишься? – мягко спросил шитанн. – Разве я делаю тебе больно? Разве я оскорбляю тебя или унижаю?

– Нет, – прошептал он.

– Я ранен, – сказал Цхтам. – Я потерял много крови. Мне нужна твоя кровь, милый. Чего ты хочешь взамен? Любви? Доставить тебе удовольствие?

– Нет! – Ихер Сим отшатнулся, ударившись о подлокотник кресла, на котором лежал.

Цхтам негромко засмеялся.

– Поешь бульон и приведи себя в порядок, – приказал старик.

Ихер Сим осторожно поднялся с кресла. Голова кружилась. Есть почти не хотелось, но старик вскрыл и сунул ему в руку саморазогревающуюся консервную банку. Еда все же принесла улучшение, и у него появились силы дойти до гигиенической кабины.

Когда он вернулся – а куда деваться? – его ждал горячий напиток, сладкий и терпкий. Реттихи. И плитка шоколада впридачу. Шитанн щедро кормили и поили его, и кислорода на «Райской звезде», чьи ресурсы были рассчитаны на сотни человек – завалились. Они не били его, не мучили, разговаривали ласково и терпеливо. Если бы только не Цхтам Шшер! Прикосновения его губ не были жестокими, скорее чувственными, но это было еще ужаснее. У Ихера Сима от них все переворачивалось внутри.

– Иди сюда, сладкий. Не дрожи так. Чего тут страшного? Ну же, убери руки с шеи и не лепечи глупости. Что ты, как маленький?

Низвержение с вершины в пучину было внезапным и стремительным. Пропала связь с эскадрой Ена Пирана. Прошла пара суток, на протяжении которых где-то пытались наладить связь. На третью ночь на базу напали. Неожиданная атака с неба, вопли и стоны умирающей охраны. Кан Телевер вскочил с постели, натянул штаны, выбежал в коридор, намереваясь организовать оборону. Но было уже поздно. Все коридоры находились в руках чужих солдат в ди-

ковинной жесткой броне, увешанных оружием, которое Кан Телевер и не видел никогда. Где-то кричала женщина. Он дернулся, и броненосный монстр, контролирующий коридор, поднял руку с бластером.

– В комнату, – гулко прозвучало по-хантски из-под непрозрачного шлема.

Кан Телевер прежде не считал себя трусом. Но дуло, блестящее отражателями, смотрело прямо ему в лицо. Волосы на голове зашевелились, по спине пробежал мерзкий холодок. Чужой палец лежал на кнопке равнодушно, словно не человек на прицеле, а мишень. Палец слегка изменил положение – может, и не собираясь выстрелить, лишь намекая. Кан Телевер не выдержал. Юркнул обратно в комнату, захлопнул дверь, бросился на кровать и обхватил голову руками.

К нему пришли через час. Стащили с кровати, обшмонали, велели встать в угол. Тщательно обыскали комнату, сгребли все ценное. С помощью встроенного в броню плазменного резака вскрыли сейф, который Кан Телевер почитал невскрываемым. Все – с каким-то безразличием, без злобы и азарта, но и без сочувствия.

– Вы кто? – спросил он.

На шшерцев вторгшиеся не походили. Поднятые забрали шлемов открывали черты лица, сходные с кетрейи, но у шшерцев он никогда не видел такой экипировки. Да и язык, на котором они переговаривались между собой, не был ши-

танн. Кан Телевер, конечно, не говорил на шитанн, но за годы здесь научился его узнавать по длинным согласным и зубодробительным сочетаниям шипящих. Язык же, который он слышал сейчас, был ему совсем незнаком.

Чужак посмотрел на него долгим взглядом, словно сомневаясь, отвечать ли. Все же ответил:

– Десант с ГС-крейсера «Сайрес Смит», Земля.

Они ушли, не став запирают дверь. Судьба побежденного их не интересовала. Будет он сидеть у себя или бродить по коридорам – какая разница? Захочет сбежать с базы – ска-тертью дорога. Куда он без кислорода денется?

Земля. Кан Телевер слышал, что Земля объявила Нлакис своей территорией, но и не думал придавать этому значение. Какие-то политические игры где-то *там*, какое отношение они могут иметь к нему? Грызния из-за Нлакиса в Совете координаторов длилась годами, шшерские хозяева планеты пытались выжить гъдеан со своих земель, но безуспешно. Мало ли что там де-юре, де-факто Нлакис принадлежал Гъде. Укрепленная база, прикрытые эскадры Ена Пирана, налаженный транспорт. Так неужели слушать чьи-то заявления? Пусть земляне хоть слюнями брызжут, они не посмеют тронуть гъдеанский рудник, побоятся выставить себя агрессорами перед всей Галактикой.

А они не побоялись и посмели.

Землянин в броне, но без шлема шел ему навстречу, таща перекинутую через плечо женщину и безмятежно насвисты-

вая. Предвкушает удовольствие, гад. Если бы женщина визжала и вырывалась, Кан Телевер, возможно, не выдержал бы, полез скандалить. Получил бы лазером в глаз или, в лучшем случае, металлической перчаткой в висок. Однако гдеанка покорно молчала, только свисающие вниз каштановые косы бились о броню в такт шагам.

У перехода в соседний купол он увидел еще нескольких женщин. Прибрав волосы под шапочки, они отмывали с прозрачного пластика чью-то кровь и мозги. Кану Телеверу стало дурно. Ему было невдомек, почему этих женщин не тошнит.

– Чего встал? – неприветливо буркнул вооруженный землянин, приглядывавший за уборкой. – Смотри, чтоб тебя самого со стен отмывать не пришлось.

Вздрогнув, он сделал шаг назад.

– Что... что тут было?

– Ваша охрана пыталась сделать вид, будто что-то охраняет, – он хмыкнул. – Меньше надо мнить о себе. Сдались бы сразу – и живы бы остались, и уборка б не понадобилась.

Звучало это так, словно сожалеет боец главным образом о лишней уборке. Как же, женщины заняты ерундой, вместо того чтобы радовать победителей. Сами по себе убитые мало волновали его.

Кан Телевер поспешил вернуться в свою комнату, где и просидел до вечера, забыв даже о голоде. До еды ли, когда желудок съезживается? А вечером за ним пришли.

– Кан Телевер, – прочитал с экрана электронного органайзера землянин – без брони, в синем комбинезоне, но вооруженный – и посмотрел на него вопросительно.

Он сглотнул и кивнул.

– К директору.

Еще вчера директором здесь был он.

Стук в дверь разбудил Клару, задремавшую у стола в медблоке. Она подняла сонные глаза на входящего. Опять этот белохвостый вампир.

– Убирайся, Аддарекх!

Он кротко улыбнулся.

– Неужели вы прогоните человека, нуждающегося в помощи?

– Да какой ты человек? – окрысилась она. – Кровосос! – и швырнула в него упаковкой ваты.

Упаковка отскочила от груди вампира, не причинив ему, естественно, никакого вреда. Он сел на кушетку.

– Вы – медик, фрау Золинген. Вы разбираетесь в анатомии и физиологии. Вам лучше всех известно, что я – человек.

– Выкладывай, что тебе надо, Аддарекх, и катись к черту! – она резко встала, подошла к шкафчику и бросила на кушетку рядом с вампиром запаянный пластиковый пакет с кровью. – Это?

Он аккуратно взял пакет.

– Спасибо, фрау Золинген. Вы – добрая фея.

– Я – главврач этой посуды, черт тебя побери! А теперь вали отсюда и пей в каком-нибудь другом месте, не порть мне аппетит.

– Вы очень красивая, когда злитесь.

Клара возмущенно вздохнула и скрестила руки на груди. Вампир ее бесил. Во-первых и в-основных – тем, что он вампир. Тем, что из-за него и еще пятерых его товарищей запасы донорской крови тают день ото дня. А вдруг кому-то срочно понадобится переливание крови? Этот запас вовсе не для вампиров предназначен! А что будет, когда они все выпьют?

– Мы скоро придем в норму, – сказал ей Аддарекх. – Поправим здоровье, и кровь будет нужна реже.

Слабое утешение! Все равно нужна. Бестолковые организмы. Вот уж точно, нет на них благословения Господа.

Во-вторых, проклятый Аддарекх завел привычку все свободное время торчать в медицинском блоке. Клара терпеть не могла надоедливых симулянтов и с ними не церемонилась. Как правило, хватало пары нагоняев и укола магнезии, чтобы раздолбай заявил, что чувствует себя гораздо лучше, и поспешно покинул медблок. Но с этим вампиром она никак не могла справиться. Кричала на него, откровенно грубила, а ему все нипочем. И даже не огрызнется в ответ. Вежливый, зараза. И улыбается. Она ему магнезию колет, а он улыбается.

– Слышишь меня? Пошел вон!

– Мне плохо, фрау Золинген.

– Ты – чертов симулянт!

– Померьте мне давление, а?

Сердито фыркнув, она потянулась за тонометром.

Аддарекх прикрыл глаза, наслаждаясь прикосновением теплых рук. Пусть кричит, пусть ругается, только пусть трогает его своими чудесными мягкими пальчиками. Вчера она хлестнула его ладонью по щеке, но даже такое прикосновение было в удовольствие. Слишком давно его не касалась женская рука. Разве ему много надо? Чувствовать ее тепло, ее запах, просто находиться рядом, просто смотреть на нее... Просто не оставаться одному...

– Нормальное у тебя давление. Проваливай!

– А может, вы меня послушаете этим... фонендоскопом?

– Я тебе этот фонендоскоп сейчас в задницу запихаю! Ноги в руки, и пошел!

– У вас глаза, как зеленая трава. А когда вы кричите, они вспыхивают, будто на солнце.

Она вновь шумно вздохнула.

– Аддарекх, если ты не отстанешь, я тебе опять укол сделаю. Специально для симулянтов. Лучше уходи.

– Делайте, – он послушно лег на кушетку и спустил штаны, обнажая ягодицы. Костлявые, уколоть-то не во что!

– Аддарекх, ты не понимаешь, что ли? Магнезию твою любимую поставлю.

– Вы врач, вам виднее.

– Ты же знаешь, что это больно!

– Если вы считаете, что так нужно – делайте.

Ну, ничем его не прошибешь! Клара в сердцах отбросила упаковку одноразовых шприцев.

– Надевай свои штаны обратно. Разлегся тут!

– А как же укол?

– Обойдешься без укола.

Она вообще не понимала, как он может сидеть. После всех тех уколов, которые она уже сделала. Против воли в душе шевельнулась жалость. Все-таки она доктор, а не палач.

– Все, Аддарекх. Забирай кровь и иди спать, ночь ведь.

– Не могу я спать, – откликнулся он, и в его словах Кларе почудилась горечь. – Мне страшно.

– Ну, вот еще! Прекрати.

– Мне снятся сны, – прошептал он. – О том, что было. Не могу я.

– Дать тебе снотворное?

– Чтоб я еще и проснуться не смог? – горький смешок.

– Но нельзя же совсем не спать, – Клара покачала головой.

– Я стараюсь.

– Сколько ты не спал? – внезапно пришло ей в голову.

– Четверо суток.

– А почему сразу не сказал?

– Я вам каждый день об этом говорю, – истерически засмеялся вампир.

А ведь правда. Каждый день и каждую ночь приходит и жалуется. А она списывала все на симуляцию.

Клара отсыпала ему таблеток и кинула одеяло:

– Выпей, это седативное. Ложись здесь на кушетке и спи.

Начнешь метаться – разбужу.

Аддарекх завернулся в одеяло, положил пакет с кровью под щеку – как ребенок любимую игрушку.

– Спасибо, фрау Золинген. Вы такая добрая.

– На здоровье, – ей было неловко. – Аддарекх... – она поколебалась. – Извини, что не прислушалась вовремя.

Он уже спал.

– Так с какого же ты корабля, милый? – спросил Ччайкар Ихстл.

Цхтам ушел в душ, и гьдеанин приободрился. Присутствие старпома почему-то подавляло его. Капитан не мог понять, почему. Благодарный Цхтам обращался с молодым человеком куда ласковее и предупредительнее сухого Ччайкара.

Они провели в этой области космоса несколько дней. Ччайкар не хотел уходить, пока доподлинно не выяснит, нет ли здесь людей, которых можно попросить о помощи. Ведь откуда-то же взялся этот Ихер Сим? Но поговорить с ним не получалось. Гьдеанин то пребывал в забытии, то дрожал и упрашивал его не трогать. Дурачок. Цхтам понемногу приходил в себя, поправлялся, лицо приобрело нормальный цвет. Самое страшное для старпома миновало, смерть отступила благодаря крови гьдеанина. Ччайкар сцедил бы ее до капли,

если бы это понадобилось для Цхтама, но Цхтам останавливался даже в жажде, давал Симу отдышаться, немного восстановиться. У старпома железная сила воли, а глупый мальчишка не понимает, насколько он ей обязан.

– С какого ты корабля, Сим?

Гъдеанин проглотил кусок шоколада, едва не подавившись, уставился на Ччайкара. Тот подбодрил его поощрительным кивком.

– Я... с эсминца «Белый», господин. С флагмана эскадры Ена Пирана. Мы стояли у Нлакиса, и...

– Что еще за Нлакис? – перебил Ччайкар. – Где это вообще? И кто такой Ен Пиран?

Ихер Сим вытаращил глаза.

– Вы не знаете Ена Пирана? – это имя знали все шитанн наперечет, знали и проклинали; он поверить не мог. А ведь кровосос сказал нечто еще более невероятное! – Вы не слышали про Нлакис? – *все* слышали про Нлакис; он, наверное, издевается.

– Нас тут шестнадцать лет не было, – усмехнулся Ччайкар. – «Райская звезда» ушла в световой прыжок от Шшерского Рая к планете А46-2818-1 на границе нашего сектора. Едва мы вышли из прыжка, нас атаковали корабли неизвестного типа. Мы не знаем, почему, не знаем, что тут у вас вообще происходит.

– «Райская звезда»? – шепотом переспросил Ихер Сим. Озарение настигало его постепенно. – Экспедиционный ко-

рабль, неожиданно появившийся в окрестностях Нлакиса? Тот, что сбросил ускорители и подбил два ГС-эсминца? Это вы?

– Это мы, – сдержанно кивнул капитан. – Давай, парень. Расскажи мне о вашей Вселенной.

Ихеру Симу вдруг пришло в голову, что самое страшное – вовсе не жадные поцелуи Цхтама Шшера, не мушки в глазах от кровопотери. Самое страшное может быть впереди, когда они узнают, что это его адмирал отдал приказ уничтожить «Райскую звезду». Он невольно попятился, оставив чашку с реттихи.

– В-вы меня не убьете? – справиться с внезапно одолевшим заиканием не удалось.

Ччайкар прищурился.

– Есть за что? – гьдеанин испуганно молчал. – Ага, значит, есть. Но ты говори, сладкий, не бойся. Ты спас жизнь Цхтаму. Мы тебя не убьем, даже если ты – наш враг.

Ихер Сим зажмурился и выдавил:

– Идет война между Раем и Гьде. Уже четыре года. За нлакисские залежи родохромного траинита. Эскадра Ена Пира на блокировала планету. Вы вышли из прыжка прямо в карантинную зону, и адмирал приказал стрелять.

Вот оно как. Пока они были в полете, за траинит началась война.

– Я был адъютантом адмирала, – добавил съезжившийся гьдеанин. – Вы можете мне не верить, но я просил за вас. Я

сказал адмиралу, что это мирный корабль, он не представляет угрозы... Не обязательно расстреливать его, можно просто задержать... Но...

– Но адмирал, как и все адмиралы, не слушает никого, кроме себя, – хмыкнул Ччайкар. – Сядь, Сим, не жмись. Пей свой реттихи.

Даже если гъдеанин врет, желая себя выгородить, в его жизни мало что изменится. Пока он с ними, они будут холить его и лелеять, поить и кормить до отвала, заботиться о нем. Они не дадут ему умереть, а он – им. А потом... Надо еще, чтоб было какое-нибудь «потом».

– Объясни мне одну вещь, Сим. Ты говоришь, война у этой планеты... у Нлакиса длится уже четыре года. Как? Как это возможно, если от ближайшей точки – Рая – до Нлакиса шестнадцать лет? Мы лишь сейчас закончили свой путь, а до нас *никто* не выдвигался к Нлакису.

– Вы совсем ничего не знаете, да? – пробормотал Ихер Сим. – Верно, ГС-корабли появились после того, как вы ушли в прыжок. Корабли, которые не следуют геометрии пространства, а прокалывают его насквозь. Путь из одного уголка Галактики в другой теперь занимает пару часов, не больше. До Нлакиса добрались уже давно. Траинит теперь – стратегическое сырье, из него делают фокусирующие модули ГС-кораблей. Потому-то и началась война.

– Кто побеждает? – осведомился Ччайкар.

Ихер Сим неуютно поежился.

– Рай проигрывал. Мы уничтожили семнадцать райских ГС-линкоров из восемнадцати. Мы полностью контролировали Нлакис...

Ччайкар и Цхтам, вышедший из гигиенической кабины с полотенцем в руке, переглянулись.

– Ты говоришь в прошедшем времени, – заметил Ччайкар.

– Последний ваш линкор, «Райская молния», привез на Землю посланника. Рай передал Нлакис Земле. Это выглядело смешно, ведь Нлакис фактически и не принадлежал Раю. Но земляне не думали смеяться. Они разогнали эскадру Ена Пирана и уничтожили три эсминца, в том числе флагман. Я чуть не попал в плен. В общем-то, попал. Но меня отпустили.

– Почему земляне тебя отпустили? – с интересом спросил Цхтам, аккуратно промокая полотенцем влажные волосы. Жуткий шрам на его голове начал затягиваться.

Ихер Сим опустил голову.

– Потому что, когда все бежали с горящего «Белого», я задержался, чтобы снять цепи с пленных шитанн.

– Наверное, для тебя было бы лучше остаться у них в плену, – проговорил Ччайкар. – По крайней мере, знал бы, на каком ты свете. Мог быть уверен, что когда-нибудь вернешься домой...

Земляне ненавидят шитанн, но вряд ли жестоко обошлись бы с гьдеанином... Стоп. Неувязочка. Земляне, о которых Ччайкар слышал всю свою жизнь, не погладили бы Сима по головке за попытку освободить шитанн. Вернее всего, при-

ковали бы его рядом и разожгли под ним костер пожарче.

Что-то не так. Рай посылает на Землю дипломата. Впервые за тысячу лет! И его там не подвешивают на солнце, прибитого к доскам, не раздирают на куски. Его предложение выслушивают и принимают.

Новости, рассказанные Ихером Симом, были удивительны. ГС-корабли, война за траинит... Но именно то, что он сказал о землянах, заставило Ччайкара Ихстла осознать: мир изменился.

– Мы заблудились, Сим. У нас нет навигационного оборудования, наш сервер погиб вместе с одним из отсеков. Мы не можем ни рассчитать прыжок, ни воспользоваться квантовой связью. Ты знаешь, в какой стороне земляне? – произнес он с надеждой. – Хотя бы примерно?

Ихер Сим покачал головой.

– Я был в панике, не думал, куда лечу, лишь бы подальше. Потом, когда стали кончаться ресурсы, беспорядочно кружил по космосу, пока не наткнулся на вас.

Ччайкар негромко вздохнул.

– Что ж, Сим, придется тебе еще какое-то время пожить вместе с нами. Цхтам, продолжаем поиск. Я начну прогревать главный двигатель, а ты пока можешь заняться нашим дорогим гостем.

Цхтам Шшер со сладкой улыбкой шагнул к гьдеанину, и он, сжав веки, запрокинул голову, открывая горло, испещренное укусами. Могло быть гораздо хуже. Капитан Ччайкар

назвал его гостем, но на самом деле гьдеанин для шитанн – враг, пленник. Они могли бы поступить с ним так же, как Ен Пиран – с теми, кто попадал ему в руки. Имели моральное право. Лучше уж так. Пусть Цхтам Шшер пьет его кровь, сколько хочет, пусть даже лапает его.

Землянин был коротко стрижен, лет сорока-пятидесяти. Черные волосы, зеленоватые глаза, тяжелый подбородок. Вида не военного: безоружный, невысокий, брюшко над ремнем. Это слегка обнадежило Кана Телевера. Возможно, с ним удастся договориться.

– Захар Маркович Зальцштадтер, – представился он, не вставая с крутящегося кресла, лишь развернулся в нем впол-оборота к вошедшему, положив локоть на боком стоящий стол. Когда-то – еще вчера – это был стол Кана Телевера. Его кабинет. – Кризисный управляющий группы компаний «Экзокристалл».

– У вас кризис? – не понял Кан Телевер.

– Это у вас кризис, – снисходительно откликнулся землянин.

– У нас не было никакого кризиса, пока вы не появились! – с горечью сказал он.

Против ожиданий, землянин не рассердился. Лишь усмехнулся:

– А теперь он есть. Разруливать будем? Или перестреляем вас всех и начнем все с нуля?

Голос у него был добрый-добрый, и до Кана Телевера не сразу дошел смысл слов. А когда дошел, у него задрожали колени.

– Да вы не волнуйтесь, батенька, – молвил землянин. – Сядьте вон на табуретку. Курить хотите? – он протянул пачку сигарет.

Кан Телевер отшатнулся.

– Я не употребляю греховного зелья!

– А зря, – заметил землянин, прикуривая от зажигалки. – В кризис, знаете ли, очень помогает.

Кан Телевер сел на указанный табурет, морщась от сигаретного дыма.

– Значит, будем разруливать, – жизнеутверждающе произнес землянин. – Я надеюсь, у вас нет иллюзий? Нлакис принадлежит Земле, а этот рудник – компании «Экзокристалл».

– Это незаконно, – возразил Кан Телевер. – Может быть, Нлакис и ваш – это дело политиков. Но наша база – собственность Гъде.

– О, иллюзии все же есть, – кризисный управляющий засмеялся. – Ну, так я вам объясню кое-что о законе и правах. Нлакис – земная территория, он официально передан нам Шшерским Раем. Вашим патронам давно было предложено либо данную территорию покинуть, либо платить налог на добычу. Почему-то правительство Гъде отнеслось к этому предложению без должной серьезности. Насколько я

припоминаю, последний транспорт с траинитом ушел отсюда на Гъде неделю назад, а налогов как не было, так и нет. Печально, не правда ли? Мы – люди цивилизованные, привыкшие решать любые вопросы миром и справедливым судом. Но ваш адмирал Ен Пиран позволил себе грубость по отношению к нашему крейсеру. Очень, очень недальновидно. Теперь между нами война, господин Кан, и мы действуем по законам войны. Правительство Гъде не захотело отдать нам рудник добром, вот мы его и захватили.

– Мы не знали о войне!

– Это, батенька, ваши проблемы. Ваше правительство на вас наплевало, ваш хваленый адмирал бросил вас и удрал. Мы могли бы выгнать вас всех с *нашей* базы и дыхательных масок не дать. Но мы руководствуемся гуманизмом в своих поступках и стремлениях. Мы обеспечим воздухом, водой и едой каждого, кто будет работать, даже если вчера он встретил землян с оружием в руках.

– То есть вы позволите нам продолжать добычу? – уточнил Кан Телевер.

– Разумеется, – кивнул землянин. – С завтрашнего дня добыча траинита должна быть возобновлена. Мне не нравятся простои. Это не в стиле компании.

– На какой процент вы претендуете? – Кан Телевер не вчера родился, понимал, что просто так в жизни ничего хорошего не дается.

Землянин забавно вздернул темную бровь.

– Процент? – он покачал головой. – Ну и ну! Вы, видимо, неправильно поняли ситуацию, господин Кан. Никаких процентов. Вы работаете на нас и только на нас.

– То есть вы будете платить людям жалованье вместо Где?

– Ну вы даете, батенька, – он рассмеялся. – Конечно же, нет. Жалованье! – фыркнул он. – Мы не собираемся вас нанимать. Вы – пленники, и выбор, который мы вам предоставляем, иные пленники вымаливали бы. Хотите – подышайте за стенами базы, хотите – работайте за еду.

– Господин Захар...

– Называйте меня «господин Зальцштадтер», – прервал его землянин.

Кан Телевер опустил глаза.

– У вас очень трудная фамилия.

– А вы постарайтесь, батенька. Потренируйтесь.

Гьеанин скрипнул зубами.

– Господин Зальц-штад-тер, – землянин одобрительно кивнул. – У нас на базе есть женщины. Инженеры, обслуга...

– Это прекрасно, – прокомментировал землянин.

– Ваши солдаты к ним пристают.

Он покивал.

– Право же, было бы странно, если б они приставали к мужчинам.

– Если вы хотите, чтобы мы на вас работали, – Кан Телевер выдвинул условие, – пусть ваши вояки оставят женщин

в покое!

Землянин хмыкнул.

– Вы, господин Кан, можете не работать на нас, коли не желаете. Но, думаю, большинство согласится. И женщины тоже.

– Пожалуйста, оградите их от произвола!

Он отрицательно покачал головой.

– Не будьте идеалистом, батенька. Если бы вы не стали сопротивляться, сдали бы базу без стрельбы, культурно и организованно – вопрос стоял бы иначе. Но десанту пришлось поработать, пролилась кровь, среди них есть раненые. Они заслужили небольшую компенсацию. Я не стану им препятствовать, пока они никого не убивают и не калечат. Когда их сменят охранные предприятия – с теми разговор будет другой.

– Но...

– Вам, в сущности, здорово повезло, господин Кан, что среди десантников нет ни одного убитого, – голос землянина заледенел. – Случись такое, вы бабами не отделались бы. За каждого я лично приказал бы расстрелять десятерых. Мы, знаете ли, дорожим своими кадрами.

Кан Телевер закусил губу.

– До завтра, господин Кан. Завтра я хочу проснуться от шума машин. Пока добыча стоит, ваши люди только зря тратят кислород. Вы меня поняли? – землянин ткнул в него горячей сигаретой; хорошо, не прикоснулся.

– Да... господин Зальц-штадтер, – процедил он.

Слова Аддарекха зацепили Бена. Он думал над ними день и ночь. На что он готов ради Эйззы? Бросит ли все, чтоб уехать за ней?

Поджилки, честно говоря, тряслись. Между Раем и Землей теперь подписан договор, земляне больше не враги для шитанн. На бумаге – да, но общественное мнение инерционно. Когда еще вампиров перестанут звать на Земле дьявольскими тварями? Когда еще в Раю перестанут шараться от землян?

Но он бы рискнул. Пусть до желудочной слабости страшно оказаться одному среди вампиров, в темноте сумеречной стороны, он рискнул бы. Эйзза того стоит. Он отыщет ее, придет в ее клан и попросит ее руки – или как там у них принято? Если кому-то понадобится его кровь – отдаст, черт с ним. Лишь бы быть с ней рядом, жить с ней вместе, спать вдвоем, растить детей. Он найдет работу в Раю. Неужели же он – здоровый, умный – и не найдет? Надо только выучить язык.

Он обратился к вампиру в столовой.

– Аддарекх, ты можешь научить меня райскому языку?

– Райскому? – переспросил он, сгружая тарелки с подноса на столик. – Нет такого языка, Райт. Есть язык шитанн. Тебе нужен он? Вряд ли ба.

– А у кетрейи свой язык? – полюбопытствовал Бен.

– Нет, – Аддарекх убрал поднос и обстоятельно взялся за суп. – Кетреййи говорят на шитанн.

– А что с их языком?

Вампир скосил глаза от тарелки.

– Ничего. Не было его никогда. Райт, если бы мы их не учили говорить, они бы вообще не разговаривали. Это же кетреййи.

– Ну и что? – ему стало обидно за кетреййи. – Может, не будь вас, они когда-нибудь свой язык придумали бы.

Аддарекх взглянул на него снисходительно.

– Райт, сколько у тебя мозгов?

– Тебя в карты обыграть хватит, – насупился он.

– А в граммах?

– Ну... килограмм с чем-то. Может, тысяча двести. Или тысяча четыреста.

– А у кетреййи – четыреста. Без тысячи. Вдумайся, Райт. Какие организмы у вас на Земле имеют четыреста граммов мозга?

– Хотите анекдот? – за столик радостно плюхнулся Вилис со своим подносом. – Устроили ханты ярмарку мозгов. Ходят покупатели, смотрят на таблички. «Мозги землянина, 1 кг – 100 монет». «Мозги шитанн, 1 кг – 200 монет». «Мозги кетреййи, 1 кг – 5000 монет». Покупатели возмущаются: мол, почему это мозги кетреййи такие дорогие? А им в ответ: вы представляете, сколько их забить пришлось, чтобы килограмм наковырять?

– Сдристни, – сказал Бен. – Мы тут за дело перетираем, – и снова повернулся к Аддарекху. – Все-таки, не массой единой жив человек. В коре массы немного, а там, в извилинах, вся логика.

– О! – Вилис вспомнил еще один анекдот. – Привезли в анатомичку труп строителя-кетрейи, производят вскрытие. Достали мозг, студенты ахают: да там же всего одна извилина! А профессор им: это не извилина, это вмятина от каски.

Аддарекх не засмеялся, а кивнул:

– Примерно так.

– Да ладно, – не поверил Бен. – Почему они тогда так много знают и умеют? Ну, в смысле, для своих мозгов много?

– Потому что мы очень хорошо умеем учить, – ответил шитанн со сдержанной гордостью.

– Так научи, – попросил Бен.

– Не вопрос, научу, раз так хочешь. Только время надо выбрать, чтоб ты на службу не отвлекался.

– А сколько времени потребуется?

– Тебе-то? – Аддарекх окинул его оценивающим взглядом. – С твоими мозгами – дней пять.

Бен присвистнул. Он рассчитывал на стандартный ответ: год, или там полгода... Пять дней! Похоже, шитанн и впрямь хорошо умеют учить.

– А мне? – встрял Вилис.

– А тебе, колючка ты такая – месяц, – ехидно бросил Аддарекх. – И то акцент останется.

Вилис, оскорбленный в лучших чувствах, наконец убрался – но недалеко, подсел за столик к Винку Траггу и Зигленку Арранцу, дабы осчастливить и их анекдотом-другим, пока не забыл. Вилис в последнее время полюбил общаться с шитанн. Здоровенному улыбочивому блондину вампиры подсознательно доверяли, а когда становилось ясно, что язык у него, как рашпиль, было поздно. Почему он не огребал в лоб – загадка. Может, слишком напоминал кетрейи, и у шитанн рука не поднималась? Последняя теория, которой он вчера грузил вампиров – это якобы общее происхождение слов «шитанн» и «shit». Бен на их месте врезал бы.

– Зачем тебе учить язык? – спросил Аддарекх. – Собрался все-таки в Рай?

Тот кивнул.

– Да. Я хочу поехать за моей Эйззой. Только я не знаю, как туда попасть.

Аддарекх грустно засмеялся.

– Я вот тоже не знаю! Но когда-нибудь мы, наверное, вернемся домой. Езжай со мной, я тебе помогу, чем смогу.

Вокруг стояла ночь, но темно не было. Фонари – желтые, белые и голубые; прожектора на площади, светящаяся реклама на стенах зданий, подсветка сквериков. Падал пушистый снег, но не было и холодно. Кто-то проследил, чтобы Эйзза тепло оделась, надела шапку, застегнула как следует куртку – гражданскую, женскую, расшитую блестящими бу-

синами. Наверное, хирра Айцтрана. Айцтрана куда-то ее вела, крепко и надежно держа за руку. Высокий кетрейи из Селдхреди нес ее большую сумку и поддерживал под локоть на ступеньках и порожках. Айцтрана что-то говорила – что-то успокаивающее, – а потом вдруг, на середине фразы, сама начинала плакать. Эйзза не хотела слушать, потому что тот момент, когда она срывалась на слезы, был ужасен. Девушка машинально переставляла ноги, воспринимая действительность не то как кино, не то как сон, не зная, куда идет. Хирра Айцтрана знает. Хирра Айцтрана все уладит. Наверное. Если бы Эйзза могла поверить в это полностью, она была бы спокойна и счастлива. Но она была умной девушкой, а потому очень несчастной. Она чувствовала, что изящная красавица шитанн, украдкой вытирающая слезы, так же беспомощна перед реальностью, как и она.

Этот уголок планеты казался нездоровым, неестественным. Мерзкая слякоть под ботинками: снег, перемешанный с черным пеплом и желтой серой, отвратительный, словно содержимое сортира. И пахло здесь так же гадко, чем-то протухшим и одновременно острым, будто несвежий кесальский перец. Дохлые деревца черными раскоряками торчали из грязи, норовя подставить подножку. А на небо было вообще тошно смотреть. Мячик солнца ошалело носился низкими кругами по закопченному своду, не заходя за горные пики, напоминающие нарывы с изливающимся гноем. Про-

тивное место. В самый раз для погрязших во грехе колдунов. И совершенно неподходящее для адмирала космических сил Гъде, прославленного Ена Пирана.

Улыбка славы погасла, неудача следовала за неудачей, потеря за потерей. Ен Пиран в точности знал, когда началось его невезение и кто в нем виноват. Трижды проклятый линкор «Райская молния» и его капитан, чтоб греховоднику в дерьме потонуть! Сперва он просто сделал неполной победу адмирала над райской эскадрой, ускользнул от его орудий. Потом он привез на Землю погрязшего во грехе посланника кровососов, и из-за него все пошло кувырком. Земля с Раем заключили союз против Гъде, да так хитро, что король Имит обвинил в этом его, Ена Пирана! Адмирал поклялся разделаться с «Молнией». План был тщательно продуман, одинокий линкор никак не мог выстоять против шести эсминцев. Но «Молния» ушла. Ушла, взорвав два гъдеанских корабля!

До сих пор адмирал сражался за Гъде. Враг был для него абстрактным, обобщенным понятием. На кого укажет король Имит, с тем он и воевал. Но теперь у него появился личный смертельный враг. Мрланк Селдхреди, раздери его наполам, многогрешного уroda! И для того, чтобы раздавить этого врага, хороши любые средства. Даже те, что являются грехом против высшего промысла и закона.

Из-за проклятого Мрланка Селдхреди адмирала и занесло в эту смердящую тухлятиной дыру. Не будь этого греховодника, и нога бы его здесь не стояла! Из-за Мрланка Селдхре-

ди адмирал потратил массу времени и денег, чтобы разузнать про обиталище колдуна и добраться туда. Из-за дерьмового негодяя он собирался взять на душу несмыываемый грех. Ибо общение с мерзкими колдунами есть грех само по себе, но принести им жертву – сие грех, который не искупить. И все же он шел на это, шел в здравом уме и твердой памяти. Шел, потому что иного способа погубить скользкого и опасного, как медуза, Мрланка Селдхреди он более не видел.

Закопченные камни повисли над головой, и он понял, что перед ним пещера. Та самая? Он сошел с грязной тропинки – под ногами булькнуло – и ступил на плоский валун. Своды пещеры сужались в глубину, и под ними сгущался мрак, несмотря на непрерывный день, длящийся здесь месяцами.

– Есть тут кто? – спросил он. Адмиральский голос, зычный и командный, прозвучал здесь как-то противоестественно робко.

Когда на плечо ему легла холодная рука, он чуть не подпрыгнул.

Почему-то он считал, что колдуном будет жуткий старик. Ничего подобного. Греховодник был юношей, почти подростком, и от этого становилось еще страшнее. Мрак в юных глазах, нежная кожа на костлявых руках. Ен Пиран был в теплой куртке, плотных брюках и респираторе, колдун же – полностью обнажен. Босые ноги стояли в каше из снега с грязью, но почему-то не мерзли и не пачкались.

– Новая жертва, – скрипуче молвил колдун, не поздоро-

вавшись, и констатировал: – Это хорошо.

Подвинув Ена Пирана плечом, юноша вошел внутрь пещеры, на полпути остановился и обернулся:

– Идешь?

Адмирал сглотнул.

– Там совсем темно.

Колдун коротко хохотнул, и в его уродливой ладони появился сгусток света.

– Угу, – кивнул адмирал и предупредил: – Только жертва – не я.

– Мне все равно, – безразлично ответил колдун. – Либо ты назовешь мне жертву, либо станешь ей сам – я в любом случае порадуюсь.

Это непритворное равнодушие напугало Ена Пирана еще больше. Да что такое, подбодрил он себя. Я же не какой-нибудь жалкий прожигатель жизни, никогда не покидавший дворцовых покоев. Я – адмирал, герой космических битв!.. Не помогло. Было такое впечатление, что все это здесь не считается. Колдуну без разницы, кого взять в жертву – отпетого мерзавца или всепланетного героя, жалкого лизоблюда или отважного воина.

Сгусток света плохо разгонял черноту, но позволял видеть силуэт колдуна. Ен Пиран топал за ним по пещерным коридорам, словно привязанный, и гадал, выберется ли обратно.

Узкие стены расступились, что-то заблестело внизу. Колдун сел у поблескивающего диска, и Ен Пиран сообразил,

что никакой это не диск, а водная поверхность. Озеро – не озеро, а лужица шириной метра полтора; в принципе, нормально для пятиметровой пещеры.

– Называй имя, – скрипнул колдун.

– Мрланк Селдхреди, – произнес Ен Пиран. Слова прозвучали гулко.

– Плюй туда, – колдун указал на озерцо. Отчего-то его голос не имел эха, оставался таким же сухим и скрипучим.

Ен Пиран старательно плюнул. Прошла минута, ничего не изменилось. Юноша тонко и противно захихикал.

– Что такое? – адмирал невольно отступил на шаг.

– Нет такого человека в мире живых, – сказал колдун, оборвав смех. – Либо ты его придумал, либо он мертвец.

– Я его не приду... Что? – адмирал не поверил своим ушам. – Мертвец? Он мертв?

– Его нет в мире живых, – повторил юноша.

Радость захлестнула адмирала. Ненавистный Мрланк мертв, и не нужно оказалось брать на себя грех!

– Чудесно, – проговорил он почти весело. – Тогда мне ничего от тебя не надо.

Юноша смерил его странным взглядом – так голодный солдат, придя в столовую, смотрит на еду.

– А мне – надо. Как твое имя?

– Е... – адмирал прикусил язык. Свое имя нельзя называть колдуну. Ни в коем случае!

– Говори, жертва.

Глаза колдуна приблизились, в них зажегся какой-то мрачный огонь, и Ен Пиран чуть не обмочился. Язык вопреки воле зашевелился, он понял, что едва не поддался гипнозу, закричал заплетающимся языком:

– Я не жертва! Нет, не я! Подожди, я дам тебе другую жертву!

Горящие глаза отпустили его.

– Называй имя, несостоявшаяся жертва.

Ен Пиран перевел дух. Не может быть, чтобы у него больше не было врагов. Конечно, есть. Этот земной грубиян, дерьмовый грешник, напавший на его флагман у Нлакиса, разметавший его эскадру!

– Йозеф Грже-ль-чик, – проговорил он внятно.

– Плюй.

Плевков упал в воду, и гладь заколебалась. По озерцу пошли волны цвета, несколько секунд – и в нем, словно в глубине экрана, возникло изображение светловолосого мужчины со здоровым румянцем на щеках и глазами цвета стали.

– Хорошая жертва, – скрипнул колдун. – Чего ты хочешь для него?

– Пусть... Пусть его одолеют неприятности в семье и на работе! Пусть на него посыплются хвори и напасти!

– Понятно, – равнодушно уронил юноша. – Стандартный набор. Уходи, несостоявшаяся жертва. Одна жертва – хорошо, а две – еще лучше.

У Ена Пирана душа ушла в пятки.

– Покажи мне дорогу наружу!

Колдун гадко засмеялся.

– Ты не захватил спутниковый навигатор? Как неосмотрительно!

Аддарекх зашевелился, когда что-то пощекотало его нос. Еще раз, и еще. Он открыл глаза и увидел смеющуюся физиономию Клары. Когда она смеется, то еще красивее, чем когда злится.

– Как спалось?

– Прекрасно, – искренне ответил он. – Хочу еще.

– Я не могу сидеть с тобой целыми сутками, – строго сказала фрау Золинген. Улыбка исчезла, а жаль. – Вот, – она поставила на столик рядом с кушеткой стакан с умопомрачительно красной жидкостью. – Пей и выметайся.

Раньше она говорила: выметайся и пей, где хочешь. Теперь привыкла. Смирилась: вампира не переделаешь, он же не виноват, что таким родился. Пусть лучше пьет в медбложке, чем где-нибудь под лестницей, прячась от людей.

Клара чувствовала вину перед Аддарекхом. Почему-то ее удивило, что вампир может страдать. А еще медик! Что здесь удивительного? Высокоразвитая нервная система, плотность рецепторов – еще больше, чем у землян, головной мозг почти такой же. Нет, она даже понимала, что они испытывают физическую боль, как и физическое удовольствие. Но в душевную боль не верила. Это же вампиры! Кровососущие

монстры. Есть ли у них вообще душа?

А оказалось, есть. И теперь она сама мучилась оттого, что считала его симулянтom, гнала из медблока, отказывала в помощи. Он ее ни в чем не упрекал, но она сама себя корила. Клара поняла о себе ужасное: она нарушила клятву Гиппократa. Невольно, неосознанно. Она ведь не думала, что он действительно страдает.

Аддарекх сел на кушетке, подогнув под себя ногу – вот нескладеха, – откинул на спину длинный белый хвост волос. Волосы у вампира были хороши, земные мужчины редко такие отращивают. Почему белые? Она слышала, что у всех шитанн черные волосы. Поседели, сказал он, и ей снова стало неудобно. Мужик-то не старый, значит, поседел от переживаний. Есть у него душа, есть.

Убрав мешающие волосы, Аддарекх взял стакан, с наслаждением вдохнул аромат, пригубил.

– Третья, резус положительный.

– Точно, – отозвалась докторша.

– Первая вкуснее, – намекнул вампир.

– Обойдешься, – проворчала Клара. – Она самая ценная.

Скажи спасибо, что тебе вообще человеческую кровь дают.

– Спасибо, фрау Золинген, – и не смущается, паразит. –

Вы очень добры. А у вас какая группа, фрау Золинген?

– Не твое дело!

Улыбнувшись, он отпил еще. Посетовал:

– Жаль, холодная.

– Могу в микроволновке погреть, – предложила она.

Он покачал головой.

– Лучше уж холодная, чем после микроволновки.

Теплая была бы еще лучше. Свежая, прямо из вены, из этой точеной шейки, обрамленной потрясающими огненными волосами. Он мог бы поспорить, что у нее первая группа. Но зеленые глаза неумолимы. А смотреть в них – одно удовольствие.

– Выпил? Иди уже, Аддарекх. Нечего меня разглядывать, я не картина в музее. Сегодня ночью не приходи: не мое дежурство.

Прошлой ночью тоже было не ее дежурство, и Аддарекх побоялся засыпать один, не держась ни за чью руку. Так и промыкался всю ночь без сна.

– А можно я к вам в каюту приду?

– Еще чего! – она возмущенно фыркнула. – Совсем сду-рел, вампир шарахнутый?

Зеленый свет лился с небес, обтекая облака, похожие на хирургическую вату – пушистые, белоснежные. Надо бы заняться фотографией, подумал Захар. Такая красота не должна пропадать зря. Ей следует радовать глаз и годы спустя, в том числе тем, кто никогда не ступит на эту планету.

На три вещи можно смотреть бесконечно: на огонь, воду и чужую работу. Захар любовался зеленым солнцем и белыми облаками, и ему не надоедало. А внизу, под этим нереальным

небом, завершая комплект, ползали в разрезе погрузчики, жужжали компрессоры, стучали отбойные молотки. Милая сердцу картина. Подъехал погрузчик с водителем в меховом комбинезоне и дыхательной маске, ссыпал из ковша в бункер розовые глыбы, поднимая пыль. Мелкие камушки сыпались мимо. Траинит под ногами заворачивал Захара. Хотелось поднять, обтереть, бросить в бункер – нет, аккуратно положить туда... Рефлекторное желание, исполнять которое не имеет смысла. Мелочь годится лишь на украшения, по-настоящему ценны только большие глыбы, из которых можно выточить фокусирующий кристалл. Выточить, отшлифовать, отъюстировать... Изготовление фокусирующих модулей, с точки зрения Захара, походило на магию.

– Захар Маркович, за прошедшие двое суток сбежало пять человек. Двое мужчин и три женщины, – Ван Рийн, командир десанта с «Сайреса Смита», исполняющий обязанности начальника охраны, хмурился. Ему казалось, что это недоработка. – Давайте закроем периметр. А на ночь будем запирать гьдеан.

– Ну что вы, батенька, – промолвил Захар. – Зачем так напрягаться? Дополнительные посты, лишние хлопоты... Они хотят бежать? Таки пусть бегут, погоды не сделают. Вот куда они могут побежать, по-вашему?

– Ну... – озадачился Ван Рийн. Его светлая борода забавно торчала из-под дыхательной маски. Обычно те, кто работает в космосе, бреются: так удобнее.

В самом деле, иных гдеанских баз здесь не было. Ни форпостов, ни аварийных боксов даже. Зачем? Рудник существовал под защитой Ена Пирана, как у Бога за пазухой. Случись что, прикроют орбитальным огнем от внешнего врага или спустят челнок для эвакуации.

– А на вампирский рудник, – родил идею Ван Рийн. – Если взять запасные перекисные патроны, вполне можно добраться.

Захар покивал, провожая взглядом женщину с электронным органайзером, идущую от купола к разрезу. Инженер, наверное. Волосы выбиваются из-под шапки, поверх многочисленных юбок – меховая, внахлест. Комбинезон надеть не догадается: гдеанки никогда не ходят в брюках. Впрочем, оно и к лучшему. На что смотреть, когда женщина в толстом комбинезоне?

– Верно, Альфред, – согласился Захар. – Добраться можно. Ну, а там-то как?

– Что – как? У вампиров все под землей. Надежнее. Их оттуда хрен выковыряешь. Спрячутся у них – и все.

Захар хмыкнул. Десантник – хороший боец, но надо же и думать иногда.

– Вот рассудите сами. От чего они бегут? От нашего произвола.

– Да какой у нас произвол? – удивился Ван Рийн. – Мы разве кого-нибудь обижаем?

– И я о том же. У нас все строго, не забалуешь, требуем

старательной работы, подчинения – но не зверствуем. У нас нет к ним личных счетов. А у вампиров?

– У них есть?

– Где воюет с Шшерским Раем четыре года. Четыре года Ен Пиран пытался выдавить отсюда райский рудник. Четыре года с этой самой базы организовывали набеги на вампиров. Как, по-вашему, вампиры встретят беглых гъдеан?

Ван Рийн понял.

– Убьют.

– Может, и не убьют, – Захар пожал плечами. – Убийство – напрасная трата биоматериала, Альфред. Женщины всегда пригодятся, а мужчины... у них кровь тоже красная. В любом случае они будут сильно жалеть, что сбежали от нас.

Ван Рийн поежился.

– Так, может, все-таки не выпускать их? Пускай тут сидят.

Захар иезуитски улыбнулся.

– Пусть каждый сам выбирает свою судьбу. У кого голова на плечах, тот сделает правильный выбор. А взбалмошные идиоты должны иметь возможность отсеяться в результате естественного отбора.

Аддарекху хотелось домой не меньше, чем любому из землян. Но их мечта была близка, а его...

«Ийон Тихий» шел к Земле. Шел с грузом нлакисского траинита. Крейсеру предстояло встать в доки. На профилактику, а заодно и на замену фокусирующих кристаллов. Это

надолго. Минуют недели, а может, и целый месяц, прежде чем крейсер поднимется и пойдет... хоть куда-нибудь. Не факт, что к Раю. Скорее всего, не туда.

– Ты что будешь в отпуске делать? – поинтересовался Бен Райт.

– В отпуске? – переспросил Аддарекх.

Предстоящее пребывание на Земле он не воспринимал как отпуск. Скорее как вынужденный простой. Потерянное время. Земляне разъедутся по домам, по родным и любимым, а куда деваться шитанн? Но самое плохое, что уедет Клара. Уедет в проклятый Лейпциг к своему проклятому мужу, будь он неладен.

Вчера за ужином Клара нашла Аддарекха в столовой.

– Я погорячилась, – сказала она. – Приходи, если хочешь.

И он пришел. Пришел, надеясь, что она позволит ему подержаться за ее ладонь, прежде чем уснуть, свернувшись в кресле. Но она решительно указала на постель:

– Все равно никто не поверит, что ты спал на коврик. Чего уж!

Аддарекх был совершенно счастлив. С головой захлестнут, ничего больше и не надо! Хотя и не вполне состоятелен: не прошли даром два месяца лишений. Клара держалась сперва напряженно, пыталась себя контролировать, потом плюнула и расслабилась. И заснула первой, положив голову ему на грудь. Огненные колечки щекотали его лицо и одуряюще пахли фруктовым шампунем, заставляя блажен-

но улыбаться. В этот раз ему не только не снились кошмары – снилось что-то хорошее, светлое, аж просыпаться не хотелось.

Утром она его чуть не убила.

– Чертов вампир! – плюха была увесистой, голову слегка мотнуло. – Ты что натворил, бессовестный урод? – в живот коленом.

– Что я сделал-то? – он поджал ноги, чтобы разъяренная докторша не засветила по самому ценному.

– Ты меня укусил, подонок!

– Но вы не возражали, – он поспешно увернулся от удара. Когда лупят подушкой, это ничего, руками – пусть, а вот туфля с окованной металлом шпилькой может здорово попортить организм.

– Я просто не заметила! – у нее было такое лицо, словно то ли вот-вот заплачет, то ли разорвет его на куски. – Ты усыпил мою бдительность и воспользовался! Проклятый мерзавец! Что мне теперь делать?

– Но укуса не видно, фрау Золинген, – он попытался успокоить ее. – Я специально не кусал в шею, чтобы никто не увидел и ничего не сказал.

– Да лучше бы в шею! – она ударила его еще раз и все-таки разревелась. – Как я мужу объясню?

Она присела на кровать и со слезами на глазах принялась тереть характерный след клыка в самом низу живота, будто надеясь, что он сотрется.

– Так и объясните, – Аддарекх считал, что лучше говорить правду. – Мол, шитанн укусил.

– Нормальный шитанн укусил бы в горло! – взвилась она и швырнула в него туфлей. – В руку, в ногу! В подмышку, в конце концов! Мало ли у человека мест, где вены близко подходят к коже? Обязательно надо было выбрать такое, куда не добраться, не сняв три слоя одежды? Он ведь спросит: как так вышло, что клыки этой сволочи оказались *там*?

– Скажите, что мы занимались оральным сексом, – он опять еле увернулся. – В этом же нет ничего предосудительного.

Туфля все-таки прошла профессиональную защиту десантника, и острая шпилька врезалась в макушку. Искры брызнули из глаз.

– Боже мой, – прошептала Клара, застыв с туфлей в руке и глядя на темную кровь, заливающую белые волосы. – Аддарекх, ты жив?

Есть один несомненный плюс в том, что тебя бьет доктор: полученные раны будут быстро и тщательно обработаны. Они еще немного поспорили из-за волос: Клара хотела выбрить кусок, чтобы прочнее держался пластырь, Аддарекх возражал, не желая портить клановую прическу, – но инцидент был в целом исчерпан. Пока она бинтовала ему голову, он узнал еще несколько подробностей о своей гадкой и подлой натуре, а также о том, что заниматься сексом с чужим мужчиной очень даже предосудительно, и неважно, шитанн

он или нет.

– Зачем тогда вы это сделали? – недоуменно спросил он.

– Не прикидывайся идиотом! – прикрикнула она и легонько пнула в спину, продолжая наматывать бинты.

Он предложил, если все так плохо и безвыходно, к мужу не ехать. И получил еще раз: мол, нечего лезть в ее семейную жизнь. Тогда он заткнулся и молча слушал, как она ругается своим чудесным голосом.

Райт первым делом спросил про голову, и Аддарекх, конечно, соврал. Навернулся в темноте, разбил башку, эка невидаль. Второй вопрос был про отпуск.

– Буду сидеть в космопорту, – ответил он, – и сосать горький корень, если ваш кэп денег не подкинет.

– Поехали ко мне, – предложил Райт.

Вилис уже приглашал его. Говорил, живет на море. Купайся, мол, сколько хочешь, загорай... Аддарекх заподозрил издевку. Вилиса кашей не корми, дай над кем-нибудь посмеяться. Даже темнокожему шитанн загорать под земным солнцем не стоит, Вилис не может не знать.

Райт, конечно, лучше Вилиса. С ним можно расслабиться, не ждать каждую секунду поддевки.

– А где ты живешь? – спросил он.

– Во Флориде. У меня мама и бабушка. Тебе у нас понравится. Море, солнце... ох, извини.

Хорошо, хоть извинился.

Аддарекх поехал бы в Лейпциг. Не будь там проклятого

мужа, не желающего понимать, что оральный секс – прекрасное изобретение человечества, к тому же совершенно безобидное.

На восходе солнце казалось желтым. Огромный диск – вдвое больше, чем на Земле – поднимался из-за горизонта в волнах расплавленного золота. Одна за другой гасли звезды, словно кто-то последовательно поворачивал выключатели. Гасли резкие лучи прожекторов, освещавшие карьер.

– Вездеход, Захар Маркович, – доложил Ван Рийн.

– Что – вездеход? – Захар повернул голову от окна с чарующим пейзажем.

– К нашему периметру приближается гусеничный вездеход. Двигатель внутреннего сгорания.

– Внутреннего сгорания? – изумился Захар. С тех пор как на Земле кончилась нефть, такие двигатели были редкостью. – Где они топливо берут? А воздух? Ведь в здешнем воздухе нет кислорода!

Ван Рийн подошел к компьютеру, дал на монитор изображение с экрана внешнего обзора. Действительно, по мертвому оранжевому бездорожью ползла блестящая в лучах солнца точка.

– Откуда вы знаете, что там двигатель внутреннего сгорания, Альфред?

Десантник улыбнулся.

– У меня дед моторист, отец моторист... Я с детства этих

двигателей знаете, сколько навидался? По звуку узнаю. Шестицилиндровый, кстати.

– Вездеход вооружен? – Захар задал более практичный вопрос.

– Конструкция не несет ни вооружения, ни брони. Просто транспорт. Похоже, оптимальный для здешнего рельефа и климата. Но у людей, что в нем, может быть оружие.

Захар следил за растущим пятнышком на экране. Шшерцы, больше некому. Он намеренно не трогал шшерцев. В первом заявлении о Нлакисе координатор Земли обращалась равно и к Гъде, и к Шшерскому Раю с требованием покинуть Нлакис или заплатить. Но потом кое-что изменилось. С Гъде началась война, а с Раем был подписан договор о взаимопомощи.

– Встретьте их на КПП, – распорядился Захар. – На территорию с оружием не пускать. Но действуйте вежливо, ни к чему не принуждайте. Не захотят разоружаться – пусть едут восвояси или торчат за оградой, они свободны в своем выборе.

– Не много ли воли вампирам? – усмехнулся Ван Рийн. – Это *наша* планета.

– Верно, – покладисто согласился Захар. – Но раньше она была их планетой. Их, а не гъдеан, кто бы что ни думал. И мы отнесемся к ним с уважением и терпением, какие сможем себе позволить.

Визитеров с райского рудника доставили в его кабинет че-

рез полчаса. Трое мужчин, одна женщина. Захар пробежался по лицам мужчин, ища главного, и запнулся. Три широкоплечих блондина с причудливыми прическами, не обезображенные интеллектом. Судя по всему, охрана. Главной была женщина, прижимающая к груди бордовую папку на молнии.

Захар поклонился даме и отрекомендовался:

– Захар Маркович Зальцштадтер, кризисный управляющий группы компаний «Экзокристалл» с Земли.

Женщина положила папку на стол, сняла шапку, поправила пару шпилек, вылезших из примятого пучка черных волос.

– Ортленна Лис, заместитель директора нлакисского филиала Объединенной горной компании Шшерского Рая.

Она расстегнула куртку, которую тут же подхватил один из блондинов кетрейи. Развязала скрепленную на бедре длинную меховую юбку вроде гьедеанских, но без нахлеста и с разрезом на втором бедре. Захар наблюдал с интересом, гадая, последует ли дальнейшее разоблачение. Не последовало. Ортленна Лис осталась в высоких теплых сапогах, черных шерстяных бриджах и светло-красной обтягивающей трикотажной кофте с длинными рукавами, поверх нее – чисто декоративный долгополый жилет с единственной завязкой на талии, который мог поспорить белизной с бледным, будто фарфоровым лицом. Сумеречница. Лет тридцать, а может, сорок.

– Присаживайтесь, – он любезно указал ей на кресло.

Ортленна вновь схватила свою папку, прижала к себе и села так, словно это был электрический стул: напряженная, с прямой спиной и тревогой в глазах. Худенькая и белая, точно неживая. Кетрейи остались стоять.

– Разрешите предложить вам горячего чаю? – он дождался короткого кивка. – И вашим людям, госпожа Ортленна? Может быть, им будет удобнее подождать в приемной? Там есть кресла и видеопроигрыватель.

– Нет, – она вздрогнула. – Пусть останутся здесь.

– Как вам угодно, госпожа Ортленна.

Гъдеанка, взятая им в горничные, бывшая секретарша Кана Телевера, тихая, как мышь, подала чай. Захар подождал, пока Ортленна придет в себя. Мысленно покачал головой: чай согрел ее физически, но зажатость не ушла.

– Госпожа Ортленна, мне приятно ваше общество как таковое, но, может быть, вы расскажете, по какому вопросу приехали?

Она отдернула руку от чашки, к которой в очередной раз потянулась, судорожно нашарила свою папку.

– Да... конечно. Мы сдаем вам рудник и весь добытый траинит. Добровольно. Вот, – она положила папку на стол и подвинула к Захару, – это документация.

Захар достал из папки скрепленные бумаги, полистал.

– К сожалению, я не читаю на шитанн, госпожа Ортленна.

– Я переведу на хантский все, что вы пожелаете.

– Вот как... Ну, а зачем вы хотите сдать рудник?

– Чтобы вам не пришлось проливать кровь. Ни вашу, ни нашу. Мы мирные люди. Заберите все и отпустите нас домой.

Прозвучало это почти жалобно. Домой... Захар отчасти понимал чувства этих людей. Они не были дома четыре года. Вроде и не в ссылке, и не на каторге, а как-то так получается... Но именно в этом он не мог им помочь.

– Домой, – повторил он. – Блокада Нлакиса снята, вас здесь никто не держит. Вы в любой момент можете вызвать корабль. Правда, не факт, что он быстро прилетит. ГС-флота у Шшерского Рая почитай что и нет. Субсветового корабля ждать еще дольше. Принципиальных преград к вашему возвращению домой я не вижу, но вам придется запастись терпением.

Ортленна опустила глаза. Стала заметна морщинка на лбу. Скорее сорок, чем тридцать. Хотя тяжкая жизнь могла состарить раньше.

– Я все же не понимаю, госпожа Ортленна, зачем вы сдаете рудник.

– Но вы ведь требовали этого от гъдеан! – она вскинула голову, он аж залюбовался профилем. Нет, все-таки тридцать. – Вы наказали их за то, что они не сделали этого сразу. Ваши солдаты убивали тех, кто стоял у них на пути, насиловали женщин, грабили всех подряд!

Захар слегка улыбнулся.

– Сбежавшие глупцы добрались-таки до вашего рудника. У страха глаза велики, госпожа Ортленна. Они немного сгу-

стили краски. Кстати, можно узнать, что сейчас с этими беглецами?

– Мы привезли их. В знак наших добрых намерений. Они сейчас в машине, голые и связанные.

Он рассмеялся.

– Видите, вы оказались суровее к ним, чем мы! И вы еще нас боитесь?

– Их почти не били. Почти. Мне... было трудно удерживать людей, – призналась она, ломая пальцы. – Мы насмотрелись на то, как Ен Пиран поступал с нашими пленными. Но они почти целы. Вы можете их забрать.

– На что они нам? – небрежно отмахнулся Захар. – Нормальных работников из беглецов не получится. Увезите их обратно, и пусть ваши люди отведут душу.

Ортленна передернулась.

– Вы очень жестокий человек, господин Зальцштадтер.

– Да, – просто кивнул он. – Работа такая.

– Вы сделаете нам поблажку, господин Зальцштадтер? Мы пришли к вам сами. Я... – ее голос дрогнул, – я пришла сама.

– Ваш директор – мужчина, – понимающе проговорил Захар. Послал вместо себя женщину. Трус. Нет, разумный человек: надавить на жалость, соблазнить – мужчина не справится. А все равно трус.

– У нас нет директора, – сказала она. – Беррейн Шшер покончил с собой. Он не выдержал...

Трус и слабак. Отправился отдыхать и взвалил все на жен-

щину. Теперь она тащит воз вместо него. Она не покончит с собой. Была бы девочкой – может, да. Но матери не трусят. Не скидывают ответственность со своих плеч.

– У нас здесь было такое... – она вцепилась в чашку – видно, чтобы не переломать себе пальцы окончательно. – Ен Пиран... Он сказал, что будет убивать наших, пока мы не уберемся с Нлакиса. Мы хотели убраться! – она говорила то-ропливым шепотом, боясь остановиться: остановится – заплачет. – Мы попытались угнать корабль у гьдеан, но нас разбили наголову. Ен Пиран сказал, что мы обнаглели. Что за нашу наглость будут платить другие. Он...

– Я видел это, – прервал ее Захар, понимая, что истерика где-то близко. – Не нужно.

– Наш директор не смог с этим жить. Он не знал, что делать.

– А вы смогли, – он аккуратно вынул чашку из ее ледяных рук и, обхватив их ладонями, подышал теплым. – Я уважаю сильных. Вы хорошо себя чувствуете? У вас руки холодные.

Она негромко засмеялась, пряча слезы:

– Я же шитанн!

– Ну да, – Захар улыбнулся. – Я и забыл.

Он отошел подлить горячего чая.

– Между вами, шитанн, и гьдеанами есть небольшая разница, госпожа Ортленна.

Она печально кивнула:

– Мы – ваши вечные враги, да? Я знала, что это бессмыс-

ленно. Вы не примете нашу сдачу. Вы будете убивать. Пощадите хотя бы кетрейи, дайте им вернуться домой.

Захар покачал головой. О чем она думает? Что за кошмар она держит в себе? И впрямь впору удивляться, как она с этим жива до сих пор.

– Да, вы наши извечные враги, госпожа Ортленна. Привычные и родные. Герои анекдотов и сказок. Вы – наши враги, но мы с вами не воюем. Мы воюем с Гьде.

Она подняла на него изумленные глаза. Не знает?

– Вы вообще в курсе, что творится в мире?

– У нас проблемы со связью. Последняя бомбардировка повредила несколько антенн.

– Пейте чай, госпожа Ортленна, – он пододвинул ей свежую заварку. – Сахар вон возьмите. Пейте и слушайте. Ту видеозапись, что сломила вашего директора, поймал наш крейсер. Не прошло и нескольких часов, как гьдеанский флагман был уничтожен, а затем два других эсминца. Вы же не думаете, что эскадра Ена Пирана по доброй воле покинула сектор Нлакиса? Они просто удрали, когда на подмогу крейсеру пришли еще четыре корабля. Одним из условий окончания войны наш координатор назвала смерть Ена Пирана. Только одним из них, не считая возмещения издержек и морального ущерба Земле и Раю.

– И Раю? – лицо Ортленны слегка ожило.

– Так было объявлено. Вы – наши союзники в этой войне. Враги нашего врага. Между Землей и Раем подписан дого-

вор. Поэтому – да, я не приму вашу сдачу.

Он подошел к окну, стал вполоборота, любуясь одновременно зелеными солнечными бликами и враз похорошевшей Ортленной. Может, ей и тридцати нет.

– Нлакис теперь под юрисдикцией Земли, это так. Однако мы не собираемся гнать отсюда прежних хозяев. Тех, кто самонадеянно и безосновательно полагал себя таковыми – да. Они заплатят и по законам бизнеса, и по законам войны. Но ваш рудник принадлежит вам, как и раньше. Можете вывезти весь траинит, добытый вами прежде, когда Нлакис был территорией Рая. Вы можете также продолжить добычу, а о налоге на землепользование мы поговорим отдельно. Когда вы успокоитесь и решите проблемы, которые считаете первоочередными.

Захар шагнул к столу мимо растерявшейся Ортленной, замершей с чашкой в руке, и, достав с полки замаскированную папками бутылку, набулькал ей в чай:

– Это поможет.

Мрланк вошел в рубку, слегка покачиваясь от тяжести, но с гордо поднятой головой. В рубке находилось несколько человек, отнесшихся к его появлению скорее отрицательно, но это его не смутило. Игнорируя взгляды, он подошел к тому, кого считал главным, положил к его ногам добычу и победно мявкнул.

Йозеф огорченно сморщился.

– Вот блин! И не знал, что у меня на корабле такое водится.

Перед ним лежала, задрав кверху безвольные лапки, толстая мышь. Дохлая. Умершая явно не своей смертью, в этом он разобрался.

– Молодец, – сказал он Мрланку и почесал котенку ухо, стоящее торчком. От второго остался лоскуток. – Жрать ее будешь?

Мрланк согласно наклонил голову и, ухватив добычу за тонкий хвост, поволок ее из рубки. Он уже усвоил, что поедание убитых тварей в присутствии двуногих богов расстраивает последних. Оптимальная тактика: продемонстрировать им жертву, получить одобрение и сожрать ее где-нибудь в укромном уголке.

Не то чтобы его не кормили. Отходы на кухне всегда имелись, а пилоты периодически баловали любимца то молоком, то колбаской. Но Мрланк, родившийся на улице, считал, что еды много не бывает. Однажды двуногие устроили эксперимент: сколько сосисок он способен съесть. В итоге все остались без сосисок, а котенок не мог встать: лапки оказались короче, чем раздувшееся пузо, и он потешно балансировал на нем, как эквилибрист на шаре.

А еще Мрланк был ревнивым собственником. Летающая обитель двуногих богов являлась его территорией, и никакой иной твари он не намеревался позволять тут разгуливать. Будь то муха, таракан, мышь или даже собака. Он, правда,

не совсем представлял, как справился бы с большим псом, но решимости постоять за свое это не убавляло. К счастью, собак на «Ийоне» не было. Собака не слишком подходит для проживания на корабле: где ее выгуливать-то? К тому же за время супружеской жизни капитан Гржельчик приобрел к обожаемому Мартой «собаченькам» стойкую антипатию.

Мрланк устроился под трапом между первой и второй палубами и принялся неторопливо потрошить нарушителя границ. То, что в это время обитель богов несется в пространстве быстрее любого, даже самого шустрого кота, его не волновало. Занимали его исключительно практические вопросы, а не общефилософские.

– Давайте поговорим о налогах, – предложила Ортленна.

– Лучше на трезвую голову, – отшутился Захар.

– Но я трезвая! – заявила женщина, блестя красноватыми глазами. – Я пила только чай!

Захар решил умолчать о том, сколько в том чае коньяка. Шитанн полагают, что употреблять спиртное дурно. Пусть думает, будто пила чай с неким лекарством. Как бы то ни было, коньяк пошел ей на пользу: на оживившемся лице нет-нет и появлялась улыбка, мышцы спины расслабились – а то словно жердину проглотила. Ортленна оказалась красивой, и до тридцати ей еще жить да жить.

– Расскажите лучше о вашем вездеходе, – переменял тему Захар. – Что там за двигатель?

– О, это двигатель внутреннего сгорания, – она отхлебнула еще чаю. – Самый обычный.

– Что же в нем горит? – Захара мучило любопытство.

– Воздух, – она засмеялась. – Азотно-метановая смесь засасывается через карбюратор. А окислитель – жидкий кислород. Баллон мы возим с собой.

– Ну и ну, – Захар восхищенно покачал головой. – У вас случайно нет лишних таких машин?

– Нет, – она слегка приуныла. – Их было много, но почти все погибли при бомбардировках. Эти вездеходы разрабатывались специально для Нлакиса. Мы ведь уже более шестнадцати лет как начали задумываться о его колонизации. Если вы хотите, мы закажем на вашу долю. Но у нас нет связи с Раем, Захар. Вы позволите нам воспользоваться вашим квадевайсом?

– Разумеется, – кивнул он. – Связывайтесь, с кем хотите. Я буду очень рад, если у нас появится три-пять таких машинок. Когда вы сделаете заказ?

– О, хоть сегодня. Но я не знаю, когда мы его получим, – улыбка сделалась грустной. – Есть ли у нас хоть один корабль на ходу? И когда он сможет подойти?

– Н-да, – задумчиво повторил Захар. – Когда сможет подойти.

Как бы не еще через шестнадцать лет.

Капитан вызвал Аддарекха сразу после посадки в Байк-

паркинге. Он явился в рубку, отсалютовал – не по полной форме, все же Гржельчик был не совсем его командиром. У пульта отдыхали Камалетдинов и Бабаев. Гржельчик сидел поодаль и, морщась, щупал голову, словно она у него болела. Мрланк Селдхреди, крутящийся вокруг пилотов, завидев Аддарекха, шмыгнул к нему и потерялся о ноги. Своего чует. Он приветливо усмехнулся котенку с райским именем.

– Что у вас с головой, младший командир Аддарекх? – осведомился Гржельчик.

Проклятая повязка!

– Ничего, капитан, – ему хотелось вернуть вопрос: «А у вас?» – но это было бы нарушением субординации. – Стукнулся неаккуратно. Бывает.

– Бывает, – согласился капитан «Ийона». – Младший командир Аддарекх, насчет вас пришло распоряжение командования, – Аддарекх подобрался; он надеялся, что это не распоряжение считать его пленником. – Вам и вашим людям придется задержаться в Байк-паркинге. Командующий хочет, чтобы вы занялись с группой десантников с крейсера «Максим Каммерер». Это займет неделю. Потом вы отправитесь в Ебург и будете инструктировать курсантов, пока мы не закончим с переоборудованием и регламентными работами.

Вот и отпуск.

– Мы вернемся на «Ийон Тихий»? – спросил Аддарекх.

– Думаю, да. Если раньше не представится okazji, чтобы

отправить вас на родину. Я бы на вашем месте не раскатывал губу: скорее всего, не представится.

«Раскатывал губу»? Смешно.

– Капитан Гржельчик, одна маленькая проблема, – напомнил Аддарекх, – которая возникнет, как только мы покинем борт. У нас нет ни денег, ни документов.

– С деньгами вопрос решен, – он махнул рукой. – Вы получите, как инструкторы боя, за все время на «Ийоне» и далее. Насчет документов надо обратиться в консульство Содружества Планет. Вам выдадут временные удостоверения личности – такие же, как всем инопланетянам, прибывающим на Землю.

– Спасибо, капитан, – наклонил голову Аддарекх.

– Да на здоровье, – он поморщился и потер виски.

В Эфлуттраге мело. Снег задувал с сумеречной стороны, проносился сквозь город вихрем, не успевая таять. Горбушка солнца исчезла за снежной стеной, размывшись в аморфное багровое зарево. Неприятная погода. Криййхан Винт поймал себя на том, что уже мало какую погоду считает приятной. Капризы атмосферы отдавались ломотой в суставах, ноющей болью в висках. Лечиться бесполезно: это возраст. Никто не вечен; неминуемо настает пора уступать дорогу молодым. Но он не желал оставаться в памяти народа координатором, ввергнувшим Рай в войну, которую не смог закончить. Сперва он разберется с войной, а уж потом покинет

свой пост со всем достоинством, которое удастся к тому времени сохранить.

Надежды на благополучное окончание войны в последнее время появились, и благодарить за это следовало Ртхинна Фййка, теперь, к неудовольствию помощницы координатора Аххьеши Кенцца, неоспоримого его преемника. Ртхинн выполнил свою задачу, и земляне вступили в войну на стороне Рая. Обретение союзника не могло не радовать, но помощь *такого* союзника одновременно вызывала серьезные опасения. Это как химиотерапия в лечении рака: болезнь отступит, однако организм получит такой удар, что может не оправиться до конца. Криййхан тревожился, как бы лекарство не оказалось хуже недуга. Крест на знаменах Земли, уже тысячелетие служивший для шшерцев символом зла, насилия и смерти, пугал его. Почему земляне выбрали для войны именно этот флаг из десятков своих штандартов? То ли войны с инопланетянами – вообще специализация христианской церкви? То ли это намек союзникам, чтобы поостереглись нарушать свои обязательства: мол, вновь разжечь костры и сколотить распятия ничего не стоит?

А нарушить обязательства, конечно, хотелось. Те обязательства, что взял Ртхинн от имени Рая в обмен на помощь землян, вызывали у координатора зубовный скрежет. Рай опутан долгами, и границ этим долгам не видно, утешение лишь в отсрочке: платить по счетам предстоит Ртхинну, когда он вступит в должность. Он, Криййхан, может пока спря-

тать голову под крыло и убеждать себя, что до тех пор не доживет, а раз так – это не его проблемы. Но закрыть глаза на Нлакис не получится.

Ртхинн отдал землянам Нлакис, и Криййхану до боли хотелось отвернуть ему за это башку и потоптать ее ногами. Война с Гьде велась в основном за Нлакис, нлакисские месторождения траинита были главным призом. Криййхан был готов на многое ради поддержки земного ГС-флота. Скрепя сердце он разрешил Ртхинну пообещать Земле половину планеты в качестве последнего козыря. Ртхинн отдал ее всю, отдал в самом начале переговоров. Хуже того – он выступил в СМИ с заявлением о добровольной и безусловной официальной передаче Нлакиса земной администрации. Он сделал это так, что назад не отыграть. Не обжаловать, не пересмотреть договор, не заменить другими уступками – в подписанном договоре про Нлакис вообще ни слова, это как бы нечто само собой разумеющееся. Ртхинн отдал его просто так и бесповоротно.

Выходки Ртхинна часто бесили Криййхана, но умом координатор понимал: его помощник и преемник не дурак и не предатель. Он делал все, что мог, и он добился поставленной цели. Не его вина в том, что его изящно обыграли и поимели. Это вина Криййхана: надо было ехать самому. Матерого уррха не обвести вокруг пальца. Он не отдал бы Нлакис. Но, скорее всего, ему не удалось бы заключить договор. Проклятая Салима – та еще самка олльехра. Союзница, сожрите ее

черви.

Потеря Нлакиса подкосила координатора Рая. Он очень рассчитывал на возобновление поставок траинита: два строящихся ГС-линкора ждали на верфи установки фокусирующих модулей. Что же делать теперь, когда Нлакис окончательно уплыл из рук? Покупать траинит у землян по взвинченным ценам? Еще больше влезать в долги, и без того норовящие накрыть с головой? А что сказать семьям тех, кто сейчас на руднике? Связь с рудником прервалась несколько дней назад. Что сделали с ними земляне? Ведь, с точки зрения землян, шшерцы крали *их* траинит. Как карают за кражу по их законам? Отрубают руку? Тысячу лет назад было так.

Замигал значок в углу ноутбука. Сообщение из Объединенной горной компании. Наверняка запрос о судьбе рабочих. И что им ответить, будь они неладны?

Крийхан неохотно открыл письмо. Нет, руководитель компании не спрашивал о рабочих. Он просто переслал ему другое сообщение, сопроводив его припиской:

«От заместителя директора нлакисского филиала пришел отчет и заказ. Сообщение передано с чужого ква-девайса».

Отчет и заказ. Крийхан удивленно покачал головой. Давненько с Нлакиса не присылали отчетов и заказов. Только бесконечные жалобы и просьбы о спасении. Сообщение заинтересовало его, и он открыл текст.

«Руководству Объединенной горной компании Шшерского Рая – от Ортленны Лис, замдиректора нлакисского фили-

ала.

В настоящий момент на складе филиала находится 5400 тонн родохромного траинита хорошего качества и 3800 тонн мелочи, готовых к отгрузке.

Темпы добычи сейчас снижены, поскольку контингент рудника понес большие потери в численности в результате орбитальных бомбардировок гьдеанской эскадры и столкновений с гарнизоном гьдеанской базы. На сегодняшний день штат рудника составляет 56 человек, из них 22 шитанн.

По согласованию с земной администрацией рудник будет продолжать добычу. Налоговые отчисления составят 21 процент. Траинит, находившийся на складе до передачи Нлакиса Земле, от налогов освобожден.

Прошу руководство компании организовать рейс ГС-корабля к Нлакису. Имеются гарантии безопасности от командования земных крейсеров на орбите Нлакиса.

Прошу прислать с кораблем полный состав сменной вахты, а также припасы, материалы и оборудование, перечисленные в приложении.

Прошу вывезти с рудника добытый траинит и 50 человек, нуждающихся в отпуске».

Крийхан потянулся к коммуникатору, набрал номер руководителя компании.

– Галхт Кршш? Сведения с Нлакиса верны?

Галхт на другом конце связи иронично хмыкнул. Крупный бизнесмен не ощущал перед координатором особенного

пиетета.

– Не вижу способа, которым мы могли бы это проверить.

– Кто такая Ортленна Лис?

– Женщина.

– Я понял, что не мужчина! – Криййхан начал сердиться. – Я даже догадываюсь, что она шитанн, а не кетрейи. Она действительно замдиректора филиала?

– Нет, хирра Криййхан. Всех заместителей я знаю наизусть. Но в списках работников филиала эта женщина присутствует. Она инженер.

– Главный инженер?

– Просто инженер, хирра Криййхан. По крайней мере, так было во время последнего сеанса связи. Обо всех изменениях в штате нам сообщали.

Старик задумался. Обман?

– Почему сообщение пришло с чужого ква-девайса?

– Вероятно, у них нет связи. Если вы посмотрите приложение, то увидите, что они заказывают новый ква-девайс и всякие антенны.

– Галхт, быстро подумайте и скажите мне. Мог ли простой инженер стать заместителем директора за считанные дни? Это вообще реально?

Галхт помолчал.

– Она пишет, их пятьдесят шесть. Несколько дней назад было около ста пятидесяти. Сотня человек долой – возможно, она осталась самой старшей.

– А директор? Почему к нам обращается едва оперившийся заместитель, а не директор?

– Может быть, он ранен. Или...

Или даже убит. Тогда понятно, почему пишет Ортленна и почему подписывается как зам. Сама себя она директором не назначит, это прерогатива руководства.

– Хирра Криййхан, судя по сообщению Ортленны, она кажется мне разумной женщиной. Она о чем-то договорилась с землянами: двадцать один процент, конечно, многовато, но ведь это ее дебют в роли замдиректора. Она готова отгрузить девять тысяч тонн траинита и продолжить добычу. По-моему, это прекрасно.

Это слишком прекрасно, чтобы быть правдой. Криййхан Винт не разделял скептицизма Галхта по поводу двадцати одного процента: земляне могли бы забрать все сто. То, что они уступают семьдесят девять, его смущало. Очень странное сообщение от женщины, только что бывшей инженером, а представляющейся замдиректора, переданное с чужого ква-девайса. Фальшивка? Но Криййхан не мог найти подвоха. Если это обман, то для чего? Допустим, он поверит. К Нлакису придет корабль, груженный всякой всячиной, со сменной вахтой на борту. И что? Земляне подстерегут его и заберут припасы себе? Примитив какой-то. Они же не пираты. Земляне и так получили бы все, чего бы ни попросили, без дурацких уловок – в счет проклятого долга.

Впрочем, он не обязан принимать решение немедленно.

Чтобы отправить к Нлакису корабль, прежде всего нужно иметь этот самый корабль на ходу. Два новых корабля не покинут верфь, пока не появится траинит. Кроме них, есть «Райская молния», фокусирующие кристаллы которой не пострадали. Но «Молнии» еще долго стоять в доках. Будь у Рая хотя бы десяток кораблей, Криййхан приказал бы не мучиться и пустить «Молнию» на лом. Она хорошо послужила, он это признавал, но существует предел, за которым проще похоронить, чем реанимировать. То же, в буквальном смысле, относилось и к ее капитану. Однако он вынужден был отдать приказ ремонтировать «Райскую молнию» – просто потому, что она одна. И вынужден был выплатить огромные деньги, причитающиеся кавалеру Золотого Солнца, Айцтране Селдхреди, которая теперь, не слушая никаких разумных доводов, бездарно тратила их на дорогостоящие аппараты, поддерживающие видимость жизни в ее фактически мертвом муже.

Что-то шевельнулось рядом, и Мрланк приоткрыл один глаз. Окна в комнате были завешены шторами от мелькания уличных огней, стояла темнота. Но глаза ночного существа привычны к тьме. Он видел столик, стул с небрежно брошенными на спинку брюками и рубашкой, мягкие сандалии на полу, миску с водой. Видел даже цветочный рисунок на простыне большой, двуспальной кровати, которую делил со спящим мужчиной.

Мужчина снова дернулся во сне, прошептал что-то, и Мрланк придвинулся ближе теплым телом. Заурчал успокаивающе, потерся пушистой шерсткой о покрытую испариной кожу. Человека одолевали невидимки, спасти от которых могло только тепло. Мрланк пощекотал усами скорчившееся в судороге тело, обхватил костлявую руку всеми четырьмя лапами, и мужчина затих. Расслабился, задышал ровно. Мрланк отвернул голову от человека и оскалился в темноту. Никакой невидимка не причинит ему вреда, пока он охраняет его сон.

Когда летающая обитель двуногих богов опустилась на землю, чтобы встать на ремонт, Мрланку пришлось покинуть свою территорию. Мастера сказали: никаких котов. Вскрытые трубы, торчащие провода под напряжением... Не дай Бог, котенок замкнет что-нибудь не вовремя. А того хуже, сдохнет от травмы в каком-нибудь дальнем углу, куда не доберешься, не разобрав полкрейсера. На «Ийоне Тихом» осталась лишь дежурная вахта.

Самый главный двуногий бог не взял Мрланка с собой. У меня собака дома, сказал он. Собаченька, мать ее – так и сказал. Но Мрланк и не хотел идти с ним. Что-то с главным было не так. Он не понимал, что, своим кошачьим разумением, но незримый свет вокруг главного как будто приугас. Мрланк почти не ощущал его, и это настораживало котенка.

Он мог выбирать. Молодой бог, который спас его, истекающего кровью, принес в своей хлопковой съёмной шкурке в летающую обитель, дал имя. Или тот большой, основатель-

ный, грубовато-добродушно зовущий его «кошаком» и подкармливающий обалденной колбасой. Или этот, из новых... Из всех двуногих они, появившиеся в обители недавно, стояли к Мрланку ближе всего. Они двигались, как кошки, видели в темноте, как кошки, точно так же прижимали к голове заостренные уши и обнажали клыки в момент опасности. Почти коты, и вместе с тем – люди. Непостижимо! Хищники, пьющие кровь. Может, и не боги. Промежуточная ступень между кошками и богами. Титаны?

Их было пятеро, а шестой – вожак. Он походил на старого уличного кота, которого долго мучили жестокие дети богов. Мрланк видел, как такое бывает, и сочувствовал ему, чудом вырвавшемуся из страшных рук и не вполне уверенному, что все миновало. Ему нужны были внимание и ласка. Мрланк думал, что его возьмет к себе рыжая самка, крикливая и не любящая кошачью шерсть, зато красивая на человеческий взгляд. Но рыжая уехала, а он остался один. И тогда Мрланк решил, что пойдет с ним. Другие боги без кота не пропадут, на то они и боги. А истерзанному титану до зарезу нужен кто-то живой, чтобы быть рядом и отгонять невидимок.

– Поедешь ко мне домой? – спросил молодой, садясь перед Мрланком на корточки.

Он мяукнул отрицательно и, подойдя к полубогу-полукооту, демонстративно положил лапу на его ботинок. Тот наклонился и почесал его за ухом.

– Предатель! – возмутился Футболист. – Нас на вампира

променял!

– Кошак кошака видит издалека, – проворчал Федот Федотыч. – Чё ты хочешь, одна же порода.

– Мрланк, иди сюда, не дури, – позвал Мюслик. – Он все равно не знает, чем тебя кормить.

Аддарекх погладил котенка.

– А правда, можно я его заберу?

– Горький корень тебе в рот, – ехидно заявил Камалетдинов. – Он не Кенцца, а Селдхреди.

– Ну, я же не навсегда. Временно. Как встретимся на «Ий-оне», так обратно отдам.

– Зачем он тебе, шитанн? – спросил Фархад. – У котенка много крови не выпьешь.

– Я и не собирался пить его кровь, – оскорбленно проговорил Аддарекх. – В чем вы еще меня заподозрите? Что я его трахну? Не знаю, как у вас, а мы так со зверушками не поступаем.

– Не обижайся, – примирительно сказал Фархад. – Просто пытаюсь понять, на что тебе котенок.

– А вам на что? Зачем его держите?

– Затем, что он классный, – объяснил Федотыч. – Мягкий, пушистый и теплый. И живой. Его можно тискать, можно с ним играть. И даже разговаривать, если больше не с кем.

– Вот и я так же хочу, – он взял котенка на руки. Тот вовсе не возражал, заговорщически шевельнул ухом, и Аддарекх повторил его движение.

Камалетдинов фыркнул.

– Только посмотри на них! Мы с тобой одной крови – ты и я. Долбаные Маугли!

– Ладно, вампир, – вздохнул Федотыч. – Черт с тобой, слушай, как его кормить. Уморишь кошака – на «Ийоне» лучше не появляйся, Ена Пирана будешь добрым словом поминать.

Обстоятельный бог мог бы и не рассказывать, чем кормить Мрланка. Котенок сам был в состоянии добыть еду и отличить съедобное от несъедобного. А если кошкочеловек оголодает, то Мрланк и о нем позаботится. Кто жил на улице, того плохой едой не напугать. А вот то, что он напомнил про лоток – это хорошо. Лоток с сухим шуршащим наполнителем очень нравился Мрланку. Его чувства были созвучны тому, что испытывает человек, сменивший деревянный сортир над выгребной ямой на теплый туалет с чистеньким сверкающим унитазом.

Так он и последовал за титаном с несуразным именем Ад-дарекх. И уже почти обжился в двухкомнатном номере гостиницы Байк-паркинга.

Лео Кон Тин занимал пост полномочного посла Содружества Планет на Гьеде. Почетная и ответственная должность, подразумевающая, что он является выразителем интересов пятидесяти восьми миров из пятидесяти девяти. Перед пятьдесят девятым, разумеется.

Однако любой человек рождается в конкретном мире.

Лео Кон Тин родился на Чфе Варе и был чфеварцем. Статный меднокожий мужчина среднего роста с блестящими черными глазами, носом с небольшой горбинкой и широкими, но не выпуклыми губами. Черные волосы, небрежно – как и подобает мужчине, не зацикленному на прическах – заплетенные в короткую косу, были изрядно тронуты сединой. Седина виднелась и в завитых усах, длиной соперничающих с волосами. Чфеварцы – довольно красивая раса. Гъдеанки из обслуживающего персонала посольства всерьез боролись между собой за внимание господина посла.

Выражать интересы пятидесяти восьми планет непросто. Ведь интересы порой конфликтуют. Как быть, если один мир желает одного, а другой – диаметрально противоположного? На чью сторону встать, чьи интересы счесть более важными? Хорошо, если у родины нейтральные отношения с обоими конфликтующими мирами: есть шанс, что удастся проявить объективность, принять взвешенное и продуманное решение. А если нет? Если два из миров, которые ты представляешь, находятся в состоянии войны с тем миром, в котором ты работаешь? А еще один мир собирается вступить в эту войну, и ты не можешь спокойно и хладнокровно разобраться с его интересами, потому что это – твоя родина? Родина, друзья и долг – три вещи, словно специально созданные Безликими Богами для того, чтобы разрывать мозг.

Обуревающие посла сомнения снаружи были не видны. Перед королем Имитом предстал преисполненный достоин-

ства и величественного спокойствия вельможа в нарядных одеждах, подобающих значительной персоне. Король тоже выглядел безупречно. Парадные ордена, меховой плащ, волевой профиль. И не догадаешься об истерической депрессии, владеющей координатором Гъде, если не знаешь, что весь двор трясет, королева украдкой плачет, а две принцессы отправлены личным ГС-эсминцем короля на Мересань – якобы на курорт.

– Приветствую, ваше величество, – Лео Кон Тин поклонился с обычным изяществом.

– Что привело вас ко мне, друг мой? – приветливо поинтересовался король Имит.

– Увы, снова дело, – улыбнулся чфеварец. Он действительно был дружен с королем – в той степени, в какой с королями вообще возможна дружба. Но дело – прежде всего.

Король любезно указал ему на кресло за столиком с напитками, сел напротив.

– Говорите же. Что еще у нас плохого?

Смешок получился нервным. Все и так хуже некуда. Космические силы Гъде тают. Ен Пиран потерял в засаде у Шшерского Рая еще два корабля. При том, что в засаде стоял он, а врагом был единственный райский линкор! Ходили слухи, что адмирал прибыл на Гъде. Но в столице его не было видно. Небось, боится показываться координатору на глаза. И правильно!

– Не думаю, что вас расстроит весть, с которой я послан, –

промолвил Лео Кон Тин, аккуратно расправив усы, запутавшиеся в позолоченных застёжках на груди. – Через меня обращается к вам достойная Эл Танг Ри, координатор Чфе Вара, моей далекой родины.

Король Имит обозначил легкий поклон в знак уважения к коллеге-координатору.

– Что же хочет сказать достойная Эл Танг Ри?

– Ваше величество, Чфе Вар считает действия Земли против Гьде несправедливыми.

Ну, хоть кто-то так считает. Невеликое утешение, а все ж.

– Земляне не имели права захватывать вашу базу на Нлакисе, чинить там насилие, грабить и обращать сотрудников базы в рабство.

– Отрадно, что Чфе Вар выступил со словами сочувствия, – молвил король. – К сожалению, у Земли есть свои сторонники и обелители.

– Чфе Вар не прислушивается к их лживым оправданиям, – качнул головой посол. – Гьдеане на Нлакисе пострадали невинно. Чфе Вар полагает, что, кому бы формально ни принадлежала планета, первоочередное право ее разрабатывать имеет тот, кто первый до нее добрался, проделал анализы, выстроил инфраструктуру, наладил добычу и транспорт. В случае Нлакиса это – Гьде.

Король думал так же.

– Разумеется, формальные владельцы территории тоже должны быть допущены к месторождению, – уточнил Лео

Кон Тин, – но лишь во вторую очередь и в ограниченных пределах, как это и происходило, с вашего позволения, в отношении Шшерского Рая. Однако земляне не проявили разумной умеренности. Напротив, они продемонстрировали оголтелую нетерпимость и начали вооруженную агрессию. Они повели себя не так, как это следует делать людям, называющимся цивилизованными. Чфе Вар резко осуждает позиции Земли в этом конфликте и ее возмутительные действия на Нлакисе. Соответствующая нота вот-вот поступит в Совет координаторов.

Король Имит коротко кивнул.

– Благодарю. Передайте достойной Эл Танг Ри мои заверения в безграничном уважении и... ну, во всем остальном.

– Непременно, – кивнул Лео Кон Тин, словно отражение, и покрутил длинный ус. Решение собственного координатора казалось ему поспешным, не до конца продуманным. Но он – посол. Его дело – передать, что велено. – Я не закончил, ваше величество. Чфе Вар готов зайти в своем осуждении еще дальше. Чфе Вар предлагает Гъде военную поддержку в обмен на часть нлакисских месторождений.

– Что? – король аж приподнялся с кресла, рухнул обратно и неконтролируемо улыбнулся. – Друг мой, вы правы: эта новость не может не радовать. Я был благодарен за теплые слова; благодарность за дело будет такова, что Чфе Вар не пожалет о нашем союзе. Давайте обсудим все подробнее. Сколько кораблей может предоставить Чфе Вар и какую именно

часть Нлакиса он желает получить в пользование?

Йозеф был не в духе. Ночью снилась какая-то дрянь, с утра болела шея – видно, спал в неудобной позе. Разгружать «Ийон Тихий», привезший – на минуточку! – родохромный траинит, а не какое-нибудь там зерно, что-то никто не спешил, и он поругался с портовыми службами, причем – непонятно как – он же и оказался виноватым. Мастера торопили с разгрузкой, чтобы приступить к ремонту и переоборудованию, грузчики тормозили: мол, не подал заявку заранее, стой теперь в очереди. Гржельчик отродясь не подавал никаких заявок. У него ГС-крейсер, а не грузовик какой-то! Но поди поспорь с ними.

Нога скользнула по ступеньке трапа, подвернулась неудачно, и Йозеф, нелепо взмахнув руками, кубарем скатился вниз. Вот черт! Шипя сквозь зубы от боли, он поднялся, отряхивая китель и ощупывая кости. Кажется, ничего не сломал. Украдкой огляделся, надеясь, что никто не видел его падения, плохо совместимого с высоким капитанским званием. Ага, как же! Синекожие мересанцы, курящие какую-то отраву у своего транспорта, откровенно скалились и показывали на него пальцами. Йозеф метнул в них взгляд исподлобья. Наклонился за своей вещевой сумкой и тихо застонал, почувствовав, как лопнул шов на брюках. Да что за невезуха!

Йозеф никогда не бывал особенно везуч. Своего положения он добился не везением, а упорным трудом, шлифовкой

мастерства, храбростью и умом, но в быту оставался обычным человеком, не слишком счастливым. Глупые и неприятные ситуации не были для него чем-то непривычным. Он с чувством выругался и печально подумал о том, что в жизни началась очередная черная полоса. Он еще не осознавал, что она – внеочередная.

Ему пришлось вернуться на корабль, переодеться и привести себя в порядок. Второй раз он спускался по трапу с преувеличенной осторожностью. Расслабился, лишь когда достиг нижней ступеньки. И тут какая-то сволочная ворона, летящая от мусорных баков пассажирского терминала, нагадила с высоты аккурат ему на голову.

Йозеф взревел. Выхватил лазерный пистолет и, наплевав на запрет пользоваться им в космопорту, засадил по проклятой твари. Ворона с хриплым карканьем шархнула в сторону, и пучок квантов угодил в переплетение проводов где-то наверху. На КПП погас свет. Йозеф зажмурился.

Кое в чем ему даже повезло: безопасники, узнав капитана «Ийона Тихого», бить его не стали. Но покинуть космопорт ему удалось нескоро. Объяснительная, протокол, немилосердный штраф... Лазерный пистолет отобрали и пообещали доложить его, Йозефа, командованию о его выходке – дабы оно, если пожелает, наказало хулиганствующего капитана еще строже. А вдобавок посмеялись. Хорошо, хоть дали отмыть голову от вороньего дерьма.

Гржельчик соскучился по дому. Он готов был вытерпеть

даже слюнявую «собаченьку» – после вороньего поноса шавкины слюни не впечатляли. Пока его возила мордой по столу служба безопасности, он изрядно проголодался и то и дело вспоминал о Мартиных котлетках. А уж женины ласки пришлись бы очень кстати! Он добрел до лавки электронных товаров, чуть прихрамывая – падение с трапа даром не прошло, – и купил новый мобильник взамен разбитого. И первым делом позвонил Марте.

– Дорогая, это я. Я только что прилетел...

– Только что? – завизжала Марта, как пила на высоких оборотах. – Только что? Я наводила справки, Йозеф! Твой корабль уже несколько часов в космопорту, а ты лишь сейчас вспомнил о семье?

– Марта, не шуми, – произнес он увещевающе. – Так уж сложилось. Я скоро приеду, и мы поговорим нормально.

– Нормально? Да с тобой невозможно говорить нормально! Все, Йозеф! Чаша моего бездонного терпения переполнилась. Я подаю на развод.

– Что? – он решил, что ослышался. – Любимая, не надо так ужасно шутить. Я понимаю, у тебя плохое настроение, но ведь и мне несладко. Давай встретимся...

– Встретимся в суде, – отрезала Марта и отключилась.

Йозеф в сердцах сжал трубку и опомнился, лишь когда она затрещала под пальцами. Да что ж за!..

Визит главнокомандующего ГС-флотом к координатору

Земли был поздним. За окном кабинета Нью-Йорк сиял огнями, сотни тысяч людей отдыхали, развлекались, предавались любви и азарту, шум транспорта смешивался с ритмичной музыкой. Вечер субботы. Но у людей, облеченных властью и ответственностью, не бывает выходных, а восьмичасовой рабочий день для них – утопия.

Салима осторожно дотронулась до крохотной ранки на шее и невольно улыбнулась, вспомнив райского посланника. Грех сетовать, развлеклась на годы вперед.

Зазвонил внутренний телефон.

– Салима ханум, к вам господин Максимилиансен, – голос Эстер.

Салима обернула голову и шею скромным бежевым платком и переставила ноутбук с дивана на столик.

– Пусть войдет, Эстер. И, вы помните? Кофе и коньяк, как всегда.

На пороге появился румяный старичок, на вид весьма довольный реальностью. А почему, собственно, и нет? Идет война, и он при деле. В войне – смысл жизни главнокомандующего.

– Здравствуйте, Ларс, – координатор мило улыбнулась. – Как ваши дела?

– Мы контролируем Нлакис, – доложил дедуля, – и охраняем внешний периметр системы Шшерского Рая. Пока неизвестно местонахождение уцелевших эсминцев Гьде, но рано или поздно они будут вынуждены проявить себя. Все

идет по плану.

– План немного меняется, – сообщила Салима, развернув ноутбук к креслу главнокомандующего. – Появились первые недовольные. Чфе Вар прислал в Совет координаторов ноту протеста. Хотите ознакомиться?

– Что нам до каких-то нот? – весело фыркнул дедок. – По мне, Эл Танг Ри может эту ноту распечатать и подтереться ею. Разве мы станем слушать чфеварцев?

– Конечно, не станем. Но мне подумалось, вас заинтересует, из-за чего Чфе Вар объявит нам войну.

– Чфе Вар объявил войну? – старичок насмешливо задрал бровь.

– Не пытайтесь разыгрывать удивление, Ларс, – Салима с упреком погрозила пальчиком. – Один из планов кампании учитывал такое развитие ситуации. Это, в конце концов, естественно. Чфе Вар дружен с Гъде – раз. По чфеварским обычаям, кто первый пришел, того и тапки, так что они искренне убеждены в правоте гъдеан – два. И наконец, такой прекрасный шанс наложить лапу на нлакисский траинит грех упускать. Конечно, они объявят войну. Нота – всего лишь подготовка почвы. Дань приличиям. Выразить возмущение, выдвинуть требования, некоторое время подождать: вдруг противник такой идиот и трус, что эти требования выполнит? – она и сама так же поступила, готовя войну с Гъде. – Это время мы должны использовать с толком. Поднимите соответствующий план кампании, Ларс, и проследите,

чтобы чфеварцы не смогли слишком радикально от него отклониться.

Не то смуглый, не то загорелый – землян не разберешь – черноволосый командир десанта «Максима Каммерера» предложил Аддарекху заниматься с бойцами на свежем воздухе – благо, дождя нет.

– Лучше б был, – заметил шитанн.

Вряд ли офицер намеренно издевался, просто, как это обычно у землян, не учел, что находиться под их солнцем не всем полезно для здоровья. Осознав свою промашку, он даже изобразил смущение. Сошлись на физкультурном зале.

На «Ийоне» всем шитанн в первый же день выдали одежду. Два комплекта, на смену. Гардероб на складе военного корабля разнообразием не отличался. Каждому досталось простое белое белье, синие брюки и форменная белая рубашка ГС-флота с нашивкой «Ийон Тихий», а также что-то вроде синего спортивного костюма. В нем бойцы тренировались, его же поддевали под доспех. От десантников с «Ийона» шитанн отличало только отсутствие знаков различия да странные удостоверения личности с печатью Содружества Планет и двухмесячной земной рабочей визой. Ну, и еще внешность, выдающая инопланетян. Сумеречников на Земле узнавали сразу, дневных же жителей не любой мог идентифицировать как шитанн, но в этом отчасти помогали темные очки, которые приходилось надевать, выходя из поме-

щения.

– Что это за волосатые очкарики, Ваню? – спросил один из бойцов.

– Ваши новые инструктора, дубина, – ответил черноволосый майор.

Мрланку не понравилась насмешка в голосе спросившего. Он проскользнул меж ботинок Аддарекха вперед и, задрвав хвост, грозно зашипел. Никто не смеет насмехаться над его подопечным!

Десантники засмеялись. Но уже по-другому, добродушно.

– Ишь, защитник!

– Командир, можно твою кису погладить?

– Это не киса, а кот, – сказал Аддарекх. – И он не мой. Скорее уж я – его, – он усмехнулся; Мрланк был вполне самодостаточным зверем, это Аддарекх от него зависел. – Хотите погладить – у него и спрашивайте.

Мрланк взглянул на кошкочеловека одобрительно. Тот не корчил из себя хозяина, как это любят двуногие боги. Он относился к коту с симпатией и уважением, как к полноправному партнеру.

Мрланк милостиво подставил белую спинку мозолистым ладоням. Гладить кота – прямая обязанность двуногих богов, которая должна доставлять им удовольствие сама по себе, без всяких условий.

Аддарекх терпеливо ждал, пока ритуал закончится. Только потом откашлялся и представился:

– Меня зовут Аддарекх Кенцца. Чтобы сразу расставить все по местам и избавить вас от бессмысленного гадания – я шитанн, и мои люди тоже. Мы будем учить вас тому, чего вы не знаете, по приказу вашего командующего. В рамках союзного договора, – добавил он.

Он понятия не имел, содержится ли такой пункт в союзном договоре. Аддарекх намеревался обучать земных десантников потому, что не мог отказаться. Встать в позу, заявить: я не обязан подчиняться приказам земного командующего? Возможно, его и не ткнут носом: а кто тебя спас, застранца? Возможно, сочтут, что солдат независимой армии в своем праве. Но где брать деньги на жизнь, если не желашь работать? На основании чего открыть визу? Так что делай, что предлагают, и скажи спасибо. А договор выглядел хорошим объяснением. И оправданием перед собственным командованием, если оно спросит, какого такого червя могильного приемы райских элитных отрядов стали известны землянам.

Капитан ГС-крейсера «Максим Каммерер» Такаши Ясудо заглянул в арендованный у гостиницы спортзал. Незаметно понаблюдал, как вампиры работают с его десанниками. Увиденное понравилось капитану. Инструктора подходили к обучению серьезно, не халтурили. Когда главнокомандующий Максимилиансен сказал ему, что хочет, чтобы десант «Максима» прошел краткое обучение у шитанн, Такаши отнесся к этому скептически. Сперва думал даже возразить,

потом вспомнил свое сотрудничество с капитаном Мрланком и решил, что вампиры могут, пожалуй, показать его людям что-то полезное. Сейчас он не пожалел о том, что согласился.

– Сванидзе, – тихо позвал он майора. – Кто у них главный?

Тот кивком указал на высокого худого шитанн с хвостом белых волос.

– Аддарекх Кенцца. Младший командир.

– Младший командир? Кто это по-нашему?

Сванидзе пожал плечами.

– лейтенант, наверное. А может, сержант. Откуда мне знать? У них свои звания.

Для Такаши этот вопрос был важен. Если вампир – лейтенант, то офицера не грех и на обед пригласить. А если так себе, слегка подросший солдат, то велика честь, хватит с него разговора в кабинете при спортзале. Такаши Ясудо придавал церемониалу большое значение, и место человека в нем должно быть совершенно ясно.

Так и не придя к определенному мнению, он велел Сванидзе:

– Скажите ему, чтобы подошел ко мне в перерыве. Я буду... э... в баре.

Мрланк увязался за Аддарекхом. Тот не возражал. При входе в бар официантка сделала ему замечание:

– С кошками нельзя.

– Это не кошка, а котенок, – сказал Аддарекх, и она не

нашлась, что ответить.

Капитан ждал его за столиком. Совсем не похожий на внушительного Гржельчика – маленький, темноволосый. Зато важности – на пятерых, Гржельчик держался проще.

– Не желаете ли пива? – предложил Такаши.

– Нет, – отказался шитанн. – Мне еще работать. Лучше чай или кофе.

Это понравилось капитану.

– Вы с «Райской молнии»? – осведомился он.

Аддарекх скосил глаза на свою нашивку и усмехнулся:

– С «Ийона Тихого».

Такаши кивнул.

– Но где вы служили раньше?

– На «Райском громе», кэп.

Такаши разочарованно откинулся на спинку стула. Он надеялся разузнать о «Молнии».

– Может, вы знаете что-нибудь про Мрланка Селдхреди? – он сделал еще одну попытку.

Отношения Такаши с капитаном Мрланком были сложными. Но за то время, пока они совместно разрабатывали план операции, так и не реализованной, землянин к нему как-то привык. Он был далек от дружеских чувств: дружбу этого сноба и соотечественникам-то нелегко было заслужить. Но если бы кто-нибудь уверенно сказал ему, что с Мрланком все в порядке, он бы обрадовался.

Аддарекх едва не подавился зеленым чаем. Справившись

с собой, перевел взгляд на кота:

– Вы имеете в виду котенка с «Ийона»?

Такаши нахмурился.

– При чем тут котенок?

– Его так зовут. Мрланк Селдхреди, – котенок подтверждающе мявкнул.

Капитан покачал головой, уже не скрывая разочарования.

– Вот оно как. Действительно, смахивает на него. Белый, красноглазый, зубастый верткий циник.

Аддарекх кашлянул.

– Капитан Такаши, разрешите спросить? Тот Мрланк Селдхреди, на которого смахивает этот Мрланк... Он кто?

– Шитанн. Сумеречник.

Он вздохнул. Кем же еще может быть Селдхреди?

– Спасибо, кэп, – поблагодарил он. В плену он научился быть благодарным и за малое. Не послали – уже плюс.

Такаши поднял бровь, будто он сказал что-то забавное.

– Ну да, – он негромко рассмеялся. – Это ведь вам ничего не говорит? Мрланк Селдхреди – капитан ГС-линкора «Райская молния». Не столь давно он привозил на Землю дипломата. Мы с ним... сотрудничали, скажем так. А с капитаном Гржельчиком они... дружны, не побоюсь этого слова. Мне просто хотелось узнать, все ли у него хорошо. Как-никак, одно дело делаем.

К сожалению, Аддарекх ничего не мог рассказать капитану Такаши о Мрланке – разве что о коте. А может, и не к

сожалению. Вряд ли Такаши стало бы легче на душе, если бы он доподлинно узнал, что у Мрланка Селдхреди все, мягко говоря, нехорошо.

Интимное предложение прозвучало на третьем часу знакомства. Как только Ортленна до конца поверила, что рудник остается Раю, успокоилась и напилась чаю с коньяком.

– Вы же меня укусите, – отшутился Захар. – Я не хочу превращаться в вампира.

– Это всего лишь дурацкий миф, – возразила она, потягивая чай. – Если бы тот, кого укусили, превращался в шитанн, мы давно остались бы без кетрейи. И что бы мы тогда делали, скажите на милость? Начали бы галактическую экспансию? Ведь кого-то же надо кусать, понимаете? Число шитанн росло бы в геометрической прогрессии, а число тех, кого можно укусить – неуклонно сокращалось. Это привело бы к неминуемому коллапсу цивилизации, – она улыбнулась ему глазами поверх чашки. – То, что мы существуем безо всяких демографических катастроф, однозначно доказывает бредовость слухов о превращениях.

Ортленна располагала к себе. Отважная женщина, и умная, и миловидная вдобавок. Но Захар предпочел вести разговор в сторону. Она ему нравилась, но он ни на секунду не поверил, будто понравился ей. Он точно знал, что не принадлежит к породе дамских любимчиков. Не вызывает отвращения и жалости, но вовсе не герой грез. Ни утончен-

ности черт, ни развитой мускулатуры. С пузом, выросшим на административной работе, бороться лень. Ортленна хочет не его. Либо его крови – но к ее услугам трое кетрейи, которых достаточно попросить. Либо его благоволения, хотя он вроде и так ей благоволит – да и не в нем же дело. Он оставил шшерцам рудник не потому, что она такая милая, а следуя прямому распоряжению координатора. Он был бы вынужден это сделать, даже если бы от шшерцев явился уродливый мужик, неприятный в общении. Разве что с неохотой. Вероятно, поглумился бы, заставил поунижаться – не из вредности, а по искреннему убеждению, что неприятные люди заслуживают неприятностей. Может, поторговался бы за процент: в этом ему была дана некоторая свобода. По сути, Ортленне было не о чем волноваться и не за что платить собой. И он свернул тему. Заговорил о демографических катастрофах, о сценариях развития цивилизаций, вовлек ее в дискуссию, не забывая подливать чай.

А после пожалел о том, что был дураком. Ну какая разница, отчего да почему она сделала свое предложение? Ведь сделала.

Она приезжала еще несколько раз – достаточно регулярно, ведь у шшерцев не было связи, и она пользовалась его ква-девайсом. Они договорились о налоге – довольно конструктивно с ее стороны. Захар брал в аренду ее замечательный вездеход, и его люди ездили на нем на разведку. Он с удовольствием угощал ее то обедом, то ужином, обсуждал

с ней самые разные вопросы, от сугубо инженерных до философски-космологических. Но предложений больше не поступало.

Двухкомнатный номер Аддарекх занимал вместе с Беном Райтом.

– Ты обещал научить меня языку, – сказал Райт. – Раз ты не можешь поехать ко мне, то я задержусь с тобой.

Аддарекх наклонился к коту.

– Мрланк, ты не против, если этот странный парень какое-то время побудет с нами?

Мрланк поразмыслил. Черный бог иногда гладил его. И к кошкочеловеку Аддарекху он относится хорошо. Наверное, от него не будет вреда. Котенок утвердительно мявкнул.

– Чего ты с ним советуешься? – засмеялся Райт. – Это всего лишь зверек.

– Он все понимает, – серьезно ответил шитанн. – Он очень умный. На уровне кетрейи – точно. Только говорить не может, потому что не человек.

Мрланк с чувством собственного достоинства наклонил голову набок. Мол, да, я такой.

– Вы не пытались обучать кошек? Поднять их до уровня человека? Разработать способ коммуникации с ними вместо речи?

Райт покачал головой.

– Кошки слишком независимы. Они живут рядом с нами

испокон веку, но всегда – рядом, а не вместе. Сами по себе. Они не желают учиться и не желают помогать нам. Делают только то, что хотят.

Аддарекх потрепал пятерней пушистый животик Мрланка.

– Видимо, вы ждете от них не той помощи, которую они готовы оказать. Верно, Мрланк?

Котенок, жмурясь от удовольствия, дернул ухом.

– Есть еще *собаки*, – сказал Райт. – Вот они – старые и преданные друзья человека. Их можно многому научить. Они следят за маленькими детьми, водят слепых, пасут стада, охраняют имущество. Собаки есть даже на военной службе.

– Хотел бы я посмотреть на собак, – проговорил Аддарекх. – Они похожи на людей?

– Нет, совсем нет. Кошки и то больше похожи.

Аддарекх с сомнением перевел взгляд с котенка на майора.

– Похожи скорее на шитанн, чем на нас, – издал смешок Райт. – Почему-то. Вы часом не от кошачьих произошли?

Аддарекх философски пожал плечами.

– Может, и так. Никто не знает. Ты вообще представляешь, когда это случилось? Ваше солнце было еще молодым.

Подобное равнодушие к своим корням удивило Бена. В земной истории споры о происхождении человека выливались в настоящие баталии. Хотя кто знает – может, через пару миллионов лет землянам действительно станет все равно.

Появились, и слава Богу.

– Ты будешь меня учить? – он перешел к делу.

– Происхождению жизни и человеческих видов? – откликнулся Аддарекх, ероша кошачью шерстку. – Не буду. Я в этом не разбираюсь.

– Языку своему, зануда! Я с тобой, по-твоему, ради чего остался?

– Ради моей красоты, – предположил шитанн, пряча ехидную усмешку.

– Тьфу на тебя! Долбаный юморист. Начинай уже, в конце концов. Я хочу еще съездить к маме и бабушке.

– Хорошо, – Аддарекх кивнул и оставил Мрланка. – Ложись на диван.

– Зачем?

– Чтобы научиться. Ложись и держи меня за руку.

Бен думал, что вампир будет рассказывать ему о правилах составления предложений или диктовать слова. Но он, накрыв Бена пледом, словно заботливая нянька, затянул на своем языке какую-то заунывную колыбельную.

– Ты чего? – дернулся Бен. – Я же так засну!

– Ну и засыпай, – он прервал песню, чтобы сердито ответить. – Только заткнись и не мешай.

И снова запел.

Бен не помнил тот момент, когда провалился в сон. Снилось ему все та же навязчивая, нагоняющая дремоту песенка. Во сне ему показалось, что он различает слова. А потом

он разлепил глаза и понял, что за окном темно. Он проспал несколько часов. При этом он совершенно не чувствовал себя отдохнувшим. Наоборот – голова гудела, словно все это время он доказывал какую-нибудь нерешаемую теорему.

– Привет, – сказал ему Аддарекх, сидящий на подоконнике – темный силуэт в темном же проеме окна. – Как тебя зовут, человек?

– Меня зовут Бен Райт, – машинально отозвался он. – А...

– Сколько тебе лет?

– Тридцать два.

– Что ты делаешь?

– Лежу на кровати... Черт! – до него вдруг доехало, что он несет совершеннейшую пургу, воображая, что разговаривает. – Я что, сошел с ума? Что за ахинею я только что выдал?

Аддарекх в упор посмотрел на него. Глаза у вампира слегка светились в темноте.

– Ты говорил на шитанн.

Кардиналов в Байк-паркинге видели нечасто: все же не Европа. Поэтому человек в красной мантии и красной шапочке, целеустремленно шагающий по космопорту, привлекал всеобщее внимание. За ним торопились два монаха с поклажей, все в черном. Девицы и лохотронщики, завидев солидного клиента, оживились было, но, приглядевшись, порскнули с дороги по углам. Его высокопреосвященство Джеронимо Натта был осенен истинной святостью, но свято-

стью отнюдь не смиренной. Высеченное словно из камня лицо аскета само по себе вряд ли отпугнуло бы веселых девушек. Но это было лицо аскета воинствующего. Родись Джеронимо Натта в иное время, из него получился бы непримиримый инквизитор.

Он порой сожалел об иных временах. Ныне Церковь была скромной и терпимой. Ни карать, ни миловать – и войны, и суды сделались прерогативой светской власти. Канули в лету костры, на которых пылали еретические книги и богопротивные колдуны. Ушли в прошлое крестовые походы, истлели знамена Христа, заржавели мечи Его воинов. Будучи человеком умным, Джеронимо Натта понимал: таков уж исторический этап. Борьба идей сегодня ведется без крови, и не время разжигать межрелигиозную рознь, когда землянам, напротив, нужно сплотиться воедино перед натиском инопланетных духовных доктрин. Но нет-нет и просыпалось у кардинала сожаление о былом величии.

Новая война перевернула его жизнь. Папа объявил крестовый поход против злокозненных гьдеанских язычников, и Джеронимо, видевший себя во снах на белом коне, с крестом на плаще и карающим мечом в руке, вдруг понял, что вот оно – его время. Пусть кони и мечи в прошлом, но крест вечен, и он зовет на борьбу с врагом. Так вышло, что Джеронимо Натта явился к папе первым с просьбой использовать свои знания и рвение в святой войне. И получил благословение.

– Твоя вера сильна, – сказал ему папа. – Ты достоин под-

нять наибольшую ношу. Я назначаю тебя духовным наставником и водителем всего ГС-флота Земли, сын мой. Подбери братьев, крепких во Христе, и отправь их в войска нести свет нашей веры, указывать путь и давать утешение. И пусть твое служение умножит славу Церкви.

В космопорту полно инопланетных нехристей, но Джеро-нимо был терпелив и снисходителен к их незнанию и неумению оказать должное почтение кардиналу. Они не пребывают во зле. Их души заблудились на пути к Богу, но еще могут Его обрести, стоит лишь захотеть. Однако компания шитанн, недостаточно расторопно уступившая дорогу, заставила его поморщиться. Эти-то что здесь делают?

– Изыди, дьявольское отродье, – процедил он и, демонстративно перекрестившись, проследовал дальше.

Ему все еще казалось, что Земля неправильно выбрала врага. Вампиры в понимании кардинала были бы куда более подходящей целью для Христова воинства. Но светская власть сочла нужным нанести удар по Гъде. Что ж, на худой конец сгодятся и гъдеанские язычники.

Ййу Шшер проводил взглядом красную шапочку землянина с горящими глазами.

– Что это за урод?

– Тихо ты, – шикнул Аддарекх и скрестил три пальца, чтобы отогнать зло. – Это христианский церковник.

– Но он же ничего нам не сделает? – неуверенно проговорил Ййу. – У нас контракт. И вообще, между Землей и Раем

договор.

– Ты догони его и про это Расскажи, – он фыркнул. – Попапам плевать на договоры. Лучше бы нам держаться от них подальше.

Один из монахов, пройдя вперед, открыл дверь перед кардиналом, и Джеронимо Натта вошел к главнокомандующему ГС-флотом. Кофе булькнуло в горле у деда, поднявшего глаза от ноутбука.

– Сын мой, – провозгласил кардинал, – по поручению святой матери Церкви я буду ее представителем во флоте Земли и при твоей персоне.

Ларс озадаченно почесал голову.

– Ну, здравствуй... отец, – в устах старика это прозвучало почти издевательски. – В чем же будет заключаться твое представительство?

Кардинал нахмурился.

– Ко мне следует обращаться «ваше высокопреосвященство».

– А ко мне – «господин главнокомандующий», – невозмутимо откликнулся старичок.

– Но ты же верный сын Церкви? – кардинал посмотрел на него с зарождающимся сомнением.

– А ты – чересчур молодой человек для того, чтобы я тебе выкал и кланялся, – осадил его Ларс. – До Христа тебе далеко, так что не чинись. Сядь, налей себе кофе и выкладывай, как именно ты собираешься представлять Церковь в

моем флоте.

Не такой встречи ждал Джеронимо Натта. Высокопоставленный слуга Господа привык к уважению и почитанию – и к тому, что сам вовсе не обязан проявлять их к мирянам. Но старик, даром что носил крест на шее, не пожелал склониться перед посланцем папы, облеченным духовной властью. Старика обуревают грех гордыни. Долго, слишком долго Церковь не уделяла необходимого внимания сильным мира сего. Вот и закономерный итог: главнокомандующий – непочтительный грешник. А координатор – вообще мусульманка; докатились!

– Не отнимай мое время, отец, – поторопил его Ларс. – Или говори, зачем пришел, или уйди и дай мне заняться делом. Война идет, знаешь ли.

– Я намерен проследить, – чеканно произнес Джеронимо Натта, – дабы развитие военной кампании не вступало в противоречие с генеральной линией Церкви. Дабы оно, напротив, служило к вящей славе Христа и его смиренных слуг. Наместник святого престола Бенедикт XXV благословил меня на эту стезю и назначил своим легатом с самыми широкими полномочиями.

– Идейную подоплеку я уже понял, – кивнул дед. – Конкретнее, отец. В чем эти полномочия заключаются? Назначать и смещать должностных лиц ты не можешь. Командую флотом я. Что делаешь ты?

– Я несу свет веры в...

– Блин! – прервал его дедушка. – Оставь свои витиеватые фразы для проповедей, отец. Может, одну из них я и посетую. А сейчас – конкретнее. Если можно – по пунктам.

Господь учил терпению.

– Хорошо, – сказал Джеронимо Натта так вежливо, как только мог. – Я составил список духовных лиц, которые будут прикомандированы к каждому кораблю земного флота. Они будут сопровождать корабли в рейдах и на Земле, в бою и на марше...

– Да-да, в горе и в радости, – махнул рукой Ларс. – Дальше, пожалуйста. В чем их функции?

– Они будут выражать волю Церкви. Давать советы капитанам и другим офицерам, оценивать их поступки с точки зрения христианской морали, препятствовать тому, что несовместимо с Божьим промыслом.

– Не слишком ли много на себя берете? – усмехнулся Максимилиансен.

– Не слишком, – вернул сухую улыбку кардинал. – Координатор Земли отдала эту войну под водительство святой матери Церкви. Или слово координатора ничего для тебя не значит?

Ларс снова скривился. Уел, святоша.

– Корабли Земли с начала войны несут эмблему креста. Полагаешь, сын мой, это просто картинка? Права на бренд, коему более двух тысяч лет, не могут стоить дешево. Веди войну, но все твои победы будут победами Церкви. А пора-

жения... поражений быть не должно. Ты примешь епископов и их помощников на корабли и не будешь возражать против их участия в работе штаба и присутствия в рубке во время сражений.

Главнокомандующий невольно засмеялся.

– Ты, отец, верно, не представляешь, каково в рубке во время сражения. Как бы епископам не пришлось харч метать!

– Слуги Церкви стойки к невзгодам, – кардинал улыбнулся одними губами. – Кроме того, они будут проповедовать, оказывать личному составу духовную поддержку, работать с пленными и с жителями оккупированных территорий.

– В каком смысле – работать? – уточнил Максимилиансен.

– Приобщать язычников к христианским ценностям, сын мой. Заботиться о спасении души. Обращать в лоно истинной веры.

Старик задумчиво покивал.

– Понятно, отец. Твои планы... разумны. Ровно столько, на сколько я могу согласиться. Духовные лица советуют и обсуждают, но не командуют. А также делают все, что нужно от священнослужителя христианам, и крестят инопланетян. Хорошо. Но есть кое-что, на чем я хочу заострить внимание, отец. Во-первых, на наших кораблях ходят не только христиане. Среди личного состава полно мусульман, иудеев, буддистов и атеистов, а также имеются представители других религий. Я не могу допустить пренебрежения или неуваже-

ния к ним со стороны твоих епископов. Или неумеренной агитации иноверцев в пользу христианства, – он многозначительно посмотрел на кардинала.

– Христианская Церковь живет в мире со всеми светлыми религиями Земли, – дипломатично промолвил Джеронимо Натта. – Пусть эти люди идут к Богу своим путем, более извилистым. Мы терпимы даже к закоренелым атеистам, хотя оставляем за собой право приглашать их разделить с нами веру. Однако поклонников сатаны и иных темных существ мы осуждаем и искореняем при любой возможности. Если во флоте есть пособники сатаны, то имеет смысл быстро их уволить.

– Хорошо, – снова повторил Ларс. – Не думаю, впрочем, что во флоте есть почитатели дьявола и прочих темных. Отбор весьма суров, и весь контингент ежегодно подвергается психологическому тестированию. К стратегическим вооружениям нельзя допускать людей, готовых открыть дорогу в ад.

– Отрадно, – кардинал выдал скупую улыбку. – Это было, насколько я понял, во-первых. А что же во-вторых, сын мой?

– А во-вторых, отец, у нас в этой войне есть союзники.

– Да, это проблема, – согласился кардинал. – Они не нравятся Церкви.

– Мне они тоже не нравятся, – хмыкнул Ларс. – Но это ничего не меняет. Союз есть союз.

– Союз с порождениями дьявола, – с недовольством про-

говорил Джеронимо Натта. – В войне, которую курирует Церковь! Нонсенс.

– Ты можешь называть шитанн как угодно, хоть матерно, но не стоит приносить реальность в жертву церковным традициям. Вампиры не имеют с дьяволом ничего общего. Просто дурацкая раса, совершившая тысячу лет назад грубую ошибку в своей экспансии. Их посланник признал, что они были неправы. Может, и Церкви пора пересмотреть свои заблуждения?

– Не тебе учить Церковь, что делать, сын мой, – с ноткой высокомерия произнес кардинал.

Старик фыркнул.

– Не тебе учить координатора, с кем заключать союзы, отец. Так вот: мне плевать на ваши внутренние церковные дела. Но если из-за Церкви у нас будут неприятности с союзниками, я своей властью смою с кораблей кресты и расстреляю всех твоих епископов с их свитой вместе за измену родине. Невзирая на последствия. Это понятно?

Кардинал неверяще покачал головой.

– Ты осознаешь, чем чреват такой шаг? Ты лишишься благословения Церкви, будешь отлучен от...

– Я спросил: тебе понятно? – Ларс грозно подался вперед. – Ты можешь играть в свои игры сколько угодно, и я дам тебе все возможности, которые координатор неосторожно посулила Церкви. Но лишь до тех пор, пока это не ставит под угрозу союз с Шшерским Раем. Тебе понятно, хренов

отец?

Джеронимо Натта сглотнул. Он уже думал, что вредный старикан сдал позиции. Ссылка на слово координатора подавила в грешнике ершистость, он начал уступать и соглашаться... Но нет, рано Джеронимо обрадовался. Старый волчара соглашался лишь с тем, с чем действительно был согласен. А теперь он не согласен, и эту стену не проломить.

– Понятно, – нехотя ответил кардинал. – И хватит уже звать меня отцом!

– Хватит звать меня сыном, – отрезал Ларс. – Мы закончили? Вы говорили о каком-то списке. Когда вы его представите? Когда епископы прибудут на корабли?

– Список я пришлю завтра по электронной почте, господин главнокомандующий. График прибытия мы с вами согласуем. Кстати, на вашем флагмане представлять Церковь буду я.

– Да кто бы сомневался, – проворчал дед. – Надеюсь, ваше высокопреосвященство будет вести себя на корабле разумно. Крейсер – это не монастырь, знаете ли.

Миленьякая блондиночка внесла поднос с реттихи и печеньем, поставила на столик. Пожилой шитанн поблагодарил ее кивком головы, не отрываясь от мониторов. Он ждал обратно Ортленну. И очень волновался.

Пять лет директором рудника был Беррейн Шшер. Хороший, сильный администратор, с двумя квалифицированными заместителями. Первый погиб год назад, второй – совсем недавно, при неудачном налете на базу гьдеан. Беррейн, который был для старого начальника охраны почти другом, сломался. Не вынес, ушел на иной план бытия. На огромном руднике осталось пятьдесят шесть человек – напуганных, отчаявшихся, растерянных. Много раненых, а убитых вчетверо больше. Некоторые бригады выбило чуть ли не целиком. Хаос и безнадега овладели уцелевшими.

Ортленна родилась из хаоса, словно звезда какая-нибудь. Риннк Цаххайн, будучи начальником охраны, конечно, знал ее и раньше: профессия такая – всех знать. Но Беррейн никогда не выделял ее, не говорил о ней. Ни хорошего, ни плохого. Ничем не выдающаяся женщина, волокущая свою инженерную рутину. В воцарившемся хаосе она продолжала все волочь. Переформировала бригады, перекроила смены – в то время, когда остальным инженерам было не до того, все зализывали раны и терзались переживаниями. Ходила по комнатам, утешала плачущих кетрейи, уговаривала

шитанн, что конец света еще не наступил. Заново организовала добычу – не в тех масштабах, конечно, но кому они нужны, масштабы? Все равно траинит невозможно было вывезти. Начальник охраны догадывался, для чего она на самом деле поднимает людей на работу. Просто чтобы не сидели взаперти, не пережевывали свои мучительные воспоминания, не задумывались от безысходности о самоубийстве. Чтобы у них был какой-то смысл жизни, размеренный ритм, чтобы они чувствовали свое место в производственной цепочке, свою нужность.

– Хирра Риннк, – жалобно проблеяла блондинка.

Он обернулся. Девушка все еще была здесь.

– Чего тебе, мышка?

– А хирра Ортленна скоро приедет?

– Скоро, милая, скоро, – откуда ему знать-то? Но пусть хоть она не беспокоится.

– А мы вернемся когда-нибудь домой, хирра Риннк?

Начальник охраны тяжело вздохнул.

– Когда-нибудь, милая – обязательно вернемся, – если бы у него впрямь было столько уверенности, сколько в голосе! – Так хирра Ортленна сказала, – добавил он.

Успокоенная кетрейи радостно улетела. Иногда Риннку хотелось стать кетрейи. Не думать о плохом, не знать о страшном – самому не догадаться, а шитанн пожалеют и не скажут. Не маяться сомнениями, получать готовые и – главное! – ободряющие ответы на все вопросы.

На одном из мониторов возникла точка. Вездеход возвращается. Риннк вздохнул с облегчением. Он не показывал этого Ортленне, но ему было страшно отпускать ее к землянам. Это же земляне! Да, в последнее время между Раем и Землей произошло много неожиданного, но Риннку не верилось в то, что кровожадные монстры могут одновременно стать душками. Однако Ортленна каждый раз возвращалась. Каждый раз целая и невредимая. Он все еще волновался, но начал привыкать. А в первый раз – даже удивился.

Уезжая тогда, Ортленна сказала:

– Я постараюсь добиться, чтобы все остались живы, – постояла с минуту, глядя куда-то за облака, и прибавила: – Если не все, то хотя бы кетрейи.

Взгляд ее был твердым и решительным, но в глубине его прятался страх.

– Не ездь туда, – сказал Риннк малодушно, но она посмотрела на него этим своим взглядом и покачала головой:

– Тогда они приедут сами. И уже не станут никого слушать.

Он тогда не знал, ждать ли ее вообще назад. Но она вернулась, пьяная и счастливая. Бросила на стол папку и объявила подошедшим бригадирам с таким выражением, которое могут воспроизвести только пьяные:

– Все будет хорошо!

Риннк следил, как вездеход подъезжает к лифту. За годы бомбардировок шшерцы приучились не оставлять тех-

нику на поверхности. Сейчас можно было бы, но привычка въелась в кровь и кости. В лифт и под землю, только так.

Она впорхнула, на ходу расстегивая куртку.

– Пришел ответ на мой запрос! Объявите всеобщий сбор, Риннк.

В зале, рассчитанном на сто пятьдесят человек, сидело всего пятьдесят с небольшим. И все, затаив дыхание, слушали женщину, которую месяц назад никто и не знал толком. Нынче ее слушали, потому что она дала им сперва цель, потом надежду, а теперь...

Ортленна не умела выступать перед публикой. Зачем это нужно простому инженеру? Но выступить было необходимо. Она сжала в руке свернутый в трубочку лист, вышла вперед и сказала без вступлений:

– Я посылала сообщение в Рай, и мне ответили. Я прочитаю, хорошо? – и, не дожидаясь согласия, развернула лист. – «В нлакисский филиал Объединенной горной компании Шшерского Рая – от координатора Криййхана Винта. Восхищаюсь вашим мужеством и стойкостью. Обещаю, что как только ГС-линкор «Райская молния» завершит ремонт, он немедленно прибудет к Нлакису, чтобы выполнить вашу заявку. Вы ждали долго, осталось подождать еще немного: месяц или два, и все желающие смогут вернуться домой. Благодарю вас за самоотверженный труд на благо Шшерского Рая, который не останется без награды, и скорблю о тех, кто не дожил до возвращения. Назначаю Ортленну Лис, –

ее голос дрогнул, – директором нлакисского филиала и поручаю ей организацию полномасштабной добычи с теми работниками, кто прибудет на смену уезжающим домой».

Восторженный свист, радостные вопли. Магическое слово «домой» взбудоражило всех. Пусть не прямо сейчас, пусть через месяц или даже через два. Ортленна счастливо улыбалась сквозь слезы. Она поняла из ответа координатора главное: возвращение – не для нее. Директор не может покинуть рудник.

Капитан Гржельчик привык заботиться о своих людях. Пусть даже не совсем о своих. Он счел должным как-то устроить бывших пленников Ена Пирана в этом мире, коли уж добраться до Рая им пока не судьба. Он нашел для них источник денег, посоветовал гостиницу, помог оформить визы. Вроде бы более чем достаточно. Но об одном он забыл. Не потому, что был таким уж рассеянным, просто об этом ему никогда не приходилось думать. О том, где брать кровь.

– И нечего на меня так смотреть! – сказал Бен.

Сказал, между прочим, на шитанн. Чем дальше, тем лучше он овладевал этим языком. Вот только никак не мог понять, за счет чего происходит его обучение. Вечерами, возвращаясь после занятий с десантниками, Аддарекх пел ему бесконечные колыбельные, от которых при пробуждении почти физически распирало мозги, а днем заставлял разговаривать. Говори как можно больше, велел он. Нас нет – го-

вори сам с собой, говори с котом, с фотографиями девушек из интернета. Говори о чем угодно. О чем угодно не получалось, в первый день Бен мог поддержать лишь самые примитивные темы: кто я есть, что делаю, где нахожусь. Во второй – уже больше; он почувствовал в себе силы описать картинку и целый день вещал воображаемому слушателю о пейзаже за окном, об интерьере гостиничного номера, об изображениях, найденных в компьютере. Сейчас он уже мог поддержать бытовое общение в разных ситуациях, начал понимать райские анекдоты и пытался переводить земные. Темпы освоения языка изумляли. А метод был совершенно непостижим. Аддарекх сам не мог объяснить: так мы учим детей разговаривать, вот и все, так родители учили меня и сестру, а я – своих дочерей. Традиция, освященная тысячелетиями.

– Только не жди чудес, – честно предупредил Аддарекх в самом начале – тогда еще по-хантски. – Словарный запас у тебя будет, как у ребенка. Или как у кетрейи. Никаких там «аутентичности» или «клаустрофобии». И грамматические конструкции самые простые. Потом придется самому добирать.

Но все равно это больше, чем мог ожидать Бен. Теперь они почти не говорили по-хантски. Вот и сейчас беседа шла на шитанн. Подчиненные Аддарекха пришли обсудить большой вопрос. Два Шшера заняли кресла, лохматый Зигленк Арранц захватил пуфик, Винк Трагг и Шшагил Хот уселись на кровать Аддарекха, по очереди тиская котенка. Бену остал-

ся подоконник.

На самом деле Бен был очень благодарен Аддарекху. Если бы тот попросил дать ему кровь, Бен не отказал бы сразу, а подумал. Может, даже и согласился бы. Для хорошего человека не жалко. Но узкоглазому Шшагилу он ничем не обязан. На каком основании этот нахал мечтательно прищурился, теребя свою крысиную косичку и задумчиво разглядывая Бена?

– А что, майор Райт, на вас уже и посмотреть нельзя? – с ленцой откликнулся вампир. – Я вот думаю, может, у вас какие-то идеи есть.

– У меня? – он фыркнул. – Я никогда с такой проблемой не сталкивался.

Сталкивался вообще-то. Бен был ранен в своей первой схватке, когда дрались с нарушителями периметра. А нужной крови на борту не оказалось. Отрицательный резус при первой группе – не самая большая удача для десантника, чья работа предполагает возможность крупной кровопотери. Так что проблема была, только решал ее не он. Он тупо валялся без сознания, пока для него искали донора по всей эскадре. Кстати, после этого боя он сделал себе татуировку на плече с группой крови. Чтобы, значит, доктора сразу понимали, с кем имеют дело. По поводу татуировки он уже успел послушаться от вампиров разных ехидных замечаний, сводящихся в основном к тому, что этикетка у напитка – показатель качества.

– Договоритесь с проститутками, – посоветовал он. Девчонки все равно торгуют собой, почему бы не кровью заодно?

– Они не дают, – буркнул Каггер Шшер. – То есть дают, но не в том смысле.

– Аман сказал, если кого-нибудь укусим, натравит на нас безопасников, – добавил Зигленк.

– А кто такой Аман? – девушки Бена интересовали, но лишь бесплатные, вот и не был в курсе подробностей.

– Ну, этот их... мастер участка.

– И вы его испугались? – хмыкнул Бен.

– Не его, а Нагиева, – мрачно промолвил Аддарекх.

Начальник службы безопасности Байк-паркинга – это, конечно, серьезнее, чем какой-то сутенер. Но Бен помнил, что капитан Мрланк не шибко с ним считался, да и старпом с «баранкой» поплевывал.

– Нагиев грозил, если что, позвать попов, – объяснил Аддарекх.

Священников-то чего бояться? Бену стало смешно.

– Да что они вам сделают? Перекрестят, водой побрызгают? Проклянут? Вот горе! Вы хоть одного живого попа видели? Они же безобидные.

– Видели, – ответил Ййу Шшер, произвольно поежившись. – До сих пор в глазах стоит. Такой проклянет – мало не покажется. Ему ж убить – как плюнуть.

– Не преувеличивай, – покачал головой Бен. – Священни-

ки никого не убивают.

– Это вас они не убивают, – пробурчал Аддарекх. – Потому что вы им верите. Они вас приручили, вы смотрите им в рот, кланяетесь по их указке, деньги им приносите. Ясное дело, они не станут вас убивать! А нас – запросто.

Бен хотел возразить и переубедить, но осекся. Он был скорее религиозен, чем нет. И в храм ходил, и проповеди слушал. Все священники говорили, что убийство ближнего своего – смертный грех. Однако все сходились и в ином: убийство тварей дьявола – дело богоугодное. Просто Бен как-то начал забывать, что шитанн, по официальной версии Церкви – порождения дьявола. Но Церковь вряд ли забыла.

– А если вы с кем-нибудь другим договоритесь? Не с девочками?

Аддарекх скорчил гримасу:

– С кем?

– Ну, с учениками своими, например.

– Ага, сейчас, – проворчал Каггер. – Твоих бойцов мы тоже учили. И что? Кто из них согласился бы?

Бен отвел глаза.

– А может, ночью кого-нибудь поймаем? – подал идею Шшагил. – Тихонько, чтоб никто не видел. Кусать не будем, вскрыем вену ножом, чтоб на нас не подумали.

– Сдурел? – вскинулся Бен. – Да за одни такие мысли тебя попам отдать!

– Успокойся, Райт, – с досадой сказал Аддарекх. – За мыс-

ли спрашивать нельзя, а поступать так мы не станем. Придумал бы лучше, как! Как нам поступить, сто червей могильных?

Бен вздохнул.

– Не знаю. Думаю, надо обратиться к начальству. На кого вы сейчас работаете? Озадачьте Такаши. Пусть у него голова болит, как обеспечить вам надлежащие условия труда.

Нлакис называли еще Фруктом Раздора. Не зря: центром раздора был именно он. О нем спорили в идущей войне, его периметр являлся наиболее вероятным направлением удара. Это понимал и Ен Пиран, когда держал Нлакис, и командир эскадры из четырех земных крейсеров Бойко Миленич. Поэтому эскадра бдила. Ни один чужой корабль не подобрется к планете незамеченным.

Сейчас на Нлакис наложила лапу Земля. Поэтому второе желание, которое может возникнуть у конкурентов – ударить непосредственно по Земле. Желание логичное, но трудно осуществимое: земной периметр оснащен автоматической блокирующей сетью, и тех, кто плохо это осознает, встретит у периметра системы беспощадный Хайнрих Шварц во главе сторожевиков – страшных кораблей, не слишком скоростных, но несущих *еще* больше вооружения, чем ГС-крейсер. Ломиться к Земле – изощренное самоубийство.

Поэтому план Чфе Вара был не таков. Не атаковать в лоб и нарваться на жуткую оскаленную пасть, а укусить в мягкое,

незащищенное подбрюшье. Впитаться зубами и держать, пока противник не запросит пощады.

Координатор Чфе Вара Эл Танг Ри инструктировала командующего эскадрой лично.

– Земля к себе близко не подпустит, – говорила худощавая меднокожая старуха, восседающая в высоком резном кресле. Черты ее морщинистого лица казались высеченными из скалы, подбородок тверд, худые руки властно лежат на подлокотниках. Старческий тремор не коснулся ее. Да и не так уж много лет достойной Эл Танг Ри: старятся чфеварки быстро, а живут долго. – Мы ударим не по Земле.

– Но мы объявили войну Земле, достойная, – непонимающе возразил длинноусый адмирал в розовом камзоле. – Земле, а не кому-то другому.

– Земля вступила в военный союз с Шшерским Раем, – сухо напомнила старуха, обстоятельно разгладив подол пышного розового платья. Розовый – цвет Чфе Вара, цвет национального флага. – Объявив войну Земле, мы объявили ее и Раю, иначе невозможно. Впрочем, если шшерцы этого не поняли – им же хуже.

– Вы предлагаете напасть на Рай, достойная?

– Я не предлагаю, – прохладно поправила Эл Танг Ри, – я приказываю. Флот Рая мертв, орбитальная оборона тонка. Они не ждут нападения, думая, что их противники будут сражаться с Землей. Вы отправите туда эскадру, адмирал Конг. Пусть ваши корабли окружат планету и приведут в го-

товность ракеты с ядерными боеголовками. Я полагаюсь на вас в выборе целей. Крупные города, промышленные объекты... вы меня понимаете?

Мужчина нервно облизнул губы.

– Города, достойная? Совет координаторов осудит нас за уничтожение мирного населения.

Старуха цокнула языком.

– Мы не стремимся никого уничтожить, Конг. Ваша задача – вывести корабли на позиции для удара. А затем мы предъявим ультиматум. Либо земляне возвращают Нлакис Гъде, либо Рай станет адом.

– А если... – усы адмирала дрогнули, – если они не согласятся? Если сочтут, что мы блефуем?

Эл Танг Ри покачала головой.

– Шшерцы так не подумают. Ядерные ракеты, зависшие в небе, не располагают недооценивать намерения противника.

– А земляне, достойная? Вдруг земляне не поверят, что мы на это решимся?

Она скривила губы в усмешке.

– Они поверят. Они понимают, что такое война. В отличие от вас, адмирал Конг. Но они могут отвергнуть ультиматум по иной причине. Потому что на самом деле им наплевать на Рай.

– И тогда...

– И тогда ваши ракеты стартуют по целям. На войне как на войне, адмирал Конг. Нам придется это сделать хотя бы

для того, чтобы все убедились в серьезности наших слов.

Аддарекх, полулежа в кресле, пялился на голограмму. Пошелкав мышью, он обнаружил развлекательный канал, где передавали бесконечные концерты. Какой-то мужик в блестящих пел, вокруг него плясали и подпевали живописно раздетые девушки. Слов не понять, да оно и не надо. Девушки, сверкающие животиками под музыку – в самый раз после трудового дня. На пузе свернулся колобком Мрланк, лениво шевеля хвостом и контролируя обстановку одним глазом. Подопечный расслаблен, но не забывает чесать котенка за ухом – значит, все в порядке.

Стук в дверь заставил Мрланка встрепенуться и спрыгнуть с нагретого места. Это не злоумышленник – такие вещи коту сразу интуитивно ясны, – но и не свой. Аддарекх вопросительно посмотрел на Мрланка, тот ничего не сказал. Хочешь – открывай.

Помедлив, Аддарекх щелкнул замком. Перед ним стоял румяный парень с увесистой сумкой. До того полнокровный, что его так и хотелось укусить – даром что парень, а не девчонка. Он что-то произнес на земном языке, Аддарекх покачал головой и откликнулся по-хантски:

– Не понимаю.

– Курьерская служба, – представился он по-хантски. – Вы Аддарекх Кенцца? Удостоверение личности, будьте добры.

Аддарекх вынул из кармана пластиковую карту с фотогра-

фией и надписями по-хантски, протянул курьеру. Тот вдумчиво ее изучил.

– Для вас пакет из донорского центра, – сообщил он. – Заказчик – Такаши Ясудо, оплата получателем. То есть вами, – он уставился выжидательно.

Аддарекх потянулся за бумажником.

– Сколько?

– Три тысячи триста семьдесят две монеты.

Приняв деньги, курьер достал из сумки коробку:

– Это вам.

Аддарекх кивнул. Парень почему-то не спешил прощаться.

– В чем дело? – спросил Аддарекх. – Хочешь посмотреть, что в посылке?

– О нет, это против правил, – открестился курьер. – Но, может быть, вы меня поблагодарите? – он с намеком посмотрел на бумажник в руках шитанн.

Не любил Аддарекх попрошайек.

– Разумеется, поблагодарю, – улыбнулся он аж до ушей, показав клыки, и, шагнув к парню почти вплотную, прошептал на ухо: – Я не стану тебя кусать, сладкий.

Курьер издал неопределенный звук, похожий на взвизг, и испарился мгновенно. Когда только сумку успел подхватить?

Аддарекх вскрыл коробку. Прозрачные пакеты с темно-красным содержимым манили – разорвать, глотать жадно и наспех, пока не отпустит неудовлетворенность, пока мир

вокруг не станет ярким, разноцветным и легким... Но сначала он позвонил своим товарищам. Посылку следовало разделить по-честному.

Такаши не подвел. В первый момент, когда Аддарекх сказал ему о проблеме, скривился брезгливо, но быстро стер с лица гримасу. Противно, а что делать? Шитанн есть шитанн, не морить же их теперь. Обещал, скрепя сердце, помочь. И помог, надо отдать ему должное. Несмотря на резкое противодействие вдруг свалившегося, как снег на голову, кардинала.

Джеронимо Натта вошел, когда Такаши делал заказ по телефону: договаривался, сколько и какой крови ему нужно – все равно какой, сказал он, самой не востребованной. Не хватало еще вампиров баловать! Кардинал прислушивался к разговору несколько секунд, а потом решительно выключил телефон.

– Вы – капитан «Максима Каммерера»? – осведомился он.

– Да, – недовольный, что его беседу прервали, он все же изобразил, сидя, неглубокий поклон. – С кем имею честь?

– Я – кардинал Джеронимо Натта, легат папы римского, представитель Церкви на вашем корабле.

– Я не христианин, – вежливо сообщил Такаши и вновь взялся за телефон.

Жилистая ладонь кардинала легла на аппарат, не давая его включить.

– Но вы землянин, и вы – военный. Эту войну ведет Цер-

ковь, капитан. И я вправе поинтересоваться: кому предназначена кровь, о которой шла речь?

– Нашим союзникам, – ответил Такаши все еще корректно, но холодно.

– Вы совершаете грех, продавая человеческую кровь вампирам!

Такаши поднял бровь.

– Хотите, чтобы я отдал ее бесплатно? Я не готов пойти на такие расходы.

– Вы не должны поить кровью врагов рода человеческого!

– Это ваше личное мнение, господин Натта.

– Это мнение святой матери Церкви!

– И я это мнение выслушал, – проговорил капитан совсем уже ледяным тоном. – Это самое большее, чего вы могли бы просить у адепта иной веры. А теперь потрудитесь убрать руки от моего телефона. Мне надо решить много вопросов, а вы меня отвлекаете.

Будь на то воля кардинала, он назначил бы на все командные посты христиан. Причем истовых, а не формальных носителей креста, отрицающих приоритет духовного над земным. Но Максимилиансен ни за что не позволит: он ведь и сам из последних. И координатору не пожалуешься: к мусульманке с этим идти – только позориться. Джеронимо Натта вдруг задумался: уж не потому ли эта женщина предпочла воинство Христа, а не Аллаха, что христианские пастыри не имеют над ней духовной власти?

Такаши столь решительно взялся за телефон, что продолжать его удерживать означало бы драться с ним. Позволить себе банальную драку, да не с нечистой силой, а всего-то с иноверцем – потерять лицо. Кардинал отступил. Нахмурившись, вышел, хлопнув дверью чуть сильнее, чем обычно.

На закате небо над Нлакисом еще красивее, чем днем. Низкое солнце, опускаясь за горизонт, заливает поверхность зеленым пожаром, облака переливаются безумными красками. Горящий диск уходит вниз, небо стремительно темнеет, и на нем выступают звезды. Белые, желтые, красные, голубые светящиеся точки, словно россыпь бисера. Захар при всем желании не мог бы отличить одну звезду от другой, но Ортленна показала ему, где находится его родное солнце.

– Солнце Проклятого мира, – сказала она и засмушалась. – Так у нас называют Землю. Называли до сих пор.

Солнце казалось отсюда бледненьким. Так себе, желтая звездочка, недостойная даже того, чтобы иметь у аборигенов, если бы таковые были здесь, собственное имя. Семнадцать световых лет превращают огромный, пышущий жаром шар, источник света и жизни, обожествляемый примитивными религиями, в заурядную желтую точку.

Солнце Рая, впрочем, выглядело еще менее презентабельно. Ортленна ткнула в него в упор, но Захар искал, близоручко сощурившись, и все не мог найти. Пришлось достать из футляра очки – уж на что он не любил надевать очки при да-

мах, – и только тогда он разглядел светящееся красное пятнышко.

– Проксима, – проговорил он.

– Что? – отозвалась Ортленна.

– Проксима. На одном из наших древних языков это значит «Ближайшая». Так мы называем ваше солнце.

– По крайней мере, лучше, чем мы ваше, – засмеялась Ортленна.

Вездеход стоял на гребне. Слева – колючая проволока и карьер, справа – закат, быстро превращающийся в ночь, и дорога – едва заметная гусеничная колея, что успел накатать вездеход за поездки от шшерского рудника к бывшей гьдеанской базе и обратно.

Замерцали падающие звезды. Обломки кораблей, взорванных на орбите, входят в атмосферу и сгорают. Они еще долго будут сыпаться – свидетельство триумфа Земли над Еном Пираном.

Эст Унтли ждала в кабинете. Мало ли, что время нерабочее – а вдруг директору что-то понадобится? Так вышколил свою секретаршу Кан Телевер еще в ту пору, когда был директором. Теперь Кан Телевер всего лишь один из менеджеров, такой же бесправный, как все остальные, работающий за еду и за эфемерную надежду, что его не убьют. Эст Унтли часто видела его. Подневольное положение тяготило бывшего директора. С нынешним он волей-неволей был вежлив и почтителен, срывая свое раздражение на товарищах по несча-

стью. Утром, выйдя с планерки, он в сердцах обозвал ее, намекая на то, что она спит с новым директором и благодаря этому может бездельничать.

Она не нашлась, что ответить. Обвинение было слишком несправедливым. О каком безделье речь, если она днем и ночью ждет распоряжений, и распоряжения эти сыплются порой одно за другим, так что выполнить не успеваешь? Новый директор с непроизносимой фамилией внушал ей страх. Не потому, что принуждал к сексу – этого он как раз почему-то не делал, словно и не директор вообще. Лучше бы делал, тогда бы она меньше боялась. Мужчина в постели становится близок и понятен. А он держал ее на дистанции и смотрел... смотрел порой даже одобрительно, но не как на женщину, а как на инструмент: с точки зрения удобства и полезности. У нее сжимался желудок, когда она ловила на себе такой взгляд.

И на всех остальных он точно так же смотрел. На Кана Телевера, например, которого это бесило. Люди, с точки зрения нового директора, имеют право на существование лишь до тех пор, пока приносят пользу. Перестают приносить пользу или тем паче доставляют неудобство – это право теряют. За невыполнение приказов – голыми на мороз на всю ночь, хорошо хоть в дыхательных масках. Заподозренных в саботаже он однажды приказал выгнать на улицу без масок. Через три минуты милостиво позволил втащить в помещение, но один из наказанных уже умер. Он отказался

принять обратно сбежавших от унижительной зависимости, отдал их на растерзание кровососам. А когда кто-то заикался о милосердии, он сажал несчастного перед проигрывателем и включал один и тот же ролик, после которого выворачивало наизнанку, а потом спрашивал, действительно ли кого-то не устраивают практикуемые им наказания. Еще ни один не ответил, что не устраивают. Каждый старался работать как можно лучше, привлекать внимание как можно меньше и ни в коем случае не перечить ни директору, ни охране.

Когда Захар вошел в кабинет, горничная стояла у окна и смотрела куда-то в ночь. Может, тоже глядела на падающие звезды. Какие, интересно, чувства испытывает она, видя обломки гьдеанских эсминцев? Не то чтобы это интересовало его по-настоящему: и так примерно ясно, какие.

Она быстро обернулась и поклонилась. Молча. Этим она ему нравилась. Говорящая мебель – раздражающее излишество.

– Унтли, сделай кофе, – распорядился он. – И приготовь ванну. Прохладную.

Она опять поклонилась – две каштановые косы упали на грудь – и тихонько захлопотала. Захар сел за стол, отодвинув бумаги, нетерпеливо забарабанил пальцами, ожидая кофе. Горничная метнулась к нему с чашкой – множество юбок всколыхнулись волной. Красиво. Красивая, молчаливая и работающая женщина на своем месте – просто находка. Он отпил кофе, глядя в окно. Зажглись прожектора на карьере,

и звездный блеск потускнел, отошел на второй план. Ортленна сейчас на пути домой. Не домой, конечно – на свой рудник, но как еще сказать? Вездеход бодро ползет по колее, а вокруг – безмолвная морозная ночь, а наверху – расписанный звездами медленно вращающийся купол неба. Наверное, она смотрит на него. Она знает толк в наслаждении красотой окружающего мира.

– Господин директор, ванна готова, – тихо пробормотала горничная.

Вначале он велел называть себя «господин Зальцштадтер», но она даже не пыталась выговорить его фамилию. Бестолковые гъдеане. Вот Ортленна выговорила с первого раза, как будто всю жизнь учила. Но при второй их встрече он предложил ей называть его Захаром.

– Хорошо, – откликнулся он, не оборачиваясь от окна. – Можешь идти спать, уберешь все завтра до моего прихода.

Ортленна подарила ему кристалл памяти с фотографиями и видеозаписями природы Нлакиса. Сама снимала, когда только приехала сюда. Четыре года назад эта планета была такой же прекрасной, как сейчас.

Он допил кофе, повернулся на крутящемся кресле и увидел, что горничная все еще здесь. Стоит тихо – хочет напомнить о себе, но робеет.

– Что такое, Унтли?

– Господин директор, – прошептала она, – почему вы со мной не спите?

Ну вот, сглазил. Мебель заговорила. Он нахмурился.

– А почему я должен с тобой спать?

– Ну, – она помялась, – вы же мужчина.

Хороший повод. Он окинул горничную оценивающим взглядом. Эстетического протеста не вызывает. Может, правда – завалить ее на стол, вон туда, где бумаг поменьше, задрать юбки, одну за другой, и?.. Нет, Роза убьет. С другой стороны, если она не узнает, то и не убьет, а от кого ей узнать? Он-то хвастаться не будет. Пару секунд он колебался. А каковы перспективы? Трахнуть и забыть – это в стиле Ван Рийна, перепробовавшего абсолютно всех здешних гдеанок, не потому что все они были ему страсть как желанны, просто он считал, что статус начальника охраны обязывает. Но подобное совершенно не в его, Захара, характере. Ночь, другая, третья, потом она что-нибудь попросит для себя, потом начнет звать его каким-нибудь долбаным зайчиком или котиком, потом примется советовать... С женой он смирился, но от мебели такого не потерпит. Так что лучше и не затевать.

– Тебе нужен мужчина? – холодно переспросил Захар. – Могу позвонить начальнику охраны и попросить его позаботиться о тебе.

Эст Унтли сжалась и быстро проговорила:

– Нет, не надо, господин директор.

– Затронешь эту тему еще раз – так и сделаю, – предупредил он. – А сейчас убирайся спать.

Если бы Ортленна назвала его зайчиком или котиком, он бы не возражал. Пусть бы просила себе, что хочет, пусть учила бы его жизни, если пожелает. И пусть даже Роза его убьет – все равно ведь убьет, не поверит, что у него никого не было за всю командировку. Ортленна – не мебель. Она – деловой партнер, независимая и очень интересная дама. И он все чаще и чаще возвращался к ней мыслями. Если бы она предложила еще раз...

Но отчего-то ему казалось: не предложит.

– Сиди и не квакай, недотепа, – раздраженно буркнул Алексей Смирнов, командир ГС-крейсера «Хан Соло».

– Ты здесь не выступай, урод, – откликнулся вампир с экрана связи. – Тут тебе не дома, тут наша территория.

Сумеречник с бритой головой и длинным чубом был одет в плотный черный сайртак с красной полосой на плече. Капитан Нетханк Винт. Водила одного из латаных досветовых пепелацев, болтающихся вокруг Рая и делающих вид, что его защищают.

– Вся территория, которую ты можешь считать своей, находится у тебя в жопе, – парировал Смирнов. – Да и ту, если захочу, нарушу, – он изобразил красноречивый жест, показывающий, каким именно образом это будет происходить.

– Отросток у тебя еще не вырос, щенок, – процедил Нетханк Винт. Капитан был уже стар и имел все основания сказать так Смирнову. С точки зрения шитанн, этот коротко

стриженный пепельный блондин был неприлично юн для своей должности.

Но тот с ним не согласился.

– Для тебя хватит. Территория-то невелика! – он хмыкнул. – Просрали все, что было. И флот просрали вдобавок. Охраняй вас теперь, будто заняться больше нечем!

Правда была обидной, и по сути не возразишь. Рай потерял флот и фактически проиграл войну Гъде. Надежда была лишь на то, что земляне зададут Гъде трепку и помогут тем самым Раю сохранить хотя бы собственную систему. Потому-то и торчал вблизи Рая земной крейсер – на тот случай, если кто решит обидеть союзника. Всерьез в это не верилось. Какой смысл добивать ослабленный Рай, коли Нлакиса у него уже нет? Сражаться надо с тем, кто теперь владеет Нлакисом – то есть с Землей. Но командующий приказал занять позицию у Рая, а приказы не обсуждаются. Вот и скучал Алексей, заполняя досуг вялым переругиванием с союзниками.

– Так охраняй, а не наезжай! – рявкнул Нетханк.

– А ты на меня не ори, старое чучело. Если впрямь наеду – мало не покажется.

– Не больно воображай о себе, землянин! Думаешь, круче тебя только кипяток? Ты один, а нас много! Зажмем в уголок и доберемся до твоего горла... а там и до жопы.

– Мама родная! – Алексей даже рассмеялся. – Ну вот что ты городишь, некрофил шизанутый?

– Сам ты чокнутый извращенец! Я твою маму в гробу видел.

– А я твою маму...

И в этот момент, прервав фразу на полуслове, запищал сигнал тревоги – и у шшерцев, и у землян.

– Чужие корабли!

– Восемь ГС-переходов!

– Восемь?!

Восемь – это чересчур. Это больше кораблей, чем осталось в эскадре Ена Пирана.

– Кто это?

Корабли показались из-за радужной занавеси, и аналитический отдел отозвался:

– Чфеварские драккары.

Нетханк выстрелил первым. Все-таки там, за заслоном, была *его* родина. Выстрелил, но не попал. Алексей присоединился чуть позже. «Хан Соло», слегка повернувшись, дал залп, сметающий все на своем пути. Шустрые драккары, небольшие, но маневренные, брызнули прочь с траектории выстрелов. Успели не все. Один из кораблей взорвался огненным цветком.

Адмирал Конг Ну Тоэ не ждал трудностей. Ему доподлинно было известно, что у системы Шшерского Рая нет блокирующей сети, наличие которой у Земли заставило отказаться от прямой атаки на эту планету. Земляне – параноики, но

параноя сыграла в их пользу. Земле не грозит неожиданная орбитальная бомбардировка. Рай более разумен и сдержан в своих расходах: поддержание блокирующей сети съедает бюджет средней страны. Нынче Рай поплатится за свою скудость.

Умом Конг понимал: не в скупости дело. Мало кому по карману такие дорогостоящие вещи. Это богатые ханты могут позволить себе подобное баловство. А родной Чфе Вар, к примеру – нет. И не то чтобы Чфе Вар беднее Земли... Просто расстановка приоритетов в разных мирах происходит по-разному. Земля тратит деньги, не считая, на вооружения и оборону, а в космопортах полно попрошаек, проституток и мошенников. Чфе Вар предпочитал вкладывать средства в социальную защиту граждан. Но и флот, конечно, держал, а как же. Флот – руки и ноги мира.

Раю руки и ноги практически оторвали. Ен Пиран постарался. Адмирал Конг заочно уважал своего гьдеанского коллегу. В последнее время о нем не было слышно, но Конг не сомневался: Ен Пиран еще даст жару землянам. Может быть, они с ним проведут и совместную операцию. Почему нет?

Сейчас дело за малым: вывести эскадру на орбиту беззащитного Рая и предъявить шшерцам ультиматум. Восемь драккаров вышли из прокола внутри райской системы, не ожидая сопротивления. Нет, к встрече с легкими досветовыми катерами, дрейфующими в окрестностях планеты, Конг был готов. Что несколько жалких тихоходов его эскадре? На один

зуб.

Но жизнь полна фатальных неожиданностей. Первое, что увидел адмирал Конг, сориентировавшись после прокола – это грозно разворачивающийся навстречу ГС-крейсер Земли. Камзол моментально вымок от холодного пота.

Трусом он не был и панике не поддался. Но эта неожиданность относилась к разряду очень, очень неприятных. Райские тихоходы ни за что не смогли бы взорвать драккар с одного выстрела. Мощности у катеров не та: сколько дает их лазер, и сколько – турболазеры крейсера? Не сравнить.

– Рассыпаться! – приказал Конг Ну Тоэ, сохранив ясность ума и твердость голоса. – Не паниковать! Нас восемь, а он один.

Нас уже семь. Но об этом – нельзя. Надо поддержать капитанов, а не уронить их боевой дух.

– Мы должны его уничтожить, – только так, иначе он уничтожит драккары. – Не отвлекаться на побочные цели. Расходимся вокруг землянина и берем его в клещи!

Как же, будет он стоять и ждать, пока его возьмут в клещи. Крейсер сманеврировал, поливая огнем чфеварские корабли. На одном из них вспыхнул пожар, и тут же райские катера яростно налетели на подранка, принялись обстреливать. Он еще огрызался в ответ... Нет, пренебречь второстепенными целями не получится.

– Огонь по шшерцам, – распорядился он.

Драккары перенесли прицелы лазеров и пушек на кате-

ра. Один тихоход, не успев увернуться, развалился на части, второй... А крейсер, угрожающе приблизившись, нанес еще несколько ударов – как бы наобум. Флагман затрясся, дефлекторы жалобно загудели, но выдержали. А у кого-то – нет.

– Нетханк, уходи! – крикнул Алексей Смирнов, видя, как чфеварцы выкашивают катера. – Прячься за меня!

Старый шитанн вряд ли дожил бы до старости, если бы не понимал, когда геройствовать неуместно. Не было бы здесь «Хана Соло» – стояли бы насмерть, уничтожили бы один, а может, и два драккара, заплатив собственными жизнями. Но крейсер справится лучше. Для того Смирнов и торчал тут неделю, маясь скукой, от нечего делать дразня райских капитанов. Он прикроет отход уцелевших катеров и расправится с чфеварцами. Может быть. Потому что восемь драккаров, даже семь – это слишком много и для крейсера.

Три драккара, сверкая дефлекторами, слегка мерцающими от избытка энергии, окружили «Хана Соло», отражая его огонь. Хотят связать боем, понял Алексей, в то время как еще три корабля пойдут... куда? К Раю, можно и к гадалке не обращаться. А пускать их туда нельзя. Неизвестно, что эти бестии задумали, но уж точно не с цветами и не со словами любви они прутся. Алексей медлил. Сейчас он держит этих троих, у него выгодная позиция, он не дает им снять защиту, но если он погонится за теми – неминуемо подставится. А

перехватить уходящих к Раю необходимо – кровь из носу.

Ни на секунду его не посетила мысль предоставить Рай своей судьбе и отступить перед превосходящими силами противника. Да, он не питал к шшерцам большой любви – не испытывать ненависти уже довольно для союзника. Ему было бы жаль, если бы с мирными жителями Рая случилось дурное, но и только. Сердце не щемило, кулаки не сжимались, хрустя и оставляя следы ногтей на ладонях. Это не его родина. Но у него имелась боевая задача, и он ее выполнит. Он не может подвести. Если он не сделает того, ради чего прохладился тут, то покроет позором весь ГС-флот Земли. Что это за хваленый флот, пойдут толки в Галактике, который не смог исполнить обязательства перед союзником, дорого заплатившим за помощь? Лучше смерть, чем стыд.

Алексей вывел три правых ускорителя на форсаж. На какое-то время ему удалось сбросить с хвоста троих ошарашенных чфеварцев.

Ускорители у крейсера хороши – если сравнивать с теми же гьдеанскими эсминцами или линкорами Рая, которых уж и не осталось. Но драккары тоже быстры. И они не собирались останавливаться и принимать бой. Они рвались к планете. А сзади гнались опомнившиеся, перебросив энергию с дефлекторов на двигатели. Алексей не преминул этим воспользоваться. Залп из кормовых пушек – и ближайший преследователь получил удар, от которого не смог оправиться. Но два других ударили в ответ, а «Хан Соло», вложив почти

все в скорость, тоже не мог держать достаточно мощные щиты. Корабль трянуло, затем еще раз. Запахло горелой изоляцией.

– Ускорители? – коротко потребовал отчета Алексей.

– В норме.

«Хан Соло», мчась левым боком вперед, догонял троих чфеварцев, стремящихся к Раю. Но очень медленно. А два корабля сзади не отставали, поливая его из орудий. Чаше – промахивались, но и попадания были. Горелым тянуло все сильнее, корпус дрожал: то ли от ускорения, то ли попадания повредили несущие конструкции.

Алексей включил еще два ускорителя – задние, решительным поворотом рычага вывел мощность на максимум. Теперь корабль несся по диагонали, но какая разница? Главное – быстрее. Светлая точка планеты уже превратилась в диск.

– Мы тратим слишком много топлива, – заметил старший помощник.

Алексей стиснул зубы. Жан прав. В этой погоне они сожгут все топливо, а потом... Он мотнул головой, словно сбрасывая сомнения. Будет ли это «потом» – еще вопрос.

– Дистанция огня, – сообщил компьютер.

– Бьем! – отдал приказ расчетам Алексей. – Бьем на поражение без команды, по всем целям.

И это тоже – расточительный расход энергии. Той энергии, которую можно было бы дать на дефлекторы. Но экономить на атаке нельзя. Драккары не должны пройти.

И задний дефлектор просел. Крейсер содрогнулся так, что на миг померкло в глазах. Алексей ощутил привкус крови на прокушенном языке.

– Два кормовых ускорителя потеряны, – бесстрастно сообщила система.

Недрожжащие руки Алексея забегали по пульту. «Хан Соло», сбившись с траектории, крутанулся вокруг оси, и он включил передние ускорители. Теперь корабль двигался кормой вперед. И настигал, все-таки настигал.

Один из преследуемых драккаров рассыпался на ослепительные брызги. Второй огрызнулся, плюнул зеленой плазмой.

– Черт!

– Кормовые лазерные батареи потеряны.

И два ионных потока сзади сошлись на обшивке «Хана Соло».

– Твою мать!

– Носовые лазерные батареи потеряны. Носовые ускорители потеряны.

Остались еще боковые модули. Алексей торопливо, но без суеты играл рычагами. Уцелевшие орудия били, не переставая. Один из задних драккаров превратился в пылающий шар, второй сбился с хода, и крейсер на трех левых ускорителях выскользнул из прицелов и вновь рванулся к тем, что впереди.

Уверенность адмирала Конга Ну Тоэ в превосходстве восьми над одним почему-то таяла. Только сейчас он до конца понял, что такое ГС-крейсер Земли, дитя конструкторской мысли агрессивных параноиков и кошелька сумасшедших мотов. Это чудовище потеряло больше половины ускорителей и больше половины орудий, внешние средства навигации, часть топливохранилищ, но и того, что осталось, было достаточно, чтобы упорно переть за флагманом Конга, точно на привязи, и продолжать сеять страх и смерть. Монстр горел, но не отставал. Два драккара – флагман и один сопровождающий – мчались впереди, пытаясь сбросить погоню с хвоста, еще один преследовал крейсер сзади. Три корабля против одного. Это же много? Если забыть о том, что недавно их было восемь.

Чтобы осуществить план координатора, достаточно одного. Хотя бы один должен прорваться к Раю и предъявить ультиматум. Это менее эффективно, чем если бы их было восемь, но в принципе возможно.

– Второй – на сближение с крейсером, – приказал Конг. – Свяжите его вместе с шестым. Я выполню задачу.

Второй помедлил. Он прекрасно понимал, что им жертвуют. Не ради спасения адмирала, конечно: репутация Конга Ну Тоэ во флоте была такова, что никто и подумать бы не мог об этом. Ради того, чтобы закончить операцию и достичь цели. Чтобы все было не зря. Но как же мучительно сознавать, что тебя бросают врагу, как кость хищнику – что-

бы отвлекся на пару минут. Осталось немного. Шар планеты придвинулся, стали уже различимы красноватые облака.

– Слушаюсь, – ответил он.

Вспыхнули ускорители, и драккар стал удаляться от флагмана, приближаясь к крейсеру и стреляя. Несколько секунд Конгу казалось, что ему сопутствует удача: по борту землянина разлилось белое пламя, крейсер завибрировал. Но нет, успех был лишь временным: ответный шквал огня зажег на месте драккара новую звезду и – что самое ужасное – захлестнул задние ускорители флагмана.

Пока Конг разворачивался, крейсер был уже совсем рядом. Надвинулся, паля в упор – непонятно из чего, по прикидкам Конга, все орудия с этого борта должны были уже прийти в негодность. Или он успел повернуться другим бортом? Безликие Боги, когда?

Флагману удалось слегка оторваться, увеличить дистанцию, визжа дефлекторами, теряя один расчет за другим, выжигаемые крейсером. Землянин снова задрожал: драккар стрелял в него сзади. По обшивке зазмеились разряды: видать, что-то замкнуло; в кормовом модуле раздался взрыв, еще один – и вдруг он отделился от корабля, идя навстречу преследующему драккару. Тот не успел отвернуть; столкновение и новый взрыв, охвативший весь экран. А скособоченный крейсер, плаваясь и горя со стороны взрыва, приобрел под его действием дополнительное ускорение к тому, что выжимали его двигатели. Всей своей массой, лишь немного

потерявшей при отстреле кормового модуля, он врезался в тщетно пытающийся отвернуть флагман.

Переборки сминались, как картонные, со свистом рвался наружу воздух. У Конга оставалось несколько секунд. Можно глупо броситься бежать к спасательной капсуле, чтобы все равно не успеть, а можно попытаться сделать что-то, чтобы погибнуть не зря.

Конг посмотрел на объемный, громадный шар с кольшущимися облаками, занявший пол-экрана. В разрывах облачности – синее, красное, оранжевое. Ультиматума не получится, но хоть так.

Он нажал кнопку, выпуская ракету. Неважно, куда. Куда-то да попадет. Хоть в океан – цунами вызовет, и то хорошо. А в следующее мгновение Конг Ну Тоэ умер, раздавленный стенами рубки.

– Нетханк, – позвал Алексей. – Ты жив?

Два уцелевших катера, безнадежно отставшие от скоростных кораблей, плелись по направлению к Раю. «Хан Соло» был для них всего лишь точкой на грани видимости.

– Жив я, жив, – сварливо отозвался шитанн. – Сам-то как?

– Не очень, – Алексей не поддержал подначку. – Чфеварцев больше нет, Нетханк. Но один из них что-то запустил к поверхности. Можешь перехватить?

– Смеешься? Я в мегаметрах от тебя.

– Тогда передай на планету. Может, собыют.

– Сам и передай! – ох уж эти молодые, ничего не хотят делать самостоятельно. – Ты ближе.

– Я уже далеко, – что-то такое прозвучало в голосе землянина, отчего бывалому капитану стало не по себе. – Пока, Нетханк. Скоро свидимся, старик.

И замолчал. Связь оборвалась.

– Эй! – заорал Нетханк. – Землянин, ты чего? Слышишь меня, урод! Ты мне эти дурацкие шуточки прекращай! Эй, щенок! Куда ты пропал? Ты меня до инфаркта доведешь своими приколами! Аляксейй!

Нетханк не верил до самого конца. Не хотел верить. Даже когда они подошли к Раю через полчаса и не нашли «Хана Соло», отказывался верить. Вокруг роились спасательные капсулы, и два катера принимали их одну за другой, снимали людей и отстыковывали: это же катера, а не крейсера и даже не линкоры, у них нет ангаров для капсул.

– «Хан Соло» погиб, – сказали ему люди из первой же капсулы. – Крейсер уничтожил все драккары. С последним столкнулся, стал разваливаться, и капитан приказал эвакуироваться. Через некоторое время сцепившиеся корабли взорвались. Нет, успели уйти не все. Многие, но не все.

Он и тогда не сразу поверил. Лично встречал каждую капсулу и у всех спрашивал:

– Аляксейй с вами? Где Аляксейй?

Внизу, на поверхности планеты, вспучивался черный нарыв. Нетханк сообщил о ракете, и ее сбили над пустынными

ми территориями Кенцца, но заряд сработал. От одного издыхающего чфеварца такая гадость! А если бы все восемь имели возможность это сделать? И они бы имели, если бы не «Хан Соло»!

У Нетханка разрывалось сердце. Капитан Алексей Смирнов казался ему совсем молодым. Жить бы да жить еще щенку. Мог бы выйти из боя, когда он стал принимать нежелательный оборот. Почему он не ушел? Но если бы он ушел, черных нарывов внизу стало бы больше. От двух до восьми. И он, Нетханк, и все его люди погибли бы: без крейсера чфеварцы вспомнили бы о других целях и не стали бы оставлять их за спиной.

Всю свою долгую жизнь Нетханк считал землян врагами. Эта вражда была унаследована от предков и пронизывала все бытие двух миров, от детских сказок до политики. Когда Крийхан Винт объявил о договоре с Землей, в это верилось с трудом. Умом, но не сердцем. К «Хану Соло», прибывшему для защиты Рая – *якобы* для защиты, как полагал про себя Нетханк, – он отнесся с подозрением, подсознательно ожидая от землян пакостей. Теперь он поверил – всей душой поверил, как и миллионы шшерцев, которых обошла стороной ядерная смерть. Но кое для чего уже поздно.

Скоро свидимся, сказал ему Алексей. Это вряд ли. Шитанн нерелигиозны. Переходя на иной план бытия, они обращаются в почву и воздух, растения и космическую пыль, журчание ручьев и звездный свет. Это не вера, это – знание.

Но Нетханк допускал, что инопланетные религии имеют под собой основание. Не просто так ведь они придуманы? Кто знает, каков иной план бытия в иных мирах? Может, и таков, как рисуют их верования. Может, Алексей и попадет в свой рай – виртуальный мир наслаждений, где земляне с крестами обретают награду за прижизненные дела. Но сомнительно, что это тот Рай, где они могли бы встретиться – тот, чей диск, молочно-кровавый с синевой, занял весь экран обзора. Случайное созвучие, вряд ли что-то большее.

Не притрагиваясь к абсенту, Веранну отвесил сочувственный поклон.

– Тсета скорбит о погибших с «Хана Соло».

Салима кивнула и поправила бежевый головной платок.

– Многие из экипажа спаслись, Веранну. Райские катера их подобрали.

– Крейсер честно выполнил свой долг, – сказал посол Содружества Планет. – На восемьсот процентов без малого. Вся Галактика узнала, что Земля верна своим обязательствам и не отступит, какова бы ни была цена.

Он отпил из рюмки и резюмировал:

– Это может казаться удивительным, но не лишено своей внутренней логики.

Женщина пожала плечами.

– На войне как на войне.

Крейсер было жаль. И она уже знала, что капитана нет в

списках выживших. Увы, никакая война без потерь не обходится. Криййхан Винт почти демонстративно заявил в Совете координаторов, что считает Алексея Смирнова достойным Золотого Солнца – высшей награды Рая – и готов выплатить его родным прилагающееся денежное пособие. Но вряд ли им от этого легче.

– Разные цивилизации ведут себя в войне по-разному, – заметил тсетианин. – Защитить союзника – логично и достойно уважения. Пытать пленных – отвратительно, хотя не стану отрицать, логика в этом может присутствовать. Однако бомбардировать населенную планету ядерной ракетой – бессмысленное варварство. Вряд ли этим возможно добиться чего-то для себя. Если бы Чфе Вар лишь пригрозил бомбардировкой, он мог бы выиграть раунд. Но пытаться ее осуществить было неумно. Это лишь укрепит жителей Шшерского Рая в их решимости воевать и победить. Чтобы запугать их, следовало либо обойтись грамотными угрозами, либо нанести более сильный удар, который полностью подорвал бы боевой дух противника и вытравил всякую мысль о сопротивлении.

Соображения гуманизма у тсетиан отнюдь не на первом месте. Если более сильный удар приведет к цели, почему бы его не нанести? Вести войну нужно с умом, а не с жалостью.

Салима была с ним полностью солидарна. Но право на сильный удар надо заслужить, чтобы не оказаться в глазах галактической общественности кровожадными дикарями. И

каждый промах врага, каждая мелочь, ложащаяся пятном на его имидж, приближает Землю к обретению этого права.

Салима вовсе не думала, что Эл Танг Ри так безнадежно глупа. Старуха наверняка разработала план, который казался беспроектным. Скорее всего, она предполагала обойтись словами. Окружить Рай и потребовать чего-нибудь, угрожая поразить наземные цели, потерю которых Рай не мог бы себе позволить. Однако любой план живет лишь до тех пор, пока неучтенный фактор реальности не внесет в него коррективы. Чфеварцы нарвались на «Хана Соло», и он не дал им подойти к планете, а единственная выпущенная – вероятно, случайно – ракета вызвала больше возмущения, чем разрушений, задев самым краем безлюдный север владений Кенцца. Но тсетиане видят все по-своему. Мало ли кто чего хотел, важно, что вышло. А вышла, с их точки зрения, непристойная глупость.

Веранну допил рюмочку, закусил оливками и сыром и пояснил:

– Все это отнюдь не мои личные философствования, Салима. Это позиция Тсеты. Мой мир готов поддержать сторону, которую он считает правой и которая ему близка как по духу, так и территориально.

Салима слегка улыбнулась.

– Тсета собирается вступить в войну? Это хорошее подспорье. Но в чем ваша выгода? Чего вы ждете от победы?

В то, что Тсета будет сражаться за идею, дабы отомстить

за обиженных и покарать обидчиков, Салима не верила. Это нелогично, а значит, неприемлемо для тсетиан.

Губы Веранну тоже сложились в улыбку. Он не намеревался пудрить землянке мозги дипломатическими иносказаниями, маскируя свои цели демагогией. Они очень хорошо знали друг друга. Зачем юлить?

– Мы поможем вам справиться с гьдеанами и чфеварцами, а вы пустите нас на Нлакис.

Салима сделала вид, будто размышляет.

– Пустим, – согласилась она. – На тех же условиях, что Шшерский Рай.

В Ебург Аддарекх и его товарищи отправились без майора Райта. Тот уехал к родне, и без него Аддарекху было слегка не по себе в незнакомом городе на чужой планете. Но не просить же о сопровождении! Шесть взрослых людей – не детсадовская группа, обойдутся как-нибудь без няньки.

Мрланк изучил гостиничный номер, одобрил. Ткнул лапой туда, где, по его мнению, следовало поставить лоток, и туда, где должны находиться миски с едой и водой.

– Да не вопрос, – сказал Аддарекх и выполнил все его пожелания.

Коту нравилось, что кошкочеловек не гнет пальцы веером, воображая, будто ему одному известно, как организовать быт. Двунogie боги вообще плохо понимают, что каждой вещи – свое место, и редко слушают котов. Кошкочело-

век слушал. Кровать стояла плохо, и под руководством Мрланка он передвинул ее в место, располагающее к сладким, беспечальным снам.

– Теперь тебя все устраивает? – поинтересовался Аддарекх, складывая в холодильник минеральную воду и запасы кошачьего корма.

Мрланк мурлыканьем выразил согласие.

– Я пойду прогуляюсь, – сообщил человек. – Хочешь со мной?

Котенок не захотел. Самолет его утомил, и сейчас он намеревался употребить молоко, предусмотрительно налитое Аддарекхом в миску, и залечь на удачно переставленную кровать. Человек вернется, а постель уже нагрета кошачьим теплом. Он это любит.

Шшагил Хот и Зигленк Арранц решили пройтись с командиром. Погода сухая, отчего бы не погулять по парку? Солнце здесь, в Ебурге, не такое сумасшедшее, как в Байк-паркинге, легкая облачность то и дело загораживает слепящий диск. Впрочем, Аддарекх все равно решил, что долго фланировать они не станут. Хоту, может, без разницы, но у Кенцца кожа слабо пигментированная, цвета едва румяной выпечки. В Байк-паркинге он уже умудрился заработать небольшой солнечный ожог – не рассчитал.

Земная флотская форма была удобна, и Аддарекх продолжал надевать ее на занятия. Но все же, когда у него появились деньги, он купил себе одежду, более привычную для

жителя Рая. Хотя, конечно, здесь все было не райским: голубые брюки с множеством карманов и нарочито выделяющейся строчкой узковаты внизу, голубой жилет короткий, а синяя футболка с непонятной белой надписью на груди – чересчур свободна и не полностью закрывает руки. Шшагил и Зигленк тоже были в гражданском.

– Интересно, девчонки тут есть? – спросил Зигленк.

– Девчонки везде есть, – проворчал Аддарекх. – Но не факт, что они захотят с тобой знакомиться.

Сказать по правде, девчонок в парке было немного. Все больше веселые компании нетрезвых мужиков, многие из которых одеты в камуфляж, словно прямо здесь собрались воевать.

– Может, это парк для гомосексуалистов? – предположил Шшагил.

– Странные тут гомосексуалисты, – отозвался Зигленк. – Ни одного милого мальчика, сплошь мордovorоты.

– Ну, это ж земляне, – хмыкнул Шшагил.

Они шли по тенистой аллее, разглядывая компании подвыпивших гомосексуалистов с нездоровым любопытством. Кое-где играли на музыкальных инструментах и пели. Кое-кто жарил на углях мясо. Где-то просто пили, чокаясь или не чокаясь. Аддарекха поражала способность землян принимать внутрь крепкие спиртовые растворы. Пиво – еще туда-сюда, но водка – совсем уж отравя.

Впереди была площадь с фонтаном. Аддарекх заприметил

прилавок с мороженым. Впервые он попробовал мороженое в Байк-паркинге. Пристрастие землян к этому продукту он не удивлялся: самому понравилось.

– Я за мороженым, – сообщил он товарищам.

– Возьмешь нам? Мы тут на лавочке посидим.

Они присели в тени на свободную скамейку. Аддарекх двинулся к прилавку, выгребая мелочь. Улыбнулся продавщице, не разжимая губ, и молча ткнул пальцем в выбранные стаканчики, не особенно надеясь, что она понимает по-хантски.

Расплатившись, он повернулся и чуть не наткнулся на молодого гомосексуалиста в камуфляже. Парень был сильно пьян. Он недовольно толкнул Аддарекха кулаком в грудь, не разойдясь с ним, и грубо сказал что-то на своем языке.

– Не понимаю, – ответил Аддарекх по-хантски, пытаясь обойти пацана.

– Слышь, урод! – гомосексуалист перешел на хантский. – Ты что, гомосексуалист?

Аддарекх слегка изумился. И даже немного растерялся.

– Я?! Почему ты так подумал?

– Потому что ты выглядишь, как гомосексуалист! – припечатал парень и снова ткнул Аддарекха кулаком – на этот раз в живот. – Очки напялил, ишь ты, профессор! И что это за патлы? – пацан совершенно неуважительно и нерасчетливо сильно дернул его за хвост; Аддарекху пришлось повернуть голову, чтобы не лишиться части волос.

– Лапы убери, – посоветовал шитанн, отводя его руку.

И получил тычок в плечо.

– И ведешь ты себя, как типичный гомосексуалист! – агрессивно заявил собеседник. – Шляешься тут, отдыхать мешаешь! Appetit людям портишь, урод! Ты вообще знаешь, какой сегодня день? День десантника, понял? – Кулак чуть не заехал Аддарекху в челюсть, спасла мгновенная реакция: шитанн подался в сторону.

– И что? – Аддарекх начал раздражаться.

– А то! – рявкнул пьяный. – Ты, хвостатый пассивный гомосексуалист, должен взаперти сидеть и трястись от страха и благоговения, когда десантники гуляют!

Шитанн скептически фыркнул.

– Это ты, что ли, десантник?

– Да! – парень снова выбросил кулак, метя в скулу; Аддарекху это надоело, он перехватил бьющую руку и провел болевой прием. Вместо того чтобы успокоиться или вывернуться, идиот стал орать и ругаться.

– Какой ты десантник? – Аддарекх презрительно сплюнул. – Салага ты, – подхватил пацана за шкирку и швырнул в фонтан. – Это я – десантник.

Большой плюх, брызги во все стороны, барахтанье и вопли привлекли всеобщее внимание.

– Я тебе!.. – отплевываясь и откашливаясь, сипел парень. – Да я тебя!..

– Наших бьют!

У окунутого в фонтан были товарищи. Такие же сопляки в такой же форме, решительно, хотя и не вполне устойчиво направляющиеся к Аддарекху. Один из них, самый здоровенный, замахивался на бегу железной мусорной урной. Аддарекх пригнулся, урна пролетела мимо. Продавщица мороженого завизжала. Он встретил первого из набегающих подножкой, которая круто изменила его траекторию и привела его физиономией прямо в колючую клумбу. Второго поймал за плечо и бросил всей массой в третьего, четвертого пропустил, отойдя с его пути, и аккуратно придушил сзади за шею. Тем временем зачинщик безобразия выбрался из фонтана и, исподлобья хмурясь на Аддарекха, зашлепал к нему, обтекая. Вряд ли мириться.

– Тебе помощь нужна? – Шшагил и Зигленк уже были здесь.

– Мороженое подержите.

Аддарекх сунул им стаканчики и, от греха подальше, взял мокрого «десантника» за ворот и кинул обратно в фонтан. За ним – двоих, что столкнулись друг с дружкой и копошились на асфальте, не в состоянии подняться. Пусть охладятся в воде, день-то жаркий. Следующим был здоровяк с исцарапанной рожей. Аддарекх вопросительно посмотрел на молодого человека, жадно хватающего воздух ртом, отходя от его захвата; тот замотал головой и попятился, и Аддарекх передумал отправлять его к товарищам. И так еле дышит, еще захлебнется, чего доброго.

– Та-ак, – на горизонте нарисовалась парочка толстых мужиков в форме. Не в камуфляже, как эти, якобы десантники, а в фуражках, бледно-голубых рубашках и даже галстуках. На поясе – кобура. Местные стражи порядка. – Кто тут безобразничает?

Они тоже были пьяны, но лишь слегка. Это не сказывалось ни на координатии движений, ни на разуме: так, они сразу сообразили, что перед ними инопланетяне, и начали разговор по-хантски.

– Документы, – потребовал страж.

Аддарекх протянул свое удостоверение, товарищи последовали его примеру. Стражи изучили визы, тщательно сличили фотографии с оригиналом. К чему придраться – не нашли.

– Чужаки не виноваты, – вмешалась продавщица мороженого. – Эти пьянчуги первые до них докопались. Молодежь, и так надирается!

Мокрые «десантники» сидели в фонтане, не решаясь вылезти. Страж фыркнул. Осведомился:

– Это вы их туда закинули? Или эти герои сами залезли?

– Я, – неохотно признался Аддарекх. Смысл врать? Все видели, как он их бросал, только брызги летели.

Будь нынче какой-нибудь другой день, сержант полиции Трифонов нашел бы повод выгородить своих и наказать шитанн. Что он, не землянин разве? Но, сдернутый на дежурство в свой законный выходной – потому что в городе празд-

ник и мэр приказал усилить патрули, – целый день топчась опостылевший парк из конца в конец по жаре и разнимая пьяных, Трифонов постепенно возненавидел десантников. Нет, даже не так. Настоящие десантники, ветераны, умели и пить, и вести себя. Если дрались между собой, то в шутку, если били кого-то другого, то за дело. А вот от молодых курсантов, которых в городе пруд пруди из-за Академии, никакого житья нет. Десантники, блин! Откуда и куда они десантировались, спросить бы!

А не хрен, подумал Трифонов, и вынес свой вердикт:

– Хулиганство, – он укоризненно покачал головой. И тут же, поправляя фуражку, подмигнул: – Мелкое. Можете заплатить штраф на месте.

Шитанн со вздохом потащил из кармана деньги:

– Сколько?

Вампир, а понятливый, одобрил про себя Трифонов. Не стал рот разевать, пререкаться. Штраф – так штраф. В приступе противоестественного доброжелательства Трифонов даже запросил в полтора раза меньше, чем собирался. Ничего, на курсантах, что сегодня уже поперек горла встали, они с напарником оторвутся по полной.

Блокирующей сети у Чфе Вара нет. До сих пор Эл Танг Ри считала, что это – неоправданно дорогое излишество. Ныне она остро жалела о своей былой прижимистости. Знать бы, где упадет – не поскупилась бы на мягкий коврик.

Поверх розового платья старухи струилась мертвенно-белая траурная шаль. Вся планета скорбела о погибших в неравном бою у Шшерского Рая. Лишь координатор знала, что неравенство сил было в пользу Чфе Вара. Всем остальным было объявлено, что эскадра Конга Ну Тоэ встрети-лась с превосходящим противником. Не присовокуплять же к горечи поражения еще и горечь позора! Однако Эл Танг Ри знала – и была не рада этому знанию, – что восемь ее прекрасных драккаров уничтожил один-единственный ко-рабль. «Хан Соло». Разумеется, она была наслышана о зем-ных крейсерах, но даже не предполагала, каковы они на са-мом деле. Одно сражение – и восемь ГС-кораблей размазаны по вакууму. Ужасно жаль принявших смерть людей, и все же старуха вынуждена была мыслить, как координатор. Подрас-тут дети, родятся новые младенцы – гибкость человеческого воспроизводства затянет прорехи даже от самой долгой и су-ровой войны. Совсем другое дело – корабли. Годами, высчи-тывая каждый грошик, Эл Танг Ри строила флот. Двадцать драккаров за десять лет. Один день – и их уже двенадцать. Двенадцать ГС-кораблей – это много, большинство миров располагает куда меньшими силами. Но когда их только что было двадцать, почва начинает шататься под ногами.

Одному из драккаров удалось нанести по Шшерскому Раю ядерный удар. И лучше бы он этого не делал. Большин-ство координаторов осудили применение ядерного оружия. К этому Эл Танг Ри была готова, осуждение – не более чем

слова, бессильно стекающие с победителя. Но победителем Чфе Вар не стал. Для этого нужно было восемь ракет, а не одна. И осуждение тсетиан вылилось в объявление войны.

Крийхан молчал. Чего стоят слова, если их нельзя подкрепить ни одним ГС-кораблем? Зато вместо него высказалась Салима, резко и нелюбезно. Сухая выжимка из ее выступления была такова: кто сделал зло нам или нашим друзьям – получит ввосемьмеро. И координатор Тсеты ее поддержал: мол, изьяна в этой логике не видит.

И теперь к Чфе Вару явилась объединенная эскадра Земли и Тсеты. Четыре земных крейсера, восемь тсетианских эсминцев, всего двенадцать против двенадцати драккаров. Равные силы? Как бы не так! После чудовищного поражения у Шшерского Рая у Эл Танг Ри не осталось иллюзий на эту тему. Она лихорадочно рассылала сообщения по квадевайсу во все миры-партнеры, хоть как-то связанные с Чфе Варом. Сообщения, разные по форме и стилю, требования, просьбы, намеки и посулы, суть которых сводилась к одному: помогите!

Румяный старичок побарабанил пальцами по высокому подлокотнику кресла.

– Ясудо, что вы можете сказать о соотношении сил?

Такаши обернулся от пульта через плечо.

– Разумеется, мы превосходим чфеварцев, командующий. Эсминцы Тсеты одного класса с чфеварскими драккарами,

но каждый крейсер стоит трех, не меньше.

Ларс покивал. Ответ верный. Вот только неполный.

– А я полагаю, Ясудо, что силы равны. Вы совершенно напрасно забываете, что у нас не поединок: ГС-корабль против ГС-корабля. Это не дальний космос, это система Чфе Вара. Мы пришли играть на чужое поле. У Чфе Вара есть досветовые сторожевики, имеются и боевые орбитальные станции. И там, – он указал скрюченным пальцем на зелено-голубой кружочек в углу экрана, – те, кто болеет не за нас.

– Какое нам до них дело? – возразил Такаши. – Они могут болеть за кого угодно, но не в силах ничего изменить.

– Зря вы так думаете, – неожиданно вмешался Джеронимо Натта. Кардинал считал своим долгом находиться в рубке «Максима Каммерера», несмотря на многозначительное предупреждение Такаши, что в бою всякое может случиться. – Вера и надежда значат очень много, а проклятие и молитва способны перекроить будущее. Ноосфера этой планеты пропитана ложнобожием, но даже придуманные боги становятся сущностями и обретают силу, если в них верят.

– Сражаться с чужими богами – ваше дело, – напомнил Максимилиансен. – Вот и займитесь им. А мы сосредоточимся на материальном. Наши тсетианские друзья, – зачерстившие атеисты, проворчал себе под нос Джеронимо Натта, но главнокомандующий сделал вид, что не услышал, – подавят огонь орбитальных станций, а мы пойдем к Чфе Вару. Хочу отдельно заметить, что уничтожить чфеварский

флот – не самоцель. Стрелять только по тем кораблям, которые будут мешать нашему плану. И при выполнении плана не увлекаться. Все знают цели, и не нужно поражать ничего сверх того, – дед усмехнулся. – Салима ханум говорит, это было бы негуманно. Я, как человек, гуманизмом не отягощенный, скажу: это было бы неэкономно.

Юри Тиккинену было стыдно. Стыд усугублялся докладной, пришедшей в ректорат из полиции. Сказать по правде, если бы не эта докладная, стыдно ему было бы гораздо меньше. Почти и не было бы. Ну подумаешь, напился – не в учебное же время. Велика беда, на дне десантника побузил – это ж традиция такая. А теперь стой с повинной головой перед проректором и красней.

Честно говоря, Юри пока не был настоящим десантником. Прошлым летом он поступал в Академию космоса на пилота – и не поступил, по конкурсу не прошел. Так он сказал родителям, для него же было ясно, что результаты его экзаменов от неудовлетворительных отличались совсем немного, и он сразу не забрал документы лишь затем, чтобы подольше пожить в общежитии и полюбоваться на стольный город Ебург. Потом он уехал на родину, а осенью пришло письмо: так и так, пилотом вам не быть, но в наших правилах проводить всесторонний анализ психологических и физических тестов всех абитуриентов, и по его результатам у вас есть хорошие показания к тому, чтобы служить в космическом де-

санте. Желаете – добро пожаловать в учебную группу, которая открывается с января месяца. А не желаете... ну, на нет и суда нет. Юри, конечно, пожелал, и радостные родители, вновь обретшие надежду, что из сына выйдет толк, собрали ему дорожный рюкзак.

Так что сейчас Юри Тиккинен был курсантом десантной школы при Академии космоса. Он проучился полгода, имел неплохие успехи и, хотя сознавал, что до настоящего спеца ему пока далеко, день десантника считал своим профессиональным праздником. Гульнул на празднике, и вон что вышло. Водка, казавшаяся безобидной, после смешения с пивом ударила в голову, а худой очкастый лох, хвостатый гомик в нелепой жилетке, точно так же выглядевший безобидным, швырнул Юри в фонтан, а вслед за ним покидал туда всех его товарищей, не вынимая из другой руки мороженого. Но самое ужасное случилось потом. Явилась полиция, и Юри с друзьями оказались кругом виноваты: нарушили общественный порядок, осквернили фонтан, оскорбили уважаемых иностранцев, устроили драку... Полицейский стращал курсантов дипломатическим скандалом и тюрьмой, да так убедительно, что они сочли за счастье заплатить огромный штраф и безропотно подписали протокол. А утром начальник курса притащил их за шкурку к проректору, и тот разве что головы незадачливым курсантам не поотрывал. Это же надо было так влипнуть!

Юри еще не подозревал, *как* он в действительности влип.

Разнос кончился, и четверо курсантов с мокрыми задами были моральным пинком отправлены на занятия. Они едва успели переодеться в десантные костюмы и бежали бегом, чтобы не опоздать в зал к появлению сурового инструктора.

Инструктор, на секунду застыв в дверях, смерил взглядом шеренгу будущих бойцов, одобрительно кивнул и вошел. Вот тут душа у Юри ушла в пятки: за спиной инструктора маячил давешний гомик с белым хвостом, и с ним еще пятеро – все в темных очках. Нашли? Явились отомстить? У парня заныло под ложечкой.

– Вы проучились полгода, – сказал инструктор. – Смею надеяться, чему-то научились. Далеко не всему! Но на ваши базовые навыки уже можно класть новые приемы. И сегодня вам выпал шанс, который не выпадал до сих пор ни одному курсанту...

Юри не слушал. Он не отрывал глаз от белохвостого, пытаясь понять, узнал тот его или нет. Сейчас, в отличие от вчерашнего, Юри смотрел трезвым взглядом, и до него дошло то, чего он вчера не заметил: все эти хмыри носят темные очки вовсе не для понту. Вот один из них усмехнулся, шепнув что-то другому, тот тихо заржал в ответ, мелькнули клыки. Это же шитанн! Юри холодным потом покрылся, сообразив, что наехал вчера на вампиров, которым голыми руками вырвать из твоей груди сердце и сожрать у тебя на глазах – как в два пальца высморкаться.

– Для вас, недоучек, – инструктор сурово припечатал сво-

их подопечных, – пригласили зарубежных специалистов, которые любезно согласились поучить вас бою, как союзников в нынешней войне. Надеюсь, что вы не опозоритесь перед ними, – взгляд его стал еще более грозным, и Юри невольно опустил глаза: он-то уже опозорился. – Итак, – инструктор перешел на хантский, – разрешите представить вам ваших временных инструкторов. Аддарекх Кенцца, младший командир элитной боевой группы...

Белохвостый шагнул вперед, и тренированный взор Юри, более не затуманенный алкоголем, уловил смертельную грацию его движения. Каким же идиотом надо было быть, чтобы обозвать эту машину смерти гомиком! Может, он и впрямь гомик, про шитанн ходили всякие слухи, ну и хрен бы с ним – зачем же в лоб такое бросать, рисковать башкой?

– Зигленк Арранц...

Еще один подтянутый тигр – нет, скорее лев, с такой-то гривой, – шевельнув ухом, встал рядом с командиром. Поистине: то, что они вчера никого не убили – не иначе как приступ милосердия. Могли бы сломать пьяным мальчишкам шеи, и дело с концом.

– Мы к вам ненадолго, – с легкой усмешкой промолвил Аддарекх Кенцца, – поэтому учить будем интенсивно. Мне понадобится мальчик для битья, – усмешка шитанн стала шире, и Юри внезапно показалось, что она адресована лично ему. – Я имею в виду, кто-то, на ком я буду показывать приемы. Ты! – палец уперся Юри в грудь. – Думаю, ты для

этой цели неплохо подойдешь.

Конечно, шитанн его узнал! Он-то не был пьян вчера. Юри слышал, что вампиры вообще не пьют спиртное. И, видимо, правильно делают. Юри дал себе зарок: если он переживет этот день, то пить больше не станет.

Операция у Чфе Вара стала для Джеронимо Натта первым сражением. Боевым крещением, как говорят вояки, хотя сам кардинал избегал нецелевого употребления названий церковных таинств.

Перед сражением он решил, что будет поддерживать эскадру молитвой. Но захватывающее действие, разворачивающееся на экранах обзора, заставило его позабыть о молитве. Кругом расстился безбрежный космос, усыпанный звездами, будто ладонь Бога-сеятеля бросила горсть туда – горсть сюда. Величественная картина, побуждающая задуматься о приоритете вечного над суетным... Но ненадолго, ибо дела Бога – по крайней мере, в эти времена – вершатся руками смертных. Эскадра Земли прибыла к Чфе Вару свершить возмездие. Синхронно с «Максимом Каммерером» двигались еще три ГС-крейсера – по космическим масштабам, совсем рядом, но силуэты кораблей Джеронимо не различал, лишь свечение ускорителей. Еще дальше – четыре светлых точки квадратом слева и четыре справа – тсетианские эсминцы. Вот те, что справа, сверкнули и поплыли, удаляясь, к яркой звездочке – орбитальной станции противника. Четыре

левых продолжали путь, а справа засверкали лазеры, красиво и безмолвно.

– Нас встречают, – главнокомандующий любезно указал на быстро движущиеся звездочки. – Чфеварские драккары.

Джеронимо важно кивнул. Он не отличил бы драккар от эсминца, даже увидев их рядом, не то что в сотнях километров, когда они выглядят, как белые точки. Но не выставить же себя невеждой!

Драккары стремительно приближались, точки превратились в крошечные кораблики... уже не в крошечные! Металло-керамическая громада неслась чуть ли не в лоб, стреляя пеленой зеленого огня. Крейсер прыгнул вниз, и огонь прошелестел над рубкой, а драккар исчез где-то позади. Ему на смену летел второй...

– Не отвлекаемся, – напомнил Максимилиансен. – Больше энергии на дефлекторы, и вперед.

Джеронимо не заметил, как исчезли тсетиане. У них была своя задача – нейтрализовать вторую орбитальную станцию. Четыре крейсера мчались в сильно разреженном строю, а драккары вились вокруг, словно надоедливые мухи, то и дело стреляя. Земляне до поры до времени не отвечали, отражая легкие залпы дефлекторами, а от сильных уворачиваясь. Но вот один из драккаров, пристрелявшись, опасно сел на хвост, и капитан Такаши скомандовал:

– Кормовая батарея, залп на поражение.

На экране были видны лучи, протянувшиеся к вражеско-

му драккару, а в следующую минуту он вспыхнул и обратился в белое облачко. И тут же остальные мошки отпрянули, принялись лихорадочно маневрировать.

– Планета, – показал Максимилиансен.

Зелено-голубой шарик, медленно растущий в диаметре и слегка смещающийся от левого угла: кардиналу уже объяснили, что крейсера движутся не по прямой, а по более выгодной траектории. Увлечшись созерцанием планеты, Джеронимо чуть не пропустил появление сторожевиков.

Сторожевики, неповоротливые, но обладающие большой огневой мощностью, вышли на дистанцию поражения, и драккары оживились, полезли ближе, прикрываемые их огнем.

– Убрать помеху, – распорядился главнокомандующий.

Полоса лазерных сполохов. Нет – четыре полосы. Крейсера били прямо по курсу, освобождая себе дорогу, не более того. Два сторожевика не успели среагировать, остальные торопливо шарахнулись прочь. «Максим Каммерер», не сворачивая, краем задел облако раскаленных газов, образовавшееся на месте одного из сторожевиков.

Планета притягивала взгляд. Голубое, наверное – океаны, а зеленое? Леса? Неужели она вся в лесах? Не может быть. Языки сероатой облачности, будто клочья шерсти.

Драккары сообща подобрались к какому-то крейсеру с левого борта и снесли ему ускорители. Тот плюнул плазмой в ответ, зеленый вихрь слизнул с ближайшего драккара все надстройки.

– «Дарт Вейдер» подбили, – отметил Такаши. – Наказать? Главнокомандующий согласно кивнул. «Максим Каммерер» выстрелил несколько раз.

– Что за «Дарт Вейдер»? – нахмурился кардинал. – Разве в эскадре есть такой корабль?

– «Анакин Скайуокер», – бросил Максимилиансен.

– Вот так его и называйте, – сделал замечание церковник. – Незачем вслух поминать тьму.

– Вы мне тут еще диспут устройте в бою! – разозлился старик. – Я буду звать свои корабли так, как мне удобнее! А вы можете заткнуть уши, коли не нравится.

Один наглый драккар, оплавленный снаружи, дрейфовал, больше не пытаясь огрызаться, второй разлетелся на куски.

– Дайте связь с «Вейдером», – потребовал Ларс.

На одном из нижних экранов возникла сердитая и решительная женщина с толстой пшеничной косой, уложенной вокруг головы наподобие короны. Джеронимо настолько не ожидал увидеть ничего подобного, что невольно уронил челюсть.

– Ткаченко, доложите состояние.

– Два носовых ускорителя потеряны, – недовольно сообщила женщина. – Других проблем нет. Можем продолжать операцию.

Ларс отрывисто кивнул и отключился. Взгляд его упал на растерянную физиономию кардинала, и он ухмыльнулся. Василиса Ткаченко могла бы стать легендой флота, если бы за-

хотела. Но она предпочитала делать свое дело и помалкивать о себе. На вопрос, кто капитан «Вейдера», знающие честно отвечают: Вася Ткаченко. И ни у кого не возникает сомнений, что этот Вася – суровый мужик, как и подобает космическому волку. А потом сталкиваются с Васей лицом и лицу, и челюсти отваливаются.

– Проколы, – пришел доклад наблюдателей. – Три прокола. И еще четыре, с другой стороны.

Дед кинул взгляд на экран, оценивая локализацию проколов.

– Ну и черт с ними, – решил он. – Успеваем.

Планета была огромной. В разрывах облачности – зелень, синие нитки рек. А на ночной стороне пятнышками огней выделялись города.

– Работаем по целям, – распорядился Ларс. – «Вейдер» и «Шепард». Остальные прикрывают.

Два крейсера двинулись еще ближе к планете, а два оставшихся пошли вдоль, сохраняя высоту и постреливая по сторожевикам и шустрым драккарам, опасаясь подбираться близко и пытающимся лупить исподтишка.

– Корабли, прошедшие ГС-переход, идентифицированы. Три линкора с Мересань и четыре симелинских фрегата. Идут сюда. Быстро идут.

– Пока дойдут, дело сделаем, – проворчал дед. – Мересань и Симелин... Список врагов расширяется. Однако любопытно, где Гъде – пардон за каламбур.

– Еще один прокол, командующий.

Ларс не стал слушать. Кораблем больше, кораблем меньше...

– «Максим Каммерер», мы контролируем обе орбитальные станции, – на экране связи возник тсетианский капитан. – У вас есть около двадцати минут, дольше не продержимся, нас отождут. Вы готовы?

– «Анакин Скайуокер» и «Джон Шепард» у планеты.

Две орбитальные станции – гордость Чфе Вара. Одна держит северное полушарие, другая – южное. Мышь мимо не проскользнет. А если случайный корабль и просочится ненароком, мощные генераторы электромагнитного импульса вырубят и связь, и компьютеры. И все управляющие цепи в любой заданной области. Захватить станции нереально: на их стороне и сильное вооружение, и запароленность всего, что только возможно. Но все это – теория. Земные крейсера прошли к планете, минуя станции, завязшие в бою с тсетианами. Как только это случилось, часть эсминцев нырнула в «мертвую зону», недоступную для обстрела, и подошла вплотную к станциям, высадив десантные группы. Нагромождение паролей оказалось бессильно перед хакерскими бригадами – непременными участниками всех военных операций Тсеты. Стремительное проникновение в центральный зал – бойцы расчистили дорогу, хакеры воткнулись в систему, принялись пробивать каналы, искать угрозы, разбираться с управлением. Нападающих было слишком мало,

чтобы удерживать станцию всерьез и надолго – схлопнутые переборки просто-напросто отсекли их от основной массы чфеварцев, но рано или поздно те найдут способ либо продавить силой, либо пролезть. Времени было совсем немного.

– Оpoznан тип последнего корабля, командующий. Это хантский дредноут.

– Хант? – удивился Джеронимо Натта. – За кого он намерен сражаться?

– Ни за кого, – буркнул Ларс. – Это же хант! Посмотреть приперся.

– Даем электромагнитный импульс по поверхности, – предупредил тсетианин. – Уберитесь с луча. Десять... девять... восемь...

Крейсеры подались в стороны, расходясь, а вот один из драккаров, не ведая, подставился – и, лишившись контроля над реактором, почти сразу вспыхнул.

– Не вижу никакого луча, – сказал Джеронимо.

– Он невидимый.

Ларсу как раз казалось, будто он видит – на самой грани зрения – призрачный луч, бьющий вниз, и там, внутри атмосферы, растекающийся мерцающей паутиной по целям. Причуды стариковского мозга? Волнами гасли огни городов на теневой стороне, попадая в паутину. То ли видимое, то ли невидимое мерцание исчезло, и в ту же минуту тсетианин сообщил:

– Выключили. Можно атаковать.

«Джон Шепард» и «Анакин Скайуокер» медленно шли вдоль загибающейся поверхности Чфе Вара, выпуская ракеты одну за другой: четыре – «Шепард», и четыре – «Вейдер». Ларс был уверен, что ядерные заряды попадут, куда нужно: вся электронная начинка противовоздушной обороны сожжена. Джеронимо подался вперед, не отрывая глаз от вспучивающихся огненных пузырей на темной стороне планеты. Карающая длань Бога тяжела, но справедлива. Каждому воздастся полной мерой, по делам его и помыслам.

«Максим Каммерер» тряхнуло, и у Джеронимо лязгнули зубы. Дефлектор в конце концов просел. Такаши уводил крейсер из перекрестья лазеров трех драккаров – навстречу мересанцу, который был уже совсем рядом, – теряя отваливающееся на ходу топливохранилище.

– Выполнено, – доложила Вася Ткаченко.

– Готово, – почти одновременно с ней произнес капитан «Шепарда».

– Уходим, – тут же распорядился Максимилиансен. – У всех есть расчет прокола?

Тсетианские эсминцы-точечки покидали орбитальные станции, превращались на лету в радужные пятнышки. Разноцветное полотнище, объявшее «Анакин Скайуокер», было видно гораздо лучше. «Максим Каммерер» выстрелил последние несколько раз – кажется, в кого-то попал, – и тоже исчез в сиянии радуги.

Эл Танг Ри куталась в белую шаль, словно мерзла. Выжженный изнутри, бесполезный ноутбук лежал на столе закрытый. Планетной компьютерной сети больше не существовало. Совсем недавно ожило радио – чей-то голос жаловался на то, что радиоактивные осадки могут погубить плантации эсфе. Она так и не знала бы до сих пор, что происходит на ее планете, если бы не уцелевшие корабли. Они избежали электромагнитного импульса, у них функционировали компьютеры и связь. И они видели сверху, как все было. Часть из них и сейчас оставалась на низких орбитах и наблюдала за тем, как ветры разносят ядовитые облака. У координатора не было связи ни с одним уголком планеты. Ни предупредить, ни помочь. Но хотя бы знать ситуацию!

Великолепные возможности орбитальных станций Чфе Вара обернулись против самого Чфе Вара. Импульс парализовал цивилизацию. Наземные системы обороны были грубо вырублены и пропустили удар. Но Эл Танг Ри думалось, что последствия отказа электроники куда более катастрофичны, чем даже восьми ядерных взрывов. Взрывы пришлись на безлюдные районы. Море, горы, болота. Вряд ли это случайность, земляне выбирали цели сознательно. Они не ставили перед собой задачу нанести врагу максимальный ущерб. Они даже по чфеварским кораблям почти не стреляли: те три драккара, два сторожевика и мересанец пострадали лишь потому, что мешались у напавших под ногами. Земляне явились не разгромить Чфе Вар, а примерно наказать. А заод-

но продемонстрировать, что могли бы и разгромить, если бы пожелали. Привести не четыре крейсера, а десять. Да просто обратить на драккары больше внимания и направленно заняться их уничтожением. Или еще проще – заложить в свои системы наведения другие цели для ракет. Можно больше – каждый крейсер несет двенадцать ядерных зарядов. От сознания, что проклятые земляне не умертвили Чфе Вар окончательно только потому, что не захотели, Эл Танг Ри чувствовала себя оплеванной.

Считалось, что Чфе Вар надежно защищен. Орбитальные станции контролировали и ближайший космос, и поверхность планеты. Они могли уничтожить врага на подходе, а если бы враг прошел – то внизу. Система обороны не учитывала лишь одного: что враг может быть сильным, умным и коварным. Слишком много она не учитывала, как выяснилось... И теперь мир, вся жизнь которого была завязана на интернет и компьютерное управление, оказался на краю пропасти, слеп, безглас и беспомощен, как инвалид без рук и ног. Встали заводы, закрылись школы, не функционирует транспорт. В больницах отменили плановые операции, делают только экстренные. Ночами города погружены во тьму, а днем люди не могут приготовить себе пищу. Катастрофа, коллапс цивилизации. Сможет ли Чфе Вар восстановиться?

Никто не думал, что так получится. На Чфе Варе не бывает гроз и уже пять веков не случалось никаких ядерных взрывов. Защита от электромагнитного импульса отсутство-

вала за ненадобностью. В отличие от землян, чфеварцы не потакали паранойе. А зря! С бессильной ненавистью Эл Танг Ри думала о том, что на Земле, даже если бы кто-то к ней прорвался через блокирующую сеть, такого не произошло бы. На варварской Земле, где к космическим путешественникам пристают нищие, а дикари из глубинки в страхе бегут от вулканических извержений, каждый управляющий компьютер, каждый сервер – в экранирующем корпусе, каждый кабель связи – в специальной обмотке. И что толку для планеты в достигнутых высотах духа и благосостояния, коли она неспособна себя защитить?

В дверь постучали. Эл Танг Ри вздрогнула. Непривычный звук. Секретарь всегда связывался с ней по коммуникатору, прежде чем впустить кого-то. Теперь нет и коммуникаторов.

Вошел безусый голубокожий мужчина, облаченный в тяжелый длиннополый халат, стянутый на талии кожаным ремнем с ножнами. Короткие темно-серые, в цвет халата, волосы лежат на голове, как приклеенные, на ухе – гарнитура: микрофончик и динамик. Мересанец. Небольшого росточку, на полголовы ниже чфеварки, и весьма скромной конституции, как все мересанцы. Зато гонору – на троих. Взгляд его был таким, будто это он смотрел сверху вниз, и будто все его предки были сплошь верховными богами, не меньше.

Мересанец что-то сказал, и из динамика донеслись гулкие, странно акцентированные хантские слова:

– Я – адмирал т'Лехин, командир эскадры, прибывшей с

Мересань.

То, что он на самом деле произносил, было тонким писком на грани слышимости. Мересанцы разговаривают в ультразвуке.

– Мы явились к Чфе Вару по вашей просьбе, координатор, и потеряли здесь один из наших кораблей. Кто возместит нам потерю?

Ярко-синие глаза смотрели жестко и требовательно.

– Ваш корабль, т'Лехин, подбили не чфеварцы, – резковато заметила Эл Танг Ри. – Почему вы ждете ответа от меня?

– Потому что это вы позвали нас на помощь, – невозмутимо объяснил мересанец.

– На помощь! – взорвалась старуха. – Я просила о помощи, но вы-то не помогли! Вы не защитили Чфе Вар! Планета лежит в руинах.

Мересанец вытянул губы трубочкой и издал звук, после частотной трансформации напоминающий испускание кишечных газов.

– Где руины, координатор? Наши наблюдатели на орбите не видят ни одного разрушенного здания. Ландшафтный дизайн слегка пострадал, только и всего. Да и то, как сказать: парочка испаренных болот – это еще и к лучшему. Вы ничего не потеряли. А мы, откликнувшись на ваш призыв – потеряли.

Ей захотелось удавить этого надменного ублюдка.

– Вы не понимаете, – буркнула она. – Из-за того, что вы

пропустили к Чфе Вару землян, мы лишились всей электроники. Электроника – это кровь и плоть нашей цивилизации!

Т'Лехин пожал плечами.

– Электричество – зло.

Сколько миров, столько и причуд. Мересань была на слуху как планета, где не доверяют электричеству. Не то чтобы не применяют вообще, терпя в некоторых областях как неизбежность. Но все системы расчета и управления у них механические, и механика доведена до совершенства. При этом, например, против атомной энергии они ничего не имеют, переводя ее непосредственно в тепловую и механическую. С точки зрения мересанцев, в большинстве миров властвует зло. Может, в этом и берет корни их завышенное самомнение.

Эл Танг Ри вскинула голову.

– Вы, адмирал т'Лехин, должно быть, разбираетесь в космических сражениях, но ничего не понимаете в том, как и чем живут иные миры. Так что придержите язык и предоставьте это координаторам.

Мересанец скорчил гримасу.

– Вы не слишком любезны с тем, кто потратил огромные средства и огромную энергию, спеша на ваши панические вопли. Впрочем, мне не нужна ваша благодарность: пусть ее взыскивает координатор Мересань, если пожелает. Мне нужна лишь компенсация за мой погибший корабль.

– Так идите, – старуха ткнула пальцем в дверь – доволь-

но невежливо, но мересанский адмирал ее взбесил. – Идите к землянам или тсетианам и спрашивайте с них за свой корабль!

Г'Лехин поджал узкие синеватые губы, резко поддернул ремень, намеренно задев ножны, и вышел, не попрощавшись.

Эл Танг Ри прошипела ему вслед невнятное проклятие. Послали же Безликие Боги союзничков! Вот кому с союзниками повезло, так это Шшерскому Раю. Можно сколько угодно ненавидеть землян, но нельзя отрицать тот факт, что они выполнили обязательства перед партнером по максимуму: и прикрыли, и отомстили. Не то что эти мересанские пустобрехи, только и знающие, что за каждую мелочь компенсацию требовать. Возможно, когда-нибудь, через несколько поколений, другой координатор сделает мудрый вывод из ошибок предков и грамотно выберет союзника. Но сейчас выбор свершен, и переигрывать поздно. Разве что попытаться взять реванш. ГС-драккары еще остались. Быть может, землянам придется пожалеть, что не добились их.

За окнами бара было серо. Августовский дождь поливал узкие мостовые, машины разбрызгивали лужи. Йозеф поднес кружку пива к губам, подержал и снова поставил на столик. Что толку в пиве? Тут водка нужна.

Двадцать лет семейной жизни – коту под хвост. Прошлое утратило смысл. Для чего он ухаживал за молоденькой Мар-

той, водил ее в рестораны, потакал ее иррациональной тяге к дурацким собачонкам? Для чего терпел ее бесконечные капризы и нападки? Обустроивал дом, как ей нравилось, покупал то, чего ей хотелось, отворачивался от других женщин. Зачем? Чтобы теперь делать вид, будто ничего этого не было?

При разделе имущества квартира со всей обстановкой досталась Марте. А ему – Хелена. Глупая девка сидела с ним за столиком и беспечно грызла соломинку в стакане колы. Два саквояжа с ее шмотками валялись в ногах. Ей казалось, будто это – приключение. Идиотка.

– Забирай свою дочь! – безапелляционно сказала Марта. – Пятнадцать лет я с ней мыкалась, теперь твоя очередь. Так будет справедливо! Эта дура и разгильдяйка вся в тебя.

Ощущения справедливости у Йозефа не было. Развод – и сам факт, и процедура – виделся ему чудовищным фарсом, где все притяннуто за уши, словно в пьесе, написанной театральным студентом-двоечником для второй пересдачи. Нелогично – вспомнил он любимое слово своего тсетианского коллеги, капитана Асхарду. Нелогично притворяться, что они никогда не любили друг друга. И втройне нелогично отдавать несовершеннолетнюю девчонку мужчине, у которого теперь и угла-то своего нет и который бывает на Земле в лучшем случае через два месяца на третий. Он пытался образумить Марту, уговорить: пусть Хелена поживет с ней первое время, пока он приищет жилье, наймет какую-нибудь эко-

номку... На что она выставила из квартиры Хеленкины саквояжи, выпихнула дочку следом и захлопнула дверь. Разве это логично? Прежде Йозеф ругал Хелену, а Марта вступалась: мол, не обижай дочь, – Марта находила для нее ласковые слова, пыталась ее воспитывать, когда у Йозефа уже не хватало терпения. Почему все изменилось в одночасье?

Муха спикировала в кружку с пивом. Хеленка хихикнула. Он раздраженно отодвинул кружку с плавающим трупиком. Так не должно быть. Так просто не может быть. Да, жизнь способна повернуться к тебе задницей в любой момент, но чтобы столь нарочито и противоестественно?

Скоро сентябрь, подумал Йозеф, глядя на струи дождя, заливающие окно. Дочку надо устраивать в школу. Интересно, в какую? Из трех ее уже выгнали.

Под ложечкой заныло. Что-то частенько это стало повторяться. Добро бы он был голоден, так ведь нет. Он вспомнил Мрланка, как тот жаловался на желудочные боли. Организм шитанн реагирует на дурные мысли и начинает себя разъедать. Но Йозеф же не шитанн! А только мысли дурные, жизнь хреновая и самочувствие гадостное.

– Пошли, – сказал он дочке, поднимаясь. – Пойдем искать гостиницу.

Денег было в обрез. Банковскую карту недавно сперли – никому она, конечно, без кода не нужна, просто лежала в кошельке. Когда еще восстановит! Вся их наличность представляла собой содержимое Хеленкиной копилки. Йо-

зеф пребывал в мрачной уверенности, что гостиница, которую они смогут найти за такие деньги – совершенно неподходящее место для глупой малолетней красотки.

– Па-ап, а ты возьми меня к себе на корабль, – подала гениальную идею дочурка.

Йозеф аж поперхнулся.

– Хелена, что ты городишь? Совсем ума нет. Это крейсер, а не круизный лайнер. Он в сражениях бывает.

– Чё, правда? – удивилась Хелена.

Гржельчик закатил глаза.

– Пошли, горе мое.

Дождь не прекращался. Зонтиков у них, конечно, не было. А и были бы – как раскрыть зонтик, если тащишь три сумки? Пока они ждали троллейбуса, Йозеф промок насквозь. Наконец, дождались. Посреди самого длинного перегона в проводах что-то замкнуло. Пришлось вылезти и топтать в горку по глубоким лужам. Проезжающие по узкой улице машины обдавали их грязной водой. Под ложечкой непрерывно ныло.

Магазинов в Ебурге великое множество. Как найти нужный, если теряешься в изобилии вывесок на неизвестном языке? Буквы и те странные, с непривычными очертаниями. Аддарекх ощущал себя неграмотным кетрейи. Да что там – кетрейи хотя бы цифры разбирают, а он понятия не имеет, как на Земле пишут цифры. На родине рядом с надписью всегда пиктограмма или даже художественный рисунок, но

здесь, похоже, вовсе нет неграмотных, стараться не для кого. Буквы – и все.

Он вежливо остановил пожилую женщину и спросил по-хантски:

– Где я могу купить украшения? – и поводил руками вокруг ушей.

Бабка отшатнулась и осенила себя крестом.

– Изыди, демон!

– Я не демон.

– Сгинь, нечистая сила! – она топнула ногой и подняла руку. Вряд ли, чтобы ударить – скорее, перекрестить. Но Аддарекх не стал пытаться судьбу, поспешно отступил. Правильно, нечего было улыбаться старухе во весь рот, сверкая клыками. Сто могильных червей, ну забыл.

– Мне нужны украшения, – обратился он к прохожему мужичку.

Мужичок икнул и вытаращился.

– Ты что, бандит? У меня ничего нет, только мобильник.

– Зачем мне твой мобильник? – удивился Аддарекх. – Я хочу купить украшения. Понимаешь? Такие красивые штучки, которые можно вешать на уши, – он показал на свое ухо, – носить на пальцах, на запястье, – обстоятельное объяснение, совмещенное с пантомимой, специально для блондинов. Почему-то Аддарекху казалось, что ему достался собеседник, сравнимый с кетрейей по уровню интеллекта. – Можешь меня туда отвести?

– Ты что, гомосексуалист? – выдвинул мужик новое предположение.

Аддарекх вздохнул. Логика землян была непостижима. В гомосексуализме его подозревали регулярно, хотя он ни разу не предложил интима ни одному мужчине.

– Сам ты гомосексуалист. Вали отсюда.

Рядом остановился патрульный автомобиль, и из открытого окна на Аддарекха внимательно посмотрел местный страж порядка.

– Аддарекх Кенцца?

Он аж вздрогнул – откуда землянин знает его имя? Потом вспомнил. Тот самый страж, что оштрафовал его за хулиганство, когда он побросал зарвавшихся курсантов в фонтан. Сержант полиции Трифонов.

– И не стыдно гостю столицы к людям приставать? – лениво спросил Трифонов.

– Не стыдно, – мотнул головой Аддарекх. – Мне магазин нужен, а никто подсказать не хочет.

– Магазин? Где водку продают, что ли?

– Я водку не пью. Мне украшения нужны.

– А, то-то и оно, – хмыкнул полицейский. – Про водку всякий бы подсказал. А вот про украшения... – он достал рацию, потыкал, сказал что-то по-своему – на земном языке, Аддарекх не понял. Выслушал ответ, кивнул. – Ближайший ювелирный салон через три квартала.

Аддарекх поблагодарил. Трифонов оценивающе взглянул

на него и неожиданно предложил:

– Садись, подвезем.

– Неужели я выгляжу так, словно рассыплюсь, пройдя три квартала? – усмехнулся Аддарекх.

– Нет. Ты выглядишь так, словно собираешь неприятности на свою... гм... голову. Боюсь, отвлечемся ненадолго, а ты уже опять кого-то в фонтан кидаешь.

– Нормально я выгляжу, – проворчал Аддарекх, влезая в полицейский джип через гостеприимно распахнутую заднюю дверцу.

– Нормально, – фыркнул Трифонов. – У нас тут, знаешь ли, город суровых мужиков, а ты рассекаешь в очочках и с хвостиком, народ смущаешь. Нет, я понимаю, что без солнечных очков тебе нельзя. Но хотя бы хвост состриги!

– Еще чего! – отрезал Аддарекх. – Это клановая прическа.

– Ну, тогда хоть жилетку свою не носи. Голубая жилетка, обмочиться можно! Это ж как красная тряпка...

Аддарекх не понял, как это голубая тряпка может быть похожа на красную, даже на взгляд дальтоника, но спорить не стал. Земляне очень странные. Вроде не глупые, но с логикой не всегда дружат. Любопытно, как тсетиане с ними ладят?

До магазина его довели с комфортом, и там он завис надолго. Жена и три дочери не поймут, если он, побывав на чужой планете, ничего им не привезет. Лидхане – кольцо, семнадцатилетней Ашшане – кулон, двенадцатилетней Алигге –

клипсы. Младшенькой Арекхе всего пять, но он не стал искать игрушки, приготовил и ей взрослый подарок – красивую заколку на маленький пока еще хвостик. Как же он соскучился по семье! В плену он оставил надежду на то, что когда-нибудь увидит родных, но теперь она вспыхнула с новой силой. По вечерам, играя с Мрланком бумажкой на веревочке, он вспоминал Арекху. Ему безумно хотелось прижать ее к груди, взъерошить темную головенку и слушать, как она звонко смеется. Нехорошо сравнивать, но малышку Арекху он любил больше других дочерей. *Еще* больше, чем других. Жена не в счет, Лидхану навязал ему клан: мол, перспективный брак с точки зрения генетики. Впрочем, пожаловаться было не на что, жили хорошо, друг о друге заботились. Дочки действительно получились прекрасные – генетика восторжествовала. Чего еще желать? Только увидеть их снова, обнять, блаженно выслушать сбивчивые девичьи истории – а потом можно опять в бой.

Денег он истратил – лучше даже и не задумываться, сколько. На украшения для четырех женщин можно целую «руку» десанта экипировать. Но Аддарекх не скряжничал: для своих ведь. Деньги – пустое. Быть бы живу, а деньги добудутся.

В северном полушарии Ханта стояла зима. Долгая, многолетняя, но не слишком суровая, на вкус землянина-сибиряка или шшерца-сумеречника. Морозные дни коротки, зато солнечны, а снег – великолепная забава для детей зимы.

Зимним днем капитана Шаннона вызвали на совещание координаторов. Хант является одним из немногих миров, что имеют несколько координаторов, а именно – пятерых. Тому, конечно, есть причины. Хант – древняя планета, богатая и высокоразвитая. Хантам, успевшим за свою историю совершить все возможные ошибки и сделать из них верные выводы, казалось неразумным ставить во главе цивилизации одного человека. Ну и, естественно, пять голосов в Совете координаторов не помешают. Многие миры и хотели бы последовать примеру хантов – не столько ради эффективно-го управления, сколько ради голосов, – но взносы в Созвездие поступают от *каждого* координатора, и редкая планета позволяет себе содержать более чем одного. Некоторые и на одном-то экономят, десятилетиями без координатора сидят. Однако это уж вовсе никуда не годится. Ладно, как они внутри самоорганизуются – это их дело, но должен же кто-нибудь представлять их интересы в Содружестве Планет.

У Ханта подобных проблем не существовало. Его всегда было кому представить, и в избытке. Каждый координатор имеет свою сферу ответственности, но наиболее важные вопросы они решают сообща. А война, в которую вовлекается с пугающей скоростью один мир за другим, не может не являться животрепещущим вопросом.

Гъде и Шшерский Рай спорили за Нлакис годами, и их войне уже виден был конец – желанный для Гъде и абсолютно не устраивающий шшерцев, но, по крайней мере, ко-

нец убийствам и разрушениям. И тут вмешалась Земля – кто бы мог подумать? – на стороне Рая. Надо отдать должное, Криййхан Винт поступил мудро, что подsunул землянам Нлакис. Мудро и с выгодой для себя – хотя, казалось бы, потеря сырьевой базы вряд ли может усилить планету. Все хантские координаторы, как один, признались, что не ожидали от непримиримого старика Криййхана такого хитрого и умного хода. Гъдеане, привыкшие обижать шшерцев, попробовали так же обойтись с новыми хозяевами Нлакиса – и огребли сполна. Рай получил нежданного союзника, Криййхан мог радоваться. Но Галактика в целом отнюдь не выиграла. Новый виток войны – новые смерти, бессмысленная трата ресурсов, никому не нужные сложности в отношениях. А теперь витки, один за другим, начали сливаться в водоворот, увлекающий неосторожно приблизившихся в пучину.

В целом на Ханте относились к Земле положительно. Снисходительность к довольно молодой цивилизации сочеталась с невольным восхищением торговой хваткой землян и осторожным уважением, граничащим с недоумением, к военной силе Земли. Земной оборонный и особенно наступательный потенциал, по мнению хантов, превосходящий пределы разумного, всегда их немного тревожил. Однако Земля, вопреки опасениям, слыла мирной планетой, конфликты предпочитала решать дипломатией, ни с кем не задиралась. С ней тоже задираться не спешили: мозги у всех есть, кому охота выйти против чудовищных сторожевиков и двадцати

четырёх ГС-крейсеров? Мощь Земли вкупе с её сдержанной внешней политикой служила гарантией мира в своем секторе Галактики, и хантам это было на руку.

И вот тебе раз!

Один из координаторов нажал кнопку, и стекло, за которым сияло зимнее солнце в окружении двойников-солнышек, отражающихся от зависших в воздухе микроскопических льдинок, потемнело. Потемнело ровно настолько, чтобы не засвечивалось голографическое изображение. Стала хорошо видна зависшая посреди зала реклама фирмы, производящей проекторы. По кивку другого координатора капитан Шаннон подсоединил к проектору свой карманный компьютер, и реклама сменилась картинкой зимнего сада, красоту которой лишь слегка портили многочисленные папки, торчащие из снега. На Ханте давно уже не пользовались голографическими подиумами. Изображение не было ограничено определенной площадью, оно занимало весь зал и смотрелось весьма натурально. Кресла координаторов оказались наполовину погружены в снежные сугробы, а сверху над ними нависали тонкие ветви деревьев, покрытые сверкающим инеем.

– Прошу вас, капитан Шаннон, – самый старший из координаторов приглашающе повел ладонью. Формально координаторы Ханта считались равноправными, но к старику всегда прислушиваются с большим вниманием, нежели к юноше.

– Только, пожалуйста, не описывайте в подробностях тактику боя, – предупредила женщина-координатор.

Все присутствующие были белокожи, светловолосы и с гладкими лицами, но женщина выделялась среди своих коллег-мужчин. На вкус каких-нибудь инопланетян, хантские мужчины выглядят недостаточно мужественно. Ни чрезмерно развитой мускулатуры, ни агрессивно выдающихся челюстей, ни подчеркнутой неаккуратности в одежде. Зато женщины Ханта прекрасны. Безупречно-белое, словно выточенное из мрамора лицо координатора обрамляли вьющиеся золотые волосы, чуть прижатые гребнями по бокам, а по спине струящиеся свободно. Горделивая осанка, пламенный взор синих глаз – она казалась величественной богиней в окружении второсортных ангелов. Но координаторов выбирают не за внешность, это не конкурс красоты. Все присутствующие, как бы они ни выглядели, имели за плечами огромный опыт успешного управления и могли потягаться друг с другом изворотливостью ума.

– И верно, капитан Шаннон, – старик поддержал женщину. – Милые вашему сердцу детали вы расскажете своему командованию и своим соратникам – тем, кто сможет это оценить. Нас же интересует суть. Как проходило сражение?

Шаннон едва слышно вздохнул. Его белый парадный костюм был тщательно выглажен, светлые кудри умящены душистым маслом, и он полагал себя готовым к встрече с координаторами. Как бы не так! Он не мог подготовиться к то-

му, что они захотят невозможного. Рассказать, как происходило сражение, и не описать при этом тактику – задача для искушенного в мыслях и речах философа. И не факт, что разрешимая.

– Фепекс, – он обратился к компьютеру голосом, – воспроизведи последний файл, нулевая отметка – геометрический центр комнаты.

Зимний сад исчез, от центра к стенам развернулось изображение звездного неба. Дредноут Шаннона, с которого велась съемка, находился в середине – небольшое слепое пятно, все действие закручивалось вокруг него, в кораблецентрической системе. Был виден приближающийся сине-зеленый шарик Чфе Вара, и орбитальная станция – паучок, раскинувший в стороны панели солнечных батарей – с окружившей ее стайкой мелких и настырных, словно мухи, тсетианских эсминцев, и прущие к планете жуки-крейсеры, плюющиеся огнем в мошек-драккаров.

– Земляне явились к Чфе Вару вместе с тсетианами, – сказал капитан Шаннон. Не знаешь, как начать – начни хоть с чего-нибудь. Не понравится – оборвут. – Тсетиане атаковали обе орбитальные станции. Мощным огнем отбросили защитников, а хакеры перехватили управление.

– Я слышал о чфеварских орбитальных станциях, – заметил один из координаторов. – Их невозможно захватить.

– Надолго – да, – Шаннон согласно наклонил кудрявую голову. – Но нападавшие, судя по всему, и не ставили себе та-

кую цель. Они получили временный контроль над станцией, использовали ее, как им было надо, и ушли. Земные крейсеры в этом не участвовали. Они целенаправленно шли к Чфе Вару, почти не отвлекаясь на драккары, пытавшиеся им препятствовать.

– У Шшерского Рая один земной крейсер уничтожил восемь драккаров, – припомнила женщина. – У Чфе Вара их было четыре. Почему они не раздавили чфеварский флот?

Шаннон пожал плечами.

– Эту цель они тоже, по всей видимости, не преследовали. Все говорит о том, что Земля не желает добивать Чфе Вар. Земляне почти не тронули драккары, не стали взрывать орбитальные станции, не направили ядерные заряды на города...

– Но все же применили их! – возразил самый молодой координатор. – Восемь зарядов! На поверхности, должно быть, все облака радиоактивны.

– Верно, – кивнул старик. – И достойно сожаления.

– Мы осудим землян?

Старик поднял бровь.

– За то, что они не использовали *все* боеприпасы? Каждый крейсер несет двенадцать атомных зарядов, итого сорок восемь. Это не считая термоядерных. Нам придется признать, что земляне поступили крайне сдержанно и гуманно.

– Что было дальше, капитан? – спросила женщина.

– Два крейсера подошли к Чфе Вару вплотную, – Шаннон

вновь включил воспроизведение. – К самой атмосфере. Ракеты падали прицельно, это не случайность. И не следствие сработавших систем обороны: к тому моменту вся электроника на Чфе Варе была мертва. Земляне взорвали свои заряды именно там, где хотели.

– Но почему они этого хотели? – вырвалось у молодого.

– Может, из эстетических соображений, – промолвил до сих пор отмалчивающийся координатор, не старый, но с сединой, пригасившей золотое сияние волос. – Ядерный взрыв – это очень красиво. Но не на собственной же планете любоваться! А тут подвернулся Чфе Вар.

Плохо знающий его человек мог бы подумать, что он говорит серьезно. Седой Аннатрон не сопровождал свои слова улыбкой, не глядел искоса, как бы обозначая, что его точка зрения на самом деле не такова. Его сарказм лишь подразумевался. Координаторы к этому привыкли, но капитан Шаннон почувствовал себя слегка неуютно. Он нервно откашлялся и заговорил вновь:

– Другие два крейсера их прикрывали, – он указал на скользящих вдоль планетной сферы двух жуков, выбрасывающих управляемые ракеты, и еще двух, занявших орбиту повыше и лениво отплевывающихся от наседаящих мошек. – Отбивали атаки драккаров, но сами в атаку не лезли.

– А это кто? – женщина ткнула в группку блестящих летающих тараканов, двигавшихся мимо ее лица.

– Симелинские фрегаты. А вот эскадра линкоров с Мере-

сать, она их опередила, вырвалась вперед, на подмогу драккарам. Вот мересанцы подходят к землянам на дистанцию уверенного огня и теряют линкор. Земляне не стали дожидаться подхода остальных линкоров и симелинцев. Видите? Те два крейсера отходят от планеты и скрываются в ГС-переходах, за ними – крейсера прикрытия. Тсетиан уже нет. Они сыграли свою роль и сразу ушли.

– Земляне странные, – резюмировал молодой. – Война – зло, но если уж ведешь войну – так веди. Вступай в бой, уничтожай противника, дерись до конца. Так все делают.

Старик покачал головой.

– Так делают варвары. Земляне – не самая развитая цивилизация, но приписывать им варварский образ мыслей опрометчиво. Это предположение они опровергают раз за разом, и пора бы уже всем координаторам оставить свои предубеждения и склониться перед истиной, поверенной логикой. У Чфе Вара Земля в очередной раз показала, что на деле является одним из старших миров, невзирая на свою юность.

– Каламбурите? – хмыкнул другой координатор, сидящий напротив. – Что за старший мир, который у себя в доме не может навести порядок? Эти их дурацкие междоусобицы, эпидемии, не вовремя просыпающиеся вулканы...

– В своем доме каждый живет так, как ему нравится, – проговорила женщина. – Можно разбрасывать по комнатам белье, засорять канализацию, забывать выключить свет. Это твое личное дело. Важно, как ты ведешь себя, выходя на ули-

цу.

– Земляне намеренно затягивают войну, – гнул свое молодой. – Они могли покончить с Чфе Варом одним ударом, но не стали. Зачем они так поступают? Хотят нажиться на войне?

– Нажиться? – переспросил седой. – Долгая война – одни расходы. Она выгодна лишь тому, кто в ней не участвует, а продает сторонам оружие.

– Земляне не хотят гибели Чфе Вара и всего живого на нем, – вновь взяла слово женщина. – Это кажется вам странным? Для цивилизованного человека это должно быть естественным. Да и для не очень цивилизованного... Это просто невыгодно! У Земли с Чфе Варом всегда была интенсивная торговля. Она и сейчас бы продолжалась, если бы координатор Чфе Вара не решила поддержать Гъде.

– С Гъде у чфеварцев тоже торговля, – понимающе хмыкнул старик. – А также с Симелином и Мересань.

– Думаю, координатор Чфе Вара Эл Танг Ри сделала как минимум две ошибки, – произнес седой. – Во-первых, выбрала в военные союзники не тех торговых партнеров. А во-вторых, попросила Мересань и Симелин о помощи, тем самым втянув их в войну, которая не нужна ни им, ни Галактике.

– Представьте себя на ее месте! – возразил молодой. – Просить помощи в ее положении было самым очевидным способом действий.

– Вряд ли мы окажемся на ее месте, – сухо ответил старик. – По крайней мере, позволю себе на это надеяться. А что до очевидности... Очевидный способ – не всегда лучший.

– Но без помощи Чфе Вар остался бы один против землян и тсетиан!

– А в чем заключалась помощь Симелина и Мересань? – женщина издала смешок. – Они пришли, когда дело было уже совершено. И не уничтожили ни одного крейсера!

– И хорошо сделали, – добавил седой. – За уничтоженный крейсер земляне бы их... наказали.

– Верно, – кивнул старый координатор. – Очень правильное слово, господин Аннатрон. Ненависть не застит землянам глаза, как это бывает у варваров. Не кровавая месть, а продуманное наказание, суровое, но не смертельное. Так, как строгий воспитатель наказывает распоясавшееся дитя, бросившее в него камень. Земля – старший мир.

Все миры равны, на этом зиждится Созвездие. Все они братья (или сестры: есть планеты, где говорят именно так). Но братья бывают разные. Умные и дураки, дружные и недолюбливающие друг друга, хоть и вынужденные уживаться в одной семье. Старшие и младшие. Старшие приглядывают за малышами, случись беда – помогут, а коли что не так – отшлепают.

Молодой поморщился.

– А нужен ли нам еще один старший мир?

Седой посмотрел на него с интересом.

– А если не нужен, то что?

– Мы можем встать на сторону Гъде и Чфе Вара. И указать землянам их место.

– Еще чего! – возмущенно воскликнула женщина. – Хант не станет воевать.

– Тем более на стороне Гъде, – добавил мужчина, что сидел напротив старика. – Гъдеане серьезно себя скомпрометировали, и только чфеварцы считают, будто это пустяки. Достаточно сказать, что Мересань и Симелин откликнулись на просьбу Чфе Вара, но открыто не поддержали Гъде.

– А мне вот что любопытно, – протянул седой Аннатрон. – *Кто* будет указывать землянам якобы надлежащее им место? Лично я не берусь.

– Если собрать остатки эсминцев Гъде, чфеварские драккары, наш флот, корабли Симелина и Мересань, мы вполне сравняемся в силе с Землей! Даже если им будут помогать тсетианские хакеры.

Женщина фыркнула.

– Только что вы говорили, что место землян – ниже колен. И тут же признаете, что объединенного флота едва хватит, чтобы сравняться с ними силой!

– Мы *никогда* не сравняемся с ними в силе, – меланхолично промолвил старик. – В силе пушек и двигателей – да. Но не в силе духа. Тысячу лет назад у них не было *ни одного* корабля и *ни одного* хакера. Они не знали ни компьютеров, ни лазеров, ни даже огнестрельного оружия. И что?

– Что? – переспросил молодой, слегка растерявшись. – Что, собственно, тогда случилось?

Старик помолчал, ответил нехотя:

– Земляне врезали Шшерскому Раю. Так, что до сих пор легенды ходят.

Молодой координатор сглотнул. Если перед каким миром Хант испытывал опаску тысячу лет назад, то перед Шшерским Раем. Это теперь Рай ослаб, чему ханты втихую радовались и саботировали в Совете координаторов требования Крийхана Винта вразумить Гъде. Прежде мощь и бесстрашие Рая вызывали то скрежет зубовой, то дрожь в коленях у координаторов Ханта. Шитанн – единственная раса, которая открыто посмела сцепиться с хантами и выиграла. Рай нанес по Ханту два термоядерных удара. Да не в болота и пустоши. Шшерский Рай не являлся старшим миром – ни тогда, ни ныне. Чуть ли не самая древняя цивилизация, она так и не научилась за всю свою долгую историю шлепать малышей. Бить, так насмерть!

А земляне им вломили.

Капитану Шаннону было не по себе. Никто его не гнал, но он чувствовал, что прозвучавшее здесь не предназначено для его ушей. Он и не знал, что Земля когда-то дала по лбу Шшерскому Раю. В массе своей ханты считали тогдашний Рай непобедимым противником, а раз так, то и принять поражение от него не слишком зазорно. А тут вдруг оказывается... Он поежился – мысленно: негоже капитану ГС-дред-

ноута продемонстрировать координаторам свои сумбурные чувства.

Йозеф привез дочь в Ебург. Подвернулся приятель со времен Академии, он и присоветовал: мол, есть в столице отличная школа-интернат, дети по два экзамена сдают, чтоб туда взяли, но дочку капитана ГС-крейсера, человека, от которого в большой степени зависит исход войны, бывшего выпускника прославленной Академии космоса, уж конечно, примут без испытаний. Тем более если он, Павлик, член попечительского совета, походатайствует. Павлик вовсю расхваливал школу: дескать, и педагоги замечательные, и условия обитания прекрасные, у каждого школьника своя комната, кормят по шесть раз в день, по выходным музеи-концерты-экскурсии... Йозеф с радостью согласился. Перебирать варианты не было ни сил, ни времени: ремонтные работы на «Ийоне Тихом» заканчивались, и его ждало новое задание. Да и вариантов-то других не имелось, что самое главное. Павлик был человеком надежным, Йозеф ему с юных лет доверял и ни разу о том не пожалел. Если он говорит, что школа хорошая, значит, так оно и есть. Йозеф вручил секретарше приемной комиссии Хеленкины документы в комплекте с коробкой конфет, девчонку с ее сумками сдал милостивой воспитательнице, присовокупив букет цветов, директору пожал руку и презентовал бутылку коньяка. И исчез с горизонта, пока его не записали в какой-нибудь дерьмовый

родительский комитет – с его везением такое вполне могло случиться.

Он зашел в Академию, поинтересовался, как поживают вампиры. В ректорате были довольны внештатными инструкторами – хорошая новость на фоне мрачного контекста последних дней. Даже пожалели, что их командировка заканчивается. Йозеф попросил передать, что ждет их на «Ий-оне», и поскорее отправился в аэропорт. Подсознательно он боялся, что в самый неподходящий момент его настигнет администрация интерната с Хеленкиными бумагами и с нею самой на буксире и потребует забрать эту тупую и ни к чему не способную телку обратно.

Байк-паркинг, как обычно, радовал хорошей погодой. Яркое солнце, чистое синее небо. Заглядевшись на небеса, Йозеф едва туда не попал, причем без всякого космического корабля. Когда асфальт вдруг ушел из-под ног, он моментально сгруппировался, и только это спасло его от приземления головой в грудку железа. На грудку он рухнул ногой. В ноге что-то хрустнуло, и свет в глазах мигнул. Он не стал корчить из себя героя и заорал от боли.

– Под ноги надо смотреть, мать твою, – проворчал кто-то сверху.

Небритый дядька с бухтой то ли шланга, то ли толстого провода на плече, в потертой оранжевой спецовке и высоких резиновых сапогах. Сантехник или электрик. Он заглядывал сверху в открытый канализационный люк, куда Йозеф умуд-

рился сверзиться.

– Вылезти сможешь? – спросил он без особой надежды.

Йозеф попытался пошевелить ногой. В глазах помутилось, он застонал.

– Нет, самому никак.

Сантехник сокрушенно поцокал языком и сделал шаг от люка.

– Мужик, не уходи! – взмолился Йозеф. – Вытащи меня, я тебе пузырь куплю!

– Не ной, болезный, – отмахнулся дядька. – Я тебя поднять-то не осилю, громилу. Сейчас «Скорую» вызову, пусть санитары тебя вытаскивают.

Ректор Академии на прощание пожал Аддарекху руку и пригласил приехать поработать еще. Аддарекх был тронут, но от всей души надеялся, что этого не произойдет. Он хотел домой, и чем скорее, тем лучше. Земля оказалась вовсе не так плоха, как повествовали легенды, и все же в промежутках между рейдами лучше отдыхать дома, в кругу семьи, нежели подрабатывать на чужбине.

Курсанты собрались устроить своим инструкторам отходную пьянку; к счастью, вовремя вспомнили, что шитанн относятся к выпивке без энтузиазма. Решили сделать пикник с шашлыком на пляже, совмещая вкусную еду с водными процедурами и солнечными ваннами, но опять вспомнили... Посокрушавшись, утроили чаепитие в курсантской столо-

вой. Юри Тиккинен, пробормотав слова благодарности за неоценимые уроки, подарил от имени всех товарищей гравюру с видом городского фонтана – как бы не того самого – и сувенирную колоду игральных карт. Карточным играм шитанн научились еще на «Ийоне», шлифовали мастерство с десантниками «Максима Каммерера», а здесь, в Ебурге, Шшагил Хот рискнул даже сыграть с профессионалами. Разумеется, его обжулили, и разумеется, денег он не отдал: пригрозил укусить, если не отстанут. Он бы выиграл, если бы игра была честной.

Карты были полезным подарком: своей колодой шитанн так и не обзавелись. А также красивым и с намеком: искусство художника соперничало с его же фантазией. Короли, дамы и валеты разных мастей представляли собой людей разных рас, а на тузах были изображены эмблемы планет. Трефы – земляне, черви – красавчики ханты, буби – лопухие тсетиане. Шшерскому Раю достались пики, и король пик, старик с седым чубом, обнаруживал подозрительное сходство с Криййханом Винтом, слишком сильное, чтобы быть случайным. Подметив это, бойцы стали искать другие сходства и нашли, что дама срисована с Аххьеши Кенцца, правой руки координатора, а валет – не кто иной, как Ртхинн Фййк, его преемник. Дама трэф с тюрбаном на голове и безмятежной улыбкой идентифицировалась, как Салима ан-Найян аль-Саид. Долго не могли понять, кого изображает король, вроде бы выше Салимы у землян никого нет.

Юри, смущаясь, просветил, что этот веселый румяный дедок – грозный главнокомандующий космического флота Земли, а худощавый валет – московский куратор Владимир Каманин, следующий претендент на координаторское кресло.

Юри Тиккинен, дав себе зарок, держался его – больше не пил. А когда не пил, крышу у него не сносило. Так что курсант был адекватен, приемы схватывал хорошо, и в конце концов Аддарекх перестал над ним насмехаться. Даже, объективности ради, упомянул его в числе лучших в беседе с начальником курса. Если парень снова не начнет выпивать, выбьется в элиту.

Аддарекх собрал коробочки с украшениями, закатал в запасную одежду и упихал в спортивную сумку. Мрланк запрыгнул туда же, устроился в мягком гнездышке. Лоток и кошачий корм путешествовали в отдельном пакете.

– Что, Мрланк? – Аддарекх потрепал кота по загривку. – Домой едем?

Котенок заурчал. Человек не мог разделить его радостные чувства в полной мере: это для Мрланка «Ийон Тихий» был домом, а Аддарекху до дома еще невесть сколько. Но все же возвращение на «Ийон Тихий» – первый шаг к тому, чтобы попасть домой.

– Вы, батенька, неэффективно распределяете бригады по участкам, – снисходительный тон землянина бесил Кана Телевера, но приходилось терпеть, стиснув зубы. – Для чего

нужно вот это последовательное прочесывание, скажите-ка на милость? Третья бригада собирает одну мелочь. Глупо.

– Зато рационально, – возразил гдеанин. – Так мы можем быть уверены, что не пропустили ни кусочка траинита.

Захар расхохотался.

– И для чего нам эта уверенность? Мне плевать, сколько траинита пропустят ваши рабочие. Мне важно, сколько они соберут. Мы не очищаем территорию от траинита, а добываем его. Это разные вещи, батенька! Темпы и объемы добычи, вот что должно вас беспокоить.

– Но мы всегда так работали, и нашу родину это устраивало.

– У меня другая родина, – отрезал Захар. – И ее ни в коем случае не устроит столь непродуманная организация труда. Выделите каждой бригаде отдельный участок, нечего ходить по одному квадрату друг за другом, будто обручальное кольцо в нем потеряли. К черту мелочь! Я хочу, чтобы вы добывали как можно больше крупных глыб.

Кан Телевер вздохнул для храбрости и высказал то, что давно наболело:

– У людей нет стимула добывать больше. Их жалованье не зависит от объема добычи. Им вообще не платят жалованья! Зачем им стараться?

Захар нехорошо сощурился.

– Вот как, незачем? Говорите, стимула нет? А я-то надеялся обойтись без стимула. В одном из наших языков сти-

мул – это такая палка, которой бьют медлительных животных, знаете ли. Что ж, сами запросились. Отныне бригада, собравшая за день меньше всего траинита, будет лишаться дневной нормы еды. Их пайки передадут тем, кто соберет больше всего.

Кан Телевер заскрежетал зубами. Хотел, как лучше, а вышло, как всегда!

– Будет много недовольных такой системой, господин директор, – выдавил он.

– Недовольные останутся без дневной нормы кислорода, – равнодушно уронил Захар.

От этого его безразличия Кана Телевера просто-таки трясло. И хуже всего то, что землянин не рисовался. Чужие жизни, не говоря уж об их качестве, действительно не имели для кризисного управляющего группы компаний «Экзокристалл» никакого значения.

Он вышел, кипя от сдерживаемой ярости. В приемной сидела Эст Унтли и ровным счетом ничего не делала, пялилась на греющийся на плитке металлический стакан. И такое зло его взяло!

– Бездельничаешь тут в тепле, погрязшая во грехе шлюха? Женщина вздрогнула, обернулась, поджала губы.

– Я готовлю кофе господину директору.

– Жопу ты лижешь господину директору! Распустилась тут. Ты еще помнишь, кто на самом деле твой директор?

– Директор у нас всех теперь один, – негромко сказала

Эст Унтли, словно увещевая. – Господин Зальц... ох! – она расстроилась оттого, что снова не смогла выговорить.

– Вон как заговорила, – едко процедил Кан Телевер. – Ластишься к землянину, чтобы в карьер не прогнал? Где этот урод тебя раскладывает – на столе или на диване?

– Господин Кан, перестаньте, – умоляюще прошептала она. – Хватит, вдруг он услышит и рассердится? Он ничего подобного не делает.

– Не делает? – криво усмехнулся Кан Телевер. – Ха! Все директора так делают. Что за смысл иметь секретаршу и не иметь ее, а? Забыла, как я тебя имел, греховодница? – он схватил ее за руку и резко подтащил к себе.

Эст Унтли пискнула.

– Пустите! Вы уже не директор.

– Перед землянином расстилаешься, а для своего жалко? – преодолевая слабое сопротивление, он залез под ворох юбок свободной рукой, грубо щупая все, что под ними. – Я тебе живо напомню, кто ты и кто я!

– Отпустите меня, господин Кан! – в глазах показались слезы. – Не надо! Кофе убежит, – жалко добавила она.

– Ссал я в этот кофе, – он опрокинул возомнившую о себе секретаршу на кресло, задрал тяжелые разноцветные юбки, порвав как минимум одну, навалился на нее, прижимая, чтоб не ускользнула.

– Помогите! – у нее вырвался сдавленный вопль. Жесткая рука бывшего директора тут же заткнула ей рот, напи-

хав в него ее собственные подолы. Все равно крик был безнадежным. Кто ей поможет? Охрана? Эти еще и в очередь встанут. В лучшем случае – посмеются.

Когда она работала секретаршей Кана Телевера, он регулярно принуждал ее к сексу. Ну, то есть как принуждал? Выражал желание, а она не смела отказать – он ведь начальник. Конечно, она его не любила, и он ее – тоже. Она считала это нормальным. Начальник не был груб или неприятен, и она полагала, что ей повезло. Но сейчас он казался совершенно другим человеком. Озверевшим, обезумевшим от ненависти – наверное, даже не к ней, она-то чем заслужила? Стремящимся унижить и причинить боль, и это ему удавалось. Она не могла издать ни звука, лишь слезы градом катились из глаз.

Дверь кабинета открылась.

– Где мой кофе? – раздраженно спросил директор. Открывшаяся ему картина заставила его поднять бровь. – Это еще что за скотство?

Кан Телевер моментально обмяк. Он мог клясть нового директора за глаза и сливать злость на безобидную женщину, но взгляд землянина вызывал слабость в коленях, и в иных членах тоже.

– Я так и знал, господин Кан, что мы с вами не сработаемся, – в голосе звучали брезгливость и сожаление. – Слезьте с девушки и убирайтесь вон. Позже я решу, что с вами делать.

Эст Унтли лежала в той же позе, только юбки с лица убра-

ла, и тихо всхлипывала, собираясь с силами, чтобы подняться. Захар, протянув руку, помог ей сесть.

– Он был с тобой не слишком обходителен, да?

Эст Унтли всхлипнула еще раз и сглотнула слезу.

– Все нормально, господин директор.

Захар покачал головой. В общих чертах он представлял, что тут произошло. И в том, что горничная спалила его кофе, она, похоже, не виновата. Он задал вопрос с одной целью: понять, стоит ли лишь примерно наказать невоздержанного гьдеанина или мучительно умертвить.

– Из-за него я остался без кофе, – он выключил заливную выкипевшим напитком плитку, издающую запах горелого кофейного зерна.

– Это моя вина, господин директор, – прошептала Эст Унтли. – Сейчас я приготовлю вам новый кофе.

– А его вины, значит, не было? – прищурился Захар. – То есть ты его соблазнила и уложила прямо на своем рабочем месте? И насколько далеко ты готова зайти? Пойдешь за него замуж?

Она задрожала.

– Нет!

– Отлично. Значит, прикажу казнить его, как насильника. Раздеть догола и привязать к одному из столбов снаружи. Охрана будет делать ставки, от чего он умрет: от холода или от того, что кислород кончится раньше. Как тебе?

– Господин директор...

– Пойдешь за него?

Слезы закапали с новой силой. Захар ждал. Ему было любопытно, простит ли она Кана Телевера, чтобы спасти его от смерти?

– Нет, – тихо-тихо выдавила гдеанка и вновь зарыдала.

Захар кивнул сам себе. Нет – значит, милосердие излишне.

– Кто-то обещал сварить кофе, – протянул он намекаяюще.

Поток слез прервался, на лице женщины появилось осмысленное выражение. Она быстро-быстро закивала:

– Да, господин директор. Сию секунду. Я сделаю.

Вот и распрекрасно. Пусть займется делом, вместо того чтобы тупо плакать и жалеть себя. Надо придумать ей еще пару поручений, желательно таких, чтобы плотно заняли ее до вечера. Захар ушел в кабинет и прикрыл за собой дверь, чтобы не мешать горничной собраться по частям, взять себя в руки и начать хлопотать.

– Что, вампир, не обижал кошака? – сурово спросил Федотов, по-хозяйски погладив Мрланка.

– Я, по-вашему, совсем гад – маленьких обижать? – огрызнулся Аддарекх.

– Да ладно, не шуми. Должен же я спросить? А то вроде как мне все равно.

Мрланк был счастлив, что вернулся на «Ийон», в знакомые корабельные отсеки, ставшие домом, он радовался

встрече с приютившими и позаботившимися о нем двуногими богами. Он оглянулся на Аддарекха, кошкочеловек подмигнул. Призраки больше не мучили его по ночам, Мрланк разогнал всех невидимок. И все же он беспокоился отпустить от себя Аддарекха: а вдруг вернутся?

Щелкнула, отодвигаясь, дверь пилотской, появилась докторша в свежевыглаженном белом халате, на фоне которого огненные кудри горели особенно ярко. На шее Клары висел стетоскоп.

– Та-ак, – протянула она. – Ну-ка быстро на медосмотр. Аддарекх, ты первый.

Мрланк наострил уши, пытаясь понять, не угрожает ли Аддарекху вредная рыжая самка. Уловил ее позу, взгляд, ритм дыхания и успокоился. Если что-то ему и угрожает, так это сексуальное истощение.

Аддарекх нерешительно помедлил. Расстались они не очень хорошо. Как бы Клара, подначенная мужем-скандалистом, скальпелем его не ткнула.

– Чего встал? – хмыкнул Камалетдинов. – Топай давай, в жопу тебе градусник. Жив останешься – и мы пойдем.

Мрланк мягко подтолкнул его лапой – иди, мол. И он пошел.

– Вот скотина клыкастая, – выразил всеобщее мнение Бабаев, едва за шитанн закрылась дверь. – Ну чем он ее обаял? А?

На корабле трудно что-то скрыть. Кто-нибудь да приме-

тит, а дальше ползут слухи. Все знали, что командир вампиров торчал в медблоке днями и ночами, а последнюю ночь и вовсе провел в каюте у Клары. У докторши, которая безапелляционно отшивала *всех*, причем столь недипломатично, а порой и жестоко, что в последнее время к ней и подступаться побаивались. А этот тип не испугался и сорвал банк. Ну, разве это справедливо?

– Я всегда думал, она вампиров не любит, – проговорил Мюслик.

– Эка невидаль! – фыркнул Камалетдинов. – Кто их вообще любит? Кроме кетрейи. Тут не в вампирах дело. А в данном конкретном вампире, укуси его... не знаю кто в самое чувствительное место!

– Может, морду ему набить? – предложил Мюслик.

– Хрен ты его побьешь, – проворчал Федотыч. – Чтобы пилоты уделали десантника, да еще вампира? Нереально.

– А давайте наших десантников попросим. Им, небось, тоже обидно.

– А смысл? – лениво произнес Футболист. – Если кому-то набить морду, куда он первым делом попадет?

– В медблок, конечно... – до Мюслика дошло, и он расстроился. – Вот шайтан, а!

– Ага, ага. Он самый.

Кан Телевер торопливо шагал по неровной мерзлой поверхности. Спотыкался, падал, снова вставал, поправлял

сбившуюся маску и опять шагал в темноту. Бегство было успешным, он успел украсть, кроме запасных перекисных патронов, налобный фонарь и мог теперь хоть как-то ориентироваться в кромешной ночи. Куда хуже то, что идти ему, по большому счету, некуда. А не идти тоже невозможно. Остаться на базе, зная, что казнь не будет милосердной, было превыше моральных сил Кана Телевера.

Как же он так сглупил? Что на него нашло? Сейчас, отрезвленный холодом и мрачной перспективой, он признавал, что вел себя, как идиот. Ясно, как день: бестолковая секретарша не виновата в том, что проклятый Зальцштадтер вынуждал его перекраивать производственный процесс, жать соки из рабочих, закрывать глаза на злоупотребления охраны. Просто попалась под горячую руку. Что ему стоило сдержаться, как он сдерживался уже десятки раз? Мог, да только не понимал, чем рискует – вот и не сдержал себя.

Он до последнего полагал, что все обойдется. Ну, выразит ему директор свое неудовольствие: как же, кофе-брейку помешал; он повинится. Не голову же ему снимать. Земляне делали с женщинами, что хотели, а Зальцштадтер на это всегда поплеывал. Так Кан Телевер и сказал ему, когда он его вызвал, чтобы объявить о своем решении.

– Вы, батенька, совершенно напрасно причисляете себя к тем, кто вправе делать, что хочет, – был ответ. – Вам, как и всем остальным вашим соотечественникам на Нлакисе, сохранили жизнь из милости, и следовало вам не реализовы-

вать свои аморальные хотения, а сидеть тише воды, ниже травы. Считайте теперь, что милости вы лишились.

– Я не хотел, – он предпринял глупую попытку оправдаться, но Зальцштадтер иронически улыбнулся:

– Ну, разумеется. Это Эст Унтли на вас напала. Заставила довести ее до слез, угрожая кровавой расправой. Как же я не догадался?

Директор поручил его заботам двоих охранников, и они уже поволокли его раздевать. Спасло его озарение: он попросился в туалет, буквально умолил – мол, наложит кучу прямо к их ногам, если не сходит сейчас по нужде. Те посмеялись и разрешили. И даже не обратили внимания, что он юркнул, придерживая живот, в женский туалет – а может, заметили, но списали на неадекватное состояние смертника. Выбор Кана Телевера был не случаен: он директорствовал здесь с самого начала, база строилась при нем, и он знал обо всех коммуникациях. В женском туалете имелся люк на нижний уровень. Он изрядно обломал ногти и раскровил пальцы, отворачивая крышку без помощи гаечного ключа. И отвернул-таки.

Судьба обманутых охранников Кана Телевера не волновала. Оштрафуют их за потерю конвоируемого, отрядят на внеочередные дежурства, вовсе уволят – его ли это проблемы? Вот уж нет. Каким бы ни было их наказание, он с удовольствием поменялся бы с ними местами.

Первое время он опасался погони. Но никто за ним не

гнался, и он понял, почему. Они думают, что он найдет свою смерть – именно такую, какая была ему назначена: от холода или от удушья. Но он еще поборется. Альтернатива смерти одна: райский рудник. У него было время придумать, что он скажет шитанн – весь долгий путь по пересеченной местности против ледяного ветра.

В космосе Клара скучала по мужу. Возвращаясь на Землю, никогда не задерживалась на всякие междусобойчики команды, празднования успешного рейда и тому подобные мероприятия, сразу летела домой, к Хельмуту. Неделя-другая бурной любви и не менее бурных скандалов – и все, отпускала. Можно было улетать снова. Хельмуту не нравилось, что они проводят в разлуке больше времени, чем вместе, и он регулярно уговаривал ее бросить службу, что приводило к новым скандалам. Глупый мужчина, неужели он не понимает, что, стоит им провести рядом несколько месяцев, они либо убьют друг друга, либо разойдутся навсегда?

Нет, не понимал. Хуже того – пытался заставить ее бросить космос хитростью. Если у них появятся дети, Клара вынуждена будет уйти с военной службы – как минимум, на время беременности и кормления грудью, а там родится новый ребенок, потом еще один... Привыкнет сидеть дома и заниматься хозяйством, сама не захочет выходить на работу. Эти рассуждения ее бесили. А еще пуще бесила педантичная последовательность Хельмута в осуществлении сво-

ей цели. Он тайком прокалывал презервативы; если это не удавалось, норовил как бы случайно пролить их содержимое туда, куда ему попадать не следует; пытался овладеть ею во-все без оных, когда она спала или была навеселе. Поначалу, только-только после встречи, это забавляло, но чем дальше, тем больше начинало раздражать.

А тут еще и отпуск затянулся – вообще кранты. Последние несколько дней, особенно рискованных с точки зрения зачатия, она избегала близости под любым предлогом, справедливо опасаясь обнаружить очередную дыру в резине, а после – две полоски на тесте. Когда пришло известие, что «Ийон» готов к старту, она покидала свои вещи в сумку с такой скоростью, что Хельмут обиделся. Попытался на прощание склонить к сексу – внезапно, без средств защиты, разумеется, – был послан и, как обычно, обвинил жену в неверности.

– У тебя на корабле любовник, да? Потому и не хочешь уходить с этого проклятого «Ийона». Катаешься по космосу взад-вперед, а у меня рога из головы лезут!

– Опилки у тебя из головы лезут, – в сердцах сказала Клара. – Столько глупости ни в одной голове не поместится!

Любовника она не заводила принципиально. Тут за одним мужиком глаз да глаз, чтобы мамой не сделал, на второго уже никаких моральных сил нет. Да и чревато выделять кого-то из сослуживцев, создавать напряжение в коллективе, вызывать идиотскую зависть и необоснованную ревность. Опять же, мужики любят навязывать свое видение отношений, они

всегда выдвигают себя, любимого, на ведущую роль, смотрят на любовницу свысока и снисходительно: мол, я тебя покорил, я молодец, а ты, куколка – моя собственность. На фига, спрашивается, козе баян?

На корабль она прибыла, с одной стороны, радостная, что нервотрепка с мужем завершилась, а с другой стороны – катастрофически неудовлетворенная. Честно говоря, любовник сейчас очень бы ей пригодился. Гипотетический любовник, от которого нельзя было бы залететь, который не считал бы себя главнее ее лишь потому, что он – мужчина, и который был бы в любой момент под рукой, но желательно не из команды «Ийона Тихого». Этаким идеальным конструкт.

Или все-таки реальный? Она вдруг поняла, что соскучилась по вампиру.

Клара не считала Аддарекха любовником. Она позвала его к себе не из страсти, а из жалости, потому что он боялся спать один. Команда могла чесать языками сколько угодно, но настоящего секса между ними так и не случилось. Просто переночевали в одной постели, немного поласкали друг друга, и он ее укусил. Скотина! Лучше бы трахнул, она бы так не переживала, что муж заметит.

Клара быстро вспыхивала и столь же быстро отходила. Нельзя же вечно на него сердиться. Ну, укусил. Зато он был таким милым! И ужасно счастливым, или она ничего не понимает. Даже когда она на него кричала и колотила туфлей.

За то время, пока они не виделись, Аддарекх стал как-

то... представительнее, что ли. Будто бы шире в плечах. И волосы отросли и заблестели. Белые, шелковистые, длинные – хоть в косу заплетай. Не заплетет: клановая прическа строго определена.

– Чего пялишься? – окрысилась она, поймав его взгляд, с таким же выражением скользкий по ее лицу, фигуре, волосам. – На медосмотр пришел? Вот и раздевайся, – она ткнула его стетоскопом в грудь.

Вампир снял рубашку, и стало видно, что он оброс мышцами. Потому и казалось, будто он сделался шире, по сравнению с недавним дистрофиком-нескладехой. Мышцы ему шли. Клара не любила качков, но в качка он, судя по всему, не превратится: конституция не та – худощавый, поджарый. Любопытно, видел ли кто-нибудь качка-вампира? Вряд ли: лишнее мясо надо снабжать лишней кровью.

Клара дотронулась до крепких бицепсов – не чрезмерных, ровно столько, сколько нужно мужчине. И не сдержалась – шагнула вперед, повисла у него на шее, прижавшись грудью через тонкий белый халатик к прохладному рельефному торсу.

– С кем ты спал без меня, зараза? – путаясь в противоречивых чувствах, она пихнула его кулачком в твердый живот. – Шлюх водил каждую ночь?

Аддарекх тихо хмыкнул, обнимая ее в ответ. Так хорошо стало в его руках!

– Я на медосмотр пришел, нет? – шепнул он ей на ухо. –

Вы, фрау Золинген, спросили бы меня о самочувствии...

– И как ты себя чувствуешь? – мурлыкнула она, подставляя поцелуям лицо и шею. Прикоснулась к его напрягшейся плоти и засмеялась: – О, уже вижу, что хорошо.

Клара запрокинула голову, расслабленно наслаждаясь лаской страстных губ вампира. Боже, что я делаю, кольнула вдруг трезвая мысль. Его клыки – в каких-то миллиметрах от горла.

– Эй, ты! – она снова двинула ему кулаком. – Не вздумай укусить меня в горло, понял? – не хватало еще, чтобы команда судачила о недвусмысленных шрамах на ее шее! – Кусай там, где не видно.

– В прошлый раз я укусил, где не видно, – напомнил Аддарекх, – а вы, фрау Золинген, меня чуть не убили.

– Слушай, кончай мне выкать! Тебе не стыдно говорить «вы» женщине, которую держишь в объятиях?

– Я больше не буду, – покаянно пообещал он. – А там, где не видно... что, правда можно укусить?

– Проклятый вампир, только об одном и думаешь! – обвинила она его. – Да, пей.

Что же делать, если для него это – главный приз? Он безропотно терпит все ее агрессивные выходки, готов доставить ей радость даже в ущерб себе. Как не отблагодарить?

Аддарекх не стал медлить, истосковался по свежей крови. Опустился на колени, задрал докторше халатик и сразу понял, почему она не вывалила на него с самого начала упрёки

в разладе с мужем. В области паховых вен красовалась за-
тейливая многоцветная татуировка. Вряд ли под ней можно
что-то разглядеть, даже если специально присматриваться.
Он прижался щекой к теплому животу, любуясь заворажива-
ющим узором, убегающим под крошечные кружевные тру-
сики, и аккуратно вонзил клык в переплетение линий. Клара
слегка вздрогнула, и он нежно погладил ее бедра, делая пер-
вый глоток безумно вкусной влаги. Первая группа, реус по-
ложительный, он ощущал это без всяких дурацких анализов
– магических процедур, которыми увлекаются земные вра-
чи. И целый букет гормонов: женщина ждет секса. Облизнув
последнюю капельку крови, он потянул трусики вниз, про-
вел языком по раскрывающемуся бутону ее губ.

– Нет, не сейчас, – простонала она и вывернулась. – Вре-
мени мало. Там, небось, толпа желающих медосмотр прой-
ти, – оглядевшись, она шагнула к столу, изогнулась, опер-
шись на него. – Возьми меня быстро. А вечером займемся
друг другом как следует.

– Звучит заманчиво, – хрипловато заметил Аддарекх,
пристраиваясь сзади.

Быстро все равно не вышло. Не умел он халтурить.

Кана Телевера взяли еще на дальних подступах к рудни-
ку. Патруль шшерцев засек в лучах рассвета одинокую фигу-
ру, изможденно бредущую по неровным камням, поминутно
спотыкаясь. Ног он не чувствовал – наверняка отморозил.

Вездеход, нещадно скрипя траками, рванулся с гребня к беглецу, резко затормозил, из него выпрыгнули два кетрейи. Один направил на него бластер, второй подбежал и без лишних слов ударил в лицо. Брызнула кровь. Тупой здоровяк нанес новый удар, дыхательная маска слетела, и Кан Телевер упал, пытаясь прикрыть лицо от острых камней. Чужой меховой сапог, подкованный металлом, врезался в живот...

На его счастье, из вездехода появился шитанн. Вылез неторопливо, изучил диспозицию и, придя к выводу, что встреченный гъдеанин безопасен, дал кетрейи знак прекратить избиение. Подошел, ногой подтолкнул ему маску. Кан Телевер дрожащими руками натянул ее и судорожно вдохнул.

– И что вы все претесь сюда, уроды? – зло спросил кровосос по-хантски. – Сладким вам тут намазано?

– Я... – Кан Телевер закашлялся. – У меня дело к вашему директору.

– На что ты сдался нашему директору, ощипыш? – он презрительно сплюнул. – Разве на кровь, – он грубо вздел его на ноги, схватив за плечо, и слизнул шершавым языком кровь, размазанную по разбитому лицу. Кана Телевера передернуло от отвращения. – У нашего директора дела с землянами, а не с вами, уродами.

– У меня есть сведения, – проговорил он, как мог, убедительно, – которые ее заинтересуют.

Шитанн хмыкнул с сомнением.

– Ну-ну. Советую тебе действительно ее заинтересовать. Если не заинтересуешь – пожалеешь, что не сдох в пустыне, гъдеанский выродок!

Чем он заслужил такую ненависть? Должно быть, этот кровосос ненавидит всех гъдеан. Кетрейи повели его к вездеходу, пиная в спину.

Епископ Дьёрдь Галаци нашел корабль не сразу. В космопорту он ни разу не был и ориентировался плохо. С допуском в режимную зону возникла заминка: имя в его документах и в списке папского легата было записано по-разному, и несовершенство транскрипции чуть не стало камнем преткновения. Охранники переругались между собой, потом явился начальник службы безопасности космопорта и постановил: епископа Галаци считать епископом Галаци, ибо маловероятно, что у него есть брат-близнец, тоже епископ, с именем, отличающимся на одну букву.

Поднявшись на борт, епископ первым делом столкнулся с вампиром. Вампир мимикрировал под человека: имел светлые волосы, кожу цвета темный беж и серые глаза, одет был в форму космофлота, разве что без нашивок. Но епископа учили распознавать нечистую силу с первого взгляда, и он распознал – по уголкам губ, за которыми прятались клыки, по заостренным ушам, по змеиным движениям. Дьёрдь Галаци отшатнулся и осенил вампира крестом.

Нечистая сила и не думала рассыпаться в прах. Только

остановилась и недобро прищурилась.

– Ты что здесь делаешь, дьявольское отродье?

– Что-что, – проворчал вампир. – Срать я ходил! – и выразительно указал на дверь туалета.

Епископ задохнулся от возмущения.

– Ты! Да как ты смеешь!..

– Человек не может не срать, – назидательно сказал вампир. – Так уж живые организмы устроены. Сходи-ка ты тоже поспи, церковник, а то тебя аж распирает.

Пока Дьёрдь подбирал слова для достойного ответа исчадию ада, тот скрылся за поворотом коридора. А когда вампир исчез, епископ понял, что не знает, куда идти. Наверное, спросить у нечистой силы дорогу было бы не столь уж большим грехом.

Он вертел головой туда-сюда, чувствуя себя дурак дураком. Спасение пришло в виде рыжеволосой женщины, торпливо идущей по коридору, размахивая стетоскопом. Она на секунду задержала на нем взгляд:

– Медосмотр проходил?

Дьёрдь не знал, что и ответить.

– Ой, – она сообразила, что он не из экипажа, и уставилась на него, с интересом рассматривая черное одеяние слуги Господа. – А вы кто?

– Дьёрдь Галаци, епископ, – представился он.

– Настоящий епископ? – у нее взлетели брови. – А что вы делаете в таком неподходящем месте?

Дьёрдь подумал и не стал делать рыжей замечание насчет слишком короткого халата. На шее у женщины блестел крестик, но епископ засомневался, что она примет его упрек. Вряд ли на этом корабле, где спокойно расхаживают вампиры, а присутствие духовного лица удивляет, живут по законам Божиим. Она отвернется и уйдет, и он опять останется один в незнакомом коридоре.

– Дочь моя, мне надо... – он запнулся.

– Гальюн там, – махнула рукой рыжая.

– Да нет же, – с досадой произнес он. – Мне нужно туда, где ваше начальство. Капитан, боцман, рулевой... Как это место называется? Капитанский мостик?

Женщина поглядела на него с насмешкой.

– Рубка это называется. Рубка управления. Боцман, надо же! И рулевой еще. Пилотам сказать – животики надорвут от хохота. Сейчас паруса поднимем и махнем с попутным ветром. Вы, святой отец, видно, морских книжек начитались. Только космос – не море.

Космос бездоннее и страшнее. Но он же просторнее и безбрежнее моря, и гораздо красивее. Когда смотришь с орбиты на тоненькую голубую пленку океана на крошечном шарике, и грузовые баржи и авианосцы кажутся козявками-водомерками, скользящими по этой пленке, все становится на свои места.

– Идемте, святой отец, – она кивнула ему доброжелательно, и он поставил себе плюс за то, что не стал придираться

к голым ножкам и настраивать ее против себя. – Я покажу вам, где рубка.

Дьёрдь Галаци в самом деле питал слабость к книжкам о морских корсарах. И рубку представлял себе совсем по-другому. Этакая надстройка, где находится штурвал, компас... что еще? ах да, астролябия. В рубке «Ийона Тихого» астролябия отсутствовала. Если бы он спросил – этого замечательного прибора не имелось и в отделе навигации. Мало кто из космических штурманов вообще знал, что это за хреновина и как ей пользоваться – за исключением увлекающихся историей.

Центральная рубка оказалась просторным куполообразным помещением, в центре которого находился полукруглый пульт, огибающий два вертящихся кресла с высокими подлокотниками. По обе стороны от пульта были сооружены голографические подиумы, в данный момент выключенные. Рядом с ними вразнобой стояли еще несколько кресел. А стены, потолок и даже пол там, где не было подиумов, представляли собой гигантские экраны, состоящие из множества сегментов, передающих очень натуральное изображение окружающего пространства. Сейчас многие из сегментов не светились, но и наличествующего хватило, чтобы епископ осознал: когда изображение будет полным, он в эту рубку не войдет. Если войдет и ощутит себя подвешенным среди бескрайнего космоса, царящего со всех сторон света, сверху и снизу – его непременно стошнит.

Посреди всей этой фантазмагии присутствовали двое. Лохматый чернобородый мужчина с кустистыми бровями сидел за пультом, а второй, его более скромная и не столь лохматая копия, ходил по рубке и что-то проверял. Епископ откашлялся.

– Благослови вас Господь.

Бабай и Мюслик оторвались от своих дел, посмотрели на вошедшего и синхронно откликнулись:

– Аллах акбар.

Н-да, не повезло. Дьёрдь предпочел бы иметь дело с христианами. Неважно, какими: католиками, протестантами, православными или вовсе экзотическими еретиками. Для мусульман епископ – не авторитет.

Он вспомнил, что капитана зовут Йозеф Гржельчик. Вряд ли человек с таким именем поклоняется Аллаху.

– Где капитан? – спросил Дьёрдь.

Лохматый скорчил гримасу.

– Я бы тоже хотел это знать.

– И я, – буркнул второй. – Кэпу уже несколько часов как пора быть на корабле.

Кан Телевер знал Ортленну Лис. То есть, конечно же, он не был ей представлен. Раньше у шшерцев был другой директор, но и с тем у него не могло быть дружбы, а потом он, Кан Телевер, стал никем. Подневольный менеджер, недостойный участвовать в беседах свободных людей. Но он видел ее не

раз и знал, кто она такая. Кровососка, дорвавшаяся до власти, переступив через трупы своих. Да, не она их убивала. И что с того? Она воспользовалась ситуацией в своих целях. А чтобы укрепить свое положение, легла под землянина. В этом Кан Телевер не сомневался: бабы шитанн те еще греховодницы, да и для чего же она регулярно шляется к Зальцштадтеру?

В подземелье с него бесцеремонно сорвали маску и куртку, поволокли куда-то по бесконечным коридорам. Когда он уже потерял ориентацию, перед ним открылась дверь, его впихнули в кабинет и бросили на колени. Это ему очень не понравилось. Не униженным просителем хотелось ему выставить себя, а ценным информатором. Он попробовал подняться, но сапог кетрейи уперся ему в поясницу.

– Не шевелись, гдеанин!

Ортленна отвлеклась от компьютера, вышла из-за стола, поглядела на него сверху вниз с брезгливым любопытством. Мол, что это за червяк? Кан Телевер стиснул челюсти, морщась от боли в разбитом лице. Надменная шляуха! Если б не вмешавшиеся земляне, она смотрела бы по-другому. Еще немного, и шшерцев дожали бы. Опрокинули бы посты, захватили рудник, а таким, как эта погрязшая во грехе тварь, прибили бы позвоночник к каркасу койки и пользовали, пока не умрет. Как же неправильно, что он, уважаемый и успешный директор, вынужден кланяться жалкой девке!

– Еще один беглец, – интонация Ортленны была не вопро-

сительной. – Зачем вы его сюда притащили? Убили бы сразу.

– Он утверждает, будто у него есть для вас сведения, хирра Ортленна.

Она усмехнулась.

– Не припоминаю, чтобы у меня был гдеанский осведомитель.

Шитанн о чем-то переговорили, и тот, что привел Кана Телевера, ушел. Но кетрейи остались. Кан Телевер покосился на них неодобрительно и обратился к Ортленне:

– Мы можем поговорить наедине?

Она подняла бровь.

– Разумеется, нет.

– Но это очень личное, – возразил он.

– Ты что, в любви решил признаться? – она издала едкий смешок. – Говори при них, гдеанин, или сдохни без разговора – мне все равно.

Заинтересовать ее. Любым способом.

– Господин директор вас обманывает.

Вот дерьмо! Это «господин директор» вырвалось чисто рефлекторно. Выходит, он теперь и помыслить не может, чтобы назвать проклятого землянина как-нибудь иначе?

– Занятно, – промолвила она и опять села в свое кресло. – Продолжай.

Захар казался ей честным человеком. Может, он и не чист, как кристалл, но ему не имело смысла в чем-то ее обманывать. Зачем, если он мог и так все получить? От ее ласк

до рудника целиком. Но, возможно, его вынуждают идти на ложь политические соображения. Например, прямой приказ координатора. Подманить райский транспорт наживкой, завести в ловушку и ограбить. Глупо? Но очень умных планов ей не разгадать, опыта нет. Ей нравился Захар, однако наивность выветрилась из головы за четыре года на Нлакисе. Всякое может случиться.

– Господин Зальц-штад-тер, – старательно выговорил Кан Телевер, – вам изменяет.

Ортленна не совсем поняла. Как можно изменить, не дав никакой клятвы? Или он отступил от подписанного договора? Она с трудом представляла, как можно нарушить договор, в котором речь идет о процентах, когда еще и срок платить их не подошел.

– В каком смысле?

Вот дура! Любая гъдеанка поняла бы намек.

– У него есть другая женщина, – пояснил он, слегка округлив уголки губ в снисходительно-сочувственной гримасе.

– О? – удивилась Ортленна. – И что же?

При чем тут какая-то женщина? Неужели кто-то из шитанн ведет переговоры за ее спиной, мысля спихнуть ее с директорского поста? Обещает Захару большой процент, если он поможет в этом? Да ну, глупости. Даже если не отрицать сволочную человеческую природу, женщины ни разу не покидали рудник. В патрули ездили только мужчины.

– Как – что? – слегка опешил Кан Телевер. – Он трахает

другую бабу! Едва вы за порог, как он ее вызывает. И не отпускает допоздна.

Ортленна изумленно воззрилась на гъдеанина. Почему он думает, будто это ее волнует? Мало ли как и в чем находит удовольствие Захар, это его личное дело. Где тут обман и измена?

Кан Телевер воспринял ее взгляд как поощрение к дальнейшему разговору.

– Это гнусно и нечистоплотно, – доверительно сообщил он, поднявшись с колен и устроившись на неудобном табурете. Кровососка не обратила внимания, и кетрейи не стали препятствовать.

– Почему нечистоплотно? – машинально откликнулась она. – Думаю, Захар, как всякий цивилизованный человек, время от времени моется.

– Вы совершенно напрасно так хорошо думаете о землянах! – Кан Телевер чуть наклонился вперед, почти уверенный, что билет в жизнь, пускай и не очень счастливую, у него в кармане. – Они не имеют понятия о гигиене. Господин директор тычет своим отростком этой шлюхе в разные места попеременно, а через пару часов предлагает вам... подержаться за него, – он не рискнул выдать прямым текстом, что, по его мнению, Зальцштадтер действительно предлагает кровососке.

– О-о, – протянула Ортленна.

До нее наконец дошло, к чему клонит этот грязномысля-

щий гъдеанин. Он вообразил, будто она спит с Захаром. И ему, видимо, невдомек, что если бы она это делала, то была бы осведомлена об отношении Захара к гигиене гораздо лучше какого-то мелкого пакостника. А под обманом он, наверное, имеет в виду... что? Захар никогда не говорил ей, что у него нет любовницы, и не клялся, что таковой не будет. В чем же обман? Ах да, она припомнила: в некоторых мирах наличие у человека более чем одного сексуального партнера осуждается. Глупый и жестокий обычай. Вот они с мужем четыре года врозь – так что, лишать себя удовольствий? Зверство, порожденное ограниченностью. И нечистоплотностью притом: кто редко моется, тому должно быть стыдно менять партнеров.

– Вам надо позаботиться о себе, – назидательно произнес гъдеанин. – Теперь, когда вы благодаря мне в курсе всего, вы можете быть начеку.

Ортленна чуть не расхохоталась.

– Значит, ты пришел сюда затем, чтобы рассказать мне об этом?

Кан Телевер подобострастно закивал, мысленно плюясь. Ортленна тоже покивала.

– Вот, стало быть, как. Такая жертва ради меня! Хочешь награды?

– Я хочу жить, – скромно заявил Кан Телевер, радуясь про себя.

– Ну, и жил бы себе на своей базе, – она усмехнулась. –

Или не мог? Дай-ка я скажу, как все было на самом деле. Тебя выгнали за какой-то проступок. Либо ты сам сбежал, потому что за проступок тебя ждала смерть.

Радость была недолгой.

– Я говорю правду! – взмолился Кан Телевер. – Да, я чуть-чуть приукрасил. Я сбежал. Но за это нельзя карать строго! Ведь все остальное – правда.

Возможно, ты и считаешь это правдой, но правда твоя – волны на воде. Ортленна чуть заметно скривилась.

– Почему ты сбежал? – гъдеанин немного промедлил с ответом, и в голосе женщины лязгнул металл. – Я ведь могу спросить у Захара.

Он нервно облизнул губы.

– Меня хотели убить! Я был возмущен тем, что происходит. Я наказал эту дрянную девку, потому что переживал за вас. А господин директор приказал меня убить. Всего лишь из-за того, что я испортил его подстилку!

Она снова покивала. Резко и недобро.

– Что ж, Захар меня не разочаровал. Отомстить за женщину – правильный поступок, – она шелкнула пальцами, подзывая кетрейи. – Отдайте его тем, кто еще не устал ненавидеть. Пусть порвут на куски, если хотят. Он мне не нужен.

– Вы что! – завопил Кан Телевер, безуспешно пытаясь высвободиться из железной хватки мускулистых блондинов. – Я же делал все только для вас! Я... Стерва! – заорал он. – Немилосердная тварь, погрязшая во грехе!

Ортленна шагнула к вырывающемуся и выкрикивающему гадости гъдеанину быстрым скользящим движением. Он не успел по-настоящему испугаться того, что увидел в ее глазах, как она с размаху полоснула его по горлу острыми ногтями.

Кану Телеверу повезло: он умер мгновенно. Голова чуть не оторвалась от тела, фонтан крови окатил Ортленну, она поймала ртом постепенно иссякающую струю. Кетрейи, вцепившиеся гъдеанину в плечи, продолжали удерживать его, пока текла кровь, потом выпустили, и тело рухнуло на пол, как набитый тряпками мешок. Ортленна промокнула платком кровь с глаз. Что ж, не вышло. Тем, кто не устал ненавидеть, придется подождать другого.

– Уберите, – бросила она кетрейи. – И пришлите ко-го-нибудь из ваших женщин, мне надо принять ванну и переодеться.

– Да, хирра, – улыбнулись парни. Окровавленный труп совершенно не сказывался на их любви к милой, заботливой и решительной шитанн.

Ортленна не стала улыбаться в ответ. В жизни она понимала больше, чувствовала острее. Но угрызения совести ее не мучили. Разве сожаление о том, что не сдержалась, и гнусный выродок ушел легко.

– Какого черта вы опаздываете? – рявкнул увешанный орденскими планками дедок, и Йозеф невольно вздрогнул.

– Виноват, командующий. Я ногу сломал, – он выпятил

напоказ гипс и костыли. В глубине души он считал это убедительным оправданием.

Но Ларс Максимилиансен думал иначе.

– Вы – военный, Гржелчик! Вы должны быть точны, как часы. И даже точнее! А вы опаздываете на пять часов. На пять! И поезд-то столько ждать не будет, а у вас космический корабль! Вы понимаете, что все предварительные расчеты стартовой траектории можно выбросить в мусоропровод? Люди работали, и все зря! Я вас спрашиваю, черт возьми!

– Да, командующий, – он вздохнул. – Я понимаю.

Еще бы он не понимал! Но он же не нарочно сломал ногу.

– У вас боевое задание, а вы ногу ломаете! Нашли время.

Упреки главнокомандующего были несправедливы. Йозеф просто терялся. Да, у старика имелись свои пунктики, но обычно он бывал объективен.

– Вы все время своевольничаете! – обвинил его Ларс. – И слишком много якшаетесь с вампирами. Вы даже притащили шестерых кровососов на Землю!

Йозеф подавился. Ну, это уж ни в какие ворота не лезет! Дед сам приказал, чтобы спасенные с «Райского грома» были привезены на Землю и учили десантников.

– Должно быть, это они на вас дурно влияют, – заключил старикан. – Вас следовало бы отстранить от командования.

Гржелчик стиснул зубы. Одно к одному: дурацкий развод, сломанная нога, а тут еще и отстранение по высосанно-

му из пальца поводу.

– Может, сразу и расстреляете? – процедил он, не сдержавшись. – Чего мелочиться?

Максимилиансен уставился на него изумленно. И словно опомнился от наваждения.

– Кхм... Ну и шуточки у вас, Гржельчик. Слушайте задачу. Проходите патрулем вдоль границ сектора, докладываете, а потом меняете «Сайрес Смит» у Нлакиса и находитесь там до особых распоряжений. Вам все ясно?

– Да, командующий, – Йозефу многое было неясно, но не в задаче. Он отсалютовал и заковылял к двери на своих костылях.

Ларс проводил капитана странным взглядом. Он тоже не чувствовал ясности. Что-то было не так. То ли с Гржельчиком, то ли с ним самим.

В последнее время Гржельчик его раздражал. У него зрело ощущение, что капитан метит на его место. В самом намерении криминала нет: плох тот солдат, который не мечтает стать генералом. Но пусть сперва дождетя, пока старик уйдет на пенсию! А потом докажет, что он лучше того же Миленича.

Гржельчик забрал слишком много воли. То с вампирами о чем-то договаривается, не спрося, то войну начинает через его, Ларса, голову, то позволяет себе опаздывать... Не слишком ли он зарвался? Ларс вновь стал заводиться.

Он в сердцах чертыхнулся и опрокинул в себя стопку ко-

ньяка – прямо так, без кофе. Вот оно, опять! А если взять себя в руки, отставить эмоции и подумать головой? Разве Гр-жельчик поступил неправильно при встрече с «Райской молнией»? Аналитики дали его действиям полное одобрение. И то, что он воспользовался прямым доступом к Салиме, когда счет шел на минуты, а не послал запрос по инстанциям, теряя драгоценное время и преимущество внезапности – ему только в плюс. Оперативно сориентировался, молодец. И опоздание это... Глупо обвинять человека в том, что он сломал ногу. Так почему? Почему, едва упустишь над собой контроль, беспричинная злость так и рвется наружу, выплескиваясь в обидных словах?

Дьявольщина какая-то, хоть кардиналу жалуйся. Ларс даже невесело засмеялся: чтобы он, да по своей воле, обратился к этому инквизитору как к авторитету?

В Эфлуттраге было ветрено и пасмурно. Будь Ххнн координатором, он бы выбрал для своей резиденции какое-нибудь другое место. Гм, какое? Резиденции Круга кланов надлежит находиться на границе двух полушарий, меж дневной и сумеречной стороной. Меридиан большой, но климат на нем одинаково паршивый.

Ххнн рассмеялся про себя и нервно дернул плечами. Ишь куда занесло! «Будь он координатором!» – передразнил он сам себя. Он при встрече-то с координатором не знал, как себя вести, где уж самому... Ему велено было явиться на ко-

вер к главе Круга кланов и получить инструкции. С того момента, как его вызвали, и до самой двери координаторского кабинета бесстрашного космолетчика терзал мандраж.

Чему быть, того не миновать. Ххнн одернул форменный сайртак, глубоко вдохнул, выдохнул и открыл дверь.

Криййхан сильно постарел в сравнении с собственными фотографиями в планетной компьютерной сети. Он выглядел исхудавшим, кожа обвисла на каркасе костей, словно сдувшийся парус. Старик кутался в телогрейку и меховые сапоги, хотя в кабинете, на взгляд Ххнна, не было холодно. Но красные глаза глядели на вошедшего пронзительно и требовательно. Как бы ни сдало тело, он не утратил ни ума, ни власти. Ххнну показалось, что координатор смотрит на него недовольно. Чем он может быть недоволен? Ххнн и сделать-то ничего не успел с тех пор, как посадил «Молнию» в Генхсхе, только к жене съездил. Криййхан не отводил сурового взгляда, и душа у Ххнна ушла в пятки, но он постарался этого не показать. Откашлялся и представился:

– Ххнн Трагг, старший помощник капитана, второй пилот ГС-линкора «Райская молния».

Криййхан поджал губы. Уже первый. Ему бы еще несколько лет вторым походить, набраться опыта, но... Надо быть реалистом. Война выбила всех лучших. У Рая почти не осталось кораблей и вообще не осталось капитанов. Капитаны имеют препаскуднейшее свойство гибнуть вместе со своими кораблями.

Ххнн Трагг не нравился координатору. Ему не нравился и Мрланк Селдхреди, но Мрланк все же был настоящим капитаном. Он вытащил «Молнию» из безнадежной ситуации, выполнил задание до конца, невзирая на то, что стоял обеими ногами в могиле. Он был капитаном, а Ххнн – нет. Подписать приказ о назначении – дело двух минут, но что это меняет? Ххнн Трагг не довел бы линкор до Рая. Погубил бы и себя, и Ртхинна, и всю команду, и последний линкор. Не готов пока старший помощник стать капитаном. Недостает ему и ответственности, и мастерства. Но где взять другого? Можно подумать, за дверью очередь выстроилась из желающих пройти кастинг!

– Ххнн Трагг, – проскрипел координатор, – я назначаю вас капитаном «Райской молнии».

Ххнн сглотнул.

– Слушаюсь.

Некогда он мечтал о чем-то вроде этого. Даже немного завидовал Мрланку: он его лет, а давно в командирах ходит. Ххнну всегда хотелось отличиться и получить красную капитанскую полосу. Вот и отличился. Наделал глупостей, чуть не угробил корабль. Зато остался в живых, всего-то и надо было.

Я не хочу быть капитаном, панически забила мысль. Я не справлюсь! Но его никто не спрашивал, хочет он или нет. Надо, и все. Приказ координатора.

Крийхан вглядывался в лицо новоиспеченного капитана

и не видел на нем энтузиазма. По крайней мере, не дурак – уже хорошо.

– Ремонт «Молнии» скоро закончится, капитан Ххнн. Вы лично за этим проследите. Как только будет возможно, вы стартуете к Нлакису. Это не военный рейд. Вы повезете на наш рудник припасы, оборудование и новых рабочих. Выйдете из прокола у периметра системы, назоветесь земным крейсером, которые держат Нлакис, и они пропустят вас к планете. А потом привезете обратно тех, кому уже четыре года пора в отпуск, и траинит. Вам ясна задача?

– Да, хирра Криййхан.

Вот теперь он обрадовался. Не тому, что сам поведет корабль к Нлакису. А тому, что это вообще стало возможным. Измученные рабочие вернутся домой, и у Рая снова появится родохромный траинит.

– Идите, капитан Ххнн, – старик нетерпеливо махнул костлявой ладонью. – Ступайте пока. Доложитесь мне перед стартом из Генхсха по закрытому каналу, – он все же побожился оставить его совсем без контроля. Пусть доложит, а он послушает.

– И долго мы будем ждать старта? – обратился Стефан к Бену Райту.

Бойцам надоело ожидание. Поздний вечер уже, спать бы пора, так ведь не ляжешь.

– А я откуда знаю? – окрысился Бен. – Я, что ли, рычаги

тут дергаю? Поди у Бабая спроси, если не боишься попасть ему под горячую руку.

Сколько помнил себя Бен, капитан Гржельчик никогда не опаздывал. Являлся на корабль чуть ли не за сутки до старта, все придирчиво проверял. Куда он запропастился?

От нечего делать десантники слушали Вилиса, который, почуяв свой звездный час, травил бородатые анекдоты, неизвестные разве что вампирам, развесившим уши.

– Стучится, стало быть, летчик в двери рая...

Шитанн уже не переспрашивали, кто такой летчик и что за рай: подборка была тематической, и диспозиция прояснилась давным-давно. Рай – на небе, где летают летчики; видимо, где-то в тропосфере или стратосфере. У рая есть дверь, а возле нее стоит святой Петр с ключом и фиг кого пустит. Стоит он на облачке – такой вот сюрреализм. А летчики – это водилы тяжелых аэромобилей, называемых тут самолетами. Судя по анекдотам, совершенно безбашенные.

– А святой Петр ему говорит: ну и куда ты прешься, грешник? Я ж тебя знаю: ты и пьяница, и бабник, и драчлив не в меру. И самолет вдобавок угробил. А летчик в ответ: зато смотри, сколько праведников я к тебе привел! Такие приличные люди, ни один на рейс не опоздал.

Бен вяло хмыкнул. Половина анекдотов Вилиса была про опоздания – с намеком.

– Вилис, ты задолбал уже! – выразил всеобщее осуждение Стефан. – Хоть бы для разнообразия что-нибудь новенькое

рассказал.

– А пусть вампиры расскажут, – предложил Бадма. – Уж точно новенькое.

Шшагил Хот ухмыльнулся.

– Ладно, слушайте в тему. Отправляется стратосферник, пассажиры ждут пилота. Вдруг выкатывается инвалидное кресло, на нем – мужик, весь в гипсе, а сверху форменная куртка накинута. Разрешите, говорит, представиться, я – командир этого судна, приветствую вас на борту. Ну что, смертнички, полетели?

– Тьфу! – расстроился Стефан. – Я ведь просил новенькое!

– Чем тебе это не новенькое? – возмутился Шшагил. – Откуда ты можешь знать райский анекдот?

– Не поверишь, – хихикнул Вилис, – у нас точно такой же рассказывают. Только про летчика.

Шшагил не поверил, обиделся.

– Врете вы всё. Как такое может быть?

– Ну, а почему нет? – философски произнес Бен. – Жизненные ситуации схожи.

– Да что здесь жизненного? – взвился шитанн. – Эта байка насквозь придумана! В жизни такого не бывает.

В этот момент дверь кают-компания отъехала, и взорам предстал долгожданный капитан Гржельчик с огромной за-гипсованной ногой и на костылях.

– А вот и я, – мрачно усмехнулся он. – Хорош баклуши

бить. Через час стартуем.

Глаза всех присутствующих настолько прилипли к капитану, что продолжали еще некоторое время таращиться на захлопнувшуюся дверь. Наконец Бен перевел взгляд на Шшагила:

– Вот. А ты говорил – не бывает.

Йозеф ввалился в центральную рубку, и пилоты издали синхронный вопль:

– Наконец-то!

– Кэп, что с вами случилось? – вырвалось у Фархада Усмани.

– Даже вспоминать не хочу, – отмахнулся он и тяжело опустился в кресло, неловко выставив перебинтованную ногу. – К старту все готово?

– Уже несколько часов, – не удержался Бабаев.

– Тогда убираемся отсюда как можно скорее. Бабай, вы с Мюсликом – в центральной. В резервной пусть будут Камалетдинов и Федотов.

– Минуточку, – сказал Усмани. – Я дожидался вас, кэп, только для того, чтобы сообщить: я ухожу.

– Что значит – ухожу? – нахмурился Гржельчик.

– То и значит, в буквальном смысле. Я не могу служить на корабле, где распоряжается христианский епископ.

– Епископ? – Йозеф вспомнил, что главнокомандующий упоминал о прикомандированных к кораблям священни-

ках. – Он уже здесь? Что он вам сказал?

– Ничего особенного, кэп. Но он намерен быть здесь вторым после вас. А может, и первым. Меня это не устраивает. Подчинение христианскому церковнику противоречит моим религиозным убеждениям.

– А тебе все эти годы не обидно было подчиняться мне? – спросил Йозеф. – Я тоже христианин.

Мюслик развел руками.

– Вы – капитан. Вы заслужили этот пост не молитвой и песнопениями. Извините, я знаю, что ухожу не вовремя. Не принимайте на свой счет.

Он отсалютовал на прощание и вышел. Йозеф прикрыл лицо ладонями и тихо зарычал. Все идет наперекосяк!

Оставшиеся трое пилотов молча смотрели на него и ждали, когда он справится со своими чувствами. Три пилота и мальчишка-стажер. Трое из четверых Фархадов – мусульмане.

Гржельчик убрал руки от лица.

– А вы? – осведомился он негромко, но твердо. – Тоже уходите?

Бабаев пожал плечами.

– Я служу Земле, а не Аллаху. Я остаюсь.

– И я, – присоединился Камалетдинов. – Я приносил присягу.

– Мюслик тоже, – вздохнул Йозеф. – Не думаю, что он изменит присяге. Пойдет служить на сторожевик или конвой-

ный катер, где нет епископов.

– Что мне до епископа? – усмехнулся Камалетдинов. – Меня его проповеди с толку не собьют.

Йозеф кивнул и перевел взгляд на стажера.

– Тебе уйти проще всех, мальчик. Если сомневаешься, то лучше – сейчас, пока ты еще стажер.

Синие глаза прищурились.

– Уйти с ГС-крейсера во время войны? Да я себя уважать перестану!

– И мамка выпорет, – хмыкнул Бабай.

Все засмеялись. Даже Гржельчик, подкошенный неприятностями, окосевший от обезболивающего, и то улыбнулся.

– А почему меня никто не спрашивает, хочу ли я уйти? – вылез Федотыч.

– Чего тебя спрашивать-то? Ты же христианин.

– Это дискриминация, – заявил он. – По религиозному признаку.

И все заржали снова.

– Так, слушай мою команду, – Гржельчик отсмеялся и посерьезнел. – В центральной рубке – Бабай и Федотыч. В резерве – Футболист и Принц. И все, – горько заключил он. – Больше у нас пилотов нет.

– А вы? – ляпнул Камалетдинов и тут же смутился.

– Я нынче не пилот, – Йозеф грустно поглядел на свои костыли и наклонился погладить котенка. Все, что ему осталось в этом рейде – сидеть в кресле с пледом и кошкой на

коленях и смотреть, как рулят другие.

Мрланк неожиданно увернулся, юркнул под кресло первого пилота, выгнул спинку и зашипел оттуда.

– Чего ты, дурачок? – хохотнул Бабаев и попытался вытащить его из-под кресла.

– Оставь кошака, Бабай, – проворчал Федотыч. – Он, наверное, ноги этой гипсовой испугался.

Двуногие боги не понимали. Они не видели того, что видел Мрланк. Он и сам видел это не глазами – так же, как видел, где надо поставить кровать, а где нельзя этого делать ни в коем случае. Он не умел этого объяснить, но главный бог летающей обители выглядел неправильно. Незримое сияние, постоянно окружающее богов, вокруг него почти померкло.

После больницы Энди Эверитту полагался отпуск – поездка в санаторий или просто релаксация на местных пляжах. Хорошо работать в ООН, даже простым уборщиком: все твои права человека и гражданина соблюдаются неукоснительно. И он уже размечтался, как отправится нежить свой пострадавший организм на какие-нибудь тихоокеанские острова, но тут объявились другие его работодатели.

Этим другим закон не писан, а о правах человека они если и слышали, то уж точно не относили Эверитта к тем людям, у которых эти права есть. Шпион – профессия довольно доходная, но очень, очень неблагодарная. Сообщение, адресованное ему, предписывало немедленно отправиться в космо-

порт Канаверал и получить на торговом корабле Дуурдухана посылку: несколько пластиковых ящичков. Ящички надлежало провести мимо таможни, переправить в Байк-паркинг и позаботиться о том, чтобы каждый из них попал на борт ГС-корабля. Что в ящичках, тут же поинтересовался Энди. Чем бы он ни был обязан своему работодателю, но взрывчатку на земные корабли протаскивать не станет. Всего лишь подслушивающие устройства, успокоили его. Ладно, подумал он, особой беды в том не будет.

Беды, может, и не было, но голова разболелась. Вместо отдыха, положенного ему по состоянию здоровья, Энди мотался по космопортам, прикидывался бизнесменом, подкупал таможенников, нанимал перевозчиков, сетуя на судьбу. За что ему всё это? Он шпион, а не экспедитор. Увы, не существовало должностной инструкции шпиона, на которую можно было бы сослаться и отказаться от непрофильного поручения.

Дальше началось самое трудное. Никто ведь не пустит постороннего ни на военный корабль, ни в режимную зону. Чтобы уговорить грузчиков пристроить меж контейнерами с едой и водой несколько небольших ящичков, Энди пришлось немало потратиться и вдобавок принести клятву на Библии, что это не взрывчатка и не отравы. Насчёт отравы он в разговоре с нанимателями и не спросил. А вдруг отравы? Назад сдавать поздно. Энди зажмурился и поклялся.

Так один из ящичков оказался на борту «Ийона Тихого».

Его запихнули в медицинское оборудование, и он благополучно пролежал на складе медблока, пока не понадобилась кровь.

В положенное время сработал таймер, и колония маленьких существ проснулась. Проснулась, зашевелилась и начала грызть стенки ящика в поисках еды – сладкой меди, терпкого алюминия...

Клара полезла за кровью из-за вампиров. Аддарекху хватало, но были ещё пятеро, которым не на что рассчитывать на этом корабле, кроме стерилизованных запаянных пакетов. Она вскрыла новый контейнер и заорала дурным голосом, когда из него, словно стадо гигантских тараканов, ломанулись покрытые хитином зубастые твари с хоботками, сочащимися кислотой. Она приготовилась упасть в обморок и даже умереть от ужаса, но, к счастью, с ней был Аддарекх. Он тоже растерялся от неожиданности и выронил из рук котенка, но в следующее мгновение овладел собой, схватил Клару за талию и забросил её на высокий соседний контейнер. Только туфли остались внизу. Прекрасные туфли с медными пряжками, которые были немедленно облеплены кошмарной многоногой мелочью, размочены кислотой и объедены. Аддарекх выругался и с размаху придавил тварей ботинком. Панцири противно захрустели, но погибли лишь некоторые, остальные вцепились в ботинок – к счастью, достаточно прочный и невкусный для них. Стряхнув уродцев,

он заозирался в поисках чего-нибудь тяжелого. Увидел лопату в ящике с пожарным инструментом, замолотил ею по кишащей мелочи, тошнотворно хрустящей и разбегающейся во все стороны. Рядом метался Мрланк белой пружиной: он хватал уродцев, как мышей, и лапами отрывал им головы. Клара, стоя на коленях на контейнере и намертво вцепившись побелевшими пальцами в его край, визжала, не переставая.

Часть тварей порскнула в коридор. Передвигались они шустро и были, судя по всему, голодны. Мрланк кинулся за ними, но Аддарекх понял: за всеми не поспеет. Слишком их много, слишком они верткие. Он вспомнил про рацию, которую выдал ему майор Райт как командиру подразделения, рванул из кармана, нажал кнопку общей тревоги:

– Всем внимание! На борту чфеварские шнуругрызки!

– Кто? – простонала Клара сквозь слезы. Ее била дрожь. Убедившись в том, что все окружающие их твари мертвы, Аддарекх аккуратно стащил ее с контейнера, успокаивающе прижал к груди. – Кто это?

– Шнуругрызки, – объяснил он. – Такие сволочные насекомые, которые жрут провода. Проклятые чфеварцы их специально разводят. Не бойся, люди им неинтересны, если не носят на себе алюминия или меди. Разве что случайно кислотой брызнут.

Клара передернулась и всхлипнула.

– Обними меня покрепче.

Он так и сделал. На миг его накрыло возбуждение. Перепуганная женщина в руках, в воздухе разлит запах крови... Он шевельнул носом и вдруг застыл. Так не должно быть. Откуда? Никто не ранен, и это не кровь Клары. Станный запах, словно все группы перемешаны между собой и еще с чем-то едким.

Выпустив женщину, он бросился к ящику. Сотня червей могильных! Гнусные твари прогрызли пакеты с кровью, выбираясь наружу. Драгоценная жидкость, оскверненная кислотными выделениями, растеклась по контейнеру. Аддарекх заскрипел зубами.

– Триста могильных червей! Ах вы, паразиты поиметые!

Сердце забилось, разгоняясь, кровь ударила в голову, тело охватил жар. Забыв о Кларе, он одним мощным прыжком преодолел расстояние до двери и помчался по коридору, преследуя злокозненных насекомых. Смерть! Смерть оставалась позади на его пути. Какой-то рабочий, поймав бешеный взгляд безумного вампира с лопатой наперевес, опрометью кинулся с дороги.

– Мы столкнулись с множественной диверсией, – Ларс хмурился. – Несколько кораблей сообщили о шнурогрызках на борту.

– Шнурогрызки? – переспросила Салима. – Кто это?

– Чфеварские насекомые. Довольно крупные. Они питаются медью и алюминием. У них есть железы, вырабатываю-

щие крепкую кислоту. Они брызгают ею через хоботок, растворяют металл и всасывают. Любят грызть провода, потому их так и...

– Они водятся на Чфе Варе?

– Не то чтобы водятся, – старичок с досадой крикнул. – Их разводят. Это очередной конструкт чокнутых чфеварских биоинженеров.

Патологическая страсть чфеварцев создавать бесполезные, а паче – вредоносные существа общеизвестна.

– До сих пор мы о них не слышали, – признался Максимилиансен. – И оказались не готовы к встрече с ними. Три крейсера в бедственном положении: повреждено питание двигателей и орудий. Еще с двумя потеряна связь. Наверное, твари сгрызли у них кабеля ква-девайсов.

– Пожалуй, эти чфеварские биоинженеры не такие уж чокнутые, – задумчиво проговорила Салима, – раз их произведения используются столь эффективно. Откуда вы получили информацию об этих... шкурогрызках?

– Шнурогрызках, – поправил дедок. – Так их называют шитанн, только по-своему. На «Ийоне Тихом» несколько вампиров, они и опознали грызучих уродцев. Гъдеане раньше покупали шнурогрызок и использовали против Рая.

Салима покачала ногой, не притрагиваясь к чашке с чаем.

– Надо ждать удара.

Ларс молча кивнул.

– Сколько всего кораблей подверглось атаке шнурогры-

зок?

– Восемь. Ситуация на пяти крейсерах критическая: их атаковали в дальнем космосе, и они там застряли.

Энергия к ГС-приводам поступает по сверхпроводящей керамике, ни один электротехнический сплав не справляется с такой нагрузкой. Но что толку, если к насосам охлаждения идут обычные кабели? Оптоволоконные линии обеспечивают быстрый и надежный сигнал в цепях управления, но чтобы компьютер работал, ему нужна электрическая сеть – так же и с любым пультом, и с оружием... А сетевая проводка – обычная. Несколько раз продублированная, с хорошей изоляцией – ну и что? Изоляцию прогрызли, проводку слопали. Гады.

– Два корабля были атакованы в космопорту. Сейчас они в режиме карантина. Шнурогрызки заперты внутри, но... – старик поморщился, – они кишат там и жрут. Я распорядился отлавливать уличных кошек и кидать их внутрь.

Салима подняла бровь.

– Вы так не любите кошек, Ларс?

– Я и людей-то не люблю, – хмыкнул он. – Но дело не в этом. Единственный корабль, который справился с ситуацией, остался на ходу и при оружии – «Ийон Тихий». На «Ийоне» живет кот. Половину тварей убил он. Вторую половину добили шитанн, – добавил Ларс нехотя.

Он смирился с тем, что шитанн нынче числятся союзниками, но раздражать они не перестали. Особенно в подоб-

ных случаях: когда земляне пораскрывали рты от неожиданности, а вампиры знали, что делать, и сделали. Да, молодцы, но обидно же.

А пуще всего ему не нравилось, что Гржельчик опять оказался на высоте. Творит, понимаешь, что хочет: коту завел, вампиров пригрел. Сплошные нарушения режима. И ведь не упрекнешь!

Вот пусть это дерьмо и разгребает, раз самый умный. Главнокомандующий уже послал распоряжение с изменением задачи для «Ийона Тихого». Пускай вытаскивает пострадавшие крейсера. А Миленич подождет смены еще немного, не расклеится.

– Значит, семь кораблей вышло из строя, – подытожила Салима. – Противник думает, что восемь. Будет удар, – пришла она к тому же выводу. – Именно сейчас, пока мы в растерянности и не успели ни перегруппироваться, ни заняться ремонтом. Мы готовы держать удар?

– Мы всегда готовы, – проворчал главнокомандующий. – К самым сильным ударам, не вопрос. Только не к таким пакостям, как эта шнурогрызущая дрянь.

– Надеюсь, вы найдете диверсанта, – произнесла Салима не вопросительно, а утверждающе.

– Найдем! – многообещающе ответил Ларс. – Я его лично... э-э... нет, это уже не смогу. Но мало ему не покажется. Наизнанку выверну!

На центральный пульт стекались сведения о повреждениях. На удивление мало. Холодный пот на лбу Йозефа, поднятого по тревоге с койки, где он пытался забыться от непрерывной боли в ноге, постепенно высыхал.

Неведомых тварей – шнурогрызок, так их назвал младший командир Аддарекх – удалось перебить почти полностью. Тревожный сигнал прозвучал вовремя, многих насекомых Аддарекх с Мрланком задавили на месте, а разбежавшихся ловили всем миром, прочесывали все отсеки, шерстили коммуникации. Коту хоть орден вешай, что бы делали без него? Мрланк забирался в щели, недоступные даже самому худому человеку, где прятались эти курвы, выцарапывал их оттуда и убивал. Творчески убивал: давил, перекусывал пополам, отрывал головы. На последнюю убитую тварь демонстративно помочился. Йозеф слова не сказал насчет безобразия: понял, что это не проявление неопрятности, а важный символический акт.

Большую часть шнурогрызок перебили вампиры. С яростью, удивившей Йозефа. Противные, вредные, кишачие насекомые могли вызывать гадливость и желание их истребить, но чтоб такое остервенение? Четверо из шести отходили от священного безумия. Десантники, изумленно качая головами, передавали друг другу железную лопату, на черенке которой отпечатались вдавленные следы пальцев Аддарекха.

– И чего вампиры так взбеленились? – пробормотал он под нос.

– Ну, это как раз понятно, кэп, – отозвался майор Райт, еще не ушедший после доклада. – Чертовы мегавошки все пакеты с консервированной кровью попортили. Для шитанн это как плевок в лицо. Они привыкли считать эту кровь своей.

– Вообще-то мы возим с собой кровь не для того, чтобы шитанн поить, – заметил Гржельчик.

– Ясное дело, кэп. Только чем мы их теперь поить будем?

На этой пессимистической ноте командир десанта покинул капитана. И у капитана вновь разболелась голова – так, что он даже на время забыл о ноге.

Тут явился Дьёрдь Галаци. Как обычно – тогда, когда он меньше всего нужен.

– Что за печаль вас гложет, капитан?

Епископ был далеко не туп. При первой же встрече с капитаном Гржельчиком он понял, что ползать на коленях и просить благословения тот не будет. Сильный человек, привыкший добиваться всего сам, а не уповать на Божью милость. И злой. Дьёрдь тогда еще не знал, что из-за него капитан потерял отличного пилота. Но сразу сообразил – по глазам Гржельчика, по его позе, по выражению лица, – что о покровительственном обращении пастыря к заблудшей овце следует забыть, если он не желает стать новым великомучеником.

Отменная вежливость сделала свое дело – капитан не огрызнулся, а лишь проворчал:

– В исповеди не нуждаюсь.

Рассказать епископу о том, что его гложет? Ха-ха! Вряд ли святоша облегчит его выбор: обречь выложившихся в священном безумии шитанн на медленное умирание и, возможно, реальную смерть, если они вовремя не найдут кровь, либо просить кого-то... Он даже не представлял, как заговорить об этом с людьми. Взгляд его, обращенный на епископа, приобрел вдруг практический интерес: Дьёрдь Галаци плотен и румян, и крови в нем – все пять литров с гаком... Интерес погас, так ни во что и не воплотившись. Добровольно поп не даст ни капли, а заставлять его... Капитан на корабле, конечно – абсолютная власть, но ведь когда-то придется возвращаться на Землю, а там все по-другому.

– Может быть, если вы поделитесь, мы вместе найдем выход, – сказал Дьёрдь так мягко, как мог.

Йозеф Гржелчик ему не нравился. Само собой, не тем, что недостаточно набожен: он человек сугубо мирской. Да и глупо требовать неукоснительного соблюдения заповедей от вояки, чье ремесло как раз и состоит в том, чтобы нарушать по меньшей мере одну из них. Капитан не нравился епископу не как представитель паствы. И даже не как человек, хотя как человек – грубый и неприветливый – тоже не нравился. Но главным образом – как биоэнергетическая единица. Дьёрдь не ощущал живого света его души. Его образ был тускл и мутен, словно у лишенного души вампира. Дьёрдь не мог понять, что с Гржелчиком. А может, с ним самим? Епископу плохо давалось видение душ. Он был силен в теологии, богат

мирскими знаниями, но невозможно блистать талантами во всем. Некоторые вещи, подвластные деревенскому священнику, оставались для него недостижимы. И все же он чувствовал: с Гржельчиком что-то не так. И был аккуратен с ним, словно с хрупким сосудом, полным фекалий: не дай Бог, поползет трещина – и сосуд развалится, и аромат разнесется.

– Не стоит держать печаль в себе, капитан. Иногда полезно выговориться.

Гржельчик мрачно посмотрел на епископа.

– Идите к черту, святой отец.

– Не поминайте лукавого, – сделал замечание Дьёрдь.

– Ну, тогда идите на мужской половой орган, – без тени раскаяния молвил Гржельчик и для ясности указал туда, где, по его мнению, искомый орган находится – на дверь.

Лео Кон Тин подкрутил длинные завитые усы. Солнце, врываясь в дворцовое окно, запутывалось в них лучами. Усы сверкали и переливались, словно перламутр. Не зря посол холил их, не жалея ни шампуней, ни бальзамов.

Он повернулся от ажурного окна к королю Имиту, восседающему в кресле.

– Итак, ваш шпион сообщил об успехе операции. Восемь крейсеров выведены из строя. Чего же мы ждем? Лучших условий у нас не будет.

Имит хмуро посмотрел на него. Королю не хотелось говорить о неприятном положении, в котором находится гьдеан-

ский флот. Лео Кон Тин – друг, и Чфе Вар – союзник, но руководит Чфе Варом не Лео Кон Тин, а старая карга, которая может и отречься от обязательств, если сочтет, что ей это выгодно. Однако делать нечего, придется давать ответ.

– Адмирал Ен Пиран пропал без вести. У нас сейчас нет адекватного командования.

Посол поднял бровь.

– А как же ваш командующий флотом, Эрен Тилен? Пусть лично ведет эскадру, если не знает, кому ее доверить.

Король Имит скривился, как от кислятины. Будь его воля, прогнал бы напыщенного болвана Эрена от порога плетьюми. Но это власть короля абсолютна, а власть координатора – увы, увы... Эрена Тилену ему навязали южане в обмен на свои голоса на выборах координатора. Стоит сместить бездельника, и они потребуют нового референдума. А планета и так недовольна Имитом. Потеря Нлакиса отразилась на его политическом имидже не лучшим образом. Не говоря уже о сопутствующих обстоятельствах: уничтоженные врагом эсминцы, погибшие люди, томящийся в плену у землян контингент рудника... Король поставил на Ена Пирана, а тот бесследно пропал. В таких обстоятельствах нельзя позволить себе неверный шаг.

– К сожалению, Эрен Тилен не может в данный момент исполнять свои обязанности, – расплывчато молвил Имит. – У него проблемы со здоровьем.

С мозгами у греховодника проблемы. Как же не хватает

Ена Пирана! Этого бесцеремонного садиста, бескультурного ублюдка – зато неглупого, решительного и, самое главное, удачливого. До недавних пор, с грустью добавил про себя Имит.

– Тогда пусть ваши эсминцы поступят под чфеварское командование в предстоящей операции, – предложил Лео Кон Тин. – Временно.

Король Имит скрипнул зубами. И отказаться нельзя. Это война Гъде, Чфе Вар лишь пришел на помощь. Возможно, интерес чфеварцев стал личным – теперь, когда земляне загубили им компьютерную сеть, они должны жаждать мести. И все-таки, если инициаторы войны не дадут ни одного эсминца, это вызовет у посла как минимум недоумение. А отдавать эскадру под чужое командование ох как не хотелось. Ясно, как светлый день: если чьими-то кораблями надо будет рискнуть, кого-то подставить под удар, кого-то оставить в заслоне – Чфе Вар предпочтет списать в расход чужих. Поставить своего командира с правом голоса в решениях и с правом вето? Так ведь некого. У Ена Пирана был один недостаток. Не то чтобы только один, но именно этот сейчас выпирал: адмирал не готовил себе смену. Всех капитанов он считал ниже себя и принципиально не желал подтягивать их до своего уровня, видимо, опасаясь конкуренции. В капитанах ему было мило тупое подчинение его приказам и четкое знание своего места – по понятиям адмирала, неприглядного. Вот и доважничался: некого произвести в адмиралы, причем

как раз тогда, когда адмирал позарез нужен.

– Хорошо, – нехотя произнес король. – От Где будет четыре эсминца. Но если с ними что-то случится по вине командования...

Лео Кон Тин снова поднял бровь. Имит не стал заканчивать фразу, мысленно выругавшись. Если с его эсминцами что-нибудь случится, то все его претензии к Чфе Вару будут пустым сотрясением воздуха. Что значат слова, когда их нечем подкрепить?

– Война идет, – мягко напомнил посол. – С военными кораблями то и дело что-то случается.

– Четыре корабля, – проскрипел Имит. – Четыре наших эсминца под общим командованием Чфе Вара. Или так, или ждем Ена Пирана.

– Сидят три старых вампира... – Вилис рассказывал очередной анекдот.

В столовой было людно, и он мог выбрать любую компанию, но, верный себе, подсел за столик к шитанн, дабы покапать им на нервы.

– Один и говорит: «Эх, сейчас бы, как в молодости, завалить здоровенного мужика, вонзить клыки в горло, вволю насосаться обильной кровушки!» Другой ему вторит: «Эх, вот бы, как в юности, сгрести красивую девчонку, да прокусить нежное горлышко, да сладкой свежей крови напитаться!» А третий этак вздыхает и выдает: «Размечтались, старичье

беззубое! Доставайте тампаксы, будем чай заваривать».

Как и большинство приколов Вилиса, смеха анекдот не вызвал.

– Хорош уже дразниться, – проворчал Аддарекх. – Тебе бы так!

Аддарекх успел полностью восстановиться после священного безумия. Клара ничего не пожалела для героя, спасшего ее от кошмарных тварей. И – что явилось абсолютной неожиданностью – когда он еще отлеживался с примочками на глазах, к нему пришел Бен Райт. Командир десантников так смутился, словно собирался признаться ему в нежных чувствах. И, честно говоря, это удивило бы Аддарекха меньше, чем то, что он предложил в действительности. Аддарекх не мог себе позволить взять у Клары столько, сколько было ему необходимо, он ни за что не причинил бы ей вред, и кровь Райта стала спасением.

Однако у троих его подчиненных не имелось здесь ни женщины, ни друга. Настоящего друга, а не сомнительного приятеля вроде трепача Вилиса. До столовой они добирались, но, когда в глазах темнеет при резком подъеме головы, спасительное чувство юмора отказывает, и к дурацким шуткам начинаешь относиться болезненно.

– Слышь, блондин, – прошипел осунувшийся Каггер Шшер, – ты думаешь, тебе все простят только потому, что ты блондин? Может, и так, но тогда вспомни, чего мы ждем от блондинов.

Вилис широко распахнул голубые глаза и невольно отшатнулся, когда Ййу Шшер потянулся к его руке.

– Эй, вы чего? Я же шутил.

– Издевался, – прищурившись, поправил Шшагил Хот. – И провоцировал.

– Не сердись, – промурлыкал Ййу. – Он просто намекал. Он по-другому не умеет. Не надо стесняться, солнышко, это не стыдно и почти не больно...

– Да идите вы к черту! – Вилис с квадратными глазами выскочил из-за стола, бросив свой поднос, и поспешно ретировался.

Шшагил Хот с сожалением посмотрел ему вслед и задумчиво произнес:

– Что он там про тампаксы говорил? Сдохнуть мне, если вон у той бабенки, – его ноздри дрогнули, а взгляд задержался на разгоряченной поварихе, ворочающей шумовкой в кастрюле, – не найдется свеженьких.

На повариху обратились жадные взоры, и разговор как-то сам собой перешел на обсуждение ее достоинств. Бедная женщина и не подозревала, какие возбуждающие картины вызывает в фантазиях шитанн.

У Аддарекха засигналила рация.

– Да, кэп? – он приложил трубку к уху с тяжелым сердцем. Сейчас окажется, что Вилис пожаловался капитану, и не надо быть пророком, чтобы предсказать крупные неприятности. Хорошо, если Гржельчик сам разнос устроит, а не

отправит на ковер к епископу.

– Младший командир Аддарекх, вас не затруднит подойти в рубку?

Не затруднит? Какое-то не капитанское выражение. С запозданием Аддарекх сообразил, что Гржельчик беспокоится о его самочувствии. Ему бы после всех этих подвигов пластом лежать и видеть сны о критических днях поварахи...

– Со мной все в порядке, кэп. Я подойду.

Капитан выглядел больным и мрачным. Чересчур больным и мрачным, даже с учетом сломанной ноги.

– Садитесь, – буркнул он.

Аддарекх сел на стул, посмотрел вопросительно. Непохоже было, чтобы Гржельчик собирался его отчитать. Настрой тяжелый, но какой-то... неагрессивный.

– Шнурогрызки атаквали восемь наших кораблей, – неохотно сообщил Гржельчик и вздохнул. Да, военная тайна, но было бы от кого скрывать! – «Ийон Тихий» – единственный, кому удалось выйти из ситуации практически без потерь. Благодаря вам, – признал он. – Вам и еще коту. Теперь мы получили новое задание, младший командир Аддарекх. Найти в чертовом космосе пять пострадавших крейсеров и помочь им. Уничтожить тварей и либо пособить с ремонтом, либо отбуксировать корабли к Земле, если их дела совсем плохи.

Гржельчик сморщился. То, что он намеревался сказать, ему не нравилось.

– К сожалению, от наших бойцов против шнурогрызок мало толку. Они хорошо умеют сражаться с людьми и машинами. Даже со стихией. Но с хитиновыми козявками... Тут бесполезны броня, экзоскелет, огневая мощь. Имеет значение лишь скорость и ловкость: поймать и порвать. В этом отношении ваше священное безумие очень эффективно.

Аддарекх прервал этот мучительный монолог.

– Вы приказываете осуществить эту операцию нам?

Гржельчик страдальчески скривился.

– Вряд ли я могу вам приказывать. Я же не ваш командир.

– Вы – капитан, – шитанн хмыкнул. – А капитан на корабле...

– Как Бог на небе, – невесело закончил Гржельчик. – Я прошу вас взяться за эту операцию. И можете считать Мрланка членом своего спецотряда.

– Слушаюсь, кэп. Однако, – он помедлил, все еще сомневаясь, стоит ли привлекать к этому внимание, – трое моих людей, как бы сказать, не в форме.

Капитан взглянул на него пытливо.

– А вы сами, младший командир Аддарекх? Священное безумие вас не подкосило?

Аддарекх проклял свой длинный язык.

– Я уже восстановился, кэп, – ответил он нейтрально.

– Где вы взяли кровь?

Он отвел глаза. Отвечать не хотелось, но капитан смотрел требовательно.

– Друзья поделились, – промолвил он осторожно.

Гржельчик, против ожиданий, не рассердился. Только засмеялся негромко:

– Хотел бы я иметь таких друзей... Главное, епископу не проболтайтесь. Мы идем к «Джону Шепарду», младший командир Аддарекх. Они поддерживают квантовую связь. Я выяснил, у них есть донорская кровь. Если очистите «Шепард» от тварей, можете забрать хоть всю.

– Они обещали, что мы пойдем прямо к Нлакису! – возмутился Каггер Шшер.

– На что тебе Нлакис-то? – фыркнул Шшагил Хот.

– Тебе, может, и без надобности! – Каггер говорил зло, но Шшагил и впрямь выглядел так, словно ему – без надобности: щеки еще ввалившиеся, но глаза ожили, и неуместное веселье прет. – А я хочу на Нлакис! Там наш рудник, там кетрейи...

Ййу Шшер скрипнул зубами и едва слышно застонал. Молодой еще парень, он с трудом справлялся с желаниями, которым здесь, на чужом корабле, никак нельзя было давать волю.

– Заткнитесь! – сурово одернул бойцов Аддарекх. – Хочу, не хочу... Что за детство? Мы не пассажиры на «Ийоне», за билет не платили, и определять маршрут не нам. И незачем поминать кетрейи, душу товарищам травить. Надо думать о том, что есть, а не о том, чего хотелось бы. Зачистим «Джон

Шепард» от шнурогрызков – крови будет, хоть залейся.

– Консервированной, – неодобрительно заметил Каггер.

– Скажи спасибо! – ухмыльнулся Шшагил. – Командуй здесь не Гржельчик, а поп Галаци – ты и той не увидел бы.

– Сам свеженькой насосался! – с гримасой черной зависти бросил Каггер.

– Это правда, Шшагил? – поинтересовался Аддарекх.

– Правда! – вызывающе откликнулся тот. – Ну и что? Она не возражала.

– А у нее была возможность возразить? – спросил Аддарекх. – Кстати, у кого?

– Он повариху охмурил! – произнес Каггер так, будто обвинял. – Подкараулил ее, заморочил голову...

– У нее *была* возможность возразить, – недовольно косясь на Каггера, проговорил Шшагил. – Я ей рот не затыкал. Она сказала, что я извращенец, но не сказала «нет»! А потом сказала, чтоб я еще приходил, – он торжествующе оскалился, глядя на исходящего завистью Каггера.

– Все, уймись! – рявкнул Аддарекх. Несвоевременные страсти, раздирающие бойцов как раз тогда, когда вот-вот предстоит работа в команде, встали ему поперек горла. – Может, еще на меня напуститесь? Я тоже не консервами сыт.

– Ты – ладно, – пробурчал Каггер. – Ты командир. А он...

– А он – молодец! Чем ныть тут и грызться, давно бы нашли себе подружек. Вон у аналитиков баба есть, и среди навигаторов, и в младшем персонале две или три... Чтоб я

больше этого не слышал!

Он обвел ребят внушительным многообещающим взглядом. Притихли, вот и ладушки.

– А сейчас слушаем команду. Через два часа «Ийон» будет у цели. Мы вчетвером – Шшагил, ты тоже – берем Мрланка и идем на «Шепард». Вы двое страхуете у шлюза. Чтоб ни одна шнурожрущая падла не просочилась! Ясно?

Ен Пиран стоял, облокотившись спиной о скалу, и смотрел на бешеное солнце, мотающееся кругами по небу. По грязным щекам текли слезы. Не потому, что ему было грустно; наоборот, он упивался счастьем. Просто глаза, отвыкшие от света, болели и сочились влагой.

Он сам не мог бы сказать, сколько дней проплутал в темных и холодных пещерах. Конечно, у него был с собой навигатор, да что проку от него под скальной толщей? Вначале Ен Пиран использовал навигатор, как фонарик. Потом у него сели батарейки, и адмирал остался во тьме промозгло-го лабиринта. Грозный космический хищник, без страха бороздивший звездные просторы, вдруг обнаружил у себя самую настоящую клаустрофобию. Близкие стены с неровными сколами казались злобной зубастой пастью, приготовившейся захлопнуться, сдавить, тошнотворно захрустеть костями. А шорохи вызывали дрожь в коленях: кто там невидимый подбирается, чтобы напасть из темноты? Голод терзал нутро; для адмирала, любившего плотно покушать, это

было пыткой. Вода в пещерах имелась в избытке, сапог то и дело ступал в лужу, но пить адмирал опасался. Однажды попробовал, вода оказалась горькой. После его вычистило со всех сторон, рвота и понос прихватывали не менее десятка раз с небольшими интервалами. С тех пор он зарекся брать здесь что-либо в рот: лучше умереть от жажды, чем от поноса. Гулкий стук падающих капель и плеск луж под ногами манили и действовали на нервы, но он крепился.

В какой-то момент он утратил веру, что выберется. Первое время он непрерывно ругался; пещерные своды за все свое существование не слышали стольких заковыристых проклятий. Потом пересохший язык устал, и Ену Пирану не осталось ничего, кроме как мрачно размышлять. Как он мог не предусмотреть чудовищного коварства колдуна, завлекшего его в глубь подгорного лабиринта? Разве он не знал, что навигатор там бесполезен? Почему он не позаботился о фонаре, о метках на стенах, о клубках хотя бы, которые можно разматывать за собой, чтобы не потерять свой путь? Потому что и не подозревал, что колдовство будет вершиться в пещере. Потому что не разузнал как следует, не навел справок, не подумал головой, что черной магии не место под светлым солнцем. Но, раз уж так случилось, нужно было запоминать повороты, можно было разрезать себе кожу и капать кровью, коли больше нечем оказалось поставить знак. Не предусмотрел, не вспомнил вовремя. То ли колдун его заморочил, то ли решимость совершить грех уже плела вокруг него паути-

ну наказания? От последней мысли у него подогнулись ноги, он упал и некоторое время пролежал в отчаянии. Таково воздаяние за проступок против судьбы. Какими бы ни были причины, толкнувшие его на это, теперь он погряз во грехе, и грех не выпустит его под небеса. Он умрет здесь, во тьме, от голода, жажды или страха, станет второй жертвой проклятого колдуна.

Жертвой? Ен Пиран приподнял голову. Колдун не знает его имени, а значит, не имеет над ним настоящей власти. Умереть ему на радость, сгнить здесь, лежа на холодном камне, склизком от ядовитой воды? Ну уж нет! У него еще хватит сил идти. Он пока может бороться. И поборется! Не так сильна судьба, чтобы удержать в своей паутине адмирала космического флота Гъде.

У адмирала словно открылось второе дыхание. Он упорно шел, слепо шаря руками по стенам, порой натыкаясь на собственные следы – остывшие кучки фекалий. Он шел, пока не падал от усталости, валялся некоторое время в забытьи, а после вставал и снова шел. И, будто в награду за упорство, впереди забрезжил свет.

Ен Пиран стоял, прижавшись к скале, чтобы не упасть, и из глаз текли слезы. Ледяной порывистый ветер нес мерзкую вонь вулканов, но он дышал полной грудью. Он вырвался! Адмирала Гъде так просто не поймать. Гадкий колдунишка еще поплатится за свои шуточки. Адмирал мечтательно прищурился. Где-то там, на орбите, его эсминцы. Они сравнивают

эти полярные горы с уровнем моря, сотрут эту пакость навсегда с цветущего лика планеты...

Ен Пиран осекся. Все же он был реалистом. Будь это чужая планета, даже дружественная – никаких проблем, так бы он и поступил. Сказал бы потом, что они первые напали. Но если он разбомбит собственную территорию Гъде, пусть даже такую дурную и никчемную – король Имит не поймет и не оценит. О сладкой мести придется забыть.

Но ничего, зато он насладится другой мезтью. Все же он явился сюда не зря: известие о смерти наглого кровососа и гарантия, что проклятый землянин зачахнет и сдохнет, дорогого стоят. Он еще попляшет на могиле ненавистного Гр-жельчика. А расплата за грех... Когда она еще будет, да и будет ли?

«Джон Шепард» пришлось брать на буксир и тащить его через ГС-переход к Земле. Садиться на планету в этаконь связке не было возможности, и «Ийон» аккуратно подвел «Шепарда» к станции у периметра, где распоряжался ушлый жук Хайнрих Шварц. Йозеф только посмеивался, когда Мр-ланк жаловался ему на Шварца. Он плохо знал коменданта станции, «Ийон Тихий» всегда проходил мимо периметра, случаев пересечься по делу не было. Теперь он вынужден был согласиться с вампиром: Хайнрих Шварц невыносим. Судя по всему, этот тип жестоко завидовал капитанам, которым посчастливилось управлять ГС-кораблями. Эффект

усугублялся тем, что ГС-крейсера находились вне его власти – пропустить, не пропустить. В ситуации, когда недостижимые крейсера вдруг оказались в зависимости от него и его базы, он наслаждался властью сполна. Нет, все, что Шварц должен был делать, он делал. Швартовка, постановка на ремонт, обеспечение материалами и рабочими... Но как же он изводил настырными придирками, бесконечными запретами, хамскими требованиями! И матерился через слово. Йозеф долго не мог решить, что его больше раздражает: необоснованные претензии Шварца или его мат. Гржельчик и сам частенько вворачивал словцо-другое под настроение, но когда в речи собеседника приличны лишь предлоги да союзы, это напрягает.

Увидев шитанн, Шварц неожиданно обрадовался. Обозвал их по-всякому – иначе он, видимо, не мог, – но повел себя на удивление радушно, предложил выпить и закусить. По косвенным замечаниям Йозеф понял, что Мрланк на обратном пути угостил Шварца дорожным элитным коньяком, и это отпечаталось в его подкорке навсегда. Увы – вампиры пить не стали, и Шварца постигло разочарование, от последствий которого Йозеф предпочел убраться. На очереди был «Джеймс Кирк».

Связь с «Джеймсом Кирком» пропала внезапно. Только что была – и вдруг нет. Видимо, твари догрызли какой-нибудь важный кабель. К счастью, корабль не ушел далеко от расчетной точки.

Ударная группа направилась к боту. Йозеф наблюдал за тем, как шитанн уходят на задание, со смешанным чувством. То, что они хорошо умеют убивать шнурогрызок, одновременно радовало и пугало. Пугало, что судьба пяти кораблей зависит от вампиров. Рано или поздно они отправятся домой, и что тогда? Перенять их тактику невозможно, для этого надо родиться шитанн. Нужно срочно разрабатывать свою. Союзники – вещь хорошая, но нельзя всецело полагаться на союзников. Разорвать союз так же легко, как заключить.

Шитанн шли в бой без брони, и это было странно и непривычно Гржельчику. Защита минимальна: крепкие высокие ботинки из прочной кожи с застежками-липучками – никаких металлических молний и пряжек. Кожаные перчатки, плотный комбинезон – вот и все. В священном безумии броня только помешает, сказал Аддарекх, а экзоскелет и сервомоторы, ускоряющие и усиливающие движения, просто ни к чему. Глаза у всех вампиров покрасневшие: сосуды полопались. С «Джона Шепарда» прошло всего несколько часов. Не вредно ли им снова входить в это состояние, а потом еще и еще? Он не спросил у Аддарекха, а сам командир шитанн не скажет. Гордый. К тому же считает себя обязанным. Нет, не скажет. А Йозеф не спросит, потому что все равно не может позволить им отдых. Слишком дорого время. Время, пока семь кораблей беспомощны, непременно попытается использовать противник.

По крайней мере, теперь они не ограничены в крови. Весь банк «Шепарда» реквизировали, спешно привели наличный состав в порядок, рассовали толстенные прозрачные пакеты по карманам комбинезонов – аварийный запас. Теперь они не зависят от милости друзей... Йозефу было жутко любопытно, кто же дал Аддарекху свою кровь. Понятное дело, Клара; но кто еще? Одной женщины изящных форм вампиру не хватило бы, чтобы восстановиться – если только не высосать ее до полусмерти.

Бот выпало вести Принцу. Сердечко у капитана не на месте: случись что, координатор ему лично голову оттяпает. Но не держать же стажера на привязи в теплом углу! Пусть стажирруется. Если не сейчас, то когда? Именно сейчас. Редкий случай: у врага нет ни кораблей, ни орудий. Предстоит не полноценный бой – скорее, охота, облава, да и в ней Фархаду не участвовать. Его дело – довести вампиров до «Джеймса Кирка» и дожидаться, пока закончат.

Поначалу Хелене понравилось в интернате. Догорали последние августовские денечки, погода стояла ясная и прохладная, и детей по двое-четверо отпускали гулять по городу. Столица была светлой и просторной, там и сям – кафе, аттракционы, дискотеки и голотеатры. Школьники понемногу съезжались – красивые мальчишки, такие умные, что аж дух захватывало, и умные девочки, к великой радости Хелены, почти все близорукие и скромно одетые. Мальчиков было

явно больше, чем девочек, и Хелена перестала волноваться за свое будущее. Она станет тут звездой первой величины среди всех девярых классов!

Все так и было. Мальчики обращали на нее пристальное внимание, приглашали на дискотеку, угощали в кафе, неумело целовались и, краснея, лезли ей под одежду. Один, другой, третий... Она могла перепробовать всех и выбрать лучшего. Красавица и модница, дочка настоящего космолетчика – обзавидуйтесь! Девчонки завидовали и тихо шипели из углов.

Настал сентябрь, и началась учеба. Хелене ужасно понравились симпатичные молодые преподаватели, как на подбор, неженатые. Она готова была улыбаться им целый день. Наверняка они умели целоваться лучше мальчиков. Она улыбалась, и они невольно улыбались в ответ. Какая милая, красивая и приветливая девочка!

Час «Х» грянул, когда пришло время первой контрольной. Мальчик, у которого она собиралась списать, обиделся на нее за то, что она строила учителю глазки. Вот гад! Она повернулась к очкастой отличнице, уродина злорадно соорудила фигуру из трех пальцев. Взгляд Хелены заметался по классу.

– Гржелычкова, вы отвлекаетесь, – сделал замечание учитель. – Возьмите свой планшет и стилос и сядьте рядом со мной.

Сесть рядом с ним? Она увидела в этом надежду. Он по-

трогает ее за колени, а она задерет юбочку повыше и даст ему потрогать еще больше. А потом в ее планшете сами собой появятся решения. Она сложила свои вещи на учительский стол и изящно опустилась на стульчик, закинув ногу за ногу так, что юбочка заканчивалась гораздо выше колен. Очаровательно улыбнулась, глядя на учителя.

Он и не посмотрел на ее стройные ножки. Кивнул на планшет:

– Работайте, Гржельчикова.

Она захлопала ресницами и улыбнулась еще милее:

– А вы разве мне не поможете?

В классе послышались смешки.

– Тишина! – строго напомнил учитель, и все притихли. – У нас не консультация, Гржельчикова, у нас контрольная. Осознаете разницу?

– Нет, – она честно потупила глазки.

Теперь уже хмыкнул сам учитель.

– Работайте, – повторил он. – Работайте самостоятельно.

И отвернулся, оглядывая класс. Он от нее отвернулся! Улыбка сползла с лица Хелены. Она неохотно перевела глаза на условия задач. Может, ей удастся что-то решить? Она умела складывать, вычитать, умножать и делить. На калькуляторе, встроенном в планшет.

Условия задач ее добили. Она перечитывала их раз за разом и не находила ни одного знакомого слова. Какие-то последовательности, какие-то функции, какие-то производ-

ные... Бог мой, что же делать-то?

Ребята говорили, есть какой-то сайт, где решают задачи. Надо выйти в интернет, найти его, выложить условие – и через десять-двадцать минут появится ответ, бери да скачивай. Пользоваться интернетом во время контрольных запрещено, но некоторым вроде бы удается сделать это незаметно. Косясь на учителя, демонстративно не смотревшего на нее, Хелена осторожно нажала на планшете кнопку «wi-fi». Поиск по словам «решение задач» выдал кучу электронных пособий и рекламу услуг репетиторов. Хелена пала духом. Как оптимизировать поиск, она не знала, принялась тупо просматривать ссылки одну за другой. Нужный сайт нашелся на четвертой странице. Она торопливо вбила условие одной из задач и стала ждать. Через пять минут вспомнила, что забыла его отправить. Отправила.

Делать было совершенно нечего. Решать другие задачи? Если она даже не понимает, о чем в них говорится? Хелена зашла на сайт модной одежды и разглядывала наряды, пока планшет не пискнул. Она вздрогнула. Не догадалась отключить звук! Это пришел ответ на ее задачу. Она открыла нужное окно, и сердце ее сжалось.

«Предложенная задача решения не имеет. Возможно, в условии допущена ошибка».

– Да-а, Гржельчикова, – разочарованно протянул учитель, стоящий за спиной. – Ну вот скажите: если у вас не хватает ума правильно переписать условие, почему вы не воспользо-

вались опцией копирования?

– Потому что она тупая! – с энтузиазмом подсказала очкастая вредина.

Учитель молча покачал головой. Чувствовалось, что он не одобряет форму этого замечания, но с его сутью, в принципе, согласен.

Аддарекх отрезал угол у пакета и, запрокинув голову, позволил струйкам свободно падать в рот. Товарищи, уже поправившие здоровье, терпеливо ждали, пока командир, задержавшийся у капитана, придет в себя. Мрланк подошел к кошкочеловеку и потерялся о его ботинок. Пузико у кота округлилось. Шнурогрызки были для него несъедобны, он выслеживал и рвал их не потому, что хотел сожрать, а потому что они – враги. Но капитан распорядился не отказывать бойцу ни в чем. Да на кухне и без приказа рады были побаловать отважного котенка. Белая шерстка лоснилась, а мордочка приобрела благодное выражение от несчетного количества сосисок.

Аддарекх опустошил пакет, вытер губы платком и с наслаждением откинулся на спинку кресла. В кают-компании играла приятная музыка. Сквозь запах крови пробивался не менее притягательный запах кофе.

– Налейте мне кто-нибудь этой отравы, – попросил он. И сообщил новость, которую принес от капитана: – Мы идем к Раю.

Ликование было бурным. Они вернутся на родину – а то уж и не чаяли. Увидятся с родными и любимыми, с друзьями и знакомыми. Встретятся с кетрейи, вспомнят наконец вкус свежей крови и забудут о консервах...

Первым очнулся от восторгов Шшагил.

– С чего это Гржельчик расщедрился? – он подозрительно сузил и без того узкие глаза.

– Он не расщедрился, – Аддарекх с удовольствием понюхал кофе, зажмурился и отпил. К горечи бодрящего напитка землян он так и не привык. – Один из пострадавших крейсеров – на орбите Рая.

Шшагил хмыкнул.

– Так и знал, что тут какой-то подвох. Он специально оставил его напоследок?

– Может, и специально, – Аддарекх пожал плечами. – Если бы мы зачистили «Дарт Вейдер» первым и свалили на родину, пользуясь оказией, как Гржельчик управлялся бы дальше? – он подул на кофе и временно отставил горячую чашку. – Но на самом деле в последовательности был определенный расчет. В первую очередь помогали тем, у кого сохранилась связь, заметили? Прежде всего – спасти тех, кого точно можно спасти. А потом уже искать тех, о ком неизвестно, целы ли еще. И меж первыми, и меж вторыми маршрут проложен тоже не с помощью генератора случайных чисел, а из соображений экономии топлива. «Дарт Вейдер» оказался последним. С другой стороны, окажись он по логике первым,

я не поручусь, что Гржельчик не переставил бы его в конец.

– Шшагил, что за ерунда тебя волнует! – сказал Ййу Шшер. – Подвох, не подвох... Гржельчик мог бы вообще бросить нас на эсминце Ена Пирана, возни меньше. Я ведь не верил, что мы когда-нибудь вернемся домой. К маме, – мечтательно проговорил он.

Все заулыбались. Ййу молод, даже не женат еще. Аддарекх о родителях не тосковал – любил их, навещал порой, но давно вырос, пути разошлись. Он скучал по дочкам. Маленькая Арекха ждет его с подарками, а мать, укладывая ее на ночь, рассказывает сказки о приключениях храброго папы, сама не зная, где он, жив ли. Арекха верит, а старшенькие, наверное, понимают, что не все в жизни так, как в сказках. Волнуются, небось, гадают. Он вернется, ждать осталось совсем немного.

«Анакин Скайуокер» дрейфовал на орбите вокруг Шшерского Рая. Самое обидное, что вот она, населенная планета – близко, руку протяни, – но добраться до ее ремонтных баз никакой возможности. Ускорители лишены электропитания. Можно было бы вызвать помощь с Рая – почему нет? Это их союзнический долг. Но связь не работает. Совсем никакая. Остается тупо скользить по орбите и изображать из себя защиту, благо некоторые лазеры еще не умерли. Скоро, наверное, умрут: коварные гадины расползлись по щелям и непрерывно шебуршат, продолжая грызть провода. Выковы-

рять их из укромных мест нереально, выжигать – опасно: мало ли какие еще кабеля повредятся, не дай Бог, сдохнут системы жизнеобеспечения. Только кусай локти да вздрагивай от шорохов в темноте.

Никто бы не поверил, но капитан военного флота, железная Василиса Ткаченко, с детства до жути боялась тараканов и пауков. Теперь она поняла – и шнурогрызок тоже. Особенно после того, как они сожрали медное кольцо прямо на ней. Она чуть палец не потеряла, кислотные ожоги никак не хотели заживать. Однако хуже всего пришлось идиоту из десанта, который зачем-то зашил себе в член алюминиевые шарики. Почему мужики думают, будто женщинам это нравится? Больные на голову. Теперь парень инвалид не только на голову. Твари в поисках вкусняшек добрались до него, когда он спал. Сейчас он в медблоке в тяжелом состоянии, и, по всему, больше ему женщин не радовать.

Корабль погружен во тьму. Чудом спасенные от жадных уродцев батарейки приходится экономить. Передвигаться можно либо на ощупь, либо с подсветкой мобильника. У епископа были с собой свечи, но их уже почти извели. Жизнь замерла. Лишь продолжает шуметь вентиляция – Василиса боится перестать слышать этот звук.

Внезапно иной звук вторгся в сознание. Резиновый «чпок», лязг металла, шипение насосов шлюза. Кто-то пристыковался. Знать бы: друзья или враги?

Двери шлюза разъехались, и встречающим с бластерами и

парализаторами наизготовку открылась сюрреалистическая картина. Шестеро бойцов шитанн в синих комбинезонах, со слепящими налобными фонарями, в руках – что-то напоминающее стальные мухобойки и пылесосы с длинными трубами. У одного из них на плече – белый скалящийся кот. Не то нашествие из ада, не то охотники за привидениями.

– Вы кто? – тупо спросила Василиса.

Последний, с котом на плече, усмехнулся, обнажая клыки:

– Санэпидстанция. Истребление насекомых заказывали?

Как бы ни было велико изумление Василисы, ситуацию она оценила быстро.

– Вы сможете уничтожить тварей? Тогда добро пожаловать на «Анакин Скайуокер».

Усмешка пропала с лица вампира. Он растерянно оглянулся на товарищей.

– Как «Анакин Скайуокер»? Нас посылали на «Дарт Вейдер».

Василиса звонко засмеялась.

– Это одно и то же, шитанн. Заходите. Работаете бесплатно?

Он опять усмехнулся:

– Бесплатной бывает только приманка в ловушке. Кровь готовьте.

Он опустил кота на пол, и тот, яростно замыкав, помчался куда-то вглубь корабля. Трое шитанн включили свои пылесосы и ринулись в стороны, трое с мухобойками – следом

за котом.

Из шлюза неторопливо вышли трое землян в легкой броне. На плечах – нашивки «Ийона Тихого», в руках бластеры.

– А вы откуда? – глаза у Василисы полезли на лоб. Она думала, что «охотники за привидениями» прибыли с Рая.

– С «Ийона», вестимо, – рослый негр щелкнул пальцем по своей эмблеме. – Бен Райт, майор десанта. Явились по приказу командования оказать помощь. Это, – он повел рукой туда, где раздавался вой пылесосов, злобный мяв и удары металла о металл, – наша штурмовая группа. А мы прикрываем, чтобы твари не пробрались на бот.

– С каких пор у «Ийона» вампиры в штурмовой группе? – не поверила Василиса.

Он улыбнулся. Зубы белые-белые, как у всех негров, и ровные, аж завидно.

– Это долгая история.

– Как же она начинается? – судя по всему, шитанн сами знали, что им делать, и не нуждались ни в подмоге, ни в указаниях. Чем маяться ожиданием, лучше скрасить его разговором.

Десантник облокотился спиной о стену и снова улыбнулся:

– Жил-был адмирал Ррхлу...

История и впрямь вышла долгой. Где-то в отдаленных отсеках гремело, звякало, шумел пылесос. Потом все стихло. Навстречу затопали шаги. Появился вампир, несущий ведро,

наполненное растерзанными трупиками шнурогрызок. Василису слегка замутило, когда он поставил его перед ней.

– Принимай, хозяйка!

– Зачем мне... это? – слабо простонала она.

Он пожал плечами.

– Откуда я знаю? Для отчетности.

– Аддарекх, позволь тебе представить капитана «Анакина Скайуокера» Василису Ткаченко, – вмешался Бен. – Капитан Ткаченко, это Аддарекх Кенцца.

Выглядел Аддарекх Кенцца не очень. Облава далась нелегко. Подтянулись его товарищи со своими мухобойками, такие же потрепанные, усталые.

– Каггер Шшер, Ййу Шшер, Зигленк Арранц, Шшагил Хот, Винк Трагг, – перечислил Бен. – И Мрланк Селдхреди.

Василиса посмотрела на вампиров.

– Всего семь. А их шесть. Что с седьмым?

Бен улыбнулся.

– Мрланк Селдхреди – это кот.

Котенок просочился вперед меж ботинок шитанн, гордо вскинул голову – вот он я! Василиса присела на корточки, погладила встопорщенную после боя шерстку.

– Хозяйка, – кашлянул Аддарекх. – В смысле, кэп. Расплатиться бы надо.

Она невольно поморщилась. Понимала, что их услуга бесценна, но жаба брала свое.

– Конечно. Сколько?

– Донорскую кровь. Всю. Мы сами решим, сколько вам оставить на крайний случай. А Мрланку, – он подмигнул ко-ту и потрепал ему загривок, – колбаски. Да побольше, по-больше.

– По-моему, все очевидно, – сказал Йозеф. – Мы берем вас на буксир и делаем прокол до нашей орбитальной станции. Там вас отремонтируют, и «Вейдер» снова будет рассе-кать по небу на радость Земле и на страх всем врагам.

Ему очень хотелось зайти к Василисе в гости. Он ни ра-зу не был на «Дарте Вейдере». Те, кто знал, какого пола Ва-ся Ткаченко, фантазировали о царящем на корабле особом уюте. Мол, женщины любят уют. Наверное, так. Марта лю-била уют...

Василиса пригласила его, но с гостями не получилось. На костылях прыгать из шлюза в шлюз – весьма неудобное и болезненное удовольствие. Он ответил, что готов принять ее на «Ийоне». Теперь они сидели на «Ийоне» и спорили.

– Мы не можем уйти от Рая, – упрямо повторила Васили-са. – У нас ведь договор с шитанн, разве нет? Если «Вейдер» покидает пост, кто-то должен его заменить. Кто? Вы?

– Если мы заменим здесь вас, кто «Вейдер» на буксире потащит? У вашего пепелаца ни один двигатель не дышит.

– Вот потому-то, – она ткнула в стол указательным паль-цем – забавный жест, – потому-то я и прошу, чтобы вы по-могли нам с ремонтом питания двигателей. Нет, в первую

очередь орудий. Потом двигатели, потом все остальное.

Ему нравилась решительность и непоколебимость Василисы. Даже сейчас, когда они препятствовали его планам. Не капризная дамочка, а командир корабля. Для нее на первом месте – долг. Ее задача – защищать подступы к Раю, и она пойдет на все, чтобы ее выполнить. Аварийное состояние крейсера – досадная мелочь, с которой следует разобраться, не отступая от предписаний командования.

– Хорошо, – он успокаивающе поднял руку. – Вы остаётесь здесь. Мы вызовем для вас ремонтную бригаду с Рая, и...

– Нет, – возразила она. – Так не пойдет! Шшерский Рай должен быть уверен в том, что здесь – полноценный крейсер, а не раненый доходяга. Вы должны остаться с нами и помочь нам отремонтироваться своими силами. Я не прошу о полной диагностике, о наращивании проводки, об аккуратном залатывании дыр. Просто бросить временные кабели, пусть хоть под ногами лежат. И черт с ним, со светом в туалете, с плитами... Главное – чтобы корабль был на ходу и при оружии. Помогите нам, Гржельчик! Это не займет много времени.

И он снова уступил.

– Хорошо. Неделя. Больше я не могу задерживаться.

– Спасибо! – она порывисто сжала его руку – слишком сильно для женщины, он даже незаметно поморщился. – Йозеф, вы не представляете, как я вам благодарна. И вашим

вампирам тоже. Я не забуду!

Вася Ткаченко симпатичная. Не писаная красавица, но вовсе не бульдог в юбке, какими любят изображать женщин, выбирающих неженские профессии. Крупноватая и чересчур румяная – мечта вампира, – но с хорошей фигурой, плавными движениями, где-то даже элегантная. Йозеф никогда не рассматривал ее как женщину, верный Марте, а тут вспомнил, что уже не женат. Какой смысл по старой привычке хранить верность бабе, выгнавшей тебя из дома? Может быть...

– Мне нужно время, чтобы отдать распоряжения, – проговорил он. И закинул удочку: – Может, потом поужинаем? На «Ийоне» есть горячая еда. И шампанское, конечно.

Массовые допросы работников космопорта сделали свое дело: выявили мужика, которого кто-то попросил пристроить «совершенно безвредные» коробочки, ниточка потянулась... Вскоре у следователей было полное описание диверсанта, со всеми подробностями, которые только смогли разглядеть и выразить словами недалекие грузчики. Вся шушера, состоящая на инопланетном содержании, была на учете у компетентных органов, и по описанию мерзавца тут же идентифицировали: Эндрю Эверитт, американец.

По месту проживания Эверитт отсутствовал – не совсем дурак, значит. Но и Контора не лыком шита. Мониторинг камер наблюдения вокзалов и аэропортов – и вот он, голуб-

чик, регистрирующийся на рейс в Найроби. Все-таки дурак. Был бы поумнее – выбирался бы зайцем на подножках электричек, на попутках, на угнанных машинах. Да и страну выбрал бы другую. Махнул бы в Россию и затерялся в сибирской тайге, там можно до старости жить в глуши на рыбе, грибах и ягодах, не выходя в интернет. А то, понимаешь, в Кению наладился! Найти там белого среди негров – как в два пальца высморкаться.

Эверитт был не безнадежен. Он пытался запутать след. Из Найроби – в Лусаку, оттуда на поезде в Кинду. Камер видеонаблюдения там уже не было, но вокзальные служащие тотчас припомнили белого иностранца и все, о чем он расспрашивал. Зря парень остановился на Африке, зря. То есть для него – зря, а для следователей очень даже хорошо.

Энди Эверитта взяли ночью, тепленьким и голеньким, в захолустной заирской деревеньке, куда автобусы-то не каждый день ходят. Он пытался начать там с миленькой негрятяночкой новую жизнь, посвященную обработке маисовых полей. Новая жизнь не задалась. Эверитта, пьяного от маисовой водки, выволокли из постели, оторвав от негрятяночки, и, не дав одеться, забрали в наручники. Извини, девочка, не сложилось твое счастье. Спустя несколько часов диверсант, местами избитый, местами исколотый шприцами, пару раз описавшийся и взмокший от пота, сбивчиво давал показания в центральном офисе Конторы.

– Я ничего не знал! Честное слово! – всхлипывал он.

– Вы не знали, что вам было поручено доставить на ГС-корабли восемь контейнеров? – равнодушно переспрашивал следователь.

– Нет! То есть да! Мне поручили, но я не знал, что там. Я не знал, правда!

– Наверное, вы предполагали, что там рождественские подарки? – следователь поднял бровь. – Или рекламные образцы косметики? О чем вы вообще думали, Эверитт? И главное, чем?

– Я не подумал, – ухватился Энди за спасительное слово. – Я сделал глупость. Я не хотел ничего плохого!

– Никто не хочет плохого, – скучно уронил следователь. – Все желают только хорошего, Эверитт. Как правило – для себя. Сколько вам платили? Не для протокола, Эверитт. Мне просто любопытно знать, почему нынче на рынке родина.

– Я... мне... – Энди зарыдал.

– Не хотите отвечать? – он взглянул на подследственного с нарочитым участием. – Зря. Деньги вам все равно больше не понадобятся.

– Не убивайте меня! – взмолился Энди. – Я все расскажу. Все-все, что хотите. Я дам вам пароль от электронной почты. Я...

– Ну, вы даете, Эверитт, – промолвил следователь. – Неужели вы думали, будто у вас такой надежный пароль? Вам вчера пришло письмо, Эверитт. А вы и не знали, эх.

– Я... – Энди облизнул разбитые губы. – Что вы со мной

сделаете? – проговорил он дрожащим голосом.

– Мы? – следовательно пожал плечами. – Ничего. Эту войну ведет не Контора, а Церковь. Как станете бесполезны – отправитесь к попам. А уж что они насчет вас решат...

Энди передернуло.

– Я буду полезен! – клятвенно пообещал он. – Что еще я должен рассказать?

– Так сколько вам платили, Эверитт? И каким образом, кстати? Карта, почтовый перевод, наличные?

Клара повисла у него на шее.

– Аддарекх, ну зачем тебе уходить? Оставайся на «Ийоне». Ты ценный специалист...

– Да ты что, Клархен? – он нежно погладил ее по медно-рыжим колечкам. Таких чудесных волос он ни у кого до Клары не встречал и никогда уже не забудет. – Там мой дом. Я хочу домой. Сколько можно скитаться? Меня ждет семья. Жена, дочери...

– Что? – она вывернулась из объятий и вперилась в него гневным взглядом. – Жена? Так ты, оказывается, женат? Вот скотина! – она залепила ему пощечину.

Он попятился.

– Клархен, а как ты думала? Я не юноша. В моем возрасте неженатым можно быть, лишь серьезно преступив обычай.

– Гнусный обманщик! – она с размаху заехала ему по второй щеке, оцарапав. – Заморочил мне голову, а сам – женат!

– Милая, ну что здесь такого? – он потер щеку. – Ты сама замужем.

– Это я, а то – ты! Как ты посмел меня обмануть?

– Я не обманывал. Я вообще об этом не говорил. А ты не спрашивала. Да какая разница, Клархен?

– Разница? – расвирепела она и схватила первое, что попало под руку – швабру. – Вот я тебе покажу разницу!

Прощание не задалось. Вместо последнего секса – синяк под глазом и шишка на затылке. Десантники откровенно ржали, пилоты похмыкивали втихомолку. Даже капитан Гржельчик не сдержал улыбки. Подавил ее железной силой воли и сказал то, что собирался:

– Благодарю вас, младший командир Аддарекх. Без вас мы не справились бы со шнурогрызками так легко. Даже жаль с вами расставаться, – он улыбнулся, показывая, что это шутка. Довольно вымученно улыбнулся, между прочим: кажется, капитана терзала боль. – Сколько у ваших бойцов денег? Могу обменять на серебро, земные монеты вам в Раю без надобности.

– Спасибо, кэп, – ответил он. Ему тоже было больно, но он постарался, чтобы улыбка не напоминала гримасу. – За все спасибо. Надеюсь, ваша дорога будет гладкой.

Гржельчик махнул рукой.

– А-а, не сглазь!

3.2

*Смотри – уходят к звездам корабли
Со дна, где тиной правит мутный бес.
Ничто, ничто не стоило Земли,
Ничто, ничто не стоит и небес.
К.Арбенин*

Бен чувствовал себя слегка неуютно. Да какое там слегка! Что кривить душой перед самим собою – ужасно неуютно. Но решение принято, и отступать поздно. Если отступит – никогда себе не простит.

На экранах обзора переливалась молочно-кровавая полоса облаков. Шаттл завершил еще один виток, и из-за горизонта вынырнул колышущийся шар красного пламени, будто круглый костер в небе. Шар пополз вверх, а Бен вглядывался вниз. Сквозь разрывы в облаках были видны материки дневной стороны, местами зелено-фиолетовые из-за характерного цвета растительности, местами оранжевые от песков. Между материками плескались синие океаны. Внимание Бена привлекло мертвенно-желтоватое пятно у самой границы дня и ночи, но он не успел спросить, что это, челнок вновь нырнул в темноту. Темнота не была абсолютной: там и сям сияли электрическими огнями города, рудники, светились меж ними ниточки трасс, словно паутина. Чем глубже в

ночь, тем реже становилась паутина, пока не истаяла вовсе; краткий полет через крошечную мглу, и вновь засветились артерии и капилляры цивилизации. Новый виток.

Шестеро шитанн возвращались домой. И он, Бен Райт – с ними.

Он подошел к капитану, как только узнал, что «Ийон Тихий» направляется к Раю, и попросил об отпуске. Хотя бы за свой счет.

– Райт, это не турпоездка, – нахмурился Гржельчик. – Мы на службе. И ты тоже. Осматривать достопримечательности чужих планет будем на пенсии.

– Кэп, на всей этой планете только одна достопримечательность. Я хочу найти Эйззу. Она мне очень нужна.

Капитан покачал головой.

– Я-то думал, это у тебя прошло.

– Это никогда не пройдет! Мне плохо без нее, кэп. Я думаю о ней каждый день, каждый час. Я люблю ее, – признался он.

– А она? – взгляд Гржельчика был печальным, а интонация – скептической.

– Я должен с ней встретиться, кэп. Дайте мне немного времени. Я поговорю с ней и с ее кланом. Я хочу на ней жениться. Вопрос жизни и смерти!

– Неделя, – проскрипел Гржельчик после долгой паузы. – «Ийон» будет здесь неделю. Не успеешь со своим вопросом жизни и смерти – ждать не сможем, – он вздохнул и добавил

совсем по-другому: – Смотри, поаккуратней там. Шшерцы живут по-своему, обычаи у них непохожие, приличия иные. Не лезь на рожон.

Аддарекх отнесся к известию, что они едут всемером, с одобрением.

– Решился? Молодец. Не переживай, я тебе все объясню, сведу со стражами, схему нарисую. Потом поеду к своим, а через несколько дней встретимся, похвастаемся успехами.

– Не страшно? – подначил его Шшагил Хот. – У нас ведь не так, как на Земле. На каждом шагу – зубастые вампиры. Посмотришь косо – цап за шею, и кранты.

– Нечего меня пугать! – буркнул он.

– И правда, нечего, – поддержал Аддарекх. – Кетреййи, те могут от большого ума с чужаком подраться, если их завести. А шитанн тебя не обидят. Держи свою цепочку на виду, – он дотронулся до крестика Бена, – никто и не подойдет.

– Только крест с нее сними, – посоветовал Шшагил. – Не дразни, не любят у нас этого.

– Это символ моей веры! – вскинулся Бен. – И мне плевать, что у вас любят, а что нет. Я его не сниму.

– Тогда под герру спрячь, – Шшагил был практичен. – Или под эту вашу, как ее? Чтоб цепочку видели, а крестик – нет.

Бен фыркнул. Однако подобрал одежду именно с таким воротом, который скрывал крест, выставляя на обозрение цепочку.

Последний виток. Челнок шел на посадку. Аддарекх по-

ложил руку на плечо Бену. Шитанн тоже волнуется. Все они волнуются. Как там оно, дома? Чем встретит родина после долгого перерыва? И все же их волнение рядом не стояло с его мандражом.

Двери шлюза разъехались, и в шаттл проник холодный свежий воздух, пахнувший снегом, металлом и еще чем-то неуловимым – должно быть, специфически присущим Раю. Это не было неприятно, просто странно ощущать совершенно незнакомый запах на тридцать третьем году жизни. Бен вышел следом за Аддарекхом. Кругом была ночь – светлая ночь, залитая прожекторами космопорта. И снег, кружащийся в воздухе. Снежинки сверкали в лучах прожекторов.

Шитанн коротко обнялись. Сейчас они разъедутся по разным краям. Сколько бы ни ждала их служба, она подождет еще. Пропавшим без вести с «Райского грома» надо повидаться с родными.

Шшагил помедлил, шевельнул ухом, шагнул вперед и обнял Бена:

– Спасибо, Райт, что вытащил наши тушки с того эсминца. Удачи тебе. Найдешь свою девушку – от всех нас привет передай.

Они остались вдвоем с Аддарекхом. Не совсем вдвоем, конечно: вокруг тек людской поток, кто-то торопился успеть на стратосферник, кто-то топтался на месте, ожидая чьего-то прибытия. Много женщин и детей. Бен до сих пор никогда не видел шшерских детей; он мог себе представить младенца

кетрейи, но попытки вообразить маленького шитанн приводили мозги в ступор. Что это за дитя – остроухое, клыкастое и кровососущее? Они прошли мимо чего-то, напоминающего детскую площадку, и, как ни странно, вампирчики оказались милыми, любопытными и веселыми существами. Галдели, носились вместе с детьми кетрейи. Никто никого не кусал. Как эта мелочь себя контролирует?

– Аддарекх, – Бен решил прояснить этот вопрос, – а что, детишки ваши не кусаются?

Он усмехнулся.

– Имеешь в виду, пьют ли они кровь? А как ты думаешь? Им расти надо.

– Я смотрю, они вместе с кетрейи бегают, и ничего.

– Не пойму, чего ты ожидал? Чтобы они бросались друг на друга? Наши дети воспитанные. Пока мелкие и ничего не понимают – получают кровь с грудным молоком. А потом, когда прорезаются клыки, соображалки уже хватает, чтобы не лезть, к кому нельзя. Детишек обычно поят пожилые кетрейи, бабушки-дедушки их ровесников. Ни к кому моложе пятидесяти они до половой зрелости и не подойдут. То есть подойти-то могут, и поиграть, и покапризничать, но кровь пить не станут, – он ухмыльнулся. – У нас первый признак переходного возраста – когда начинаешь задумываться, не вкуснее ли у молодых. А если всерьез тянет к молодым – все, ребенок стал взрослым.

– И когда ты стал взрослым? – полюбопытствовал Бен.

– Давно, – Аддарекх махнул рукой. – Лет тридцать уже. Бен посмотрел на него подозрительно.

– Слышь, а тебе сколько лет-то?

– Сорок четыре, – шитанн не стал ни смущаться, ни от-малчиваться. Тема возраста его, похоже, не слишком волновала.

На экране связи навтыяжку стоял Ххнн Трагг. Видно было, что получать указания лично от координатора ему в диковинку. Криййхан поморщился и с неудовольствием отметил, что эта произвольная мимика входит в привычку.

– Капитан Ххнн. Напоминаю: ваша задача – доставить груз и пассажиров на Нлакис, а потом – доставить груз и пассажиров с Нлакиса. И при этом, – он поморщился вновь, – не потерять корабль. Мы вбухали в ремонт «Райской молнии» столько средств, что проще было новый линкор построить.

Ххнн внимал. Ни словом, ни жестом не показывал, что брюзжание координатора задевает его. Может, и выйдет толк из этого юноши.

– На Нлакисе вас ждут. Эскадра землян предупреждена: назоветесь, и вас пропустят. На орбите Рая сейчас два земных крейсера, они тоже в курсе. Надеюсь, непредвиденных обстоятельств не возникнет.

– Да, хирра Криййхан, – подтвердил Ххнн.

– Так идите и выполняйте, капитан.

«Райская молния», вся в заплатах, стояла в режимной зо-

не, готовая к старту. Ххнн лично проверил все. Все функционировало бесперебойно, но он, отдавая команды экипажу, не мог отделаться от ощущения, будто что-то не так. Потом понял, отчего ему не по себе: не он должен здесь командовать. Это не его корабль. Он не видел себя его капитаном, и для экипажа, хорошо его знающего, он оставался старшим помощником. Он даже – совершенно иррационально – побаивался, что Анцелл Селдхреди ткнет его носом в свое Золотое Солнце и потребует для себя пилотское кресло. Но Анцелл, выйдя из больницы, не стал возвращаться во флот. Мечта его была перевыполнена на двести процентов. Подвиги – это клёво, но очень страшно и больно. Парень решил, что с него хватит, уехал в родные края и вроде бы собирался жениться.

С координатором, естественно, не поспоришь. Однако, как бы то ни было, «Молния» уходила в рейс фактически без капитана. Ничего, успокаивал себя Ххнн, это всего лишь грузопассажирский рейс, никаких сражений, никаких погонь. В самый раз, чтобы пообвыкнуться с новым постом.

За окном снег, а в отделении стражи тепло. Перебрасывается шуточками дежурная опергруппа, то и дело заходят патрульные на чашечку реттихи, уплетает чей-то паек потерявшийся ребенок, ожидая, пока за ним придут родители. Начальник учит уму-разуму стажера. Следователь кого-то допрашивает. А Ррма Генхсх, пользуясь отсутствием посети-

телей, тихонько играет на ноутбуке. Ррма ведает документами. Выдать персональную карту, зарегистрировать брак или рождение ребенка, восстановить утраченные сведения, пробить кого-то по базе данных... Каждому отделению стражи положен такой специалист, в том числе и этому. Но в отделение при космопорте не приходят регистрировать браки и рождения. Большинство вопросов с документами пассажиры предпочитают решать дома. Разве что, действительно, в суматохе обронят карту... Как правило, она вскоре находится. Вот Ррма от нечего делать и оттачивает мастерство в компьютерных играх.

Дверь отворилась, замерцали в проеме снежинки, повеяло прохладой.

– Закрывайте скорее! – воскликнула Ррма.

Вошли двое. Шитанн из Кенцца, на лицо не старый, но совершенно седой, до белизны, а второй... Ррма прикипела к нему взглядом, забыв об игре. Судя по круглым ушам, отсутствию клыков и вкусному запаху – кетрейи. Но волосы черные, как у шитанн. По прическе – Селдхреди. Вот только среди Селдхреди отродясь не водилось таких темнокожих. Мужик темнее, чем Фййк или даже Хот. Откуда он такой взялся? Пытаясь разгадать эту головоломку, она не сразу сообразила, что направляются они прямо к ней.

– Меня зовут Аддарекх Кенцца, – промолвил шитанн. – А это мой друг, Бен Райт.

Райт? Ррма напрягла память; не помогло. Набрала запрос

на ноутбуке; все равно не помогло.

– Не припоминаю такого клана, – произнесла она натянуто.

Тот, кого назвали Бен Райт, засмеялся.

– Я с Земли, хирра.

Ррма старалась не уподобляться кетрейи, но невольно вытаращила глаза. Настоящий землянин? Так вот они какие! Коллеги рассказывали, что недавно в космопорту находилось множество землян, спасшихся с крейсера «Хан Соло». Они несколько дней жили в гостинице, пока не прибыл новый крейсер. А Ррма, как назло, уезжала в отпуск. Так ни одного землянина и не увидела. Она с интересом разглядывала Бена Райта. Вроде человек как человек, и вещевого мешок почти человеческий. Одежка странновата, но на показах мод она и страннее видывала.

Она спохватилась. Землянин же не олльехр дрессированный, чтобы так пристально и долго его рассматривать!

– Хирра Аддарекх, хирра Бен... У вас какая-то проблема?

Сомнительно, что им надо зарегистрировать брак или рождение. Значит, проблема.

Бен оглянулся на Аддарекха и сказал:

– Я разыскиваю девушку. Ее зовут Эйзза Ихстл.

– Где она живет? – уточнила Ррма. Она наконец вошла в свою колею. А то, понимаешь, растерялась, землянина увидела! Кем бы он ни являлся, ее работа – решать его проблемы.

Бен виновато вздохнул.

– Где-то на этой планете.

Ррма подняла бровь.

– Ладно. Тогда возраст?

– Около двадцати лет.

– Она шитанн или кетрейи?

– Э... кетрейи, – он снова повернулся к Аддарекху. – А что, у шитанн и кетрейи одинаковые имена?

Ррма спрятала улыбку. Аддарекх хмыкнул:

– С чего им быть разными? Язык-то один.

– Присядьте, хирра, – Ррма открыла базу. – Начнем поиск с клановых земель Ихстл. Девушки часто кажутся мужчинам моложе. Будем искать среди тех, кому нет двадцати пяти.

Ей было ужасно любопытно, зачем землянину понадобилась шшерская девушка. Но она не следователь, чтобы задавать нескромные вопросы. Она вывела на печать список адресов. Три Эйззы Ихстл нужного возраста в землях Ихстл и еще одна в Трагг. Как ее туда занесло-то?

– Целых четыре? – удивился землянин.

Она развела руками.

– Имена повторяются, хирра Бен. Это имя довольно редкое, вышло из моды. Так что *всего* четыре. Вы же не описали девушку более определенно.

– Ну... она блондинка. Очень красивая.

Ррма улыбнулась.

– Все кетрейи блондины. И, как назло, красивые. Более

того, если вам вдруг это пришло на ум, все Ихстл носят одну и ту же прическу. Знали бы вы точный год рождения или хоть примерно регион проживания – круг бы сузился. Вам еще повезло, что вы не ищете Лимсху. В этом поколении – самое популярное имя, по двадцать-тридцать на клан.

Она знала, о чем говорит. Лимсху Генхсх разыскивали не так давно по делу о двоебрачии. В итоге выяснилось, что никакого двоебрачия нет: это две разные девушки с двумя разными мужьями, просто родились в один и тот же день у одних и тех же родителей. Когда нашли их мать и спросили, зачем она назвала обеих близняшек одинаково, ответ был гениален: чтобы их не путать. А в результате запутали демографический департамент. Что взять с кетрейи?

Бен принял бумагу из рук Ррмы.

– И что мне делать с этим списком?

– Вернее всего – объехать все адреса, – посоветовал Аддарекх. – Увидеть девушек, поговорить с ними. Одна из них – твоя, – он подмигнул.

– Если бы вы искали шитанн, – извиняющимся тоном сказала Ррма, – я бы порекомендовала позвонить ей на коммуникатор. Но кетрейи обычно не носят коммуникаторов. Бессмысленно: они все время их теряют и путают номера.

Придется ехать, понял Бен. Покрутил список в руке.

– Аддарекх, я же читать по-вашему не умею.

– Я тебе сейчас переведу, – он взял со стола карандаш. –

Надпишу по-хантски.

– Хорошо, но дальше-то как? Как я в незнакомом городе найду нужную улицу, если даже схему транспорта не смогу прочесть?

– Тоже мне, беда, – фыркнул шитанн. – У нас три четверти населения неграмотны и не расстраиваются по этому поводу. Подойдешь к любому стражу и спросишь, как добраться.

Ррма с улыбкой кивнула. Землянин такой забавный. Она от всей души надеялась, что он разыщет эту девушку. Вряд ли он намерен взыскать с нее долг или предъявить обвинение. Что она, не отличит банковского служащего или стража от влюбленного парня, пусть даже он инопланетянин?

Ларс Максимилиансен потянулся за бутылкой, чтобы накапать в свой кофе излюбленное целебное средство. Именно в этот момент раздался писк, и в углу экрана ноутбука вспыхнуло сообщение от дежурного:

«Объединенная эскадра Чфе Вара и Симелина общей численностью в десять кораблей вторглась в сектор Тсети».

Ларс не донес руку до бутылки. Тсетиане – друзья. Может, они и сами отобьются, но, по-хорошему, надо им помочь.

– Три крейсера туда, – распорядился Максимилиансен.

Тут же пришло следующее сообщение:

«Три симелинских фрегата атакуют тсетианскую базу».

– И туда один.

Переждав немного, он подвинул к себе один из своих мобильных – тот, что с защищенным каналом – и набрал

несколько цифр.

– Рада вас слышать, Ларс, – отозвалась Салима. – Началось?

– Началось, – выдохнул главнокомандующий. – На этот раз они сосредоточились на Тсете.

– Сосредоточились? – в голове прозвучало саркастичское сомнение. – Я бы на вашем месте в это не верила. Основной удар должен быть по Нлакису.

– Я тоже так думаю. Эскадра у Нлакиса усилена, у Миленича сейчас семь крейсеров.

– Сколько в резерве?

Ларс сглотнул.

– Два.

Салима помедлила.

– Мне казалось, арифметика дает нам другой результат. «Хан Соло» погиб, «Ийон Тихий» застрял у Рая, семь кораблей небоеспособны, семь у Нлакиса, четыре вы отослали на помощь Тсете. От двадцати четырех остается четыре.

– Два на плановой профилактике, – напомнил главнокомандующий.

– Значит, в резерве два... Ларс, не выводите их от Земли, даже если это покажется необходимым.

– Салима, но бывают непредвиденные ситуации... – он не любил, когда его учили воевать.

– Непредвиденные ситуации – недоработка штаба, – непреклонно отрезала Салима. – Вы проморгали шнурогры-

зок, потому что не проанализировали военный опыт Рая. Посчитали это ниже своего достоинства! Я не хочу знать, чего вы еще не угли, но боюсь, что нынче мы об этом узнаем. Крутитесь, как хотите, Ларс, но резерв держите у Земли. Это приказ.

Она отключилась. Максимилиансен покачал головой и придвинул к себе остывший кофе. Правильно ли она оценивает ситуацию? Правильнее ли, чем он – профессиональный военный? Она – умная правительница, даже талантливая, но война никогда не была ее делом. Трон Эмиратов для нее отвоевали наемники, приводили в чувство Аравийский полуостров назначенные ею генералы, миротворцы ООН имеют собственное командование, подотчетное ей, но она ни разу в жизни не вела войска в бой. Резерв на то и резерв, что он может понадобиться в любой момент в любом месте. С другой стороны, Ларс не мог припомнить такого случая, чтобы Салима приняла неверное решение. Ее часто критиковали и не понимали, а в итоге оказывалось, что она права. Может, и сейчас?..

Он залпом выпил холодный кофе, оставил чашку и вздохнул. Все это лирика и ересь. Она – координатор, и ее приказ он выполнит, согласен с ним или нет.

Капитан Санин Бол сидел перед экраном и слушал последний инструктаж чфеварского адмирала, как еще три капитана гьдеанских эсминцев, три чфеварца и девять мересанцев.

Санин Бол незаметно морщился. Ему собственный-то адмирал не шибко нравился, а уж подчиняться чужому – хуже нет. Он непременно построит бой так, что гьдеанам достанется самая грязная и опасная работа, а если операцию ждет неуспех, то обвинят в нем, естественно, их. Но король Имит дал внятный приказ, и приходилось слушать чфеварца.

– Восемь крейсеров Земли выведены из строя, – говорил адмирал Зам Там Хе, браво наматывая на палец длиннющие усы. Санина Бола всегда интересовало, как чфеварцы умудряются есть с такими усами. Либо эти идиотские волосы должны лезть в рот вместе с едой, либо елозить по тарелке и пачкаться. – Один их корабль погиб у Рая. Земля ослаблена, и Земля опасается нападения. Оставшийся флот стянут к Нлакису, там ждут удара. Чуть ранее наши товарищи и коллеги напали на Тсету, и земляне бросили туда резерв, оголив собственную планету. Вот по ней мы и врежем. Девяти мересанских линкоров хватит, чтобы захватить станцию периметра, отключить блокирующую сеть, пройти непосредственно к Земле и потребовать Нлакис обратно, угрожая с орбиты. Задача ясна?

Адмирал дождался, пока все девять мересанцев подтвердят, и продолжил:

– Хорошо. Но вначале мересанская эскадра дождетя, пока остальные восемь кораблей отправятся к Шшерскому Раю. Там сейчас пусто, земной крейсер на орбите Рая подвергся внутренней атаке и в данный момент беспомощен.

Рай засечет драккары и эсминцы и попросит Землю о помощи. Если у землян остались корабли, они пошлют их туда, и направление нашего главного удара останется неприкрытым. Основная надежда на мересанцев, остальные лишь расчищают им путь. Это ясно?

– Ясно, адмирал, – сказал в свою очередь Санин Бол, когда с него потребовали ответа.

– Однако, – заострил внимание Зам Там Хе, – это не значит, что у атаки на Рай нет других целей. Крейсера будут идти на подмогу час-два. За это время следует расправиться с райскими сторожевыми катерами и нанести максимальный урон космопортам, верфям и заводам. Нам нужно гарантированно вывести Рай из войны, насовсем. Если мы прихлопнем Рай и поставим на колени Землю, то и Тсета перестанет воевать – как бы ни хотелось тсетианам наложить лапу на Нлакис, без союзников им не справиться, а вести войну, которую не можешь выиграть, нелогично. Наши координаторы договорились, что позволят Тсете сдать назад, не потеряв лицо. А за обиды мы взыщем с Земли и Рая!

Настроение у Йозефа было... сказать, что хреновое – ничего не сказать. Больше всего ему хотелось засадить по «Анакину Скайуокеру» из всех орудий, пока у того еще не полностью подключены дефлекторы, и сказать главнокомандующему, что так и было. Узнай о таком странном желании земного капитана гьдеане или чфеварцы – то-то обрадова-

лись бы! Это его и останавливало. Да еще то, что на «Вейдере» полно нормальных людей, которые ни в чем не виноваты.

Романтический ужин обернулся катастрофой. Даже недипломатичная Марта так по нему не проезжалась. А главное – за что? Ведь ничего же не сделал. Угостил даму тушеным цыпленком, горячим пирогом с корицей и шампанским. Не бить же за это морду? Сказал пару комплиментов – ну, может, не слишком умелых, так он же не профессор филологии. А потом намекнул на приятное занятие, которым можно было бы закончить вечер, раз уж так удачно сложилось, что Вася – не мужчина. Ну почему? В смысле – что здесь такого оскорбительного? В конце концов, могла отказать цивилизованно: мол, сожалею, но это не входит в мои планы. Он вовсе не мнил себя неотразимым и понял бы, нет так нет. А она...

– То, что я не мужчина, – холодно процедила Вася, – еще не значит, что всякий мужчина может этим воспользоваться. Я командир корабля, а не мамка космического борделя!

– Я ничего такого не имел в виду, – торопливо проговорил Йозеф. – Мы оба капитаны, делаем одно дело. Почему бы нам немного не скрасить наши деловые отноше...

– По-моему, вы слишком зарвались, капитан Гржельчик! Думаете, оттого, что вы пришли мне на помощь, я растекусь перед вами лужицей? Вы были обязаны это сделать согласно присяге! Я вам ничего не должна, и нечего держать меня за сладкую идиотку!

– Вася, я не думал ничего подобного. Просто вы мне давно

нравитесь, и...

– И у вас потекли слюни и зачесались яйца? – Вася презрительно фыркнула. – Да вы просто кретин, думающий не головой, а...

Йозеф сглотнул. За что?

– Подавитесь своим ужином, Гржельчик, – она скомкала салфетку, отшвырнула ее, встала и направилась к двери. – И своей спермой заодно.

Он вспыхнул.

– Черт, Василиса! – он подхватил свои костыли и неловко заковылял за ней. – Ну, извините! Вы не так поняли.

– Да ну? – язвительно переспросила она, обернувшись. – Или вы к кому-то другому обращались? Может, вот к этому солдату? – она мотнула головой в сторону Вилиса, прохладящегося в коридоре. – Не знала, что вы гей, Гржельчик. Впрочем, конечно: с вашей озабоченностью, да месяцами на корабле в компании мужиков...

– Не говорите ерунды! – взорвался Гржельчик.

И получил в нос. Не хлипкую пощечину, которую залепила бы обиженная девушка, а полноценный удар, отработанный на тренировках еще во времена учебы. Вася не старалась специально развивать мускулатуру, какой-нибудь десантник на ее месте впечатал бы носовой хрящ в мозг, после чего труп пролетел бы еще метров пять до ближайшей стены и сполз по ней, художественно пятная кровью и мозгами. Но Йозефу хватило. В носу хрустнуло, в глазах потемнело. Он

пошатнулся, уронил костыль и загремел на пол, подвернув ногу в гипсе.

– Похотливый извращенец, неуклюжий урод, да еще и грубиян! – припечатала она напоследок, плюнула и зашагала прочь.

Сцепив зубы, Йозеф старался не стонать от боли и не ругаться, чтобы не уронить остатки достоинства. Наверное, зря – какая разница, стонать или не стонать, после того как Вася потопталась по его достоинству вдоль и поперек? Добро бы еще один на один, так ведь в коридоре были люди, и не только Вилис.

Дико болел нос, Йозеф старался дышать ртом, периодически сглатывая кровь – прямо как вампир какой-нибудь. Гипсовая нога, на которую он упал, болела еще сильнее. Кажется, гипс треснул. А ручка костыля при неудачном падении воткнулась в бок, и теперь там разливался кровоподтек, и жутко ныла селезенка. Но все это было сущей ерундой по сравнению с ужасной болью, разрывающей душу. Внутри все жгло огнем, кололось иглами и плакало. Он прислонился спиной к стене и, одеревеневшей рукой смахивая выступающие от боли слезы, другой потянулся за пистолетом. Покончить разом с болью, обидой и позором...

– Эй, кэп, вы чего? – сильная рука десантника легко отобрала у него пистолет. – Пойдемте-ка в медблок.

Идти он не мог, даже на костылях. Вилис побежал за носилками или коляской, Бадма остался рядом, хлопотал, по-

старался усадить удобнее – да что толку, если эта боль не физическая?

– Что случилось? – спросила Клара, и пришлось ей рассказать. Какая уже разница? Знает Вилис – скоро узнают все.

Она собирала Йозефу нос из осколков, задумавшись о чем-то своем. Об Аддарекхе. Он ко мне тоже со всей душой, думала она, а я его все время обижала. А теперь он ушел навсегда, и как же без него пусто!

Накачанный обезболивающим, Йозеф лежал в своей каюте и горько жалел, что не может выпить: Клара специально убрала все спиртное из его досягаемости. Оставалось лежать и плакать, благо никто его не видел. Ремонт на «Вейдере» не прерывался: мало ли чего ему в сердцах хочется, мощь Земли складывается из всех крейсеров, и «Дарт Вейдер» должен быть в строю. Его желания ничего не значат. И сам он ничего не значит. Корабль и без него не пропадет: куча помощников, все свое дело знают. Он пытался снова поискать пистолет, но не нашел. Спрятали, видать.

А потом приперся Дьёрдь Галаци. Ясное дело, прослышал от Вилиса, как эта курва его костерила. Похотливый извращенец, гей, да к тому же грубиян... Но епископ, на удивление, не стал читать ему мораль. Заговорил совсем о другом: о Боге, об испытаниях, что посылает Он своим верным сынам и дочерям... И вроде бы Йозеф сто раз это слышал, но как-то незаметно втянулся в беседу, разговорился. Оглянуться не успел, как выложил епископу всю эту историю с

Васей. И боль свою выложил: ну, что он сделал не так? Все так, согласился Галаци. Но строго барышню не суди: может, она демонами одержима. Всякое бывает, особенно так далеко от Земли. И на Земле, знаешь, случается... А себя не вини и позора не бойся. Ты капитаном назначен не за то, что тебе девки под ноги стелются, не за это тебя люди уважают, вот и нечего падать духом. Поболтал и свалил. И как-то полегче стало. Не то чтобы совсем, взорвать «Анакин Скайуокер» к чертям собачьим по-прежнему хотелось в глубине души, но сводить счеты с жизнью Йозеф раздумал. Не доставит он Васе такого удовольствия!

Он сидел в рубке с чашкой чая – кофе Клара почему-то запретила – и изучающе разглядывал «Анакин Скайуокер» на экранах обзора, прикидывая, куда лучше всего было бы влупить, чтобы погубить как можно меньше народу, но чтобы капитан погиб обязательно. Цель номер раз – центральная рубка. А если она в резервной? Значит, номер два – резервная. Номер три – капитанская каюта. Знать бы, где она на «Вейдере». Логично рассуждая, это должно быть максимально комфортабельное помещение, к тому же недалеко от рубки. Руководствуясь планировкой собственного крейсера, он наметил еще несколько потенциальных целей. Нет, он не собирался на самом деле их поражать. Но помечтать-то можно!

Из мечтаний его выдернул резкий сигнал тревоги. Бабаев, сидевший за пультом, выронил кроссворд, который раз-

гадывал.

– Восемь проколов, – сообщил отдел наблюдения и стал занудно перечислять сектора. Точечки тут же появлялись на экранах.

Бабаев, не дожидаясь команды, вывел силовую установку на режим боя, стал включать ускорители для прогрева. Негромко загудели дефлекторы.

– Всем занять места согласно боевому расписанию, – приказал Гржельчик по громкой связи.

– Типы кораблей опознаны, – доложили наблюдатели. – Четыре чфеварских драккара, четыре эсминца Гьде.

– Не сказать, чтоб неожиданно, – проворчал Йозеф. – Связь! Отправить стандартный рапорт об атаке главнокомандующему по ква-девайсу.

В рубку вбежал Принц. Быстро влез в кресло рядом с Бабаевым, пристегнулся. Правильно, слегка скривился Гржельчик. Не ему же, одурманенному лекарствами, садиться за пульт страховать Бабая. Федотыч и Футболист сейчас занимают места в другой рубке. И все, ни одного запасного пилота.

– Ответ с Земли, – донесся голос дежурного связиста. – Рапорт принят. Резервных крейсеров нет, справляйтесь сами.

– Как это – нет? – изумился Принц. Пронзительно-синие глаза стали большими-большими. – У Земли двадцать три крейсера! Даже если семь повреждены...

– Мать твою! – выругался Гржельчик. – Свою мать спроси, математик хренов!

Куда они дели весь резерв? Ему тоже было интересно. Или задница, в которую он попал с еле копошащимся «Вейдером», в данный момент не самая глубокая и дурнопахнущая?

Радуга пропала с экранов, и в левом нижнем углу засветился маленький молочно-красный шарик, а сзади – яркий красный диск звезды. И – адмирал Зам Там Хе моргнул – две цели.

– В секторе два чужих корабля.

А то он не заметил! Их видно невооруженным глазом. Сторожевые катера, наверное. Эскадра легко размечет эти легкие кораблики.

– Тип кораблей опознан. ГС-крейсера Земли.

Безликие Боги! Откуда здесь *два* крейсера Земли?

Санин Бол рассматривал со своей позиции силуэт крейсера без особого страха. Адмирал предупреждал, что крейсер на орбите Рая, атакованный шнурогрызками, небоеспособен. После выполнения основной задачи можно над ним поглумиться, вволю пострелять по безответной мишени. Или захватить, отловить шнурогрызок, перебить команду, а капитана-неудачника привезти на Гъде и заставить склонить колени перед королем Имитом. Или, скажем...

«Оранжевый» Санина Бола сместился из точки перехода, и мысль пропала, не оформившись. Там, за крейсером, был

еще один. Дерьмо! Судя по излучению двигателей, они оба на ходу.

Санин Бол занервничал. Он помнил бой с «Ийоном Тихим». Идея драться с двумя крейсерами разом совсем не нравилась капитану.

– Что за дерьмо? Это подстава!

Зам Там Хе возник на экране связи.

– Без паники! Они нас не ждали. Атакуем!

«Оранжевый» не успел выстрелить, крейсер ударил первым – как раз по нему, оказавшемуся на острие атаки по диспозиции, выстроенной чфеварским адмиралом. Щиты завизжали. Корабль затрясся, с чудовищным скрипом отвалилась надстройка, по которой пришелся удар. Санин Бол вильнул с курса, уходя от следующего выстрела. Корабли сближались, и он, узнав бортовые надписи, пробормотал ругательство сквозь стиснутые зубы.

– Левен, видишь его? – обратился он к капитану «Синего». – Это «Ийон Тихий».

Кор Левен помянул в ответ сортир, паля из носовых батарей.

– Кто второй, Бол?

– Не знаю, – «Оранжевый» был вынужден метнуться в другую сторону, чтобы уклониться от ионного потока. – И знать бы не хотел!

Забили турбозащиты двух драккаров. Одно попадание, второе... Дефлекторы крейсеров держат, провалиться им в

канализацию.

– Рассредоточиться! – приказал Зам Там Хе. – Эсминцам – подавлять огонь землян. Драккары идут на прорыв.

– Гады! – Санин Бол отключил микрофон. – Кидают нас крейсерам, а сами...

Что бы ни замыслили чфеварцы, им это не удалось. Два крейсера разошлись, охватывая каждый свой сектор и не переставая стрелять. Эсминцы лавировали, стараясь поразить вроде бы такую хорошую, крупную цель, но попробуй в нее попади, когда небо кувыркается туда-сюда. «Ийон Тихий» сосредоточил огонь на драккарах, и где-то получили маленькую передышку: второй крейсер стрелял реже, то ли экономил, то ли не все орудия работали.

– Да у него какие-то неполадки, – осенило Кора Левена. – Бол, гляди, он маневрирует всего на четырех ускорителях!

– Неполадки? – прорычал Санин Бол, вытирая кровь с лица, которым только что впечатался в пульт от попадания. Взрывающийся ускоритель едва успели сбросить. – Нам обещали, что здесь будет *мертвый* крейсер! И один!

Двигался землянин довольно ловко, не сразу и заметишь, что включаются всего четыре ускорителя. Пилот хороший. Но даже гениальный пилот не в состоянии добавить тяги волевым усилием. Вот на этом и сыграть. Эсминцы закрутились вокруг крейсера, стараясь, чтобы повороты землянина не успевали за их перемещениями, и лупя залпами. Тактика имела успех: вспыхнул правый модуль, посыпались, как спи-

чечные домики, конструкции надстроек. «Розовый», торжествуя, неудачно подставился, и струя плазмы угодила ему в центральный отсек. Вспыхнула маленьким солнышком силовая установка. Три оставшихся эсминца рефлекторно прынули прочь от крейсера, не переставая маневрировать.

Зам Там Хе был в полном замешательстве. Четыре драккара не могли пройти один крейсер. Вот оно, пространство: обходи с любой стороны, маневрируй, как душеньке угодно. Ан нет, маневрировать ты можешь только так, как позволяют тебе лазеры противника. Одному из драккаров удалось повредить землянину ускоритель, но тот словно и не заметил. Проклятый крейсер был повсюду, а драккары метались, словно шерстяные феххи в загоне. Вот у одного просел дефлектор, у второго... Мелкие повреждения накапливаются, падает маневренность, и ты уже не можешь увернуться от несущих смерть лучей...

«Райская молния» вышла из стратосферы в тот самый момент, когда взорвалась силовая установка эсминца. Вспышку было видно издалека: на темном фоне экрана загорелась крошечная звездочка.

– Опаньки, – сказал Ххнн. – Что это еще за триста могильных червей?

Словно отзываясь, заговорил аналитический отдел:

– У периметра идет бой. Восемь объектов с работающими двигателями, большая плотность лазерного излучения.

Курс «Райской молнии» лежал в другую сторону. На борту груз и пассажиры, корабль ждут на Нлакисе. Но Ххнн был военным. Идти своей дорогой, когда в системе кто-то с кем-то сражается? И не просто выясняют свои отношения на чужой территории. Ххнн готов был собственную почку поставить на то, что это враг пытается продавить тех, кто защищает Рай.

– Боевая тревога, – распорядился он. – Идем к объектам.

Мучительно долго тянулись минуты. Корабль разгонялся с дикой перегрузкой, Ххнн жал из двигателей все, что можно, гравикомпенсаторы верещали на грани отказа.

– Семь объектов, – сообщили аналитики.

Кого-то уничтожили. Кого? Свой или чужой? Сражение приближалось. Ххнн различил вспышки лазеров и свечение ускорителей на экранах.

– Тип кораблей опознан. Два земных крейсера, три гьдеанских эсминца, два чфеварских драккара.

– Приготовиться, – объявил Ххнн. – Пассажирам – занять свои места и зафиксироваться. Стрелки – огонь по драккарам и эсминцам сразу после выхода на дистанцию поражения.

– Не злоупотребляй дефлекторами, – бросил Бабай Принцу. – Давай батареям выстрелить. Слишком толстый щит не пропустит излучение наших лазеров.

Фархад кивнул. Они работали в паре. Может, если бы за

пультом сидел сам Гржельчик, драккаров стало бы меньше. Но Гржельчик молчал. Если бы да кабы...

– Приближается корабль.

Это что за новости? Сообщения о проколе не было.

– Корабль идет со стороны планеты. Тип опознан, райский ГС-линкор.

– «Молния»! – воскликнул Гржельчик, немного подавшись вперед.

Да, это была она. Линкор стремительно надвигался, тормозя форсажем носовых ускорителей и стреляя по драккарам, которых удерживал «Ийон». Бабах! – разлетелся на куски один из них, попав меж двух огней. Не загорелся, даже часть орудий уцелела, но никто уже из них не стрелял. То ли стрелков контузило, то ли разгерметизация. Второй драккар дернулся влево, вправо – не выйдет, «Молния» резко сманеврировала, челюсти захлопнулись, и началось переваривание. Серией залпов «Молния» снесла щиты, а «Ийон» вскрыл обшивку чфеварца, из вспоротого брюха забурлил воздух...

Эсминцы били по неуклюжему крейсеру, а он все не подыхал. Огрызался в ответ, нанося одно повреждение за другим. Силы казались равными, но тут Кор Левен уронил фразу, прозвучавшую не то буднично, не то обреченно:

– Драккары кончились.

Санин Бол кинул взгляд в ту сторону и обмер. «Ийон Ти-

хий» разворачивался к эсминцам, а чуть правее заходил в атаку райский линкор.

– Это «Райская молния», – внезапно севшим голосом проговорил Санин Бол. – Дерьмо, это же проклятая «Молния».

«Молния» пугала гдзеанина даже больше «Ийона». С «Ийоном Тихим» все ясно: крейсер есть крейсер, против лоба нет приема. Но «Райская молния» – корабль такого же класса, как эсминец. В ее живучести, удачливости, в ее боевых успехах чудилось нечто мистическое, необъяснимое рационально. Почему-то, увидев «Молнию», Санин Бол почувствовал, что глядит в глаза смерти.

– Уходим! – крикнул он.

Других капитанов не надо было уговаривать. Три эсминца, бросив кружить над потрепанным крейсером, рванули вдаль, сияя ускорителями. Из пущенных следом залпов цель нашел один. Работающие ускорители «Оранжевого» взорвались, затем сдетонировали хранилища топлива, и объятия смерти настигли Санина Бола и весь его экипаж.

«Синий» и «Черный» ушли в ГС-переход. Двум кораблям из восьми все же удалось спастись в этой операции, где ничто не предвещало поражения.

Да, Хайнрих Шварц был не самым приятным в общении человеком. Но за это его командование и ценило. С кем ему общаться у периметра? Не с великосветскими дамами, а с чужаками и с врагами. А для врагов стиль общения капитана

Шварца – самое то, что доктор прописал. И Ларс Максимилиансен смотрел сквозь пальцы на выходки командира «Песца», по совместительству коменданта орбитальной станции периметра. Нахамил дипломатам – ничего. Изрисовал свой корабль мерзкой порнографией – ладно. Задолбал собственных солдат бесконечными учебными тревогами – ну, на то и служба. Напугал залетного купца до икоты – так для того он там и поставлен, чтоб чужие боялись.

С появлением четырех неисправных крейсеров на станции стало людно. Скучающий персонал бодро взялся за ремонт – попробовали бы они у герра Шварца проявить недостаточный энтузиазм! А сам Шварц принялся изводить несчастных капитанов. К рядовым членам экипажей он не цеплялся – мелковато и неинтересно, простой рабочий или там связист начальника всяко не пошлет, поскромничает. А вот капитаны – вроде бы ему ровня, даже круче, ГС-летчики, – скрипящие зубами оттого, что послать и хочется, и колется... Это да, это тешит самолюбие. Слегка огорчало Шварца лишь одно. Эти несчастные – свои, и надо знать меру, иначе главнокомандующий может перестать мириться с некоторыми чертами его характера. Хайнрих мечтал о враге. Пару месяцев назад ему показалось, что небо вняло его мольбам и послало ему Мрланка Селдхреди. Черта с два: на обратном пути проклятый Мрланк обернулся другом. Причем – совершенно неожиданно – раскусил Хайнриха, добрался до его мягкого сердца, прикрытого шипами, за-

цепился там. Может, вампир потому его понял, что он и сам такой? Циничный ублюдок, готовый отдать все ради своей родины.

Мечты сбываются. Всегда не так, не в то время и не таким образом, но сбываются – таково свойство реальности. Шварц получил своего врага. Девять линкоров Мересань вывалилось из вакуума в окрестностях станции.

Домечтался, ёшкин бультерьер.

– Сообщить на Землю, – отрывисто кинул он, усаживаясь в пилотское кресло.

Самый малый – сторожевики «Песец» и «Михалыч» медленно отделяются от стыковочных узлов станции. А затем форсаж, и громадные корабли превращаются в точки, движущиеся навстречу атакующим.

Захватить орбитальную станцию для девяти ГС-кораблей – не столь уж сложная задача. Так полагал адмирал т'Лехин,

вызвавшись командовать на главном направлении удара союзной группировки. Уверенность изменила ему лишь тогда, когда между ним и станцией нарисовались два натуральных монстра. Если ГС-крейсера были злом, хорошо известным Галактике, то сторожевые катера Земли т'Лехин до сих пор видел только на картинках и схемах. И эти схемы не передавали и двенадцатой доли того, что предстало его взору.

Монстры, словно в издевку называемые несолидным словом «катера», ошетинились батареями, ракетными направляющими, жерлами ионных пушек и уж вовсе экзотическими конструкциями, в которых т'Лехин по описанию признал антивещественные дезинтеграторы – тяжелое, громоздкое и дорогое оружие. Нормальные миры, если и имеют таковое, не ставят его на корабли, а монтируют стационарно на каком-нибудь естественном спутнике. Но это же Земля!

Само по себе лицемерие этого арсенала могло вышибить из седла психологически неподготовленного человека. Мересанский адмирал, впрочем, был не из таких. Он не привык тушеваться при виде противника, даже хорошо вооруженного. Но корабли землян приближались, и на первом из них адмирал разглядел надписи и рисунки, поколебавшие его душевное равновесие. Надписи были выполнены по-хантски – видимо, чтобы противник с гарантией прочел – и не то чтобы имели угрожающее содержание... Просто голова начинала кипеть и лопаться в тщетном стремлении постичь их изощренный смысл, и явно сдвинутые пути мышления их автора

влекли за собой в пучину безумия.

Любовь к ярким надписям Хайнрих Шварц пронес через всю жизнь, с самого детства. Когда-то он обклеивал свой велик, потом – автомобиль. Ныне он имел в подчинении не один десяток людей, которые по его приказу ползали в скафандрах по поверхности корабля, тщательно вырисовывая многометровые буквы и картины. При всей своей тяге к оригинальности Шварц оставался верен классике: борта и корму сторожевика украшали вечно актуальные «Не уверен – не обгоняй», «Тормоза придумал трус», «Вырасту – стану ГС-крейсером». Площадь поверхности сторожевика была немалой, поэтому там уместились и сакраментальные заборные копирайты: «Осторожно, окрашено», «Терминатор жив» и, конечно же, «Пенис». Чтобы усилить эффект, теряющийся при переводе на хантский, Шварц распорядился написать «*Большой пенис*», и надпись слегка напоминала рекламу пластической хирургии. Все эти изречения, милые сердцу Шварца и тешащие его ностальгию, приводили нормального инопланетянина, привыкшего к тому, что всякая надпись на борту несет важную информацию, в ступор, если тот делал хоть малейшую попытку понять, что сие значит и какое отношение имеет собственно к предмету, на коем начертано. Кстати, немалую роль в становлении уважения Шварца к Мрланку сыграло в свое время то, что шитанн на эти надписи откровенно наплевал, вникнуть не пытался и принял как данность: вот Шварц, вот его пепелац, а вот некие

ритуальные письма, ему присущие, и черви с ними.

Недавно Шварц, специально для тех, кто пройдет первый контур этой ментальной ловушки (например, не умея читать), организовал второй, подойдя к делу вдумчиво и с фантазией. Теперь с определенного ракурса безобидные, на первый взгляд, изображения на надстройках, налагаясь друг на друга, создавали картину противоестественного полового акта, учиняемого землянином во флотской форме, очень похожим на Шварца, над инопланетянином. В качестве инопланетянина сгоряча и по многолетней привычке был выбран шитанн. Тут Шварц признавал, что промахнулся, но исправлять рисунок было поздно: работа непростая и долгая. Уж что предстало взору мересанцев, то предстало.

Т'Лехин попал по полной программе. Пока он вчитывался в разрывающие мозг надписи – и тем же самым, по-видимому, были заняты капитаны, пилоты, стрелки, наблюдатели и аналитики на всех кораблях, – «Михалыч» выдвинулся вперед и пальнул несколько раз из дезинтегратора. Только тогда, потеряв три из девяти кораблей, мересанцы очнулись, лихорадочно перестроились и начали стрельбу. Ну что же, Шварц и не рассчитывал прихлопнуть всех в первые секунды.

Завязался бой. Лазер скользнул по боку, и краска потекла, одна из надписей расплылась. Настроение у т'Лехина поднялось: значит, вредоносную каббалистическую магию можно уничтожить! Еще один залп достал пушку противника, зеленое пламя заплясало на корабельной броне, выжигая другую

надпись. Адмирал воспрял духом и поверил в свои силы.

– «Первый», «Третий», «Пятый» – в обход этих гробов и к станции! – приказал он. – Мы свяжем их боем, а ваша задача – взять под контроль и отключить блокирующую сеть.

Мересанские линкоры быстры. Три корабля скользнули в разные стороны и понеслись к орбитальной станции. Монстры не успели среагировать. Адмирал усмехнулся: неповоротливость этих тихоходов станет фатальной для их системы! Без прикрытия сторожевиков станция беззащитна.

Хайнрих Шварц тоже ухмылялся. Мересанцы еще не знали, что за сюрприз ждет их у станции. Четыре пришвартованных ГС-крейсера! Двигаться они, может, и не в состоянии, зато цепи управления орудиями восстановлены почти полностью.

– Отлично, – резюмировал он. – Поворот сорок градусов и обратно.

Сторожевик повернулся, и у т'Лехина вырвалось не то междометие, не то краткий стон. Это сработала вторая ловушка для разума.

– Это то, о чем я думаю? – потрясенно спросил кто-то из наблюдателей.

Корпус пошел обратно, и картинка снова промелькнула перед глазами. Пилот непроизвольно подал линкор следом, стремясь рассмотреть. Шварц довольно хмыкнул и сделал знак: мало-помалу вглубь системы. Три корабля потянулись за «Песцом», словно зачарованные. Картина неистовой люб-

ви между землянином и шитанн была одновременно отвратительна и притягательна: сжав пальцы в знаке, отгоняющем зло, мересанцы не могли оторвать взгляды. На родине не то что изображения, даже мысли о подобном запрещались. Губы шептали благочестивые каноны, а глаза жадно впитывали подробности невозможного соития.

Если первый контур действовал на всех инопланетян примерно одинаково, то второй, напротив – на всех по-разному. Шварц успел поэкспериментировать на торговцах из различных миров. Некоторые впадали в ярость, другие заливались краской и не смели поднять глаз, кто-то испытывал возбуждение, а иные давили позывы к тошноте. Но равнодушным не оставался никто. Мересанцы были загипнотизированы. Шварц поставил воображаемую галочку в мысленной записной книжке и велел останавливаться. Хватит, теперь линкоры вошли в зону действия блокирующей сети и никуда не денутся.

– Огонь!

«Песец» развернулся свежими батареями к врагу. Завораживающая картина мигнула и исчезла.

– Электрическая сила! – грязно выругался т'Лехин.

Один из линкоров не успел дать энергию на дефлекторы и рассыпался мириадами искр.

– Адмирал, – вышел на связь один из капитанов той группы, что ушла к станции; на лице его отражалась паника, – здесь четыре ГС-крейсера! Четыре!

Лицо т'Лехина искажилось.

– Быстро уходите оттуда! Здесь все – сплошная засада!

Экран связи внезапно залило белым, и изображение исчезло. Адмирал прошипел проклятие.

– Связь с «Третьим» и «Пятым»! Срочно отозвать их! Им не выстоять против четырех крейсеров.

– Их нет в эфире, – скорбно ответил связист.

Корабль затрясло. Сторожевики, получив со станции сообщение о том, что все в порядке, стали развлекаться, долбя по линкорам по касательной и срубая внешнее оборудование.

– ГС-переход, быстро!

Короткий всплеск радуги – и неожиданные волны пламени, чуть не прожегшие щиты. Пилот резко рванул рычаг, гася ГС-привод.

– Что за проклятье?

На экране замигал значок вызова. Т'Лехину показалось, что он знает, кто это.

– Ответьте, – буркнул он связисту.

Перед ним возникла скалящаяся бритая башка. Землянину было весело.

– Куда это вы намылились, мать вашу в печень? Вы в зоне действия блокирующей сети. Стойте и не рыпайтесь, животные поиметые, мы с коллегой поспорили, кто первый снесет вам все надстройки.

– Не стреляйте, – выдавил т'Лехин. – Мы сдаемся.

– А оно нам надо? – зевнул землянин. – У нас и без вас тесно. На кой горький корень мне мересанцы? Предпочитаю шитанн, – он гнусно ухмыльнулся.

Адмирал стиснул зубы.

– Я – адмирал т'Лехин, – он знал себе цену. – Я обладаю большим влиянием на родине. Если вы сохраните жизни мне и моей команде...

– Это у себя на родине ты шишка, а здесь ты никто, – снова скучающий зевок. – Здесь хозяин я, Хайнрих Шварц, командир сторожевого крейсера «Белая полярная лисичка, которая приходит к неудачникам в ключевые моменты жизни».

– Как? – несчастно переспросил т'Лехин.

– Уши мой или память тренируй, пискля. К тебе лисичка уже пришла, мересанец. Ладно, я сегодня добрый. Тот, второй корабль тоже сдается?

– Да, – хмуро ответил он.

– Если ты, мать твою, и впрямь хочешь, чтоб тебе оставили жизнь, советую меня не злить. Обращаться ко мне кротко и вежливо, называть «господин Шварц», – он криво усмехнулся. – Возможны варианты: «мой господин», «хозяин»... Ясно тебе, дебил?

Т'Лехин заскрипел зубами, но постарался ответить максимально кротко и вежливо:

– Да, господин Шварц.

– Парочка ускорителей у тебя осталась? Шлепай тогда малым ходом к станции, там разберемся. И второму скажи.

– Он не «Второй», господин Шварц. Он «Четвертый».

– Да насрать, – равнодушно отозвался тот. – Хоть тридцать восьмой с половиной минус корень из трех, так его и разэтак.

Шварц отключился. Он ощущал что-то вроде разочарования. Враг казался таким грозным, таким многочисленным... Он и не думал, что справится с мересанцами без поддержки. Нервно гадал поначалу: а успеет ли подойти резерв? Он готовился биться на пределе сил, выжимать последние крохи из ресурса орудий, костыми лечь, чтобы не пропустить вражеские линкоры. А в итоге – пшик. Нет, он был рад победе, но чтобы получить удовольствие от драки, надо как минимум подраться...

Это все надписи. Кто бы мог подумать, что мересанцы окажутся такими впечатлительными? Их буквально заморозило. А объемное произведение художественного искусства вовсе лишило воли. Шварц хмыкнул, в нем проснулось чувство гордости за свою оригинальную идею дизайна. Хорошее настроение стало возвращаться. Так он в рапорте и напишет: мол, благодаря качественно продуманной и организованной массированной психологической атаке...

Замигал вызов.

– Периметр, держитесь! К вам идут два ГС-крейсера резерва.

Шварц окинул станцию взглядом и понял, что еще паре крейсеров просто не хватит места.

– Вы что, охренели? – рявкнул он. – У меня шесть ГС-лоханок на станции висят, протолкнуться негде, на хрен еще вы мне тут сдались?

Секундное замешательство.

– Но мы идем на помощь.

– На какую, блин, помощь? Я разве просил о помощи? Я просто доложил о нападении на периметр. Семь мересанских линкоров уничтожено, два повреждены и взяты в плен, с нашей стороны потерь нет. Периметр не нарушен, сторожевая сеть функционирует.

– Вы отразили атаку девяти линкоров? – недоверчиво произнес собеседник. – Без потерь? Вы там, часом, с ума не сошли?

– Я по жизни сумасшедший, – доверительно сообщил Шварц. – Но на службе это сказывается самым положительным образом. Откуда бы вы ни шли – возвращайтесь, не тратьте топливо. Кроме шуток, тут такое столпотворение, что мне с вами даже выпить негде!

Отбились, с облегчением подумал Йозеф. Повреждения не смертельны. Горящий модуль на «Вейдере» заливали огнетушители. Выстояли. Все обошлось.

Он бросил взгляд на «Райскую молнию». Отремонтированная, во всей красе. Не так давно Йозеф загадывал, чтоб не пришлось встретиться с ней в бою. Встретились-таки. На одной стороне.

– Связь, – приказал он и бодро заорал: – Эй, Мрланк! Чего отмалчиваешься, зазнался? Дуй ко мне в гости, у докторши спирт попросим!

Видео немного запоздало по отношению к аудиоканалу, как обычно. Экран пошел полосами, затем прояснился, и на нем возникло изображение старпома с косичкой-баранкой.

– Ххнн Трагг, – представился он неловко. – Капитан ГС-линкора «Райская молния».

– Как это? – опешил Гржельчик. – А где Мрланк?

Бывший старпом отвел глаза.

– Нет больше Мрланка.

С губ сорвалось растерянное ругательство. Как же так? Йозеф все это время не переставал надеяться, что вампир выкарабкается из депрессии, что ему хватит воли к жизни. Он ведь уже начал оживать!

– Давно он умер? – спросил Гржельчик, помолчав.

– Погиб в бою, – уточнил старпом. Нет, теперь капитан. Вот же вилы! – Еще тогда, на обратном пути к Раю.

– Он погиб, а «Молния» цела?

Ххнн снова опустил взгляд.

– Долгая история.

Йозеф решительно махнул рукой и повторил приглашение:

– Слушай, Хрен, заходи на «Ийон». Такие истории надо глаза в глаза рассказывать, да обязательно под крепкий алкогольный напиток.

– Я не пью, – возразил Ххнн.

– Ну, так я выпью. Что за помин души без выпивки?

– И еще... меня зовут Ххнн.

Йозеф фыркнул.

– Я это ни за что не выговорю. А заниматься с логопедом стар уже. Придешь?

Ххнн вымученно улыбнулся и кивнул.

– Если подождешь немного. Сейчас вправлю мозги облежавшимся пассажирам и соберусь. Гржельчик, – он нерешительно поколебался, – у тебя гречка есть?

– Как не быть? – усмехнулся Йозеф. – Этого добра в каждом рейде вагон и маленькая тележка. Тащи реттихи и бьярц. И что там у тебя еще заваялось.

– Отбой тревоги, – бросила Василиса и откинулась на спинку кресла, убрав руки с пульта. – Доклад о состоянии всех систем.

Они победили. Поле боя осталось за крейсерами, из восьми врагов ушли лишь двое. Напряжение отпустило, и расслабленные ладони слегка дрожали. Отходняк. Лицо Васи было спокойно, но нет смысла врать самой себе: все могло кончиться плохо.

Она вполуха слушала рапорты. Пожар в правом модуле локализован и в течение часа будет потушен. Потеряно несколько орудий, три ускорителя по правому борту, кое-какое внешнее оборудование. Могло бы быть хуже. Было бы го-

раздо хуже, если бы «Ийон Тихий» не находился рядом. Он прикрывал медлительный «Анакин Скайуокер», пока мог, взял на себя половину врагов, самую опасную их половину, увел в сторону быстрые подвижные драккары и там вместе с «Райской молнией» перестрелял их. А потом они вернулись и разогнали эсминцы, кружащие, как стервятники, над крейсерам-инвалидом – гъдеане, почуяв слабину «Вейдера», сами не ушли бы. У Васи в жизни было несколько дней рождения, и сегодня случился еще один. Если бы не Гржельчик, сейчас на месте «Вейдера» клубилась бы пыль, а на далекой Земле мать заказывала бы молитву за упокой беспутной дочери. Мать с самого начала не одобряла ее профессию. Однажды кинула: «Если тебя так тянет к космосу, лучше бы работала проституткой в космопорту!» Н-да, в проституток редко палят из боевых лазеров.

Мать, конечно, не думала, что говорит. И она, Вася, по всему видать, в нее пошла. Что она наговорила Гржельчику, прости Господи? Аж вспомнить страшно. Зачем она это сделала? Она точно помнила, что не хотела его обидеть. Наоборот, была благодарна за шнурогрызок и за то, что согласился помочь с ремонтом. Может, не настолько благодарна, чтобы тут же лечь в постель, но вряд ли стоило спускать на мужика всех собак. Ну, поторопился немного... Она сама не понимала, что на нее нашло. Прямо наваждение какое-то. Словно не она это была, а какая-то другая Вася, злая, язвительная и совсем на нее не похожая. Терзаясь сомнениями, она спро-

сила у епископа Гурского, правильно ли поступила. Конечно, правильно, поддержал ее святой отец. Ты достойно отрицала грех прелюбодеяния и посрамила соблазнителя. Но почему-то душа ее не успокоилась. Лишь возникло понимание, что впредь она не станет обращаться к епископу за советами.

Надо извиниться перед Гржельчиком. И повод есть: бой закончен, время отдать друг другу должное, подвести итоги, принять какие-то решения. Василиса приказала готовить бот. И надела кружевное белье, чисто на всякий случай.

Гржельчик выпивал с каким-то вампиром. Пил даже не приличную водку, а медицинский спирт. У Василисы это вызвало безотчетное раздражение. Мало того что пьяница, еще и пьет что попало с кем попало!

– Вот так все и было, – произнес вампир, заканчивая какой-то рассказ, хмуро поднес к губам стопку и выпил, поморщившись.

Он не обратил на вошедшую никакого внимания, и это ее взбесило. Ну и что же, что он сидит к ней спиной! Это не оправдание.

– Что вам тут надо, Ткаченко? – ледяным тоном спросил Гржельчик.

Вампир обернулся и, расплывшись в улыбке, встал, предлагая ей стул. Она презрительно фыркнула и демонстративно обошла его.

– Послушайте, Йозеф, – ей пришлось сделать над собой усилие, чтобы сосредоточиться на цели своего прихода. –

Я... слегка погорячилась. Но и вы были хороши, – ох, не так она хотела сказать, но что сказано, то сказано. – Если бы вы не повели себя, как полный болван, то и я бы...

Господи, что я несу! Лоб Васи покрылся холодным потом. А лицо Гржельчика – пунцовыми пятнами.

– Кто вам дал право расхаживать по моему кораблю, как у себя дома, и вмешиваться в чужой разговор, Ткаченко? Я вас сюда не приглашал. Я занят, если не заметно.

– Заняты? – передразнила она. – Чем? Пьянством? Вы еще и алкаш, Гржельчик. Немудрено, что жена от вас ушла!

О Боже! Про жену-то зачем лягнула?

Гржельчик побагровел до кончиков ушей, из носа поползла красная струйка.

– Убирайтесь к черту, – прохрипел он.

– Подождите, – она попыталась взять себя в руки и начать снова. – Давайте поговорим, как взрослые люди. Я хочу просто... – она запнулась, внезапно забыв, что собиралась сказать.

– Хотите просто поиздеваться, да? – процедил Гржельчик. – Издевайтесь над своей командой, если она вам позволяет!

У Васи скрутило внутренности от обиды.

– Черствый придурок!

– Вон отсюда, Ткаченко!

– Да послушай меня, козел!

– Наслушался уже! – рявкнул он. – Пошла прочь, курва!

Не покинешь борт через пять минут – пристрелю, на хрен!

– Пьяная скотина, – бросила она в сердцах напоследок и хлопнула дверью. Вновь приоткрыла, крикнула: – Проспиритованный отморозок! – и хлопнула еще раз.

По пути к боту ее кольнуло. Что ты наделала? Разве за этим ты приезжала? Вернись, выставь вампира к чертям, скажи ему все, как думала. Повинись и помирись, пока еще не поздно... А кто-то жестокий внутри насмеялся: поздно, поздно. Лучше поздно, чем никогда – она сделала шаг назад. Иди, иди, зло смеялся внутренний голос. Ты будешь раскаиваться и репетировать просьбы о прощении ровно до двери. А когда ее откроешь, скажешь новую гадость, и станет еще хуже. У Васи потекли слезы. Почему так получается? Что за злобный чертенок дергает ее за язык?

Тягостное молчание нарушил Ххнн.

– У тебя кровь из носа идет.

– Подбери слюни, – огрызнулся Йозеф и, нашарив платок, аккуратно приложил его к ноздре.

За что она его невзлюбила? За что так иррационально мучает? Нет причин, нет смысла. Это какой-то фарс. Что-то часто это слово стало приходить на ум. Жизнь вытесняется фарсом, в котором больше трагического, чем комического. На что она тогда нужна?

И Мрланк вдобавок погиб.

Он поднял стопку, выпил молча, не чокаясь.

– Привет тебе от Калиоки, Хрен, – вспомнил Йозеф. – От моего второго, вы с ним еще в гонки соревновались. Третий месяц по больницам, операция за операцией. Если б не ты, умер бы уже. И не мучился бы, – добавил он печально.

– А ты сам давно у врача был? – осторожно поинтересовался Ххнн.

– Считаю, каждую неделю бываю, – буркнул Йозеф. – То ногу сломал, то нос... У меня скоро по рентгену превышение дозы будет.

– Переломы – это мелочи, – ну надо же! Гржельчик вот относился к переломам серьезно. Кости – каркас организма. – Ты бы проверился как следует. Кровь бы сдал на анализы, как у вас принято.

– Ты что-то заметил? – Йозеф отложил окровавленный платок.

После случая с Калиоки он стал доверять нюху шитанн. Чувствовал он себя преотвратно – помимо ноги и носа, болел бок, голова, поясница... Зуб еще разнылся, как назло. Так что он особо не удивился, когда Ххнн, помявшись, сказал:

– Извини, Гржельчик, день сегодня черный – все новости плохие. Я, конечно, эстет и все такое, большинство шитанн менее привередливы, но, по мне, твоя кровь для питья уже не годится.

Первое время Бен подсознательно ждал рассвета, потом

попривык. Рассвета не будет. Земли Ихстл – край вечной ночи. Темно, впрочем, не было. Не то чтобы очень светло – пришивать пуговицы он бы не решился. Яркие белые, желтые, зеленые, голубые фонари создавали ощущение непрерывных разноцветных сумерек. Суточный ритм был и здесь: сверкание рекламы днем, оживление уличного движения утром и вечером, светящиеся окна домов; в ту пору, что считалась ночью, окна гасли, огни города становились тусклее, а улицы – пустынное.

Пейзажи были сюрреалистичны. Светлая нитка утрамбованной дороги вела рейсовый снегоход среди тьмы. Затем по обе стороны дороги появились освещенные прожекторами огромные квадраты полей с чем-то невнятно зелененьким. Бен подивился, что в этом вечном сумраке умудряются расти какие-то растения. Спросил у старушки кетрейи, сидящей рядом с ним, что это. Бьярц, ответила она. Эйза рассказывала ему о бьярце. Из него готовят вкусную зеленую кашу. Странный знак, для которого губительны лучи даже слабого солнца Рая, а вот искусственный свет прекрасно подходит. Наверняка завезли с какой-то иной планеты, но Эйза таких тонкостей, конечно, не знала.

За полями начиналась деревня. Как с картинки: чистенькие снежные улицы с похрустывающим настом, столбы с проводами, аккуратные светлые домики с яркими прямоугольничками окон в занавесках, на крышах – ежики антенн. Легкие ажурные изгороди скорее декоративны, нежели пред-

назначены защитить что-то от вторжения или укрыть от чужих глаз. Во дворах – столы со светильниками, скамейки. Бен глазел в окно на мамочек, болтающих друг с другом и приглядывающих за малышами, что барахтались в снегу или лепили куличи, на девчонок шитанн, разложивших на столе электронные книги и делающих вид, что готовят какое-то задание, а на деле наверняка обсуждающих парней... В одном из дворов, откинувшись на спинку скамейки, дремала с блаженной улыбкой беременная шитанн в теплой шубе, рядом сидел пожилой кетреййи, флегматично полируя шкуркой какое-то изделие. В другом целовались подростки, шапки попадали в снег, черная головка и белая с одинаковыми косичками, не понять, где мальчик, где девочка. В некоторых дворах – ангары для транспорта: у кого-то наземные кары, похожие на обычные земные машины, только какие-то нелепые, у кого-то – аэромобили, маленькие летательные аппараты с вертикальным взлетом, использующие антигравитацию. Где аэромобили, там живут шитанн: права на воздушный транспорт кетреййи не дают. Впрочем, многие из тех и других довольствуются рейсовыми снегоходами.

– Смарцтхегин, – объявил водитель, и Бен, узнав название, вышел на остановке. Вместе с ним вышла и старушка кетреййи, бодро потопав в направлении, известном ей одной. Три девушки шитанн, закутавшиеся на морозе в шарфы-шали, шмыгнули в салон, разматывая их на ходу, расселись на свободные места.

Центр Смартцхегина был похож на центр любой деревни, где бы она ни находилась. Здание администрации, отделение стражи, магазин с баром, офис интернет-провайдера, стихийная дискотека с шумно развлекающейся молодежью.

– Помогите мне, хирра.

Магическая фраза привлекла внимание стража. Коса знакомого четверного плетения выбивалась у него из-под шапки. Он обернулся, коса исчезла за воротником.

– Э-э... – на лице блюстителя порядка отразилось замешательство. – Мужик, а ты вообще кто?

Бен вздохнул. Первый и главный вопрос, который задавали все, с кем сводил его путь.

– Я с Земли, хирра. Меня зовут Бен Райт.

– О-о, извините, хирра Бен. А мне-то помстилось, кетрейи крашенный.

Многие принимали его за крашеного кетрейи. Вопросом, на кой черт кетрейи краситься, никто не озадачивался. Кетрейи есть кетрейи, их поступки не всегда подвластны логике.

– Хорошо говорите по-нашему, хирра Бен, – сделал комплимент страж.

– Учитель был хороший, – он пожал плечами.

– Ну да, ну да. Верно. Так чего вы хотели-то, хирра Бен?

Бен протянул стражу список и ткнул в третий адрес.

– Можете объяснить, как туда добраться?

– Конечно, конечно, – покивал тот. – Деревня наша, вер-

но. Квартал Горки аккурат за горкой, вон за той, где детки на лыжах катаются. А 8-й дом... Ну, он и есть восьмой по счету, если с краю считать. Там, чтоб вам проще было, занавески на окнах зеленые, и спутниковая тарелка на крыше в зеленый цвет выкрашена. А чего вы, хирра Бен, если не секрет, у нас в деревне ищите? – любопытствовал страж.

– Девушку.

– Девушек сподручнее в городе искать, – засмеялся страж.

Бен вздохнул.

– Мне не любая девушка нужна, хирра. Только одна, без которой жизнь не в жизнь. Эйзза Ихстл. Может, знаете?

– Знаю, как же не знать, – хмыкнул разговорчивый шитанн. – Я тут всех знаю, работа такая. И впрямь, живет Эйзза Ихстл в 8-м доме. Да только не одна, а с мужем. Лучше бы вы, хирра Бен, другую девушку себе приглядели.

Он все-таки сходил проверить. Мало ли что, вдруг выдали Эйззу замуж. Ведь ни он ей ничего не обещал, ни она ему. Он постучал, и открыл светловолосый мальчишка лет шести. Сунул палец в рот и озадаченно уставился на гостя. Ладно, чего ожидать от маленького кетрейи, если взрослые шитанн тормозят, соображая, кто он такой.

В сених возились еще двое пацанов постарше, лет восьми-девяти, пытались чинить санки. Худенький шитанн вертел отломанную часть так и этак, раздумывая, а крепыш кетрейи стоял рядом, держа шуруповерт.

Бен понял, что снова попал в молоко. Два светловолосика

– явно ее дети, здешней Эйззы Ихстл. Это не его Эйзза.

– Мама! – позвал шестилетка.

Из-за тяжелой портьеры, прикрывающей вход в теплые комнаты, высунулась головка с белой косой и серыми глазами, а затем и вся женщина с пылесосом в руках.

– Мам, кто это? – малыш ткнул в Бена пальцем.

Молодая женщина растерянно улыбнулась.

– Не знаю, солнышко.

Не она. Можно прощаться и уходить.

– Да это землянин, – подсказал мальчик шитанн, наконец приладивший кусок пластика. – С «Хана Соло», небось, я про них ролик видел. В Генхсхе таких несколько десятков было.

– Спасибо, миленький, – проворковала Эйзза Ихстл.

– Я не с «Хана Соло», – поправил Бен. – С «Ийона Тихого». Наш крейсер сейчас на орбите.

– Круто, – восхищенно сказал пацан с шуруповертом. – А расскажите чего-нибудь про крейсер!

Женщину осенило:

– Хотите горячей каши?

Вот так всегда. Третий раз Бен попадал не туда, и ни разу ему не удавалось уйти без угощения. Кетрейи были удивительно доверчивы и гостеприимны. Они ничего о нем не знали: чужак с улицы, да еще и на вид странноватый, – но ни капельки не боялись и без всяких подозрений и сомнений сажали за стол. Вряд ли просто по глупости, глупые люди не

обязательно приветливы. Видимо, действительно были уверены, что их никто никогда не обидит. Прямо рай на земле. Название у планеты – в точку.

Бена проводили в комнату, где все уселись за большой стол – и мальчонка шитанн тоже, – и, пока готовилась каша, Бен честно рассказывал про крейсерам счастливо развесившим уши детишкам. А когда уходил, не та Эйсса Ихстл впихнула ему «на дорожку» мешочек с конфетами.

– Я ошиблась, – задумчиво сказала Салима.

– Мы оба ошиблись, – поправил Ларс. – По Нлакису, где мы ждали основного прорыва, так и не ударили.

Между их креслами висела остановленная голограмма: Ларс комментировал для Салимы схемы боев, составленные по рапортам капитанов.

– Не ударили, и хвала Аллаху, – отмахнулась она. – Это не то, о чем следует жалеть, а то, над чем стоит подумать. Вы делали прогноз, исходя из того, что во вражеской коалиции заправляет Ен Пиран, а чфеварскими силами командует Конг Ну Тоэ. Вы уверены, что это так?

– Нет, – признал Максимилиансен. – Сейчас достоверно известно, что Ена Пирана не было ни на одном из гъдеанских кораблей, участвовавших в налетах. А Конг Ну Тоэ, скорее всего, сложил голову в прошлом нападении на Рай, когда погибли все восемь драккаров. Но никакой другой определенной информации о вражеском командовании у нас нет, воз-

возможности разведки в иных мирах ограничены. Штаб вынужден строить свои прогнозы на зыбком основании. Неизбежное следствие этого – ошибки в деталях.

– Значит, необходимо расширить возможности разведки, – резюмировала Салима.

Старик хмыкнул.

– Как?

Она пожала плечами.

– Я не для того содержу штаб, чтобы самой искать ответы на все вопросы. Пусть напрягутся и подумают, прошерстят новые технологии и старые секреты.

Она погасила голограмму, изображающую сражение у Тсеты, и переключилась на схему боя у земного периметра.

– Этот момент важен, Ларс, но меня больше удивляет другая моя ошибка. Оборона периметра казалась мне недостаточной. Я полагала, что ее понадобится усилить резервом, когда враг начнет давить. И здесь-то с прогнозом все было четко: штаб знает адмирала т'Лехина и его нелюбовь к неожиданностям. Почему резерв не потребовался?

Главнокомандующий развел руками.

– Ну, в конце концов, к станции было пришвартовано четыре неисправных ГС-крейсера.

– Неисправных, в том-то и дело. Они могли стрелять, но двигаться, маневрировать, зажимать противника – нет. Что изменилось бы, не будь их? Стационарные орудия есть и на самой станции. В случае нужды сторожевики могли бы раз-

делиться: один – выйти навстречу, а второй – прикрывать станцию. Судя по рисунку боя, им не было никакой необходимости выходить против мересанцев вместе, – она прокрутила изображение назад, и над голографическим подиумом снова возникли девять синих корабликов и два голубых, побольше размером. – Видите? Сторожевики не атакуют вдвоем. Один спокойно дрейфует, второй столь же спокойно расстреливает три линкора, как охотник уток... Нет, даже не так, утки трепыхаются, вспархивают... Как лаборант – накачанных наркотиком мышек! Дальше – несколько минут нормального боя, а потом – видите, опять? Стрельба прекращается. Сторожевик движется медленно и плавно, словно нарочно предлагая себя подстрелить, но батареи молчат, и линкоры тупо скользят следом, будто одурманенные ишаки на веревочке. Я, конечно, не сильно разбираюсь в тактике, но это какой-то нонсенс, Ларс! В чем дело? Что вы там бормочете?

– Я говорю, что адмирал т'Лехин, вероятно, столкнулся с нелюбимыми им неожиданностями. Это он их не любит, а капитан Шварц так просто обожает.

– Пожалуйста, поподробнее, Ларс.

– Шварц докладывает, что устроил мересанцам двухэтапную психологическую атаку, которая дезориентировала и затуманила их сознание.

– Интересно, – промолвила Салима. – И нетривиально. Мне кажется, надо поощрить командира, столь творчески

подходящего к сражению. Познакомьте меня с ним, Ларс.

Максимилиансен помялся.

– Салима, он вам не понравится.

Она подняла бровь.

– Почему вы так думаете? Умные командиры, способные применить в бою оригинальную идею, всегда вызывают у меня симпатию.

Главнокомандующий вздохнул.

– Не так давно, Салима, я рассказывал вам о Мрланке Селдхреди. Вампир, который показал мне... ну, вы помните. Так вот, они со Шварцем – одного поля ягоды. Только Шварц еще хуже. Он не конкретизировал, что это была за психологическая атака, а я не уточнял, ибо хочу сохранить здравый ум и далее. Но не удивлюсь, если он построил всех своих бойцов перед экранами и велел на счет «три» снять штаны и начать сра... извините, делать по-большому.

Салима подавила улыбку.

– Неужели это может выбить врага из колеи?

– А вас бы не выбило?

– Ну, я все-таки скромная дама, – будь Ларс помоложе и поглупее, может, и поверил бы. – Но умудренные опытом капитаны, закрутившие в боях?

– Вы себе просто не представляете, какое это производит впечатление, – он покачал головой, снова вспомнив Мрланкову задницу, будь она неладна. – Тут ведь дело не столько в отвратности демонстрируемого объекта или процесса,

как таковой. Главную роль играет неожиданность. Вы подсознательно ждете от врага вполне определенных враждебных действий. Скажем, десантник, ворвавшийся на чужой корабль, должен стрелять, выкрикивая угрозы. А он виляет задом и говорит: дай я тебя поцелую. И – все. Когнитивный диссонанс. Мозг зависает, а хорошему десантнику доли секунды достаточно, чтобы обезвредить противника.

– Очень, очень любопытно, – согласилась Салима. – Познакомьте меня с этим Шварцем, Ларс. Обязательно.

Земли Трагг располагаются на дневной стороне. Это еще страннее, чем вечная ночь: розоватое небо с переливающимися багрянцем облаками и неподвижный красный диск, горящий все время в одном и том же месте небосвода. Если руководствоваться земными ощущениями, в Эккре круглые сутки одиннадцать утра.

Здесь было тепло, а местные щеголяли в основном с косячками-баранками. Недавно Бена удивляли одинаковые кося четверного плетения у мужчин и женщин, а теперь это казалось уже естественным, баранки же выглядели чем-то чужим, непривычным. Может, и не стоит бороться с этим впечатлением: он ведь собирается стать Ихстл. Как и всегда при этой мысли, по спине пробежал холодок. Ему понравилось в землях Ихстл, и он с удовольствием поселился бы в такой деревне, как Смартцхегин, но... Вступить в клан – это больше, чем жить на клановых землях.

Куртку и шапку Бен оставил в камере хранения стратопорта и теперь щеголял налегке. Полосатая трикотажная тельняшка вполне сходила за герру, а тонкий бледно-желтый жилет с развевающимися полами – сайртак – пришлось купить, без него неприлично. Крестик слегка охлаждал кожу, прячась под воротом тельняшки.

Следуя указаниям стража, Бен нашел нужный дом, поднялся на тридцать пятый этаж и позвонил. Звонок отозвался чудным переливом.

Дверь отъехала в сторону – здесь, в Раю, Бен ни разу не видел дверей на петлях: либо едущие в пазах, как в лифте, либо складывающиеся в гармошку, как в древних троллейбусах. За дверью стоял шитанн чуть постарше Бена с пультом-ленивкой в руке. Темнокожий Трагг с баранкой, одет подомашнему – без сайртака, босиком.

– Чего надо? – осведомился он, с сомнением разглядывая визитера.

Кетрейи всегда были приветливы, а шитанн – лишь под настроение.

– Эйцца Ихстл здесь живет? – спросил Бен.

– Если и здесь, то что тебе за дело? – Трагг смерил его взглядом. – Ты кто такой, а? Родственником ее ты быть не можешь. Женихом – тоже, с цепочкой-то.

С точки зрения шшерцев, цепочка на шее – не украшение, а знак физической немощи. Парню, недостаточно здоровому, чтобы поделиться своей кровью, не позволено жениться.

Трагг презрительно хмыкнул и подцепил ногтем цепочку Бена. Крестик выпал из-за ворота.

– Сто червей могильных! – выругался шитанн и отдернул руку, будто обжегся. – Что ты носишь, урод?

– Сам ты урод, – Бен бережно запихнул крестик обратно. – А я – землянин. Христианин, между прочим, – он посмотрел на шитанн с вызовом.

Трагг окинул его новым взглядом и буркнул:

– С «Хана Соло», что ли? Извини.

– С «Ийона Тихого», – поправил Бен.

Каждый раз приходилось поправлять. «Хан Соло» здесь все знали и понимали, чем обязаны. Спасшиеся с крейсера, подобранные сторожевыми катерами, жили в гостинице в Генхсхе, пока не появился «Анакин Скайуокер», взявший их на борт; за это время к ним не заглянул только самый нерадивый корреспондент СМИ. «Ийон Тихий» такой известности не имел. Вроде бы сообщали, что недавно был бой, два крейсера отразили атаку восьми вражеских кораблей. Говорили, что «Анакин Скайуокер» подал заявку на ремонт и, наверное, сядет в Генхсхе сегодня-завтра. А «Ийон»... не погиб, не поврежден – чего о нем рассусоливать?

– Ладно, все равно извини, – проскрипел Трагг. – Просто смахиваешь на очень наглого кетрейи, любителя выпендриваться. А я не люблю, когда выпендриваются. Так зачем тебе Эйза нужна?

– Ну... я ее люблю, – какой смысл ходить вокруг да около?

– Не отдам, – решительно заявил шитанн. – Будь ты даже с «Хана Соло», все равно не отдал бы. Я ее сам люблю.

– А она тебя любит? – скептически уточнил Бен.

– Ясное дело! Уехала бы она с мужиком из чужого клана, если б не любила? Дурацких вопросов-то не задавай.

– Дай хоть поговорить, – попросил Бен.

– Нечего с ней разговаривать, – набычился шитанн. – Ты уедешь, а она маяться будет. Ей голову заморочить – много не надо.

Сам, небось, и заморочил, неприязненно подумал Бен. Но тут зашелестели шаги, и из-за спины Трагга, ласково обхватив его за пояс, с любопытством выглянула беленькая девушка с косой.

– Хирра, кто это?

– Тип, который тебя любит, – зыркнув исподлобья на Бена, проворчал шитанн.

– Правда-а? – польщенно протянула девушка. – Но я его не знаю.

– Черт, – разочарованно проговорил Бен. Эта Эйза была последней в его списке. Он так надеялся! Но нет, он не узнавал это лицо. Глаза похожи цветом, и все. – Это не она. Прости, Трагг. Счастья вам.

Дьёрдь Галаци вновь придвинул к себе ноутбук и перечитал написанное.

«Ваше высокопреосвященство!

Довожу до вашего сведения, что шесть богомерзких шитанн покинули борт «Ийона Тихого». Боюсь, что это единственная новость, которой я могу вас порадовать.

Сейчас крейсер находится на дальней орбите Шшерского Рая, в нарушение приказа командования, который, насколько мне известно, гласил, истребив шнуругрызок на «Анакине Скайуокере», идти к Нлакису. Вместо этого капитан Гржельчик распорядился остаться у Рая и ввязался в бой с гьдеанами и чфеварцами. Благодаря участию «Ийона Тихого» периметр Рая не был пройден, и «Анакин Скайуокер» отделался несколькими повреждениями, которые скоро будут устранены. Так что все, по воле Господа, обернулось к лучшему, однако пренебрежение капитана Гржельчика к приказам главнокомандующего не может не беспокоить».

Дьёрдь поразмыслил с минуту и исправил точку на восклицательный знак.

«Ваше высокопреосвященство, настроение капитана Гржельчика внушает мне нешуточную тревогу. Он пребывает в депрессии, усугубляемой физическими недугами. Работать с ним крайне тяжело, и не в последнюю очередь из-за его негативного отношения к попыткам вызвать его на откровенность. Мне удалось побеседовать с ним, как пастырю, всего один-два раза, и открывшееся мне состояние его души меня ужаснуло. Ангел-хранитель определенно покинул его. Капитан Гржельчик уже дважды находился в непосредственной близости к самоубийству, а этот шаг, помимо пагубных

последствий для души капитана, привел бы к падению духа у экипажа «Ийона Тихого» и лег бы пятном на весь флот, значение репутации которого в этой войне нельзя переоценить. Кроме того, я опасаюсь, что тяга капитана к суициду может обернуться неадекватным поведением в бою и, как следствие, гибелью корабля».

Смерти епископ не боялся. Он был готов к встрече с Господом в любую минуту. Но на этом корабле полным-полно грешников, души которых он наверняка не успеет спасти, и еще больше атеистов, мусульман и всяких еретиков, которым он вообще никак не сможет помочь.

«Душевное неблагополучие капитана Гржельчика делает его психику нестабильной, а присутствие рядом крейсера «Анакин Скайуокер» расшатывает ее еще сильнее. Конфликт капитана Гржельчика и капитана Ткаченко может, учитывая занимаемые ими посты, вылиться в вооруженное столкновение между двумя крейсерами Земли. Я ежечасно молюсь, дабы ни один из них не утратил должный самоконтроль, но это как раз тот случай, когда молитвы надо поддерживать решительными мерами. Настоятельно прошу вас способствовать скорейшему отстранению капитана Гржельчика от командования кораблем и его возвращению на Землю, где ему надлежит пребывать под патронажем Церкви для врачевания души и тщательного расследования причин создавшейся ситуации».

Он тяжело вздохнул и приписал:

«По моему скромному разумению, сия ситуация сложилась не случайно. В ее формировании и развитии явственно чувствуется длань дьявола».

Некоторое время Бен потерянно бродил по улицам Эккра. Последняя ниточка к Эйззе оборвалась. Но не могла же она сгинуть бесследно? Он просто неправильно искал. В чем он допустил ошибку? Может, надо было не в Генхсхе спрашивать, а ехать сразу в земли Ихстл в надежде, что своих стража знает лучше? Да нет, глупости: базы данных едины. А может быть...

Его внезапно осенило. Возраст – вот где он прокололся! Забыл об этих эффектах замедления времени. Эйзза ходила на субсветовых кораблях. На вид ей чуть больше двадцати, но родилась она гораздо раньше, чем двадцать лет назад. Если часто бывала в рейсах, то *намного* раньше. А в базах данных указан не биологический возраст, а год рождения.

Он заспешил к ближайшему отделению стражи.

– Помогите мне, хирра. Я ищу девушку. То есть не совсем девушку. Если по документам – зрелую женщину. Может, и пожилую.

Дама-стражница благосклонно выслушала его сбивчивый рассказ о замедлении времени в субсветовых полетах. Спросила мягко:

– Вы хоть примерно год рождения представляете?

– Нет, – поник он.

– Вы можете вообразить, сколько их, Эйзз Ихстл, по всему Раю? – сочувственно проговорила она. – Поколение назад это имя было очень популярно. Я распечатаю вам список, хирра Бен. Исключу из него всех шитанн, всех моложе двадцати пяти, всех достоверно умерших... Но вам придется потратить не одну неделю и не две, чтобы проверить эти адреса.

«Ийон Тихий» не станет ждать его. Уйдет выполнять очередную боевую задачу. Бен вдохнул и выдохнул. Уйдет – значит, уйдет. Он продолжит искать Эйззу.

– Распечатывайте. Только, пожалуйста, – он построил умоляющую физиономию, – продублируйте транслитом на хантском хотя бы города.

Спустя пять минут у него в руках была огромная простыня. Пятьдесят три адреса, и почти все – в разных населенных пунктах. Даже если посещать в день два-три из них – никак не меньше трех недель. При том, что денег он взял с собой на неделю. Но, может быть, он наткнется на свою Эйззу раньше. Ведь может ему повезти?

Пленным Хайнрих Шварц немедленно нашел работу. Какой смысл в пленных, если они только жрут и кислород расходуют? Пусть приносят пользу. Мересанцы восстанавливали поврежденные надписи на «Песце». А еще расписывали «Михалыч» и ГС-крейсера: увидев психологический эффект, все капитаны пожелали иметь такие же надписи на сво-

их бортах.

Такие же – это скучно, считал Хайнрих. Ключ к успеху – разнообразие. Встретившись с одним кораблем, враг не должен знать, чего ожидать от другого. И он напряг мозги. Из памяти были извлечены нетленки, которым на поверхности «Песца» банально не хватило места: «Не стой под стрелой», «Здесь зарыт кабель», «При пожаре звонить 911»... Надпись «За рулем чайник» почему-то не понравилась капитану «Джона Шепарда». Нет проблем, сказал Хайнрих, и велел мересанцам закрасить ее, а сверху написать: «Еду, как могу». Кит Левиц поскрипел зубами, но больше спорить не стал: ну его, этого Шварца. «Михалыч» украсился лозунгами «Танки грязи не боятся» и «Подайте на ГС-привод», по другому борту располагалась реклама: «Уничтожение крыс и тараканов» и «Ритуальные услуги».

Сдача в плен двух экипажей мересанцев в полном составе сильно стеснила команды крейсеров, вынужденных болтаться на станции, пока не кончится ремонт. А еще сколько спасательных капсул с теми же мересанцами приняли! Однако земляне не роптали. Теснота – это ерунда. Зато сколько бесплатных рабочих рук для ремонта! Мересанцы, кстати говоря, были в полном ужасе, осознав, что все инструменты для ремонтных работ у землян электрические. Увы, жизнь на станции была непосредственно связана с электричеством, начиная с ламп освещения и кондиционеров и заканчивая системами обороны. Пленным казалось, что они попали в ад.

Шварц был счастлив. Довести клиента до дрожи в коленях, вообще ничего при этом не делая, только включая и выключая свет – это практически осуществленная мечта. Ремонт мересанцы воспринимали, как пытку, но вынуждены были стараться, чтобы заработать награду – полдня малярных работ, то, чего контингент станции как раз хотел бы избежать: ползание снаружи кораблей в скафандре и орудование валиком вручную, чисто ради того, чтобы удовлетворить эстетические потребности коменданта.

Шварц наконец твердо решил внести изменения в рисунок на своем корабле. Все же шитанн – союзники. Не дай Бог, увидят и не так поймут. Пассивную роль должен играть мересанец, однозначно. Раздумывая над этим, он вошел в столовую, даже не заметив, как все притихли.

Рядовые мересанцы боялись Шварца примерно так же, как солдаты и рабочие с крейсеров – без особой причины, на всякий случай. Но высший офицерский состав обрел в его лице воплощенный кошмар. Адмирал т'Лехин инстинктивно пригнулся над своей тарелкой в надежде, что изверг его не заметит. Ага, как же! Кит Левиц, заговорщически подмигнув капитану «Джеймса Кирка», указал Шварцу на тот угол, где за чужими спинами пытался скрыться адмирал.

– Приятного аппетита, мать твою, – радостно улыбаясь во все тридцать два зуба, пожелал Хайнрих, плюхаясь на стул напротив.

Адмирал выдавил судорожную улыбку. С появлением

Шварца аппетит у него начисто пропал.

– Спасибо, господин Шварц, – пренебрегать вежливостью т'Лехин не смел. Сумасшедший Шварц пугал его до одури. – И вам того же.

– А я сюда не жрать пришел, в рот тебе шланг, – адмирал вздрогнул; выражения, употребляемые Шварцем, напрочь лишали его какой-либо уверенности в реальности. Шварц отнюдь не собирался быть вежливым к поверженному противнику, не за это он жалованье получает. – У меня к тебе, синий половой орган, деловое предложение.

– Да, господин Шварц, – несчастно промолвил т'Лехин.

– Видел рисунок на моем корабле? – у адмирала булькнуло в горле, и Хайнрих довольно кивнул. – Ага, видел. Мне он кажется неправильным, девка продажная. А ты как думаешь?

Проклятый рисунок т'Лехину каждую ночь снился. Он *кажется* Шварцу неправильным? Да в нем неправильно *все*, до малейшей детали!

– Я... согласен с вами, господин Шварц, – просипел адмирал.

– Вот и хорошо, – одобрил тот. – Согласие – основа сотрудничества, – когда Шварц говорил *так*, адмирала это пугало еще больше. Чем выше слог, тем больше будет падать с этой высоты. – Мне в этом рисунке не нравится шитанн. А тебе?

– Мне вообще шитанн не нравятся, – кисло произнес

т'Лехин и, спохватившись, почтительно добавил: – Господин Шварц.

– Вот! – обрадовался Хайнрих. – Мересанец смотрелся бы лучше, правда?

– Разумеется, мы лучше кровохлёбов, – адмирал почувствовал себя на своем поле. – Во всех отношениях, – он на самом деле так думал. Но заморочить ему голову удалось лишь на короткое время. Он наконец сообразил, в каком именно отношении Шварц предпочитает мересанца шитанн. – Ч-что? Что вы хотите?

Шварц широко улыбнулся.

– Позировать художнику не желаешь?

Т'Лехин подавился и побледнел, кровь отхлынула от щек. Потом вновь прилила, лицо пошло синими пятнами. Капитаны с интересом наблюдали за метаморфозами. Они немного сочувствовали т'Лехину: над тем, кого Шварц избрал жертвой, грех злорадствовать, даже если он враг. Право, адмиралу стоило простить его выступление против Земли хотя бы за то, что теперь Шварц достает его, а не Кита Левица и не Сяо Чжу. Какой смысл терзать своих, когда есть пленник – естественная кандидатура для придирок, злых шуток и стравливания яда? Сейчас Шварц выльет свой яд на не в меру впечатлительного мересанца, потопчется по нему и уйдет удовлетворенный. И все будут до смерти рады: комендант – тому, что потешился, капитаны – тому, что не над ними, а адмирал – тому, что только на словах.

А за соседним столиком, тихо переговариваясь, ждут своей очереди еще четыре иезуита. Заскучавшие епископы теперь, вместо того чтобы лезть с советами и чтением морали к капитанам, промывают мозги мересанцам. Уйдет Шварц – они подсядут к т'Лехину и начнут глаголить о смирении, прощении и утешении. Может, и преуспеют. Чтобы не свихнуться с этим Шварцем, за любую религию ухватишься.

Главное – верить в успех. И Бену действительно повезло. Он вышел из очередного дома Ихстл, где его ждала неудача, и проходил через заснеженный скверик, когда буквально наткнулся на женщину шитанн, уронившую что-то в снег и пытавшуюся шарить в сугробе. На груди у женщины висел закутанный ребенок, и наклоняться ей было неудобно. Бен присел на корточки, разворошил сугроб и выудил магнитную карту – ту, что служит шшерцам и документом, и средством платежа.

– Из кармана выпала, – шитанн наградила его извиняющейся улыбкой и неожиданным поцелуем в щеку. – Спасибо, золотко.

Она шагнула к скамейке, смахнула снег и присела, возясь со своим карманом и заклинившей молнией. Ребенок мешал; она отстегнула его и сунула Бену. Делать нечего – тот взял пухлое одеяльце, внутри которого посапывал маленький вампирчик, сел рядом. Странно было держать на коленях спящего ребенка. Будет ли у него когда-нибудь свой? Ес-

ли он не найдет Эйззу, то не будет. Что за смысл жениться без любви? Шитанн возилась долго. Он вопросительно посмотрел на нее.

– Может, я лучше разберусь, хирра?

– А ты поймешь, что там к чему? Ой, – она взглянула на него и смутилась. – Ты же не кетреййи, да?

– Землянин я, – он отдал ей ребенка и, найдя слетевший зубчик молнии, подправил его, зажав железными пальцами.

– Что землянину делать в наших краях? – удивилась она. – Космопорты отсюда далеко.

– Я девушку ищу, – вздохнул он. – В космосе познакомились. Она служила в вашем военном флоте.

Шитанн улыбнулась искоса.

– Девушки редко служат в военном флоте. Но я знала одну, – припомнила она. – Эйзза Ихстл, на «Райской молнии» ходила.

У Бена чуть сердце не выпрыгнуло.

– Правда? Вы ее знаете? Боже мой, я ведь как раз ее ищу!

– Хорошая девушка, – сказала шитанн. – Я бы с ума сошла одна в чужом городе, если б не Эйзза. Мой муж был на «Райском громе», я приехала его встречать, а «Гром» не вернулся...

В благодарность за весть об Эйззе Бену захотелось осчастливить эту женщину.

– На «Громе» были выжившие! – воскликнул он. – Может, и ваш муж среди них? Зигленк Арранц, Аддарекх Кенцца,

Винк Трагг, Каггер Шшер...

До него дошло. Идиот! Среди спасенных не было ни одного Ихстла.

Она тоже поняла. Заплакала молча, а чуть позже, уткнувшись в грудь Бена – в голос. Ребенок заворочался, и это привело ее в чувство. Вытерла слезы рукавом, расстегнула боковую молнию куртки, достала грудь – прямо на морозе и ничуть не стесняясь Бена. Ребенок сонно зачмокал.

– Ты не там ее ищешь, свою Эйззу, – глухо проговорила она. – Из Сейхка она была.

Точно, Сейхк! Его словно вспышкой озарило: Эйзза ведь упоминала о своем родном городе. Он развернул список, пробежал глазами – да, вот он, адрес в Сейхке! Если бы не эта женщина, он, забывчивый растяпа, добрался бы до Сейхка к концу третьей недели.

– Найдешь ее – передай привет и наилучшие пожелания от Ттеирры Ихстл.

– Обязательно! – с энтузиазмом пообещал он.

Беленькое личико крошечного сумеречника разгладилось, губки выпустили сосок. Ттеирра застегнулась и подняла глаза на Бена. Он был почти счастлив, а она – несчастна и одинока. Он ощутил неловкость.

– А можно я тебя укушу, милый? – прошептала она жалобно. – Ребенок столько сил забирает... Можно, а?

Он зажмурился.

– Можно.

– Пойдем ко мне, – она встала и потянула его за собой. – Идем, здесь холодно.

Джеронимо Натта ворвался в кабинет главнокомандующего без доклада. Рука старичка дрогнула, и драгоценная коньячная капля пролилась мимо.

– Черт побери! – рявкнул он. – Надо стучаться, бога душу мать!

– Не богохульствуйте! – гневно ответил кардинал и, взмахнув полой мантии, сел за стол на место посетителя. – Главнокомандующий, нам нужно серьезно поговорить.

– Ваше высокопреосвященство, у меня нет времени для разговоров на богоугодные темы.

Подобно многим пожилым людям, Ларс задумывался о смерти. Однако специально заботиться о спасении своей души полагал излишним. Бог сам разберется, кому по башке кочергой – и в ад, а кого зачислить в отряд архангелов. Без ложной скромности, он считал себя вполне достойным архангельского звания. И кому, как не ему, беззаветно служившему родине в небе без малого сотню лет? Ну, а если Бог сочтет его заслуги недостаточными, мнение какого-то попа ничего не изменит.

– Зря вы так говорите, – заметил кардинал. – Богу, несомненно, угодно благополучие вверенного вам флота. Станете отрицать?

– Нет, – буркнул Максимилиансен, тщательно вытер про-

литые капли, обтер бутылку и аккуратно докапал в чашку необходимую дозу. – Хорошо, излагайте.

– Один из ваших капитанов беспокоит Церковь.

– Только один? – усмехнулся Ларс. Космические вояки, как на подбор – безбожники. Не со зла, просто они и так живут на небесах.

– Смех здесь неуместен! – отрезал Натта. – От епископа Галаци поступили весьма тревожащие сведения о капитане Гржельчике. Он... ненадежен. Возможно, его душа в когтях врага рода человеческого.

Дед закатил глаза. Как пить дать, капитан спьяну нахамил епископу, может, к черту послал, а тот обиделся и кинулся писать цидульку. Конечно, Гржельчик – сукин сын еще тот, и обломать его давно пора, но обвинять его в связи с дьяволом – это кликушество какое-то.

– Руководствуясь исключительно благими побуждениями, – сделал акцент кардинал, видимо, не уверенный, что главнокомандующий автоматически считает все его побуждения благими, – я рекомендую немедленно отозвать капитана Гржельчика на Землю и передать в руки Церкви.

Ларс поболтал в кофе ложечкой.

– Это все, ваше высокопреосвященство?

– Это очень важно, главнокомандующий, – Натта проявил настойчивость. – Поверьте мне! Я не подвергаю сомнению вашу компетентность в ведении войны, но вы не умеете бороться с дьяволом. Испокон веку с этим противником сра-

жаемся мы.

– Я подумаю, что можно сделать, – уклончиво ответил Ларс.

– Подумайте, главнокомандующий. Очень хорошо подумайте. А главное – думайте быстрее.

Он резко встал – полы красной мантии взметнулись – и вышел, подчеркнуто аккуратно закрыв за собой дверь.

Старик возмущенно фыркнул и накапал себе еще коньяку. Ну нет, каким бы ублюдком ни был Гржельчик, этим инквизиторам он его не отдаст. Он же не какой-нибудь Ртхинн Фййк, чтобы так подставить собственного капитана. Гржельчик нужен ему в бою, а не в келье для кающихся грешников. Он вызвал по электронной связи адъютанта.

– Оформите и отправьте приказ для «Ийона Тихого» – как только он сможет покинуть орбиту Рая без ущерба обороне, идти к Нлакису. И не возвращаться на Землю ни в коем случае. Постарайтесь, чтобы Гржельчик хорошо это понял, – Максимилиансен поморщился: что-что, а понимать приказы проклятый Гржельчик порой умудрялся творчески. – Ни под каким видом не возвращаться! Понадобится ремонт – пусть ремонтируется у вампиров или на Тсете... да хоть на Ханте, после сочтемся.

Бен приехал в Сейхк поздним утром. Ночевал он у Тте-ирры. Его преследовала неотвязная мысль, что он поступает неправильно, проводя ночь с другой женщиной перед встре-

чей с любимой. Но Ттеирра так на него смотрела, что отказать язык не повернулся. Не столько кровь ей была нужна, сколько ласка. Ладно, он ничего не скажет Эйззе... С другой стороны, если он собирается здесь жить, надо взглянуть в глаза правде и понять: так всегда и будет. Он вступит в клан, и его кровь станет принадлежать шитанн клана, и сам он тоже. Сейчас он думал, что не так это ужасно, как казалось. Он побывал во множестве городов и деревень Ихстл, и ему понравились местные. И ни одной уродливой, действительно вызывающей неприятие женщины шитанн ему не попадалось, даже старухи выглядели достойно.

Но острый клык Ттеирры оставил след. Эйзза непременно заметит. Спросит: ты что, стал кетрейи? А чуть погодя поинтересуется: кто она? Он вспомнил, как ревниво рассматривал шрамы на ее шее. Дурень!

Сейхк был небольшим городом, рядом – компьютерный завод, где, как понял Бен, работало большинство населения. На окраинах домики строились малоэтажные, с дворами, как в деревне. От центра Бен шел пешком, наблюдая, как сменяются широкие расчищенные улицы, залитые огнями рекламы, тихими снежными дорожками со скрипучим настом под ногами, отходящими от магистральной трассы. В небе красовались два лунных серпика: тонкий белый и розовый, потолще. А между ними посверкивали искры метеорного дождя – обломки кораблей еще с той, первой битвы у Рая начали входить в атмосферу и постепенно сгорать, этаким са-

лют в честь погибшего «Хана Соло». Бен постоял немного, отдавая дань памяти капитану Смирнову – уж если шитанн объявили его героем, землянину сам Бог велел почтить павшего соотечественника.

Он миновал освещенную теплым желтым светом фонаря детскую площадку с визжащей малышней – наверное, и Эйзза тут играла, когда была маленькой – и свернул к дому 64 с белоснежными занавесками за фиолетовыми рамами.

Открыл симпатичный дедок, тепло одетый, с простенькими желтыми бусами на сморщенной шее. Вышел из возраста, видать, самого кровь не греет.

– Мне бы Эйззу, – приветливо улыбнулся Бен. Сердце стучало.

– Какую такую Эйззу? – искренне удивился дедок.

Нет! Не может быть. Он не мог ошибиться, это же ее город – Сейхк, это ее адрес.

– Эйзза Ихстл! – умоляюще проговорил он. Может, у дедушки маразм или склероз? Что такое маразм и склероз для кетрейи? Они всю жизнь в этом состоянии. – Она здесь живет. Пожалуйста, вспомните!

Старичок нахмурился, погрузившись в нелегкую мыслительную работу.

– Нет у нас никакой Эйззы, – развел руками виновато. – И не было никогда. Я всех помню. И детей, и внуков – на работе они. И правнуков – на площадке играют. Нет Эйззы.

– Была.

У внутренней двери стояла старушка, еще более древняя, маленькая и полненькая. Шурша вязаной накидкой поверх сайртака, она прошелестела вперед, встала рядом с дедом, ласково приклонив голову к его плечу, и с любопытством посмотрела на Бена чистыми голубыми глазами Эйззы. Он словно увидел перед собой постаревшую Эйззу: дорогие черты лица, искореженные временем... И твердо уверился в том, что попал по адресу. Это дом Эйззы, это ее родные, иначе просто быть не может.

– Тебе нужна Эйзза? – переспросила бабуля.

– Да, очень нужна. Вы же ее знаете! Такая милая девушка, на вид лет двадцать – двадцать пять, служит в космическом флоте.

Бабушка молчала так долго, что у Бена кошки стали царапаться внутри.

– В детстве у меня была сестра по имени Эйзза, – произнесла она наконец дребезжащим голосом. – Герт не знает, он тогда еще не был моим мужем. Я помню ее девушкой, но мы уже давно-давно ее не видели. Сейчас она старушка, как и я. Мы близнецы.

Бог мой! Эйзза – ровесница этой бабули. Наверное, когда-нибудь она станет такой же. Кулон на высохшей шее, костлявые пальцы... Только глаза, ничуть не изменившиеся, на старом лице, да густая белая несedeющая коса.

– Эйзза не старушка, – возразил он. – В космических рейсах время идет по-другому. Она до сих пор молодая. Я хочу

на ней жениться! Пожалуйста, скажите, где она?

Эйззина сестра грустно улыбнулась.

– Молодая? Смешно. Тебе виднее, милый. Мы плохо понимаем. Но я действительно не знаю, где она. Много-много лет назад ее увел капитан Ччайкар, один из самых уважаемых шитанн нашего клана. Помню, я ей завидовала, а она еще капризничала – мол, на что ей этот космос?

Вне любых сомнений, это о его Эйззе.

– Не может быть, чтобы вы не виделись, – он сделал еще одну попытку. – Она до сих пор зарегистрирована по этому адресу. Она должна жить тут, иначе бы...

Сестра вздохнула.

– Я не знаю, как должно быть, милый. Но она уехала с хирра Ччайкаром в космопорт, и все. Она ни разу не приезжала. И что ей здесь делать? Племянники выросли без нее; парень, которому она строила глазки, женился, наплодил детей и внуков и умер несколько лет назад. Если она служит во флоте, то там и живет. На корабле, в портовых гостиницах... Там и ищи.

Бен молча поклонился старикам и пошел прочь. Снова неудача. Он был уверен, что теперь-то обязательно встретится с Эйззой, и оттого удар судьбы по носу еще больше и обиднее. Пожилая пара сочувственно смотрела ему вслед.

Йозеф кое-как проковылял к столу, прислонил к нему костыли и сел на кушетку. Докторша делала вид, что его не за-

мечает.

– Клара, не томи, – сказал он. – Рассказывай.

Она со вздохом подняла рыжую голову от ноутбука.

– Анализы не слишком достоверны, капитан. Надо бы повторить.

– Прекращай пудрить мне мозги. Ты уже столько крови из меня выцедила, что трем голодным вампирам хватит. Говори!

Она помялась.

– Кэп, у вас иммунодефицит.

Что? Он неверяще покачал головой. Это у него-то? У примерного семьянина, приличного человека?

– Вздор! Откуда?

– Вот я и о том же. Давайте переделаем...

Он тяжело вздохнул.

– Сколько можно переделывать? Оставь, – и спросил совсем другим тоном: – Я хоть до Рождества доживу?

– Не знаю, кэп, – осторожно ответила Клара, будто чувствуя вину – непонятно, за что. – Как вернемся на Землю, пройдите обследование.

Он невесело хмыкнул.

– Может, до Рождества и не вернемся. Пришел новый приказ. Мы болтаемся здесь, пока не отремонтируют «Вейдер», потом сразу идем к Нлакису и торчим там до второго пришествия.

– А запасы? Продовольствие, топливо?

– Здесь и заправимся. Вызовем челнок из Генхсха, так и так шшерцы нам должны. Чувствую, после этого рейса нас от реттихи воротить будет, – несмешно пошутил он.

Клара глядела, как он неумело собирает свои костыли, чертыхается, когда они путаются, тяжело переваливаясь, плетется к выходу. Хуже нет, когда знаешь, а ничего сделать не можешь. Анализы Гржельчика она изучила досконально. Не доживет он до Рождества. Не доживет, хоть обколи его лекарствами со всех сторон.

В доках Генхсха стоял «Анакин Скайуокер». Земляне расползлись по космопорту, заполонили гостиницу, и Бену уже никто не удивлялся.

В поисках Эйззы Ихстл он обошел все гостиницы, попытался навести справки о реестре «Райской молнии», был заподозрен в шпионаже и чуть не арестован: к информации о военных кораблях тут относились так же серьезно, как на Земле. Когда все разъяснилось, была установлена его личность и причины нездорового любопытства, безопасник космопорта сжалился и сообщил, что Эйзза Ихстл была списана с борта еще добрых два месяца назад.

Бен зашел в тупик. Где ее теперь искать? Он развернул простыню с адресами и уставился на них. Какой смысл? Эту бумагу спокойно можно выбросить. Если Эйззы нет в Сейхке, в родном доме, то какова вероятность того, что она найдется по чужому адресу? Он свернул бумагу в несколько раз

и со вздохом отправил ее в мусоросборник.

– Хирра, это не вы безопасников про Эйззу Ихстл пытали?

Бен обернулся. Местный страж в расстегнутой темно-серой форменной куртке, черные волосы до плеч стянуты ремешком на лбу, в руке пластиковый стаканчик с реттихи, в другой руке – синяя котлета, Бен видел такие в буфете, но не решился попробовать.

– Извините, хирра. Я случайно увидел ваш список. А тут еще ребята рассказывали, что какой-то влюбленный инопланетянин службу безопасности на уши поднял. Меня зовут Шшагил Генхсх.

– Бен Райт, – представился он.

– Возьмите себе что-нибудь выпить, хирра Бен. Я вас вон за тем столиком подожду, – страж кивнул на свободное место в углу.

Реттихи Бену уже порядком надоел, да и давление поднимает. Он взял на пробу какой-то страшно дорогой сок в причудливом стакане и подсел к стражу.

– Железный сок пьете? – Шшагил Генхсх улыбнулся. – Что, есть надобность? О-о, вас кто-то укусил, – наметанный взгляд скользнул по шее. – Вы давали разрешение?

– Да, – за эту ночь с Ттеиррой ему до сих пор было неудобно.

– Поразительно! Вы очень странный землянин, хирра Бен. Первый раз вижу землянина, который разрешает себя кусать. Бен вздохнул.

– Я собираюсь вступить в клан Ихстл, жениться на кетрейи и жить здесь. К чему откладывать неизбежное?

Шшагил Генхсх расправился с котлетой.

– Вы хотите жениться на Эйззе Ихстл, я правильно понял? Я знаю эту девушку с «Райской молнии», видел ее дважды, у меня хорошая память. У нее вечно проблемы. Я не думаю, что вы на ней женитесь, хирра Бен. Она замужем.

Бен охнул. Вот это удар!

– Ее муж мертв.

Сердце снова забилося.

– Я знаю, что на многих планетах не так, но у нас вступают в брак лишь один раз. Вы не сможете жить с ней здесь. Разве что увезете к себе.

– Я бы с удовольствием! – воскликнул Бен. – Если она согласится. Вы знаете, как ее найти?

– Да, знаю, потому и завел разговор с вами. Эйзза Ихстл уехала отсюда вместе с Айцтраной Селдхреди, шитанн.

– Не с Мрланком Селдхреди? – удивился он.

– Встречались с ним? – страж поднял бровь. – Неприятный был тип. Айцтрана Селдхреди – его жена.

– Был? – встрепнулся Бен. – Он что, тоже умер?

– Геройски погиб. Заполучив посмертно Золотое Солнце, – добавил Шшагил. – Из-за него Селдхреди вышли на первое место в рейтинге кланов... Впрочем, простите, вам это неинтересно. Хирра Бен, в базе можно найти точный адрес Айцтраны Селдхреди и номер ее коммуникатора.

– Салима, ваш повар сегодня превзошел самого себя, – полномочный посол Содружества Планет на Земле удовлетворенно откинулся на спинку кресла и, скомкав салфетку, положил ее рядом с пустой тарелкой и столь же пустым бокалом.

Женщина улыбнулась.

– Ну, а вы, Веранну, нынче превосходите самого себя в таинственности. Я же вижу, что-то вертится у вас на языке.

– Ах, Салима, мне просто не хотелось отвлекать вас от вкушения этих бесподобных яств прозой нашей работы, – сокрушенно признался тсетианин.

– Дайте угадаю, – она прищурилась. – Мересань просит о переговорах.

Веранну засмеялся.

– Почему вы всегда угадываете?

– Знаете, Веранну, – заговорщически прошептала Салима, как будто выдавая секрет, – есть такая штука – логика.

Посол захохотал в голос. Обычно он был более сдержан и интеллигентен. Но рассказывать тсетианину о логике... ну, это как рыбе – о воде.

– Итак, – Салима взялась за свой любимый свежавыжатый сок, – чего хотят мересанцы?

– Они приносят извинения за нарушение границ вашего сектора. По их версии, это произошло совершенно случайно, – тсетианин состроил потешную гримасу.

– Ну, разумеется, – согласилась Салима. – А срабатывание орудий – это, конечно, результат пренебрежения надежными электрическими схемами, заурядный сбой систем.

– Примерно так, – кивнул Веранну.

– Эта сказка у них не пройдет, – сказала Салима. – Есть записи боя, свидетельства множества очевидцев, протоколы допросов адмирала т'Лехина и его офицеров, наконец.

– По-моему, они всерьез и не рассчитывали, что это пройдет. Так, попытка сохранить лицо.

– Надеюсь, они не обвиняют нас в том, что мы цинично расстреляли их линкоры, нечаянно заблудившиеся у нашего периметра?

– Нет, Салима. Наглость мересанского координатора имеет определенные пределы. Возможно, они проходят не там, где вам хотелось бы, но в целом т'Согидин человек здравомыслящий.

– Он требует отдать пленных?

– Просит, Салима, скромно просит. Освободить пленных и вернуть корабли.

Салима издала смешок.

– Вернуть корабли? Может, их еще и отремонтировать?

Веранну не стал скрывать улыбку.

– Полагаю, это более чем устроило бы координатора т'Согидина. Но, как я уже упоминал, его наглость...

– Да-да, имеет пределы. Никаких кораблей, Веранну. Все, что уцелело от их линкоров, мы конфискуем. Что касается

людей – пусть присылают невооруженный транспорт и забирают. Но лишь после того, как оплатят расходы на их содержание, материальный ущерб от их нападения и моральные издержки – скажем, двадцать процентов.

– Я так и передам, – практичность Салимы импонировала тсетианину.

– Еще одно, Веранну. Т'Лехина я не отдам. Я не враг себе: едва адмирал прибудет на Мересань, как тут же возглавит новый рейд. Казнить его вроде не за что, но отпускать – значит, готовить себе лишнюю головную боль. До конца войны адмирал останется у нас. Мересанцы могут поторговаться за процент моральных издержек, но этот пункт не обсуждается.

Посол понимающе кивнул.

– Думаю, будет разумно, если вы поприсутствуете при обмене пленных на ценности, – сказала Салима. – В ближайшие дни я отправляюсь на станцию периметра на крейсере «Максим Каммерер». Вы можете ко мне присоединиться, чтобы не ползти на каботажнике.

– Благодарю за любезное предложение, Салима, – поклонился тсетианин. – Я непременно им воспользуюсь.

Коммуникатор Айцтраны не отвечал. Бен звонил несколько раз: из отделения стражи, из стратопорта Селдхреди, со станции в Шаркките. Абонент недоступен.

Шарккит оказался деревней, такой же, как Смартхегин, утопающей в снегу, лунном свете и разноцветных пятнах фо-

нарей. Такой, да не такой. Люди на улицах не носили кос – раньше Бену косы у мужчин казались противоестественными, а теперь короткие «ежики» вызывали ощущение чего-то странного. Забавно, ведь у Бена точно такая же стрижка. Кто-нибудь может принять его за Селдхреди. Строили в Шаркките тоже по-иному, чем в деревнях Ихстл: дворы не квадратами, а треугольниками, и откосы крыш другой формы.

Привычно спросив дорогу у стража, Бен направился к дому Мрланка. То есть Айцтраны. Он никак не мог свыкнуться с мыслью, что капитан Мрланк погиб. Он желал ему этого столько раз, что и не сосчитать, но не думал почему-то, что это случится на самом деле. А теперь даже жалко стало. Нормальный был капитан. Ну, зато сердце Эйззы нынче свободно.

Дом у Айцтраны был большой. По всему видать, не бедствовали. То есть даже не так, здесь никто не бедствовал, но эта семья не скромничала и не экономила. Интересно, какое жалованье получает капитан ГС-линкора? *Получал.* Черт!

Во дворе шло строительство. К дому достраивали что-то напоминающее сауну. Будь Бен на Земле, так и сказал бы: сауну строят. Но в Раю он ни разу не видел сауны. Душевые кабины и ванны – это да, самой разнообразной конструкции и функций, тридцать три удовольствия в одном. А заваливающей баньки не было.

Бен прошел к дому по снежной целине и постучал. Никто

не ответил. Он постучал снова. Молчание. Бен вдруг заметил, что окна темны и тропинка к входу не протоптана. Никого нет.

Он двинулся вдоль стены на шум строительных работ, завернул за угол. Кетрейи полосовали какое-то бревно на доски электрической пилой, еще один ходил вокруг каркаса постройки и прикладывал ко всему уровень с пузырьком воздуха.

– Привет! – позвал Бен. – А где хозяйева?

– А не знаем, – беспечно откликнулся один из пильщиков, выключив свою жужжалку. – Уехали, наверное. Не очень спокойно в доме жить, когда тут такой тарарам.

– Что же они – уехали, а вам ничего не сказали? А когда приедут?

– Мы правда не знаем. Какая нам разница?

– Но рассчитаться-то с вами должны?

– Они с бригадиром рассчитаются, – сказал второй. – А он нам отдаст, сколько надо.

Бригадир! Наверняка шитанн.

– А бригадир где?

– Так это, уехал. Чего ему стоять тут с нами, мерзнуть?

Он говорит нам, что делать, и уезжает.

– Ладно, а когда он появится?

– Ну, послезавтра, может быть.

Ничего себе! Бен ожидал, что он подойдет через пару, в крайнем случае пяток часов.

– Ну, а что вы хотели, хирра? У него таких строек... – мужик выставил пальцы обеих рук, – десять! – с гордостью объявил он. – Или даже больше.

Бен прислонился плечом к недостроенной конструкции. Все напрасно. Неделя долой, а ничего не достигнуто. Но хуже всего то, что Бен перестал видеть перспективу. Он был готов к долгим поискам, но он больше не знал, где искать. Совсем.

– Вы не расстраивайтесь так, хирра. Хотите реттихи горяченького? – мужик сунул ему термос.

– Нет, спасибо, – он покачал головой, повернулся и пошел обратно, спотыкаясь в снегу.

– Дурак! – сказал второй кетрейи товарищу с термосом. – Надо было крови предложить.

– Сам дурак, – отмахнулся тот, отпивая реттихи. – Он не шитанн.

– А кто?

– А черви его знают...

Начальник охраны разбудил Ортленну среди ночи. Она села на кровати, кутаясь в одеяло.

– Риннк, в чем дело?

– Земная база на связи, – сообщил пожилой шитанн.

Захар распорядился отдать Ортленне запасную радиостанцию. Маломощную, но хоть какая-то связь.

– Что им надо в такое время? – удивилась она. – Ночь же

глухая.

Риннк Цаххайн пожал плечами.

– Не знаю, но что-то важное. Они держат связь и ждут тебя.

Ортленна вдруг испугалась. Земляне вызывают ее в неурочный час явно не для того, чтобы поболтать или пригласить в гости. Что-то случилось. Нападение? Авария? Она вскочила, сунула ноги в тапочки и поспешно завернулась в накидку. Волосы! На ночь Ортленна распускала свой пучок. Смущаясь, она принялась сматывать черные пряди, втыкая шпильки. Охранник отвел глаза. Цаххайнам проще: всего лишь немного лака.

– Слушаю, – ворвавшись на дежурный пост охраны, она натянула наушники. – Ортленна Лис.

– Ортленна, это Захар, – не любит он официально представляться. Неужели не знает, что все разговоры записываются? Знает, конечно, сам же, небось, и распоряжается записывать. Но формальностями пренебрегает. – Наши с орбиты передают, подошел линкор «Райская молния».

Сон моментально слетел. Корабль здесь! Почему же капитан сам не сообщил на рудник? Дура, выругала она себя, нормальной связи ведь нет.

– Ортленна, к вам спускаются шаттлы с людьми и оборудованием. Готовьтесь принять.

Она не переставала верить, что это когда-нибудь произойдет, а когда произошло, показалось нереальным чудом. Она

не ожидала чуда прямо сейчас. Ждала любых неприятностей, самых страшных, а о хорошем боялась думать, чтобы не спугнуть. И не спугнула! Вот оно, чудо, падает с неба в руки.

– Захар, – прерывающимся от счастья голосом прошептала она, – спасибо.

Если бы он был рядом, она бы его поцеловала.

– Да не за что, – мягко рассмеялся он.

Да просто так!

Медицинский комплекс в Урхентейсте был огромен. Полтора десятка строений, в том числе многоэтажных, раскинулись среди деревьев с густыми фиолетовыми кронами, которые тянулись к зависшему в небе солнцу. Белокурая работница мыла из шланга ограду. По тропинкам гуляли выздоравливающие, у подъездов, далеко не уходя, беседовали доктора в свободные минуты. Болтали, расположившись на скамейках с бутылками железного сока, здоровые дюжие молодцы и полнотелые женщины кетрейи из разных кланов – штатные доноры, которым платили только за то, чтобы всегда были под рукой. С центральной площадки взлетали и садились медицинские аэромобили, разноцветные цветочные головки пригибались под воздушными потоками. А из боковых ворот несколько раз в день выносили носилки с телами, обмотанными белой материей с головой, и отдавали плачущим родственникам и близким. Эйза не любила ту-

да смотреть. Она боялась оказаться не сегодня-завтра среди этих безутешных близких.

Окна гостиницы выходили прямо на больничный комплекс. Лучший во всем Раю, так сказала хирра Айцтрана. Именно поэтому они приехали сюда прямо из Генхсха, не теряя времени. Эйза выходила на просторный балкон номера – удивительное сооружение, на сумеречной стороне ничего подобного не строят, – и рассматривала больничные корпуса. Их схему она уже выучила в подробностях. Родильное отделение, травмпункт, хирургия, инфекционный корпус, амбулатория... реанимация. Пластиковые тонированные окна, системы климат-контроля на подоконниках. Она могла точно сказать, за каким окном располагается бокс 8-344. Она могла бы сказать наверняка, где сейчас находится хирра Айцтрана. Дверь в бокс напротив окна, а чуть левее двери, в углу – банкетка, где позволяют сидеть посетителям, если они не нарушают правил. Сидеть и смотреть на мониторы с мертвыми, строго одинаковыми пульсациями электрических сигналов. Хирра Айцтрана объясняла, что сигналы идут с приборов: искусственное сердце, искусственные почки, искусственные легкие... Все искусственное. Эйза тогда в ужасе спросила:

– Что, у него и отросток теперь искусственный?

Шитанн засмеялась и потрепала Эйзу по щеке. Нынче Айцтрана редко смеялась.

Эйза тоже время от времени сидела на этой банкетке, за-

меня Айцтрану. А если они обе не могли, Айцтрана отправляла на дежурство сразу двух парней Селдхреди, которых привезла с собой. Он не должен оставаться один, говорила она, ей это казалось очень важным. Несколько раз приезжали сыновья – ненадолго, на день-два, у младшего сына проблемы со свадьбой, невеста тоже в больнице, только в другой, а старшему не так легко вырваться с Розовой Луны, где он работает. Всерьез рассчитывать на их помощь нельзя. Айцтране оставалось надеяться, что на двоих блондинов хватит ума не делать глупостей и соблюдать больничные правила, чтобы их не выперли с запретом на посещение. Если честно, она не очень на них полагалась. На Эйззу – да. У девушки достало сообразительности раздобыть ее номер и срочно вызвать из Шарккита, и она успела вовремя. Официальное сообщение от космофлота пришло через сутки. Промедли она сутки, в Генхсхе ей выдали бы тело, замотанное в белое. Айцтрана доверяла Эйззе. Но опереться на нее в полной мере не могла: Эйзза ждала ребенка, ей нужен был нормальный сон, прогулки, горячее питание... и хоть немного положительных эмоций. А с последним дело обстояло не очень.

Первое время Эйзза плакала, потому что боялась за хирра Мрланка. Но невозможно бояться неделями, месяцами... С этим страхом свыкаешься, живешь с ним, как с недобрым старым знакомым. Каждый день встаешь и каждый вечер ложишься, думая о нем. Страх перестает колоть ножом в сердце, притупляется, и сквозь его поредевшие колючки просту-

пает иная боль. На «Райской молнии» Эйзза потеряла мужа. Всего-то ничего они прожили в браке. Как она радовалась, выйдя замуж! Стейрр был замечательным – добрым, красивым, ласковым, он так классно танцевал, так круто дрался, так любил ее... У них могло бы быть много-много детей, четыре или даже пять. Теперь – все. Его больше нет, он остался на сброшенном модуле. По кораблю пошла волна детонации, и проблему решили хирургическим путем. Возможно, Стейрр был еще жив, когда «Молния» отстыковала левый модуль, кинув всех, кто там был, на верную смерть. Теперь Эйззе вековать свой век в одиночку – без мужа, без детей... кроме одного ребенка, да и тот – не его.

Хирра Мрланк сказал, что это ребенок Бена Райта. Если бы Бен был кетрейи, она вышла бы за него замуж – за него, не за Стейрра. Но Бен – инопланетянин. У него своя жизнь, где-то далеко. Космос огромный; скорее всего, они больше не встретятся. А если и встретятся? Еще хуже, она теперь замужняя женщина. Одно страдание!

Плакать о Бене бессмысленно, он – не для нее. Да и что о нем плакать? Он наверняка жив, вероятно, здоров и, возможно, даже счастлив. А о Стейрре плакать поздно. И Эйзза снова плакала о Мрланке. Многие говорили о нем, как о мертвом, но хирра Айцтрана сказала: клиническая смерть – это еще не абсолютный конец. Если он захочет жить, то вернется. Она говорила так и смаргивала слезы, сама не веря, что он захочет. Когда они виделись в прошлый раз, он

готовился принять смерть. Она не верила, но все же надеялась. Эйза и верила, и надеялась. Она видела хирра Мрланка позже и совсем в другом состоянии духа. Но врачи были настроены скептически, и Эйза опять начинала бояться – бояться, что потеряет и его.

Врачи избегали говорить с Айцтраной, а она опасалась заговаривать с ними – все предпочитали молчать, чтобы не нарушать хрупкое равновесие. Но Эйза была вне этого заговора молчания. Она таскалась за докторами и с надеждой спрашивала, что будет с хирра Мрланком. И тем приходилось отвечать, не отмахиваться же от беременной кетрейи.

– Процесс идет своим чередом, мышка. Не надо волноваться. Мы делаем все возможное.

– Все будет в порядке, – сказал главный врач. Соврал, поняла потом Эйза. Через несколько дней он отозвал ее в коридор и сказал совсем другое:

– Девочка, ты ведь близка с хирра Айцтраной. Может, тебя она послушает. Скажи ей, что это надо прекратить. Она тратит деньги и время впустую. Пускай она отпустит его, позволит перейти на иной план бытия. Скажи ей, милая!

Эйза испуганно помотала головой. Как она может такое сказать?

– Не буду я ничего говорить. Хирра Айцтрана сама решает. И правильно делает, что не отступается, – добавила.

Он воздел глаза вверх, бросил вполголоса:

– Такая же сумасшедшая! – и ушел, а она вернулась на

свою банкетку.

Подходить к пациенту не разрешалось. Только сиди и смотри издалека. Но как тут удержаться? Однажды Эйза украдкой подошла – если бы засек кто-то из медицинского персонала, выгнали бы вон и занесли в «черный список», но она была очень осторожна. Она ни за что не стала бы нарушать правила, но ведь с такого расстояния даже не разглядеть, есть ли там кто-то за нагромождением приборов, проводов и трубок. А ей так хотелось! Она подкралась, стараясь ничего не задеть, и попыталась заглянуть в лицо. Лучше бы она этого не делала, потом весь день проплакала. Лицо казалось совершенно неживым, угловатым, кости черепа выпирали под обвисшей кожей. Трубки, всунутые в рот, искажали и уродовали его. Создавалось впечатление, что это не человек, а какая-то кукла, мертвая часть мертвого прибора. Пятясь, Эйза отступила в угол с банкеткой и просидела до вечера, съежившись и роняя слезы. Больше она не подходила.

Станция приближалась. Даже с большого расстояния чувствовалось, что там людно. Были видны два пришвартованных ГС-крейсера и сторожевики. Ларс подозревал, что с противоположной стороны стыковочные узлы тоже заняты.

– Как мы туда подойдем? – недоуменно спросил посол Содружества Планет.

– Используя ускорители, – проворчал Максимилиансен. Ему с самого начала не нравилась эта идея. Но Салима

уперлась: хочу посетить орбитальную станцию периметра. А то, чего хочет координатор, должно быть исполнено. Ищи теперь место для парковки...

– Такаши, свяжитесь со Шварцем, – буркнул главнокомандующий. – Пусть обеспечит нам стыковку.

«Максим Каммерер» давно тормозил, но скорость сближения со станцией была еще достаточно велика. Точки быстро превратились в жучков, потом в игрушечные кораблики...

– На них что-то написано, – промолвила Салима.

Такаши услужливо включил увеличение. Буквы на борту «Джеймса Кирка» выросли и сложились в надпись: «Берегись поезда!» Рядом была изображена взбесившаяся электричка, полным зубов ртом (он у нее был!) перекусывающая человека пополам. Судя по характерным признакам – синей окраске и гарнитуре, – несчастный являлся мересанцем. Ларс досадливо поморщился.

Тем временем крейсер естественным образом приблизился еще больше, и под этим сюрреализмом стала видна более мелкая надпись, гласившая: «Курс на пенис!». Ларс мысленно застонал.

– Что имеется в виду? – спросил тсетианин с академическим интересом. – Данный корабль сообщает, что идет этим курсом?

– Скорее уж он предлагает встать на него всем остальным, – процедил Максимилиансен. – Такаши, что вы меди-

тируете? Выключите, к черту, экраны, если они мешают вам работать. Салима, я предупреждал. Может, развернемся да полетим обратно на Землю, от греха подальше?

– Ну что вы, Ларс, – проворковала координатор. – Здесь чрезвычайно интересно.

– Станция на связи, – сообщил капитан Такаши.

Картина окружающего космического пространства на одном из экранов сменилась изображением бритоголового мужика лет пятидесяти с несколько ошеломленной физиономией.

– Какого хрена вы тут делаете? – заорал он.

– Шварц! – гаркнул Ларс. – Выбирайте выражения! Это я главнокомандующий, а не вы. Быстро дайте нам стыковку. У меня на борту координатор Земли и посол Содружества Планет.

Лицо коменданта вытянулось.

– Иметь – не переиметь... Какой, к матери, координатор?

– Вы не знаете, кто на Земле координатор? – рассвирепел главнокомандующий. Шварцу, возможно, и не было видно, что Салима в рубке, но мог же не материться хотя бы при упоминании координатора.

Шварц икнул.

– Знаю, главнокомандующий.

– Где свободный стыковочный узел?

– С той стороны, – он неопределенно махнул головой. – Можете обойти справа...

Заработали бортовые ускорители. «Максим Каммерер», повинувшись капитану Такаши, повернул, огибая станцию.

– Нет! – панически завопил вдруг Шварц, что-то вспомнив. – Не справа! Слева!

– Станция круглая, доберемся и справа, – махнул рукой Ларс.

– Нет! Вернитесь, мать!..

– Да прекратите уже, – жестко оборвал его Максимилиансен и прервал связь.

А в следующий момент пожалел, что не послушал коменданта. Потому что увидел «Песец», а на нем такое... Ей-богу, лучше бы проклятый Мрланк еще раз показал ему задницу!

– Салима, не смотрите, – быстро проговорил он, опасаясь, что придется срочно ловить падающую в обморок даму. – Может быть, вам лучше пройти в каюту...

Она взглянула на него насмешливо и снисходительно:

– Ларс, я координатор, а не школьница, и падать без чувств из-за каких-то картинок не собираюсь. А вы-то что замечались? Вы тоже не школьник.

– Как тсетианину, мне, конечно, все равно, – осторожно заметил Веранну. – У нас не принято осуждать сексуальное поведение других людей, это нелогично и аморально. Но как посол Созвездия, я не могу не выразить протест. Я подозреваю, что шшерцы могут счесть это изображение оскорбительным для себя.

– Думаю, капитану Шварцу придется дать вам исчерпы-

вающие объяснения, – многообещающе произнесла Салима.

Войдя с балкона в комнату, Эйза прикрыла дверь, скинула пушистую желтую накидку и стала одеваться. Длинное трикотажное платье, уже слегка тесноватое в животе, голубое, под цвет глаз; сверху белый воздушный сайртак с завязкой под самой грудью, при ходьбе легкие полы развевались сзади, как крылышки.

– Я ухажу, – предупредила она парней Селдхреди, смотрящих фильм. Те кивнули, не отвлекаясь. Она напонила: – Закажите для хирра Айцтраны обед.

Они хорошие ребята, помогают Айцтране и Эйззе, как только в их силах, но им обо всем надо напоминать и во всем руководить. Оба еще не женаты. Чтобы жить семьей нормально, им надо подобрать умную жену, вроде Эйззы, но Эйзза уже не для них.

От гостиницы до больницы – лишь перейти дорогу. Эйза вошла в калитку для посетителей, поздоровавшись с дежурной, повернула по аллее направо, огибая главный корпус. Медики и служащие окликали ее, приветствуя – Эйззу тут знали хорошо. Этим путем она ходила каждый день. У подъезда родильного отделения в кружевной тени деревьев болтали акушерки – все, конечно, шитанн, и многие – с двумя хвостами волос по бокам головы. Урхентейст находится в землях крупнейшего клана, и, хотя в больших городах живут самые разные люди, большинство все же относится к клану

Шшер.

Одна из акушерок погрозила девушке пальчиком:

– Давно не заходишь!

– Времени нет, хирра, – виновато ответила Эйза.

– Сидеть с мертвецом у тебя время есть, – она поджала губы, – а позаботиться о собственном ребенке – нет? Чтоб завтра явилась на осмотр! Обещаешь?

– Да, хирра, – со вздохом согласилась Эйза и поскорее пошла дальше, чтобы ее не потащили на осмотр немедленно. Завтра она придет пораньше, а сейчас уже некогда.

Дверь реанимационного корпуса захлопнулась за ней. Дежурный кивнул, она поздоровалась. Лифт; на третьем этаже в кабину шагнул знакомый врач.

– Без изменений, – сказал он на ее немой вопрос. – Хуже не становится. Выше нос, мышка.

Этот доктор ей нравился. Никогда не врал, но при этом умудрялся подбодрить. Тоже Шшер.

Выйдя на восьмом этаже, она двинулась к боксу 8-344, здороваясь со встречными медиками и родственниками других пациентов. Они менялись: одни выздоравливали, другие умирали, появлялись новые, – и родственники, задержавшиеся здесь на время, достаточное, чтобы начать узнавать друг друга и приветствовать, исчезали, радостные или опечаленные. А Эйза и Айцтрана оставались. Покинут ли они когда-нибудь Урхентейст? И желать ли этого? Желания часто сбываются не так, как хотелось бы.

Айцтрана вышла навстречу Эйззе. Обняла, прижалась смуглой щекой к теплой белой щечке. В глазах стояли слезы, лицо отчаявшееся.

– Что-то случилось, хирра? – обмерев, прошептала Эйзза.

– Ничего, миленькая. Просто я много думала, – Эйзза понимающе кивнула: много думать – тяжелая работа, а хуже всего то, что мысли думаются одна другой мрачнее. – Я так устала! – хирра Айцтрана несколько раз всхлипнула, вытерла слезы платком и всхлипнула снова, вцепившись в ее сайртак. – Эйзза, я ужасно устала. Я не могу больше. Это же можно с ума сойти!

– Хирра Айцтрана, идите в гостиницу, – сочувственно проговорила Эйзза. – Съешьте обед, возьмите в постель одного из мальчиков, поспите, и все пройдет.

Не пройдет. Кажется, она научилась врать. Большое достижение для кетрейи.

– Эйзза, как ты считаешь, он поправится? – Айцтрана потерянно прислонилась спиной к стене, глядя на Эйззу глазами, в которых угасала надежда.

Девушка сглотнула. Это шитанн ее спрашивает? Что она может сказать ей? Она ничего не знает и не понимает в жизни. Но что-то ей подсказывало: если она так и ответит хирра Айцтране, то добьет ее, и без того едва держащуюся.

– Конечно, поправится, хирра, – произнесла она так убедительно, как только умела, и утешающе поцеловала шитанн в мокрую щеку. – Он хотел жить. Он обязательно вернется.

Все будет хорошо.

– Спасибо, миленькая, – шмыгнув носом, пробормотала Айцтрана и скользнула к лифту.

Выйдя из корпуса, она включила коммуникатор: в реанимации запрещалось пользоваться беспроводной связью. Равнодушно просмотрела запись о каких-то пропущенных звонках с незнакомых номеров, пожалала плечами и стерла. Все, что ее волновало, было здесь, в этом здании, а она и так постоянно тут – звонить незачем.

В эту ночь никто на руднике больше не спал. Предстоящий отъезд – раньше гипотетический, а теперь ставший реальностью, – всех взбудоражил. Вроде и собирать было нечего: что наживешь на безлюдной, безжизненной планете хоть за четыре года, хоть за все десять? Собрать багаж – дело пяти минут: документы, средства личной гигиены, кое-какая одежда – немного, то, что еще не истрепалось за эти годы. Но люди в радостном возбуждении копошились со своими сумками – может быть, ради самого процесса; пили бесконечный реттихи, переговаривались. То и дело бегали на поверхность посмотреть, не мелькнет ли в темном небе искра челнока. Зачем? С поста охраны ведется наблюдение, всех оповестят вовремя, никто не опоздает встретить долгожданную смену. Просто так, потому что куда-то надо девать эмоции.

Первый челнок сел рано утром, в лучах зеленого золота. Открылись люки, пассажиры в масках начали выбирать-

ся наружу со своей поклажей. Новые рабочие, инженеры, охрана, обслуживающий персонал. Впервые ступив на иную планету, они с любопытством озирались, восхищенно и настороженно. Без конца теребили и поправляли непривычные еще дыхательные маски. Пройдет месяц-другой, и надеть маску при выходе на поверхность станет естественным, словно куртку или сапоги.

Один из пилотов подошел к Ортленне с электронным органайзером.

– Вы тут главная? Я – Хьеррел Цигтвенали. Давайте я скину вам накладные на груз. И отрядите кого-нибудь разгружать челнок, эти, – он снисходительно кивнул на разинувших рты пассажиров, – сейчас не в состоянии выполнять какую-либо осмысленную деятельность. Даже шитанн, – он усмехнулся.

Ничего, они придут в чувство. Когда-то и Ортленна была такой. Разберутся, где тут что и кто есть кто, пообвыкнутся. Ортленна окликнула нескольких мужчин кетрейи, глазевших на новеньких, велела заняться разгрузкой.

Хьеррел закончил перекачку накладных, протянул Ортленне кристалл памяти.

– Через два часа сядет еще один пилотируемый шаттл. Затем – беспилотник, тоже с грузом. Мы поможем посадить его по радиосвязи и оставим здесь. Толку от него немного, кроме автоматического старта. Хирра Криййхан распорядился, чтобы у вас был корабль, способный выйти на орбиту по за-

программированному курсу. На всякий случай.

Она не стала уточнять, какой. За эти четыре года подобный случай наставал не раз, а кораблей не было. Вернее, были вначале, а потом их разбомбили гъдеане. Корабль не спрячешь в подземелье.

– Его также удобно использовать для доставки груза на орбиту. Когда за траинитом придет следующий транспорт, запустите беспилотник. Они его выловят, а вам пришлют другой такой же корабль.

– Спасибо, – поблагодарила Ортленна. – Как я должна подтвердить получение?

– Мы привезли вам ква-девайс. Свяжетесь с руководством и доложите.

Она спрятала кристалл памяти в папку.

– Сейчас я размещу прибывших. А потом, если не возражаете, приглашу вас на реттихи.

– Разумеется, не возражаю. И второго тоже? Скритх, иди сюда!

Второй пилот, молодой Цаххайн, был занят. Позабыв обо всем, он обнимался с начальником охраны. У седого Риннка, бестрепетно пережившего самые страшные дни, текли слезы. Слезы счастья.

– Ты вырос, – прошептал он. – Ты стал совсем взрослым. Жаль, мама не дожила.

– Риннк! – позвала его Ортленна.

Они подошли вместе, и начальник охраны, подтолкнув

вперед вдруг засмушавшегося второго пилота, проговорил гордо:

– Ортленна, позволь представить тебе моего младшенького.

Хайнрих Шварц снарядом ворвался в столовую.

– Хватит жрать! Синие, на выход! Малярные работы отменяются, – мересанцы загрустили. – Ремонт тоже, – настроение пленных робко поползло вверх. – Тряпки в зубы, и чтоб через пятнадцать минут на станции блестели все полы, стены и в особенности унитазы! Не успеете, самки четвероногих животных – казню каждого десятого! На электрическом стуле, – добавил он для пушего эффекта, и эффект не замедлил проявиться: мересанцы в ужасе ринулись за тряпками.

Он лихорадочно огляделся.

– Где этот гребаный т'Лехин? Он же вечно здесь жрет! И не толстеет, сука.

Кит Левиц издал смешок:

– За тряпкой побежал.

– В рот ему эту тряпку! А вы чего расселись? Если через пятнадцать минут все ваши дармоеды не будут выглядеть, как подобает бравым космолетчикам, по всей форме, то каждого десятого... нет! Я просто затяну ваш ремонт до бесконечности, пока не сдохнете здесь от старости, после чего вам ад раем покажется!

Капитаны «Джона Шепарда» и «Джеймса Кирка», не сго-

вариваясь, бросили свои тарелки и стали подниматься: угроза их впечатлила. Они и так завидовали экипажам двух кораблей, которые закончили ремонт и покинули проклятую станцию. Объективности ради, она была очень даже неплоха – современная, комфортная, толково обустроенная... У нее был лишь один недостаток – комендант.

– Да что за пожар-то, герр Шварц? – недоуменно поинтересовался Сяо Чжу.

Лицо Хайнриха непередаваемо исказилось.

– Через пятнадцать минут здесь будет, туда ее, координатор, – страдальчески произнес он. – И драный посол драного Созвездия. Это если не считать такой мелочи, как злотрахучий главнокомандующий и долбаный кардинал. Шевелите булками, живо!

Он кинул взгляд на повара, не нашел, к чему придраться, и, погрозив ему пальцем, выскочил вон, чтобы помчаться куда-то еще.

Капитаны переглянулись.

– Не все коту сметанка, – сладенько протянул Кит Левиц. – Сейчас его за хвост подвешат! Пленные нажалуются послу на издевательства, и полетит душка Шварц со своего поста аж до самой Земли.

Сяо Чжу невесело хмыкнул.

– Мечты, Кит! Какие издевательства? Он же их пальцем не трогал. Помяни мое слово, этого изверга еще и наградят! Хайнрих был в таком шоке, в каком не находился, навер-

ное, ни разу за все время службы. Прозябание – как мог бы сказать кто-нибудь – на самом краю системы его как нельзя более устраивало. Он являлся здесь полным хозяином, делал, что хотел. Кто-то из подчиненных стучал на него в Центр, но он не особо беспокоился. Шварц служил не на страх, а на совесть: хоть Вселенная наизнанку вывернись, ни одна падла периметр не пройдет! В Центре это знали и на доносы традиционно поплеывали. Какое начальство в здравом уме попрется разбираться в этот медвежий угол? А оно взяло и приперлось, совершенно неожиданно, да еще в таком составе! Душевное смятение Хайнриха при мысли о том, что координатор ступит на его станцию, где основной контингент – психически устойчивые мужики, которых наскальные росписи в туалетах максимум забавляют, заставляло его чувствовать себя подобно адмиралу т’Лехину перед электрическим стулом. Если эти синие уроды не сделают невозможное и не приведут станцию в благопристойный вид, так он с адмиралом и поступит. Увы, кое-чего уже никакими силами не исправить.

– «Максим Каммерер» швартуется к пятому шлюзу, герр Шварц.

Хайнрих издал последний мысленный стон и бросился в свою комнату. У него есть еще пара минут, чтобы побриться, политься одеколоном и надеть парадную форму.

Добираться Аддарекху предстояло долго. Лидхана ра-

ботала на метеорологической станции, засунутой, как это обычно бывает с метеостанциями, в самую задницу мира, на изрезанный скалами берег холодного моря на границе сумерек. Девочки бывали дома лишь на выходных, а когда наступали будни, один из сотрудников станции отвозил их и еще нескольких детей в школу на аэромобиле. Но если Аддарекх приезжал, Лидхана забирала их из школы, чтобы он мог провести краткий отпуск со всей семьей. Первым делом, еще в Генхсхе, он купил новый коммуникатор и позвонил Лидхане. Она не отвечала. Может, занята. Может, отбирает пробы в какой-нибудь глуши, где и ретрансляторов нет.

На стратосфернике Аддарекх прилетел в клановый центр Кенцца. Земли Кенцца обширны, но все это – родина. Низкое солнце в темно-красных облаках, прохладный мокроватый воздух, знакомый с детства запах моря, заносимый ветрами даже в континентальные области. Тонкие белые деревья с большими фиолетовыми листьями, развернутыми, словно солнечные батареи, всегда в одну сторону. Жители полудня ежились здесь, кутаясь в воротники, а сумеречники жаловались на высокую влажность, но Аддарекх родился тут, тут и чувствовал себя комфортнее всего. Здесь он дышал полной грудью.

И здесь все были своими – люди с такими же прическами. Две хвостатые блондиночки лет десяти, отвлекшись от своих кукол, весело помахали ему ладошками. Он приветливо кивнул, но не стал останавливаться, девчонки очень ма-

лы, даже без разноцветных бус видно. Он напросился переночевать к женщине чуть моложе его, с рыжеватым хвостом – наверняка от смешанного брака, дочь какого-нибудь Хота или Цигтвенали. Цвет волос напомнил ему Клару, только у землянки волосы были не светлыми, а насыщенными, яркими, как огонь, таких он ни у кого не встречал. И характер – огонь. Кетрейи такими не бывают. Он даже немного жалел, что больше не увидит Клару. Рыженькая кетрейи постаралась развеять его печаль, и ей удалось. И муж у нее был отличный, не то что Кларин параноик. Аддарекх подарил ему форменный ремень земного десантника, оставшийся с «Ийона Тихого». Все равно он не вернется на «Ийон», а кетрейи любят такие «сокровища».

Утром он снова позвонил Лидхане, ответа не было. Тогда он взял напрокат аэромобиль в транспортном агентстве и направился на север, к морю. Сделал посадку в Шфекке. Лететь оставалось всего часа два, но садиться в скалах на голодный желудок и уставшему совершенно ни к чему, если этого можно избежать. Он пообедал, размялся и вновь поднялся в воздух, предвкушая нежданную встречу. «Ждала?» – спросит он и протянет ей коробочку с кольцом. «Ждала, – засмеется она. – Но не сегодня!» А может, скажет, не ждала. Не верила, скажет, что выживешь, что выберешься из плена, вернешься домой. Но обрадуется, это точно. А уж как девчонки обрадуются!

Так он тешился и загадывал, пока его не вызвал по радио

контроль воздушного пространства.

– Борт желтый 13-23, немедленно поверните назад!

– Какого червя? – возмутился Аддарекх. – Я домой лечу!

– Быстро назад! Вы вошли в зону радиоактивного заражения. Приземляйтесь на КПП к югу от вас и готовьте документы!

Спорить со стражей – себе дороже. Каким бы крутым десантником ты ни был, на их стороне – закон и общество. Аддарекх нехотя повернул. Что за бред? Откуда здесь радиоактивное заражение?

– В чем дело? – раздраженно спросил он, заходя на пост. – Я ничего не нарушал! Я здесь живу, в нескольких десятках километров севернее.

Стражи переглянулись.

– Там никто не живет, хирра, – сказал наконец старший и потребовал: – Ваши документы?

Аддарекх вздохнул.

– У меня нет документов. Утрачены. Но вы можете меня просканировать и проверить по базе данных, – он потому и не занялся безотлагательно восстановлением документов, что их не обязательно иметь при себе. – Я Аддарекх Кенцца, – он подставил глаз под сканер.

– Совпадений не найдено, – произнес молодой страж, смотря в монитор, и перевел на Аддарекха укоризненный взгляд.

Он растерялся. Как это – не найдено?

– У вас что-то барахлит, – предположил он. – Вот же я, перед вами.

– Возможно, вы не тот, за кого себя выдаете, – пожал плечами страж.

– Сто червей могильных, да зачем мне это? – всплеснул руками Аддарекх. – И кто я такой, если выдаю себя за другого? Найдите меня по рисунку сетчатки.

Молодой пошуршал манипулятором по планшету.

– Этот рисунок принадлежит мертвому, – проговорил он с сомнением. – Аддарекх Кенцца, верно, но числится погибшим.

– Это я и есть! – воскликнул Аддарекх. – Я служил на «Райском громе». Корабль действительно погиб, но я попал в плен. Нас шестеро спаслось. Давайте уладим это недоразумение.

Страж покачал головой.

– С «Райским громом» все понятно, хирра. Но Аддарекх Кенцца погиб при ядерном взрыве.

– Каком еще взрыве? – он внезапно вспомнил, что стражи говорили о радиоактивности.

Стражи опять переглянулись.

– Вы с какой луны свалились, хирра?

– Я же говорю, меня не было в Раю несколько месяцев. Кто-нибудь объяснит мне, что здесь вообще происходит?

Старший страж уселся в кресло напротив, подогнув под себя ногу, подался вперед к Аддарекху, опершись на стол.

– Месяц назад сюда пришла эскадра Чфе Вара. Был бой, в котором погиб земной крейсер «Хан Соло». Он уничтожил всех чфеварцев, но один драккар успел выпустить ракету. Вы что, и этого не слышали?

– Слышал, – признался Аддарекх. Земляне об этом говорили. – Слышал, что системы обороны сбили ракету с курса, и она упала в пустынном райо...

Он вдруг похолодел. Скалы, где стояла метеостанция, были, как на заказ, пустынным районом, пустынное некуда.

– Здесь? – хрипло выдавил он.

– В нескольких десятках километров севернее, – уточнил страж, внимательно глядя на него.

Лидхана не отвечала по коммуникатору. Он запаниковал.

– Моя жена... дети... кто-нибудь спасся?

– Давайте поищем, – предложил старший, оттеснив молодого от монитора. – Называйте имена.

– Лидхана Кенцца, сорок один год, – пробормотал он, все еще надеясь. – Ашшана Кенцца, семнадцать. Алигга Кенцца, двенадцать. Арекха, – голос его дрогнул, – пять лет.

Старший оторвался от монитора, тихо подозвал молодого, кивнул на Аддарекха:

– Сделай-ка ему реттихи, быстро. И накапай туда... сам знаешь чего.

– Что? – осведомился Аддарекх, боясь услышать.

– Сядьте, хирра, – решительно приказал страж, и рефлексы военного заставили подчиниться. – Выпейте это, – он до-

ждался, пока седой шитанн, называющий себя Аддарекхом Кенцца, осушит бокал. – Все четверо в списках погибших, хирра. Смерть подтверждена, останки опознаны.

Бокал хрустнул. Кто только придумал делать их из стекла? Сообщая об этом, надо предлагать питье в титановой посуде.

– Тело Аддарекха Кенцца не нашли, – добавил страж.

– Да я это, – упавшим голосом сказал Аддарекх. – Я живой.

Лучше бы наоборот!

– Почему? – вымолвил он в отчаянии. – Почему дочери-то? Они должны были поехать в школу. Почему?

Страж смущенно откашлялся.

– Так ведь выходной был, хирра.

Почему выходные случаются так не вовремя?

– Позвольте мне слетать туда, – проговорил он почти заискивающе. – Просто посмотреть. Пожалуйста!

– Не на что там смотреть, – твердо сказал старший. – Выжженная земля, плавленные скалы, и все.

– Я там жил...

Что они подмешали в реттихи? Он слышал собственный голос будто извне. Чувства казались чужими. Это не он испытывает боль, а кто-то иной.

– Мне очень жаль, – понимающе сказал страж. – Но теперь вам придется жить в каком-нибудь другом месте.

Чему быть – того не миновать. Если начальство захочет оторвать ему голову – непременно оторвет. Но без боя он не сдастся, это не его стиль. Хайнрих Шварц глубоко вдохнул, как перед прыжком в воду, и решительно открыл дверь отсека, куда ему было велено явиться на ковер.

– Господин главнокомандующий, капитан Хайнрих Шварц по вашему приказанию прибыл, – отрапортовал он и отвесил отдельный поклон координатору: – Салима ханум, – лопухому тсетианину с кофейно-серою кожей: – Господин посол, – и благочестиво преклонил колено перед кардиналом: – Ваше высокопреосвященство, благословите.

У Джеронимо Натта редко просили благословения, Господь даровал ему нести Его гнев, а не милость. Слегка удивившись, он перекрестил капитана.

Шварц встал, чувствуя себя немного увереннее. Главнокомандующий хмурился, тсетианин смотрел неодобрительно, координатор разглядывала его с каким-то отстраненным любопытством. Тем не менее заговорила с ним именно она.

– «Песец» – ваш корабль, капитан Шварц?

– Никак нет, Салима ханум, – он браво мотнул головой.

Максимилиансен воззрился на него.

– Кто я такой, чтобы иметь собственный корабль? «Песец» принадлежит военному флоту Земли.

– Вы правы, капитан, – она чуть наклонила голову, соглашаясь. – Тогда объясните мне, для чего вы нанесли на борт корабля, принадлежащего не вам, данное изображение? –

она кивнула на экран.

Так он и знал, что с этого начнется. А ведь они специально выбрали этот отсек, понял он, потому что на его экранах внешнего обзора хорошо видна злополучная живопись.

– Вот-вот! – сердито проворчал Максимилиансен. – Для чего, а? Чтобы создавать аварийные ситуации? Капитан Такаши чуть не снес вашу солнечную батарею, засмотревшись!

Ага, почти против воли ухмыльнулся Шварц, делая в мысленной записной книжке новую пометку.

– Это психологический прием, – поспешил он оправдаться. – Чтобы сбить врага с толку. Видите, даже капитан Такаши удивился. А адмирал т'Лехин, могу вас заверить, удивился гораздо сильнее!

– Меня это тоже удивляет, – осуждающе промолвил посол. – Демонстрировать подобным образом свою агрессию по отношению к иной расе по меньшей мере некультурно. И еще более удивительно мне то, что объектом для проявления махровой ксенофобии вы избрали не противников, а союзников!

Кардинал негромко фыркнул. Хайнрих всплеснул руками.

– Помилуйте, господин посол! Какая агрессия? Какая ксенофобия? Совсем наоборот! Это ведь акт любви, а не сцена умерщвления. Почему вы решили, будто я ненавижу шитанн? Я их люблю, господин посол, очень люблю, как и подобает гражданину Земли, целиком поддерживающему внешнюю политику земного координатора. Я питаю к нашим со-

юзникам самые нежные чувства, которые, признаю, нашли не совсем возвышенное, зато искреннее отражение...

Салима спрятала невольную улыбку.

– Капитан Шварц, вы питаете нежные чувства исключительно к мужчинам шитанн?

– Нет, – быстро открестился он. – К женщинам тоже. То есть, конечно, в особенности к женщинам.

– Почему же вы не нарисовали женщину? – вкрадчиво спросила Салима. – Это было бы, по крайней мере, естественнее.

– Не скажите! – Хайнрих отрицательно покачал указательным пальцем. – Речь ведь идет не о влечении к женщине, а о любви ко всей расе в целом. А для расы в целом мужчина традиционно выглядит более типичным и нейтральным представителем, нежели женщина – во всяком случае, с точки зрения большинства миров. Разве не так? – обратился он к послу Созвездия, как к авторитету.

– Так, – вынужден был согласиться Веранну.

– Вот! – воскликнул Хайнрих. – Если бы я нарисовал женщину, это было бы воспринято, просто как фривольная картинка, и не соответствовало бы моим высоким устремлениям. В данном же контексте не подвергается сомнению сакральное значение изображенной сцены. Это символический акт единения союзников в борьбе за правое дело!

Ларс закрывал ладонями красное лицо. Салима, делая над собой невозможное усилие, чтобы уголки губ не ползли

вверх, повернулась к послу.

– Вы удовлетворены, господин Веранну?

Тсетианин поколебался.

– Эта версия выглядит... логично, – признал он.

Что-то тут было не так. Что-то – впервые в жизни Веранну – подсказывало ему: налицо как раз тот случай, когда логике верить нельзя. Но чему тогда верить? Тсетианин не умел мыслить по-иному. Каждое утверждение капитана Шварца казалось хорошо аргументированным и весьма убедительным. Веранну отбросил в сторону колебания.

– Я снимаю претензии.

Джеронимо, сидевший за спиной посла, мог не прятать усмешку. Дерзкий капитан, посрамивший вампиров, да так, что Содружество Планет отказалось от претензий, понравился кардиналу. Он благосклонно кивнул чаду и еще раз перекрестил его издалека.

– Капитан Шварц, распорядитесь проводить господина Веранну к адмиралу т'Лехину, он хотел с ним поговорить, – велела Салима. – А его высокопреосвященство – к епископам, у них тоже есть дела.

Хайнрих поклонился.

– После этого я могу считать себя свободным?

– Разумеется, нет. После этого вы незамедлительно вернетесь сюда. Нам еще есть, что обсудить.

– Слушаюсь, Салима ханум.

– Как же, – пробурчал вполголоса Ларс, едва за Шварцем

закрылась дверь. – Слушается он! Только вид делает.

Вообще-то мересанцы высокого мнения о себе. У них самый тяжелый мозг среди всех человеческих рас, что не может не служить предметом для гордости или даже гордыни. Тсетиане, впрочем, считают, что мересанцы используют свой мозг неэффективно. Нет чтобы развивать логику, отнюдь – лишние миллиарды нейронов задействованы в бесполезной, с точки зрения тсетианина, эмоциональной сфере. Тонко чувствующие мересанцы глядят сверху вниз на «примитивных варваров». А сами электричества боятся. И это ведь не предрассудок, а закономерное следствие обостренного восприятия. Электрические импульсы нервной системы при широком канале входящего сигнала беззащитны перед внешней индукцией. Конечно, цивилизация нашла средство обезопасить тех, кому по роду деятельности приходилось иметь дело с электричеством, и тех, кто мог столкнуться с ним в бою с какими-нибудь варварами – шлемы из металлической сетки с дополнительной изоляцией изнутри. Но варвары поступили коварно. Они не стали бить из мерзких разрядников. Они атаковали нервную систему противника хитро, исподволь, не внешними токами, а всего лишь грамотно сгенерированными словами и образами, возбуждившими токи немислимой частоты и силы прямо в мозгу. Чрезмерно развитое восприятие сыграло с мересанцами дурную шутку. Операционная система не справилась с перегрузкой.

В итоге – проигранный бой и позорный плен.

Веранну вовсе не жалел о том, что т'Лехин проиграл. Его родина была на стороне землян, он сам – тем более. Но должность посла предписывала ему блюсти интересы Мересань в той же мере, как Тсеты или Шшерского Рая. Необходимо было как минимум убедиться, что с пленными обращаются подобающим образом.

Ему бросилась в глаза подавленность мересанцев. Веселился бы он на их месте? Определенно, нет. Однако и не убивался бы, это точно. Да, удача повернулась к ним спиной. Отчасти он даже их понимал: чудовищная нелогичность надписей на кораблях землян зацепила и его, мозг до сих пор пытался осмыслить, смоделировать какую-то рациональную интерпретацию, и большая доля его мощностей расходовалась впустую, на решение этой, как начал подозревать Веранну, неразрешимой задачи. Шварц создал настоящий вирус для биологических процессоров.

Но, как бы обидно это ни было, неестественная печаль и запуганность мересанцев заставили его заподозрить, что злосчастным вирусом их обиды не исчерпываются. На адмирала вообще было больно смотреть. Когда-то Веранну видел его фото в полный рост, на нем адмирал т'Лехин представлял изящным, уверенным в себе мужчиной с чуть презрительным ртом и церемониальным мечом в руках. Нынче меча при нем не было – Шварц отобрал, и гадать нечего. Он горбился и старался быть незаметным, а в глазах застыло за-

травленное выражение. Что с ним делали?

– Адмирал, я прибыл сюда проследить, чтобы все было в порядке, – ободряюще произнес посол. – О вашей судьбе известно на родине. Координатор т'Согидин обещал выплатить землянам компенсацию за ущерб и ваше содержание. Вскоро с Мересань придёт транспорт, и все ваши люди получат возможность вернуться домой.

В глазах т'Лехина засветилась надежда.

– Так что вы можете о них не беспокоиться, адмирал. Вам же придется немного погостить здесь.

Надежда умерла.

– Здесь? – в ужасе переспросил мересанец.

– Да, земляне задерживают вас до конца войны.

– О нет, – проговорил он в отчаянии, – только не это! Господин посол, помогите мне попасть на Мересань. Пожалуйста!

Веранну покачал головой.

– Вы ведь сами понимаете, адмирал: вы не тот пленник, которого земляне могут себе позволить разменять на деньги. Вы – человек, от которого в большой степени зависит течение этой войны. Вас не отдадут.

– Но неужели нельзя как-нибудь договориться? – прошептал он. – Я готов дать любые обещания.

– Боюсь, что не выйдет, адмирал. Салима ханум знает цену обещаниям. Вы можете искренне намереваться их выполнить, но, полагаю, ваш координатор мыслит шире.

– Господин посол, умоляю, вытащите меня отсюда! Я не могу больше, я сойду здесь с ума. Ну пожалуйста, сделайте что-нибудь! Заберите меня в любую тюрьму, только не бросайте тут!

Дрожащий подбородок т'Лехина заставил тсетианина задуматься. Если горделивый адмирал, представитель задирающей нос кверху расы, едва на колени не встает, значит, что-то не так.

– Сядьте, адмирал т'Лехин, – сказал Веранну мягко и в то же время решительно. – Сядьте и объясните мне внятно, почему вы так сильно не хотите оставаться на станции.

Промокать испарину платком, как подобает цивилизованному человеку, было бессмысленно. Хайнрих смахнул выступивший пот со лба ладонью, тяжелые капли упали на пол. За краткую беседу с высокими гостями он так взмок, что рубашку хоть отжимай. Ну мыслимое ли дело – ни разу не выругаться? А ведь так хотелось! Мокрая рубашка холодила спину, и он, быстро ополоснувшись в душе, переоделся. Вот черт! Последний раз он переодевался дважды в день, когда мама меняла ему ползунки.

У вентиляции курил мересанский офицер. Наркоман проклятый! Увидев Шварца, засуетился, попытался спрятать папирску с зельем, чуть не уронив ее. Сделать вид, что он ничего не курил, не удалось; мересанец закрыл глаза и приготовился к смерти. Шварц своих-то курильщиков шпынял, что-

бы фильтры воздухообмена не засоряли, а пленных страдал самыми изуверскими карами. Бояться сволочи боялись, но втихомолку все равно курили: многие мересанцы прочно сидели на этой дури.

– Дай сюда! – рывкнул Хайнрих и, выхватив папиросу у опешившего офицера, жадно затянулся. – В грызло тебе хобот, переиметый извращенным способом урод...

Костерил он замершего в шоке мересанца минут пять, пока папироса не догорела. Выместив на несчастном все свои эмоции, которые не мог продемонстрировать начальству, он почувствовал облегчение. Да и отравы инопланетная впрок пошла.

– Катись в жопу, – буркнул он пленному вполне мирно.

Пора было возвращаться на ковер. Заждутся – не преминут поставить на вид. Он вздохнул. Ладно, главнокомандующий – знакомое зло, практически родное. Но присутствие Салимы выбивало из колеи. Даже не ругнешься при ней. Хотя, кажется, она оценила, как он заморочил голову послу Созвездия. Неизвестно, что у нее в голове. Похоже, на нее не подействовали ни надписи, ни рисунки. Разумеется, они созданы для врагов, а не для собственного координатора, но вот капитан Такаши поплыл мозгами, да и Максимилиансену неуютно, а ей хоть бы хны. Возможно, она сердилась, но не была ни в шоке, ни в прострации, ни в состоянии аффекта. И это не могло не вызвать уважения Хайнриха. Да какого черта? Он и так ее уважал, заочно. Салима правильно рас-

ставляла приоритеты и не жалела средств на оборону Земли. За одно это ей памятник поставить. То есть нет, памятник не надо, пусть живет и здравствует как можно дольше. Нельзя ей умирать, это дело для таких, как Шварц – отдать жизнь по ее приказу.

Однако оказаться меж двух огней – Салимы и Максимилиансена – Хайнрих опасался. Он жалел, что кардинал отправился беседовать с епископами. Духовная поддержка, пускай молчаливая, была бы не лишней.

Когда он вошел, Салима просматривала что-то на его ноутбуке. Зачем только оставил? И не скажешь ничего: компьютер ведь не личный, а служебный, координатор вправе посмотреть. Хайнрих принялся судорожно вспоминать, может ли какая-то информация его скомпрометировать. Да не вопрос – ясное дело, может, но насколько? Помимо карт, схем, документации, на кристалле памяти десятки гигабайт инопланетной порнухи – торговцы регулярно таскали ему в качестве mzды, чтоб не сильно до них докапывался. Еще эскизы потенциальных рисунков для украшения корабля – едва ли не хуже, чем та порнуха...

Она невозмутимо закрыла ноутбук и поинтересовалась:

– У вас на станции есть зеленый чай, капитан Шварц?

– А то! – он обрадовался, что она не спросила про порнуху. – У меня и реттихи есть, хотите? – Мрланк отсыпал ему большой пакет. И шшерских видео, к слову, несколько гигов.

– Благодарю, лучше чай. Распорядитесь, чтобы заварили,

и расскажите подробно о бое с мересанской эскадрой.

– Линкоров было девять, – начал он. – Они приблизились, а потом увидели...

– Символический акт единения союзников? – подсказала Салима.

– Нет, – Хайнрих отрицательно мотнул головой. – Он не под всяким углом виден. Скорее всего, первой им попала на глаза надпись «Курс на пенис», но поняли они ее совершенно неверно...

– Какого черта вы вообще написали на корабле этот ма-разм? – буркнул Максимилиансен.

– Ну, не мог же я написать «Идите на хер»! Во-первых, это плохо переводится на хантский, а во-вторых, было бы неприлично... Ой, – он сообразил, что прокололся, и виновато посмотрел на Салиму.

– Продолжайте, капитан, – милостиво кивнула она.

– Вот, – смущенно пробормотал он. – Там было еще несколько надписей, Салима ханум... с вашего позволения, я не буду их цитировать. Мересанцы не справились с их осмыслением и ненадолго потеряли контакт с реальностью. В это время «Михалыч» смог подойти и... Разрешите, я включу видеозапись? – он потянулся к ноутбуку.

– Смотря какую, – протянула координатор, и он понял, что порнуха не прошла-таки незамеченной.

Они встретились в Генхсхе, в кафе космопорта. В окне

сияла огнями реклама, а над ней, сверху – две лунных дольки, белая и розовая. Играла музыка, кто-то подпевал не в лад, кто-то танцевал прямо в проходе. Объявляли какие-то рейсы. Вокруг кипела жизнь, тщетно пытаясь вовлечь в свой водоворот два холодных камня, тяжело перекатывающихся по дну.

Бен тупо пил один бокал реттихи за другим. Судя по стальному обручу, сдавившему виски, и тошноте, повисшей фоном, давление зашкалило. Будь он кетрейи, к столику давно подошел бы какой-нибудь шитанн, отобрал питье, отвел к доктору. Но в космопорту уже узнавали землян. Понимали, кто перед ними, и не вмешивались: земляне живут своей головой. Хватит парня удар – так тому и быть, он сам за себя в ответе.

Он потерпел фиаско. Позволил единственной любви всей его жизни покинуть его, а теперь она растворилась, и где ее искать – неведомо. Разве что остаться тут насовсем и каждый день бродить по улицам новых городов туда-сюда в надежде увидеть знакомое лицо. Нет, это нереально, он может не пересечься с ней до самой смерти. Нужно возвращаться на корабль. Ни с чем.

Рядом плюхнулся на стул шитанн в голубой куртке. Ад-дарекх.

– Нашел? – спросил он вместо приветствия.

Бен молча покачал головой.

– И я не нашел, – странная гримаса исказила лицо вампи-

ра. – Никого не нашел, Бен. Вообще, – он вдруг заплакал, уткнувшись землянину в плечо, хрипло всхлипывая. – Арехха... они все погибли. Почему? – он схватил Бена за рукав. – Ракета ведь шла не туда! Почему эти ублюдки, называющие себя правителями, приказали сбить ее именно там, где мой дом?

Бен вынырнул из пучины уныния в реальность. До него внезапно дошло, что его проблемы рядом с горем Аддарекха выглядят как-то несерьезно. Он сочувственно похлопал шитанн по спине.

– Они же знали, что там живут люди, – на шитанн было страшно смотреть. – Пусть немногие, но живут! Почему они считают себя вправе решать, кому жить, а кому умереть? Это проклятый Криййхан Винт убил мою семью!

– Тише, – испугался Бен. – Вдруг кто-нибудь услышит?

Аддарекх застонал в голос.

– Почему этот гребаный неумеха, этот Смирнов, которого все превозносят, пропустил ракету?

– Аддарекх, – увещевающе произнес Бен, – бой мог повернуться и хуже. То, что он пропустил всего одну ракету...

– Большое везение? – вампир поднял на него бешеные глаза. – Да! Так все говорят. Потому что им повезло. Им! А моим – нет.

– Не надо винить Смирнова, Аддарекх, – за героя было обидно. – Он сделал все, что сумел. Больше просто не в человеческих силах.

Шитанн схватил со стола салфетку и стал яростно тереть глаза. Скомкал намокшую бумагу и глухо, уже без слез, вымолвил:

– Гржельчик не пропустил бы.

Бен открыл было рот, но Аддарекх перебил:

– Я знаю, Бен. Я смотрел вашему Гржельчику в глаза. У него стальная воля и опыт, который зеленому Смирнову и не снился. Он сумел бы. Он никогда не скажет: «Только через мой труп». Он не позволит даже через труп переступить!

В последнее время капитан сильно сдал. А до старости, на которую можно было бы списать, еще далеко. Но Бен не стал спорить с Аддарекхом. Какой смысл? В сущности, он прав. Гржельчик в самом деле не позволит переступить через свой труп, потому что не ринется в драку очертя голову, не просчитав все варианты. За годы службы на «Ийоне Тихом» Бен хорошо изучил капитана. Нет сомнений, он действовал бы не так, как Смирнов. Он тут же вызвал бы резервные крейсера. И он не стал бы защищать райские сторожевые катера. Наоборот, подставил бы легкие цели чфеварцам, чтобы выиграть время для себя, вывести «Ийон» на более выгодную позицию и в конечном счете покончить с врагом чисто и эффективно, но... Гржельчик, в отличие от Смирнова – не герой. Он думает не о том, как победить без оглядки на себя, а о том, как оптимальным образом разить врага, сохраняя свои силы в целости. И должность капитана он, похоже, перерос.

Бен подвинул свой реттихи Аддарекху. Тот выпил залпом.

– И как ты теперь? – озабоченно спросил землянин. – Куда пойдешь?

– Не знаю, – проговорил Аддарекх потерянно. – Некуда мне податься, Бен. Был дом, была семья... И ничего. Я Лидхане кольцо купил. А дочкам... – он опять застонал. – Нет у меня больше дочек, Бен, и не будет уже никогда. Зачем мне жить, если никого после меня не останется?

– Ну почему никого? – Бен ободряюще положил руку ему на плечо. – Пройдет время, женишься опять, заведешь детей...

– Мы женимся раз в жизни. Только один раз. Потерял супругу – живи с кетрейи. Если есть зачем жить, – добавил он снова.

Бену сделалось не по себе. Еще пару раз повторит эти слова – а может, мысленно говорил их уже не однажды, – и идиотский организм шитанн среагирует, включив саморазрушение.

– Да ты что, Аддарекх! Как это зачем? А мечь?

Аддарекх посмотрел на него сквозь туман в глазах.

– Кому? Те чфеварцы мертвы. Смирнов мертв. Криййхана загрызть? Это непатриотично, – он выдавил горький смешок.

– Ен Пиран, – подал идею Бен. – Кажется, это рогатое парнокопытное еще живо.

Взгляд вампира слегка прояснился.

– Да... конечно. Только как? Как я смогу ему отомстить?

– Как, как... Вернешься во флот – наверняка с ним встретишься.

– У нас флота-то нет, – скривился Аддарекх. – А и был бы... – из глаз не уходила боль. – Бен, я двадцать пять лет честно служил родине. А что родина сделала для меня? Убила мою семью и дважды удалила меня из базы живых, не заинтересовавшись, что со мной на самом деле. Первый раз – еще при захвате «Грома». Криййхан списал нас в расход, он и пальцем не пошевелил, чтобы освободить хоть кого-нибудь, проще махнуть рукой и забыть. Он послал к вам дипломата, но даже не подумал попросить за нас. Проклятый Ртхинн Фййк не спеша рассусоливал о политике, а мы в это время мучительно умирали. Нас было больше сорока, а осталось шесть. Но он плевать хотел! Что ему жалкие сорок человек? Это же не сорок миллионов... Я не стану больше служить Раю, Бен. Хватит, наелся. Пусть как-нибудь сами, без меня. Я уже месяц как второй раз в списке мертвых, и всем все равно. Я умру – ничего не изменится. Родине я не нужен.

– Ты с дерева рухнул, вампир придурочный? – Бен встряхнул его. – Как это не нужен? Да горький корень с ней, с твоей родиной, ты нужен нам! Мне, Вилису, Кларе... Курсантам этим дурацким – без тебя и твоих товарищей они и вполону бы так хорошо не бились. А шнуругрызки? Если б не вы, висеть бы изъеденному «Ийону» у Шварца на станции. Это в лучшем случае. Ну-ка прекращай ныть!

Салима разглядывала Шварца с интересом. Капитан, без потерь со своей стороны уделавший девять линкоров, причем семь из них – в прах, не мог не вызвать интерес. А уж методы, которыми он этого добился... Хайнрих Шварц – определенно, человек неординарный. Салима ценила усердие в службе и преданность родине, но неординарность – втройне.

Знала бы она, как капитан Шварц мысленно ежится под ее пристальным взглядом, ожидая самого худшего – сурового приговора, отставки, по меньшей мере разноса. В самом деле, ни у кого не спрося, изрисовал казенный корабль непристойностями – возмутительными, с точки зрения любой приличной дамы, и оскорбительными, с точки зрения политика.

– В каком звании вы находитесь, капитан Шварц? – наконец спросила она.

Он попытался не вздрогнуть.

– Капитан первого ранга, Салима ханум.

– В этом звании вы последний день, герр Шварц.

Разжалует, понял он. Но сдаваться без боя Хайнрих не собирался.

– Почему последний, Салима ханум? – воскликнул он. – Это звание мне очень подходит. Я командую боевым кораблем и руковожу орбитальной станцией, с неизменным успехом защищая Землю от вторжения извне. Без ложной скромности скажу: пока я на своем месте, вы можете спать спокойно. А занимая это место, я, несомненно, должен являться капитаном первого ранга, это звание просто создано для

такого груза ответственности, который я несу перед Землей, и как нельзя более адекватно отвечает...

Салима покивала с легкой улыбкой.

– Что ж, герр Шварц, если вы столь категорически не желаете становиться контр-адмиралом, я не могу настаивать...

– Адмиралом? – встрепенулся Хайнрих. – Кто сказал – адмиралом? То есть кто сказал – не желаю? Разве я об этом говорил? Я говорил исключительно о том, что не позволяю себе быть недовольным своим положением, вот и все. А так я с вами полностью согласен. И верно, у меня в подчинении, кроме моего «Песца», «Михалыч» и станция, а еще несколько катеров. Ежу ясно, звание контр-адмирала больше подходит командующему такой обширной совокупностью объектов. Даже и не знаю, как я мог усомниться в вашей правоте, Салима ханум.

– Стало быть, я вас поздравляю, адмирал Шварц, – все так же улыбаясь, заключила она. – Ларс, приготовьте документы. И орден, пожалуй.

– Какой? – уточнил Шварц.

– А какой бы вам хотелось? – ей было любопытно.

– Мальтийский крест! – выпалил он.

Она подняла бровь.

– Но это не одна из высших наград Земли.

– Ну и что? Я о нем с детства мечтал.

– Хорошо, – согласилась она. – Я поговорю с мальтийцами. Не думаю, что великий магистр откажет.

Еще бы! Как можно, пребывая в своем уме, отказать координатору? Впрочем, Хайнрих не вчера родился и еще помнил прошлого главу ООН Фернандо Лопеса, с которым сильные мира сего считались гораздо меньше. Видимо, дело все-таки не в должности координатора, а в собственной харизме.

Хайнрих почувствовал себя на вершине. Он – контр-адмирал, на груди – мальтийский крест, на поясе – тяжелый стальной меч, как у настоящего рыцаря. Для того чтобы сбылись все мечты, ему не хватало только одного...

В следующий миг триумф был безжалостно разрушен вторжением посла Содружества Планет.

– Я вынужден заявить протест! – провозгласил тсетианин.

– Против чего? – поинтересовалась Салима.

– Я требую привлечь капитана Шварца к ответственности за жестокое обращение с пленными.

Салима вздохнула.

– Разумеется, мы накажем *адмирала* Шварца, но...

– Я не понял! – возмутился Хайнрих. – Что значит – накажем? Я ни в чем не виноват. Я никого не убил и не замучил. Я вообще цацкаюсь с этими уродами, как мать с малыши детьми! Я их кормлю, пою, сказки на ночь рассказываю... Я вынужден закрывать глаза на то, что они курят наркоту на моей станции, забивая мерзкой дрянью фильтры воздухоочистки и подавая плохой пример моим подчиненным – потому что не желаю подвергать их страданиям ломки. Чем это я не угодил господину послу, а?

– Вы унижаете их человеческое достоинство, – обвиняюще произнес Веранну.

– Не припомню такого, – нагло соврал Хайнрих.

– Вы отобрали меч у адмирала т'Лехина. Это очень болезненный удар по его самолюбию. Мересанец с высоким статусом не мыслит себя без меча.

– Проблемы индейцев... э-э... В общем, это его личные сложности, господин посол. Забрать меч – мое право победителя, наша древняя традиция. Пусть еще скажет спасибо, что я ему башку не отмахнул этим мечом. Такая традиция у нас тоже бытовала.

– Я все же просил бы вас...

– Даже не думайте, – отрезал Хайнрих. Меч был для него важнее многих благ. – Пусть меня разжалуют из контр-адмирала обратно в каперанга, пусть запретят являться на Землю – меч я не отдам, хоть усри... э-э... не отдам, короче.

– Адмирал Шварц действительно в своем праве, – заметила координатор. – Если меч столь много значит для адмирала т'Лехина, ему следовало хорошенько подумать, прежде чем участвовать в войне с цивилизацией, у которой в обычае забирать церемониальное оружие побежденных. Это единственное, с вашей точки зрения, прегрешение адмирала Шварца против идеалов гуманизма?

– Разумеется, нет. Адмирал Шварц вынуждает мересанцев иметь дело с электричеством. Это для них невыносимо!

– Что вы на это скажете, адмирал? – Салима выжидатель-

но посмотрела на Шварца.

– А что я могу сказать? – он развел руками. – Если вы прикажете, я тотчас остановлю генераторы. Предварительно, с вашего разрешения, эвакуировав своих людей. К сожалению, жизнь на станции возможна лишь благодаря электричеству. Поддержание температуры и искусственной гравитации, циркуляция воды и принудительный воздухообмен...

– Вы заставляли их работать электрическими инструментами! – перебил Веранну.

– О-о, ну а что же мне оставалось? Сверлить дыры в сплаве Иллюера ручными дрелями невозможно. Все мои действия были продиктованы исключительно заботой о том, чтобы пленные не надорвались от непосильных нагрузок.

– Вы могли не заставлять их работать!

– А какой тогда от них прок? Кормить врагов бесплатно? Увольте. Они были привлечены к ремонту кораблей, поврежденных их союзниками. Разве это не логично?

– Логично, – нехотя согласился Веранну.

Сейчас, когда об этом говорил капитан Шварц, вдруг превратившийся в адмирала, это в самом деле казалось единственно естественным. Жалобы адмирала т'Лехина внезапно стали выглядеть предвзятыми.

– Вы угрожали им казнью на электрическом стуле, – вспомнил Веранну.

– Да, угрожал, – признал Шварц без малейшего смущения. – Ну и что? Если им ничем не грозить, они распустят-

ся и наверняка отмочат что-нибудь неприятное, после чего придется принимать излишне жесткие меры. А так они ведут себя с оглядкой, не нервирова нас и сами оставаясь в целости.

– Они не просто оглядываются, адмирал Шварц. Они в ужасе! Смерть на электрическом стуле для них хуже любой другой.

– Помилуйте, господин посол! Я разве казнил хоть одного синего? У меня на станции вообще нет электрического стула. И то сказать, на кой горький корень он мне тут нужен?

– Тогда почему они так боятся? – запутался тсетианин.

– Откуда я знаю? – Хайнрих состроил изумленное лицо. – Вы ведь посол Созвездия. Вы понимаете душевные хитро-сплетения иных рас куда лучше меня. Вот сами и подумайте.

Тсетианин нахмурился, пытаясь найти ответ. Салима больше не вмешивалась. Молча сидела и наблюдала, как Хайнрих Шварц ломает послу мозг. Веранну нравился ей как человек, но сейчас он выражал интересы врага, и она готова была отстаивать своего адмирала – конечно же, пойдя на некоторые формальные уступки. Однако свежеиспеченный адмирал, похоже, в ее защите не нуждался. Он сам умел постоять и за себя, и за Землю, и она следила за ним с тщательно скрываемым восхищением.

– Вы... – посол оглянулся на Салиму и понизил голос, – вы пытались принудить адмирала т'Лехина к противоестественному сожительству.

– Э, э! – запротестовал Хайнрих. – Пусть т'Лехин не при-

нимает желаемое за действительное! Я к нему и пальцем не притронулся, не говоря уж о более интимных прикосновениях.

– Но вы постоянно об этом говорили!

– Исключительно, чтобы его подбодрить, – нашелся Шварц. – Он был так одинок, так подавлен поражением... Я таким образом хотел выразить ему свое сочувствие и искреннюю симпатию... но никогда не заходил достаточно далеко. Меня вообще не привлекают мересанцы, спросите у кого хотите.

– Шитанн, конечно, лучше, – давясь, пробормотал в кулак Максимилиансен.

– Боюсь, что тем самым вы отнюдь не подбодрили его, – с укором произнес Веранну, – а, напротив, напугали еще больше!

– Ну, извините, – покаянно вздохнул Хайнрих. – Я никак не мог предугадать, что мои лучшие побуждения обернутся таким конфузом. Я плохо разбираюсь в чужой психологии, господин посол.

Это он-то плохо разбирается в психологии? Салима задавила смешок на корню.

– Я университетов не кончал, господин посол. Я простой служака. Но даже мне кое-что кажется странным в позиции мирового сообщества. Вы пытаетесь повесить на меня жестокости и гнусности, которые я не совершал. Мне хотелось бы знать, где вы были, когда Ен Пиран пытал и убивал плен-

ных? Где были все координаторы? Почему они молчали? И почему сейчас мнимые обиды т'Лехина и сетования его банды наркоманов на недостаточно романтическое освещение станции вызывают у вас такое беспокойство? Вы не считаете, что это нелогично?

Тсетианин закусил губу.

– Да, – вымолвил он. – Это так. Я снимаю претензии, адмирал Шварц.

И на деревянных ногах вышел в дверь, позабыв закрыть ее за собой.

Хайнрих встряхнулся, помотал головой.

– Хрен знает что такое! Почему этот долбаный чебурашка все время намекает, будто я гомосексуалист?

Салима многозначительно покосилась на выразительную иллюстрацию на экране обзора.

– Нет, нет! – Хайнрих замахал руками. – Я ведь уже объяснял, это не то, что вы думаете!

– Да-да, символический акт единения... Герр Шварц, вы женаты?

– Конечно, нет! На ком тут жениться? Одни мужики. Черт, я не голубой!

Ему вдруг пришла в голову замечательная идея, навеянная не иначе как мересанской папироской.

– А выходите за меня замуж! – предложил он, верноподданно поедая Салиму глазами.

Максимилиансен поперхнулся, выпучил глаза и принялся

делать Шварцу странные знаки за спиной Салимы. Его реакция разительно отличалась от ее невозмутимости.

– Мы ведь так мало знакомы, герр Шварц, – спокойно сказала она. – С чего бы?

– Мало? Почему – мало? Я вас давно знаю. Я читал все заметки про вас в интернете, видел все записи ваших выступлений. Я за вас голосовал, между прочим, – поделился он своей маленькой избирательной тайной. – Вот этой самой рукой, – он продемонстрировал правый бицепс, – поставил крестик в бюллетене.

– Спасибо за доверие, – улыбнулась она. – Но я-то вас не знаю.

– Знаете, – возразил он, – просто не отдаете себе отчет. Я – тот самый Шварц, который последние двадцать пять лет торчит на этой станции, охраняя ваш покой и благополучие. Я делаю здесь все, чтоб ни одна сука, то есть сволочь, и помыслить не смела о нападении на Землю. Вы можете не волноваться за периметр, можете даже не думать о нем, просто положиться на меня...

Хайнриха несло. При том, что он четко сознавал – не уболтает он Салиму, не действуют на эту женщину психологические атаки. Но остановиться не мог. Остановится – не простит себе потом потерянный шанс.

– Я – адмирал, без пяти минут мальтийский рыцарь, – напомнил он. – У меня есть настоящий меч! Кстати, хотите посмотреть?

– Что за детство, Шварц! – не выдержав, возмущенно фыркнул Ларс. – Кому интересны ваши мечи, бегать еще смотреть на них!

– А я вас и не приглашаю, командующий, – окрысился Хайнрих. – У меня вообще-то с Салимой ханум серьезный разговор, если вы не заметили. На тему, никоим образом вас не касающуюся! – он вновь повернулся к координатору и продолжил прежним тоном, предназначенным ей, а не бестактному Максимилиансену: – Салима ханум, я умею обращаться с оружием. Не только с дезинтеграторами, но и с мечом, как подобает рыцарю!

– Вас чрезвычайно интересно слушать, герр Шварц, – мягко прервала его она, – но времени у меня не так много, и мне кажется, я уже поняла, к чему сводятся ваши аргументы. Я подумаю над вашим предложением, если вы примете ислам. Надеюсь, вы не забыли, что я не принадлежу к вашей вере?

– Вот блин, – как в воду глядела: забыл. – Нет, я никак не могу, – он сник. – Я люблю выпить водки, закусить свиным ребрышком... Какой из меня, к чертям, мусульманин? – внезапно его настигло озарение. – Но мы могли бы жить в гражданском браке!

Салима негромко засмеялась.

– Ваша настойчивость лестна, герр Шварц. Однако судьбоносные решения не стоит принимать второпях. Давайте отложим этот разговор. Что вы там говорили про меч? – она сменила тему. – Это пресловутый меч адмирала т'Лехина?

– Теперь он мой!

– Я зайду посмотреть. Попозже, когда закончу с другими делами.

– О, привет почетному донору! – как всегда, картинно воскликнул Вилис. – Майор Райт, вас кто-то тяпнул за шею. Неужели Аддарекх?

– Нет, – буркнул он. – Отстань.

Он немного злился на Ттеирру. Не могла укусить незаметно! Теперь на Бена все пялились. Хоть шарф носи! Он знал наверняка, что Аддарекхпил кровь Клары, но шейка у нее была ровная и нетронутая. Куда он ее кусал? И спросить неудобно.

– А где девчонка? Вы ее нашли?

– Нет, – настроение Бена испортилось еще больше. – Я же сказал тебе, отстань.

Поняв, что беседа зашла в тупик, Вилис переключился на Аддарекха.

– Здорово, вампир! А чего ты обратно приперся? По докторше соскучился? Или по друзьям? – он бодро ткнул его кулаком в плечо.

– Отстань! – прорычал Аддарекх.

– Блин, да что вы за мизантропы такие? – огорчился Вилис и тут же попробовал новую тему. – А выпить хотите? Я у пилотов с «Дарта Вейдера» купил тсетианский *сани*. Мозги прочищает – будь здоров!

– Вилис, отстань, – в третий раз устало повторил Бен.

– А я хочу выпить! – неожиданно заявил Аддарекх.

– Ты уверен? – усомнился Бен. Мало кто из шитанн употребляет спиртное.

– Прочистить мозги – то, что надо. Чтоб стали чистыми-чистыми... Давай, Вилис. Где твой сани? Наливай!

У Хайнриха кружилась голова. Не то отходняк от мересанского зелья, не то эйфория от успехов. Его не размазали по ковру – наоборот, наградили! И посол забрал свои идиотские претензии. И координатор... фактически, она его послала, дипломаты всегда вместо «нет» говорят «позже». Но ему грело душу то, что «нет» она все-таки не сказала.

Он опять взмок, как после грозы. Снова в душ, и снова переодеваться – третий раз на дню; где это видано, а? Жутко хотелось материться – не оттого, что нечто не нравилось, а потому, что подпирали не выраженные эмоции, слишком долго он сдерживался, аж пар из ушей рваться начал. Он искал глазами жертву, но мересанцы, как назло, будто провалились.

На выходе из душа его поймал Максимилиансен.

– Шварц, вы что, с ума съехали? – накинулся дед на него. – Что вы наговорили координатору, прости Господи? Придите в себя и немедленно извинитесь перед ней!

– Не за что, – Хайнрих недовольно закинул вконец промокшее полотенце на плечо. – Я ей ничего дурного не сказал.

Матюгнулся всего пару раз – мне мемориал за такой подвиг поставить, а не заставлять извиняться!

– Что вы ей наплели о замужестве?

– Ничего я не плел, – оскорбился Хайнрих. – У меня серьезные намерения. Заметьте, я не предлагал потрахаться и разбежаться.

– Шварц, вы совсем идиот? – Шварц воздел глаза к небу. – Она – координатор!

– Ну и что? От этого она не перестает быть женщиной. Очень милой, кстати говоря. Почему я не могу сделать ей предложение?

– Потому что вы – кретин! Раздолбай, грубиян, сквернослов и крамольник. Вы ей не пара.

– Хрена! – разозлился Хайнрих. – Я – орденосный адмирал. Я расхреначил девять мересанских звездолоханок без всякого вашего гребаного резерва. Обо мне в интернете писали, и еще наверняка напишут. Если я – плохой жених для координатора, то кто тогда хороший?

– Вы еще и хвастун!

– Приходится! Вы же никогда меня не хвалите.

– Шварц, перестаньте паясничать! – старик схватился за голову. – Выбросьте этот бред из своей дубовой башки и скажите Салиме, что неумно пошутили.

– Знаете что, командующий? – Хайнрих решительно развернулся к Максимилиансену. – Я вас глубоко уважаю как командующего, и мне даже неудобно говорить вам такие ве-

щи... Как бы это сказать, чтоб не обидеть? Держите-ка вы курс на пенис! Я всю жизнь мечтал жениться на принцессе.

В раннем детстве Хайнрих зачитывался рыцарскими романами, как и многие мальчишки его возраста. Именно тогда оформилась смутная еще мечта стать мальтийским рыцарем. В большинстве случаев от детских увлечений излечиваются, но Хайнрих уже в те годы был пацаном последовательным и упертым. Что нужно рыцарю? Военная доблесть, крест, меч и прекрасная принцесса. При всех своих романтических устремлениях Хайнрих был реалистом и понимал, что в наше время доблесть добывается не в конных сражениях. Он решил сделаться капитаном военного корабля. И эту мечту он давно перевыполнил, руководя ныне всей обороной земного периметра.

С последней мечтой дело обстояло хуже всего. Все сверстники, когда-то вместе игравшие в рыцарей, переженились, но Хайнрих на мелочи не разменивался. Родители отчаялись выбить дурь из сыновней головушки. Увы, познакомиться с принцессой было совершенно негде: ну, не вращался он в аристократических кругах. А на орбитальной станции не то что принцесс – обычных женщин днем с огнем не сыщешь. Разве что прилетит с каким-нибудь инопланетным кораблем купчиха, или еще какая жаждущая приключений баба в команде найдется... Каждый год Хайнрих ездил в отпуск на Землю, где озабоченные родители подсовывали ему невест. Среди них порой попадались нормальные девушки, с кото-

рыми было приятно провести время. Но не жениться – в этом он был тверд. Если чего-то очень хочешь, говорил ему в детстве священник, и если это не противоречит Божьему промыслу – непременно добьешься своего. Он хлопал дверью родительского дома и снова улетал на станцию ждать свою принцессу.

Молитвы ли возымели действие, терпение ли – мечты начали сбываться. Теперь у него был меч, скоро появится мальтийский крест, и на его станции – координатор. Это круче любой принцессы! Хотя она принцесса и есть – дочь эмира. Прекрасная принцесса.

Одно из рук вон плохо: принимать ислам ему никак нельзя. Бог с ней, со свининой и даже с водкой. Но ведь мальтийский великий магистр отзовет крест обратно! Не положен крест мусульманину, вот какая беда. Выбирать между двумя мечтами – хуже нет.

Йозеф потерял виски – боль не утихала – и повернулся к Аддарекху, пытаюсь вспомнить, зачем его вызвал. Ах да. Вчера вампир вместе с майором Райтом вернулся на «Ийон Тихий» с райским шаттлом, привезшим продукты и топливо, побродил по кораблю, напился и наблевал под ноги епископу, попытавшемуся прочесть нечистой силе гневную проповедь о вреде пьянства.

Выглядел шитанн не очень. Алкоголь явно вызвал сильный стресс у непривычного к нему организма.

– Закусывать надо, – назидательно сказал Йозеф.

– Зачем? – вяло поинтересовался вампир, подняв набрякшее веко.

– Чтобы не упиться вот так.

– А я и хотел упиться, – заявил он. – В хлам, чтобы себя не помнить.

Хорошая мысль, подумал Йозеф. Залиться спиртом и не помнить ни о чем. Клара не дает, говорит – с теми лекарствами, что она ему колет, спирт употреблять нельзя. Врет, наверное.

– Младший командир Аддарекх, – вздохнул Йозеф и вновь поморщился от боли, – вы зачем сюда опять приехали, а? Думаете, тут без вас некому стравливать в коридоре?

Шитанн даже не улыбнулся.

– Я хочу служить на «Ийоне», капитан Гржельчик.

– О, – это явилось для капитана неожиданностью. – Но «Ийон», как вы могли заметить – крейсер Земли. Чем вас, к примеру, та же «Молния» не устраивает?

– Я не буду сражаться за Рай, – отрезал Аддарекх.

– Вот как, – задумчиво произнес Йозеф. – Не желаете объяснить, почему?

– Честно? Не желаю.

Гржельчик смотрел на вампира. Подобными заявлениями просто так не бросаются. Тем паче, когда родина ведет войну. Значит, сильно припекло мужика, если родина встала ему поперек горла. Докапываться до причин? А смысл?

Должно быть, ему не менее больно в душе, чем Йозефу физически. Не стоит лишний раз беречь эту боль.

– Я буду рад, если вы займете место среди офицеров десанта, – признался Гржелчик. – Ваш неклассический опыт уже оказывался полезен. Но есть некие формальности, – он скорчил гримасу отвращения к бюрократии, перешедшую в гримасу боли, – которые надлежит соблюсти. На крейсере Земли могут служить только граждане Земли. Наемничество у нас не практикуется. Прежде вы были всего лишь гостями. Но если хотите войти в команду – меняйте гражданство.

Аддарекх непонимающе пожал плечами.

– А что это изменит? Земные документы не сделают меня землянином. Неужели кто-то думает, что, получив новый идентификатор, я перестану пить кровь?

– Ожидать этого не стоит, верно. Но я бы все же рекомендовал вам, господин Аддарекх, не мешкать с оформлением бумаг. Как только мы придем на Землю, обратитесь в иммиграционную службу какой-нибудь непривередливой страны. Не кривитесь: да, для вас это лишние хлопоты, но меня, даст Бог, уберет от неприятностей с командованием.

Он потер раскалывающиеся виски и махнул рукой.

– А впрочем, одной неприятностью больше, одной меньше... Мне уже почти все равно. Я умираю, господин Аддарекх. Клара молчит, что твой партизан на допросе, но я же вижу, о чем она молчит. Я вас знаю, господин Аддарекх, и прикрою, пока могу, но тот, кто будет командовать кораблем

после меня, непременно потребует ваши документы. Лучше, чтоб они у вас имелись.

Шитанн медленно кивнул. Уж на что ему было плохо, вид капитана Гржельчика, сильно ухудшившийся за время его отсутствия, сказал ему о многом. Что с ним? И не спросишь ведь.

– Да, кэп. Я понял.

– Хорошо. Тогда подойдите к командиру десанта майору Райту... – он помедлил, – скажем, лейтенант Аддарекх.

День выдался тяжелый. Хайнриху еще никогда не приходилось так напрягаться. Теперь же, сменив парадный мундир на черный велюровый халат, он готовился ко сну. В изголовье кровати его ждала электронная книга. Кто-то посторонний удивился бы, узнав, что собирается читать на ночь этот брутальный мордоворот. В книгу были закачаны труды хантов по экстремальной психологии. Когда-то папа, сам хороший врач, надеялся, что сыночек станет психиатром. И он даже всерьез подумывал – в конце концов, в мальтийском ордене полно врачей...

Отложив на некоторое время единение с книгой, он подошел к мечу, висящему на стене, аккуратно снял его и достал из ножен. Мересанцы – те еще придурки, но в мечах толк знают. Хайнрих любовался на рисунок закалки, нежно провел пальцем вдоль кромки. Обхватил ладонью рукоять, встал в стойку и сделал несколько взмахов. Клинок, со-

зданный под руку изящного инопланетянина, казался мелковат, но от этого не переставал быть настоящим оружием. Т'Лехин, конечно, козел во многих отношениях, однако в небрежении его не заподозрить: за церемониальным мечом он следил, как за боевым, кромка отточена до радужного перелива, на сверкающей стали – ни единого пятнышка ржавчины.

Дверь приоткрылась, и Хайнрих среагировал мгновенно. Короткий выпад – и острие подрагивает в сантиметре от горла неосторожно сунувшегося без доклада.

– Мужик, ты что, сбрендил? – нервно сглотнув, хрипло выдал тот.

Это был ООНовский гвардеец. Негр едва ли не здоровее самого Шварца, увешанный пистолетами, бластерами и парализаторами – а толку-то от всей этой фанаберии, если не решаешься шевельнуться?

– Чего тебе тут надо, болезный? – спросил Хайнрих, тщательно дозируя неприветливость и участие. – На ночь глядя я только баб принимаю.

Гвардеец булькнул, и Хайнрих в знак доброй воли слегка отодвинул меч.

– Слышь, скотина... – агрессивно начал негр, почуяв, что смерть прошла стороной, и Хайнрих немедленно вернул острие на место, легонько кольнув нахала для острастки:

– Ко мне можно обращаться «герр Шварц» или «герр адмирал».

– Герр... э-э... Шварц, – гвардеец вынужден был смириться с тем, что не он будет играть активную роль в наезде. – К вам с неофициальным визитом пожаловала координатор Земли. Хотя я, наверное, порекомендую ей отменить этот визит. Мне кажется, ее безопасность здесь под угрозой.

Хайнрих чуть не выронил меч. И правда, она обещала зайти. Попозже, сказала она. А он почему-то решил, что «позже» – это «никогда».

– Что там происходит? – поинтересовался ее голос из-за двери.

Хайнрих отпустил гвардейца и сунул меч в ножны. Негр потрогал шею.

– Отдай меч, урод. Таких, как ты, нельзя оставлять тет-а-тет с координатором вооруженными.

– Хрен тебе в ухо, а не меч. Ты что, думаешь, я ее зарежу? Да я кого угодно зарежу *за нее!*

Гвардеец смотрел на него с сомнением.

– Клянусь, что не причиню ей вреда! – Хайнрих вытащил из-за ворота крестик и поцеловал. – Ни сейчас, ни когда-либо в жизни. Ясно тебе?

Он нехотя кивнул и открыл дверь.

– Проходите, пожалуйста, Салима ханум.

Она вошла, подождала, пока гвардеец скроется за дверью, присоединившись к еще нескольким, ждущим снаружи. Окинула внимательным взглядом халат Хайнриха и разобранную постель.

– Я не вовремя?

– Я рад вас видеть в любое время дня и ночи! – заверил Хайнрих.

Она улыбнулась.

– И где же ваш меч, который вы хотели мне показать, адмирал Шварц?

Он почтительно протянул ей ножны, наполовину вытащив клинок. Она потрогала лезвие тонким пальцем, украшенным узким золотым кольцом с маленьким бриллиантом. Ногти у нее были без лака, но очень ровные и одинаковой длины.

– Традиционная сталь, – сказала она. – Не кермет. Достаньте его, герр Шварц.

Он обнажил меч полностью и продемонстрировал несколько стоек. Может, он немного нелепо смотрелся в халате, но мересанцы ходят в халатах всегда, и ничего.

– Красиво, – оценила она. – Хорошее оружие, и фехтовальщик неплохой.

– А хотите, – Хайнриха внезапно потянуло на широкий жест, – хотите, Салима ханум, я вам его подарю?

Она засмеялась и покачала головой.

– Я женщина, что мне делать с мечом? Меч нужен мне лишь в руках достойного мужчины. По-моему, сейчас он находится как раз там, где надо.

Она назвала его достойным! Он воспарил от счастья.

– А может, вас чем-нибудь угостить? – он не знал, что бы еще предложить. – Или...

– Или, – сказала она, а глаза улыбались, и он понял, что это не отказ от угощения, а согласие на нечто большее.

Он вернул меч на место и шагнул вперед, к ней.

– Разрешите вас поцеловать?

Она мило наклонила голову набок.

– Это вопрос или просьба?

– Вопрос. Но риторический, – он наклонился к ее губам, восхитительно пахнущим клубникой с молоком, и трепетно обхватил своими, наслаждаясь вкусом, и ее прерывистым дыханием, и бархатным ощущением кожи под тонким слоем шелка, подающимся в стороны под его пальцами...

В последнее время король Имит вставал задолго до рассвета. Не потому, что чувствовал прилив бодрости. Совсем наоборот: тревожные мысли мучили его даже во сне, не давая насладиться ночным покоем, рисуя самые страшные картины краха. Он просыпался в холодном поту и до утра сидел за компьютером, глуша мересанское зелье.

Увы, наяву новости были ничуть не лучше, чем в кошмарных снах. Участие флота в операции чфеварцев обернулось очередным поражением. Потеряны еще два эсминца. Флот тает, а новые корабли взять неоткуда. Своих верфей нет; на торговлю ГС-кораблями Совет координаторов наложил запрет до конца войны. Впору просить у землян мира! Уступить им Нлакис, заплатить какую скажут компенсацию, но выиграть хоть несколько лет, чтобы собрать средства и

купить новые корабли, а потом ударить свежими силами... Нет, капитуляции ему не простят. В планетной сети и без того наблюдается брожение. Все чаще раздаётся критика в адрес координатора, жалят обвинения в несоответствии должности, мелькают призывы сменить лидера. Это южане мутят воду. Дай им только повод, и они его свалят. Надо продолжать войну, как-то выкручиваться... Только как? Вот дерьмо, как?

В окно залы заглянуло солнце, а в дверь – смутно знакомый человек в адмиральском мундире. Король Имит, оторвав взгляд от компьютера, недоуменно вскинул брови.

– Что за бездарь разрабатывал последнюю операцию? – недовольным тоном, с претензией, осведомился вошедший. – Как вам пришло в голову дать на это добро, ваше величество?

Имит узнал этот голос и эти интонации. Ен Пиран! Он захлопнул крышку ноутбука и привстал:

– Где вы шлялись? Раздери вас на куски, куда вы запропастились именно в тот момент, когда были нужны?

– Я решал важные дела, – самодовольно произнес Ен Пиран. – Я был занят обезвреживанием врага, в чем и вы, как мне кажется, должны быть заинтересованы. А вы что натворили? Стоило мне отвлечься – и вы позволили тупому чфеварскому греховоднику командовать самой идиотской операцией, какую я видел в жизни!

– Послушайте меня, вы, безответственный эгоистичный

наглец! – король повысил голос.

Ему хотелось придушить Ена Пирана за все, что он пережил из-за него в последние месяцы, за все неудачи, за все несбывшиеся ожидания. И в то же время он бессильно сознавал, что придушить его в самом деле – значит утратить последний шанс победить в этой войне.

– Нет, это вы меня послушайте! – не смутился Ен Пиран. Он очень сильно изменился внешне, но напористости у него не убавилось.

Раньше адмирал был грузен, теперь же излишки жира исчезли, и фигура потеряла внушительность, зато обрела стержень. Заново скроенный мундир облегал тело и сверкал позументами. Только складки обвисшей кожи на щеках напоминали о том, что недавно под ней скрывалось гораздо больше плоти. Волосы отросли, и Имит впервые заметил, что короткий хвостик адмирала, стянутый золотой лентой, припорошен инеем седины. Новый облик шел Ену Пирану. Не красавец, конечно, но благородная седина и сдержанная худоба явно сделали его более привлекательным женихом, чем прежде. Теперь Имиту было не так жалко дочку, которую он пообещал адмиралу, если он вытащит Гъде из дерьма.

Впрочем, обольщаться не следовало. На каком бы курорте мерзавец ни сбросил лишние килограммы, дурной привычки насиловать придворных дам он не утратил. Уж очень характерно был помят адмиральский мундир.

– Это вы послушайте! – возразил Ен Пиран, усаживаясь

в кресло перед королем так, чтобы солнце не светило ему в глаза. – Вы отдали наши корабли под руководство чфеварских дебилов! Чем вы думали?

Ен Пиран очень нужен, но этому стоит положить конец.

– Не хамите мне, адмирал! – рявкнул король. – Вас не было два месяца. Еще одно недостаточно почтительное слово – и я прикажу обезглавить вас за дезертирство!

– Я уже сказал, что не дезертировал, ваше величество, – Ена Пирана нелегко было сбить с пути. – Я выводил из строя одного из наиболее опасных для нас врагов. А вы, вместо того чтобы дождаться меня, доверились чфеварцу! И где он теперь? Загубил свои корабли – ладно, туда им и дорога, но он ведь и наши подставил!

– У меня не было другого выхода, – скрипнул зубами Имит. – Вы меня не предупредили, не сказали, когда вернетесь, от вас не приходило вестей. Бродили слухи, что вы вообще погибли!

– Меня не так просто убить, – ухмыльнулся Ен Пиран.

– Отрадно, но мне надо было срочно принимать решение!

– И оно было неверно, – гнул свое адмирал. – Как и вся тактика чфеварцев. Они распылили силы на второстепенные цели, а нужно было собрать все корабли в единый кулак и ударить по тому, что действительно важно – по Нлакису!

– Так соберите и ударьте! – вспыхнул Имит.

– Само собой, я так и сделаю, – Ен Пиран не обратил внимания на монарший гнев. – А ваша задача – добиться, чтобы

все корабли союзников перешли в мое подчинение. Если они примутся действовать независимо, совершая одну глупость за другой по капризу их невменяемых адмиралов – я снимаю с себя всякую ответственность.

Сяо Чжу и Кит Левиц, как всегда, завтракали в обществе друг друга, косясь на адмирала т'Лехина. Им, словно каким-нибудь заключенным, казалось, что так будет продолжаться вечно – изо дня в день те же стены станции, те же завтраки, те же люди, тот же Шварц, будь он неладен. В отличие от заключенных, они не знали даже своего срока, а то наверняка стали бы зачеркивать палочки. И не то чтобы капитаны маялись скукой: сюрпризы, регулярно преподносимые Шварцем, заставляли грезить о спасительном однообразии. Но еще лучше было бы покинуть опостылевшую станцию раз и навсегда.

Вчера на станции появились новые лица, и неожиданности перестали быть монополией Шварца. За столиками расположились незнакомые люди: гвардейцы ООН, экипаж «Максима Каммерера», свита кардинала в черных рясах, помощники посла Созвездия. Сам посол, лопоухий тсетианин, подсел к адмиралу т'Лехину и с аппетитом поглощал вполне прозаическую яичницу, словно какой-нибудь простой солдат.

Внезапно многоголосый гул, стоявший в столовой, сменился паническим шепотком, и все стихло. В дверях появил-

ся Хайнрих Шварц собственной персоной. Повара застыли навтыяжку; он милостиво кивнул им. Ухмыльнувшись, послал т'Лехину воздушный поцелуйчик; адмирал вздрогнул и принялся что-то сбивчиво втолковывать послу, хватая того за руки; посол, против ожиданий, не торопился заявлять протест или как-то еще реагировать, он отвечал т'Лехину успокаивающе и снисходительно, словно мать ребенку, боящемуся выдуманных страшилищ. Шварц ухмыльнулся снова, взял у поваров тарелку с большой и красивой яичницей – самой большой и красивой из того, что у них получилось, – и обозрел столовую на предмет выбора жертвы. Кит Левиц и Сяо Чжу синхронно пригнулись... увы, т'Лехин был занят, и выбор пал именно на них.

– Приятного аппетита, – ставя на их стол свою тарелку, пожелал Шварц с непередаваемым выражением, от которого завтрак запросился наружу. И все же это не шло ни в какое сравнение с его обычным приветствием, состоящим из малоцензурных слов.

– И вам того же, капитан Шварц, – растерянно вымолвил Кит.

– Контр-адмирал, – по роже Шварца расплылась довольная улыбка. Нет – настоящая лыба, по-другому и не назвать. – Адмирал Шварц, – ему явно нравилось это произносить. – Ясно вам, *капитаны*?

Кит и Сяо Чжу переглянулись. Взгляд китайца говорил: я же предсказывал, что его повысят!

– Так точно, адмирал Шварц, – без особого энтузиазма подтвердили они.

Комендант откусил от яичницы огромный кусок и с наслаждением потянулся.

– Эх, и хорошо же!

Ясное дело, неплохо. Не каждый день контр-адмиралами становятся. Кит уныло вернулся к своему кофе.

– У меня будет мальтийский крест, – похвастался Шварц невольным слушателям. – Салима обещала лично поговорить об этом с великим магистром.

Час от часу не легче. Кит не удержался от ехидного замечания в надежде хоть немного подпортить праздник вредному коменданту:

– Обещал – не значит женился!

– Этот вопрос тоже обсуждается, – молвил Шварц благодушно, справляясь с новым куском яичницы.

– Какой? – не понял Сяо Чжу.

Шварц мгновенно собрался.

– Что? Да никакой! Чего пристали, уроды? Совсем голову заморочили, уже заговариваться начал.

Он быстро дожрал яичницу, залил в себя остывший кофе Кита и, бросив им свою тарелку – уберете, мол, – покинул столовую, словно куда-то торопился.

– Что это с ним? – изумленно спросил Кит у пространства. – Даже не ругнулся ни разу. Чжу, ты заметил?

Грех, конечно, но смерть неведомой жены Аддарекха кое-как примирила Клару с действительностью. А может, то, что убивался он в основном не по ней, а по дочкам. Она даже нашла в себе силы их пожалеть. Ужасно, когда гибнут дети. Тем более – девочки. Она попросила Аддарекха показать их изображение, но он уткнулся в подушку и пролежал молча не менее получаса, прежде чем выдавить:

– Ничего не осталось. Дома все сгорело, а у меня... у меня был с собой кристалл памяти... где-то отобрали. Ничего нет. Словно и не было никогда.

Каким он уходил – счастливым, веселым, заново почувствовавшим вкус жизни... А вернулся закаменевшим. Пришел к ней в медблок, ткнулся лбом в плечо и пробормотал:

– Клара, мне больше некуда идти.

Он был по-прежнему нежен, заботлив и внимателен. Но счастье уже не светилось в глазах. Она опасалась, что он запьет, но первая в жизни выпивка, плохо подействовавшая на непривычный организм, навсегда отвратила его от алкоголя. И то хорошо. Только как забыться непьющему и некурящему? Разве что с женщиной. Клара старалась все время быть рядом и не скупилась на ласку, однако у него были обязанности: Гржельчик приказал ему отобрать и тренировать бойцов по специальной методике, против мелких диверсантов типа шнуругрызок и иных пакостей, не принимаемых в расчет стандартной школой. Сперва Клара возражала; потом сообразила, что работа – тоже неплохой способ забыться.

Душенька болела за непутевого вампира, и Клара решила: коли уж на «Ийоне» есть епископ, надо этим воспользоваться. В конце концов, врачевание душ – его долг. Она явилась к Дьёрдю Галаци и вывалила на него все свои мятущиеся чувства – пусть разбирается.

– Дочь моя, – молвил Дьёрдь слегка ошарашенно, – радоваться смерти чужой жены, конечно, грешно, но, по-моему, ты начала не с того греха. На тебе лежит прелюбодеяние...

– Да это такая фигня! – эмоционально перебила она.

– Сожительство с врагом рода человеческого, – многозначительно продолжил епископ. – Кровавые жертвы...

– С каким еще врагом? – Клара возмущенно уткнула руки в боки. – Это вы Аддарекха так называете, святой отец? Да вы рехнулись! Он – хороший человек, спросите любого здесь, никто о нем дурного не скажет. Капитан Гржельчик даже взял его в команду!

– Капитан Гржельчик тоже меня беспокоит, – пробурчал Дьёрдь. – Дочь моя, вампиры прокляты Церковью как отродья дьявола, сотрудничество с ними и тем более приношение крови карается вплоть до отлучения от церковных таинств. Ты зашла слишком далеко, дочь моя, но искреннее раскаяние еще может тебя спасти.

– Я ни в чем не раскаиваюсь! – твердо заявила Клара.

Дьёрдь расстроено развел руками.

– Я не раскаиваюсь! – повторила она. – Я верую в Господа нашего Иисуса Христа, чту заповеди и уважаю наших

земных пастырей, но ваши взгляды устарели на тысячу лет. Порождения дьявола, надо же! Да это всего лишь хлесткое словцо, идея, брошенная в массы, когда требовалось единым фронтом противостоять вторжению. Сейчас, когда мы живем в двадцать втором веке, это звучит смешно. Шитанн такие же, как мы. Я врач, я знаю.

– Они созданы похожими на нас, дочь моя, – согласился Дьёрдь. – Но кем?

– Богом, как и все творение, – уверенно ответила Клара. – Дьявол не умеет созидать.

Дьёрдь Галаци вздохнул. В последнем он был, в принципе, согласен с женщиной, но догмы Церкви никто не отменял.

– У Аддарекха есть душа, – убежденно сказала Клара. – Дьяволу не под силу дать кому-то душу.

– Почему ты считаешь, что у вампира есть душа? – спросил он.

– Потому что он человек! У всех людей есть души. Даже у кетрейи – маленькие, несовершенные... – наличие душ у кетрейи как раз не оспаривалось Церковью, но все они подлежали церковному проклятию за приношение кровавых жертв. – Он тонко чувствует, святой отец, он страдает и мучается, его терзают воспоминания, его раздирает боль за своих близких. Святой отец, вы же умеете утешать. Помогите ему!

Епископ подавился.

– Ты предлагаешь *мне* помочь вампиру?

– Просто поговорите с ним! – Клара прижала руки к груди. – Поговорите без ваших обычных присказок: нечистая сила, дьяволово семя... Вы сами увидите, что у него есть душа.

Эта ненормальная женщина смутила Дьёрдя. Он не соби-рался якшаться с вампиром, но... Он сам не желал себе при-знаться, что она заронила в нем сомнение. И, встретив вам-пира в обсерватории, куда зашел поглядеть на красоту звезд, неожиданно для себя заговорил с ним.

Аддарекх стоял, скрестив на груди руки, спиной к вошед-шему, и отрешенно смотрел куда-то в звездное простран-ство. У ног его терся котенок, урча и трогая лапой его бо-тинки. Вот же, животина, а вампира не боится.

– Куда глядишь? – спросил Дьёрдь негромко.

– В пустоту, – после недолгого молчания проговорил Ад-дарекх, не оборачиваясь. – Справа, в нижней четверти – что там, по-твоему?

Дьёрдь прищурился. Маленький диск, с мелкую монетку, молоко с кровью.

– Это планета. Шшерский Рай, – епископ невольно помор-щился.

– И я раньше так думал, – голос вампира был безжизнен. – А теперь вижу лишь пустоту. Там жила моя семья, но их больше нет. Никого... Их убили те, кому я служил. Для меня нынче нет Рая. Только пустота.

– Отчаяние – смертный грех, – строго сказал Дьёрдь, ав-

томатически среагировав на слова, а не на того, кто их произнес. – Господь порой посылает нам суровые испытания, но тот, кто хранит веру, их преодолет...

Вампир быстро обернулся и обнажил левый клык в криковой, невеселой усмешке.

– Церковник? Нашел кому проповеди читать!

Дьёрдь остановился на полуслове в замешательстве. В самом деле!

Мрланк почувствовал, как встопорчил шерсть кошачьего человека. На двуногого в черном он смотрел, как кот на собаку. Котенок успокаивающе мяукнул и, настороженно задрал хвост, направился к двуногому в черном изучить проблему получше. От него пахло неприятно, но не агрессией. Пару секунд Мрланк колебался: пустить струю ему на ботинок или просто уйти, сигнализирував Аддарекху, что непосредственной опасности нет. Но тут двуногий в черном присел на корточки и погладил котенка по загривку. Рука у него была ласковая, и Мрланк как-то вдруг поверил, что беды от него не будет.

– А кот-то тебя не боится, – удивленно заметил вампир.

Дьёрдь хмыкнул. Реплика была зеркальным отражением его чувств.

– А чего меня бояться? Я слуга Божий, а не пособник сатаны.

Вампир вновь скривился.

– Намекаешь на что-то, церковник? Мне все равно, кем ты

меня считаешь. Хочешь убить тварь дьявола – убивай. Жить мне незачем.

– Неважно, чья ты тварь, – епископ решил отложить скользкий вопрос на потом. Подумаю об этом завтра, как говаривала Скарлетт о’Хара. – Жизнь – бесценный дар, и нельзя самому от нее отказываться. Надо ценить всякое мгновение жизни. Быть благодарным равно за радость и горе, ибо радость служит наградой, а в горе закаляется дух. Нести свою ношу до конца, как бы она ни была тяжела, ибо любая жизнь угодна... – он не стал поминать Бога, помня, с кем говорит, – высшим силам, и лишь им решать, когда забрать ее.

Вампир молчал, но Дьёрдю не нужен был ответ. Он поднялся с корточек, подтолкнул к нему котенка и вышел из обсерватории.

– Сто червей могильных! – обратился Аддарекх к Мрланку. – Проклятые попы даже помереть спокойно не дадут. Теперь на пороге иного плана бытия мысли замучают: а донесли ли ношу... Ну, это надо, а?

– Готовить «Максим» к убытию? – спросил Ларс, недовольно принохиваясь к кофе.

Салима, поправив платок, с наслаждением отпила ароматный напиток. Ее вполне устраивало, что в кофе нет коньяка.

– Нет, – решила она. – Мы задержимся еще на пару дней.

– Салима! – взмолился главнокомандующий. – Ну какие дела могут быть у вас в этой дыре, где даже кофе не умеют

готовить?

Они завтракали вместе – не в общей столовой, а в отдельном отсеке. Здешняя неискушенная обслуга не подала к столу коньяк, и дед переживал.

– Ну, например, – Салима сделала вид, что раздумывает, – у меня объявился жених. Было бы неразумно уезжать, не познакомившись с ним поближе, как вам кажется?

Лицо старичка вытянулось.

– Салима, не надо так шутить! Вы ведь не собираетесь за этого типа замуж, правда?

– Я обещала подумать, и я думаю.

– Вы что, серьезно? – вскричал Максимилиансен. – Боже мой, о чем тут думать? Шварц вам совершенно не подходит!

– Разве? – Салима удивленно округлила глаза. – Кто скажет, что мне не подходит адмирал, командир всей обороны периметра? И мальтийский рыцарь вдобавок. Герр Шварц – герой Земли, военный гений.

– Герр Шварц – мудака! – выпалил дедок и огорченно прикрыл ладонью рот. – Прости Господи, вырвалось.

– Одно другому не мешает, – невозмутимо произнесла Салима. – А, возможно, и способствует. Однако ваша аргументация, Ларс, не выдерживает никакой критики.

Смущенный старикан покаянно повесил голову.

– Герр Шварц – сильная личность и весьма неоднозначная. Но почему вы решили, что мне больше подошел бы неинтересный слабак? Мужчина не должен быть тряпкой.

– Да чем этот... этот... адмирал может быть вам интересен? – всплеснул руками Ларс. – Горилла ходячая, пугало для инопланетян! Он же двух слов без мата связать не в состоянии!

Она улыбнулась.

– Вы бы поразились, узнав, какие книги он читает и какого резерва словарного запаса они требуют. А пугать инопланетян – его работа, разве не так? Он отлично служит родине.

Она подлила себе кофе и, прикрыв улыбку чашкой, заметила:

– И возраст у него вполне подходящий.

– Он младше вас! – произнес Ларс так осуждающе, словно видел личную вину Шварца в том, что он родился чуть позже Салимы.

– Но не мальчик же, – возразила она. – Всего на несколько лет. Прекрасный возраст.

Максимилиансен вздохнул. В этом он был с ней полностью согласен. Приближение к полусотне – прекрасная пора. Многое уже достигнуто, но есть и перспективы впереди, и старость еще не берет дань здоровьем. Ему б те годочки! Может, тоже взял да приударил бы за какой-нибудь принцессой.

– Салима, все-таки главное – не возраст... – он вернулся к прискорбной реальности.

– А, ну да, – согласилась она. – Разумеется. Куда важнее для жениха – каков он в постели, – она сделала паузу для провокационной улыбки. – Могу вас заверить, хорош.

– Что? – дед подскочил. – Салима, вы его... он вас... – он схватился за голову. – Тьфу, черт!

Салима искоса глядела на главнокомандующего, тихонько улыбаясь в сторону. Ларс, наверное, и не заметил, что она его дразнила. Девчонка, да. А Хайнрих Шварц остался мальчишкой. Она его понимала.

– Ларс, – мягко сказала она, – прекратите эти причитания. А то я подумаю, будто вы ревнуете.

– Да что вы такое говорите! – воскликнул он страдальчески. – Вы могли бы быть моей дочкой.

– Я могла бы быть вашей внучкой, – уточнила она. – Но мужчин это крайне редко смущает. Вот жалкие четыре года разницы в другую сторону – это, с вашей точки зрения, трагедия... В любом случае, Ларс, вы мне не отец и не дед, и мне непонятно, с чего вы так распереживались. Успокойтесь, свадьба не сегодня и не завтра. Я еще не приняла окончательного решения.

Василиса Ткаченко нравилась шитанн. А они ей – не очень. Мало приятного, когда тебя разглядывают, словно бутылку вина в магазине... или девицу легкого поведения на панели. Что делать – округлости Васи и здоровый румянец разили вампиров наповал. А толстая светлая коса, уложенная вокруг головы, как корона – как ни странно, ни в одном клане не имелось аналога такой прически, – сводила с ума. К счастью, военная форма земного флота отрезвляла: абориге-

ны не решались проявлять излишнюю настойчивость.

Еще Васе не нравилось изумление шитанн: как так – женщина служит в военном флоте? У них подобное не то чтобы запрещалось, но разрешалось весьма редко. Нет, ничего такого, никто не ущемляет шшерок в правах. Хочешь в космос – все вакансии торгового и пассажирского флота твои. Но позволить женщине умирать в боях за родину? На что мужики тогда?

Честно говоря, Вася умирать за родину и не намеревалась. Она собиралась побеждать. Так она и отвечала особо настырным вампирам.

На Земле относились к проблеме проще. Закон превыше всего, а перед законом все равны. И если девушка заканчивает Академию космоса с одним из самых высоких баллов в группе пилотов, нет никаких юридических оснований отказать ей в месте на военном корабле. А мама так надеялась, что она найдет на курсе жениха и бросит учебу...

Конечно, женщин на крейсерах немного, и, как правило, это не пилоты. Повара, медики, всевозможные инженеры, навигаторы, связисты... Девушки редко бредят штурвалом. К тому же стать пилотом на ГС-корабле намного сложнее, чем поваром. Мало хотеть, надо еще и смочь. Программа подготовки едина для всех, скидок девушкам нет, а трудности обучения, случается, и здоровых парней ломают. Вася смогла. Пилот-стажер, после – пилот на внутрисистемном истребителе. Потом появился ГС-привод; переподготовка,

несколько лет на «Максиме Каммерере» – от резервного пилота до второго. Когда новенький «Анакин Скайуокер» покинул верфь, судьба его была решена. Именно хозяйка первая начала звать корабль «Дарт Вейдер», а теперь так поступали все, кому не лень. Только шитанн недоумевали: как один корабль может иметь сразу два названия?

А еще они не верили, что она – капитан «Дарта Вейдера». Смеялись, просили так не шутить, доброжелательно намекали, что настоящий капитан может таких шуток не потерпеть и вычеркнуть шутницу из реестра. Если идиотское удивление вампиров лишь отчасти забавляло и слегка раздражало, то это неверие просто бесило. Вот кетрейи верили без ненужных сомнений, капитан так капитан. Ну, и кто из них умнее?

Наконец, настал последний день ремонта. Василиса выслушала от начальника доков последнюю порцию комплиментов и предложений интимного характера и в последний раз пожелала ему катиться мячиком подальше. И она еще на Гржельчика обижалась! Да по сравнению с этими клыкастыми маньяками он – просто образец деликатности и такта. Все-таки нужно перед ним извиниться по-человечески.

– Все орудия исправны? – холодно осведомилась Вася у озабоченного вампира.

– Разумеется, госпожа Ткаченко! – воскликнул он. – А как же иначе? Ваш корабль полностью функционирует. И мы могли бы отметить это радостное событие...

– Очень хорошо, – констатировала она. – Так вот, господин Винк: если вы немедленно не заткнетесь и не оставите дурацкие попытки затащить в постель капитана чужого крейсера, я испытаю наслаждение, близкое к сексуальному, расстреляв вас со всем вашим хозяйством из турболозеров, – она мстительно улыбнулась, глядя на вытянувшееся лицо шитанн. – Надо же их как-то проверить.

Красноречие и обходительность мигом покинули вампира.

– Нечего проверять, – буркнул он. – У нас все четко. Работаем по высшему классу, – он сунул ей какие-то бумаги с печатями, испещренные незнакомыми буквами, и лаконично пожелал: – Счастливого пути.

«Дарт Вейдер» шел к периметру, а Вася тревожно приглядывалась к данным с двигателей, выводимым на монитор. Она не слишком доверяла шшерцам. Конечно, все ремонтные мастера – шитанн с дипломами, но работяги-то – кетрейи. В активной зоне вообще работали одни пожилые кетрейи с цепочками да бусами на шеях.

– Вы не волнуйтесь, – сказал ей начальник доков, – они крайне аккуратны, исполнительны и дисциплинированы.

– И все же было бы лучше, если бы кто-то из шитанн за ними проследил! – настаивала Вася.

Господин Винк развел руками.

– Если вы, госпожа Ткаченко, найдете такого, кто на это согласится. Находиться там, знаете ли, опасно для здоровья.

– Ах, вот как! – возмутилась она. – Стало быть, своей шкурой рисковать не желаете? А кетрейи, значит, не жалко? Пользуетесь тем, что они не понимают опасности?

Винк вздохнул. За время ремонта эта земная красавица крови ему попортила на три года вперед. И не дает ведь, зараза!

– Их организм лучше приспособлен, госпожа Ткаченко. Не беспокойтесь, они знают о необходимых мерах предосторожности. Они все настолько толковы, насколько это возможно для кетрейи. И среди них нет ни одного, кто еще мог бы иметь детей. Чего вы хотите? Да, если возникнет нештатная ситуация, туда пойдет мастер шитанн. А потом загремит в больницу на полную замену крови. Вы там у себя на Земле вообще представляете, сколько крови в человеке? И сколько кетрейи понадобится для полной замены? Если не превышать норму, рискуя их здоровьем – несколько десятков. Так что извините, при всем моем расположении, трезво оценивая последствия, я не стану менять регламент работ ради ваших прекрасных... э-э... щечек. В конце концов, ваш корабль не первый, кто у нас ремонтируется.

– То-то у Рая ни одного исправного линкора, – буркнула Вася.

Погрешила, правда, против истины. «Райская молния» все-таки с недавних пор на ходу. Да и остальные линкоры не при ремонте загублены. Охота спорить с Винком ушла, но Василиса дала себе слово проверить все системы как следу-

ет, не дожидаясь их внезапного отказа. Похоже, шшерцы не подвели: все работало, как часы, и Вася постепенно расслабилась.

– Где «Ийон Тихий»? – она вызвала отдел наблюдения.

– В полусотне мегаметров, – был ответ. – Корабль удаляется от планеты и от нас.

– Как это – удаляется? – Вася в принципе знала, что «Ийон» ждут у Нлакиса, но в ее планы не входило упускать Гржельчика, не поговорив с ним нормально и не расставив все точки над «і». – Связь! Вызовите их.

На экране возникло изображение чужой рубки. Гржельчик сидел в кресле за спиной молодого пилота, и именно к нему она обратилась, минуя юношу:

– Гржельчик, в чем дело? Почему вы уходите?

Он посмотрел на нее из-за плеча чернокудрого парня и сухо поморщился:

– Потому что я так приказал.

– Черт возьми, подождите! Нам надо поговорить.

– Не о чем нам разговаривать, – отрезал он. – Я остался здесь исключительно для того, чтобы обеспечить безопасность Рая в ваше отсутствие. Теперь я поздравляю вас с окончанием ремонта и желаю приятно провести время на периметре. Всё!

– Да стойте же! Давайте наконец проясним эту идиотскую ситуацию, а потом уж разойдемся. Приезжайте на «Вейдер»... или, если хотите, я подъеду к вам.

– Даже не думайте! – суровый, холодный взгляд капитана не смягчился. – Подойдете ко мне ближе, чем на метр – буду стрелять на поражение.

Молодой пилот слегка вздернул бровь, но ничего не сказал – субординация, видать, хорошо поставлена.

– У меня тоже есть пушки! – бросила Вася. – Может, хватит ругаться на пустом месте?

Лицо Гржельчика исказила гримаса:

– Это вы разругались со мной на пустом месте, Ткаченко.

– Я? – Вася возмутилась. – Да вы вели себя, как озабоченный олигофрен!

Боже! И зачем она это сказала?

– Я не желаю больше мусолить эту тему! – рявкнул Гржельчик и выключился.

Она хрустнула кулачком. Да что ж это такое! Она ведь хотела извиниться, и снова... Стоило Гржельчику исчезнуть с экрана, как ей стало ясно, что выражение на его лице было вовсе не злобой и не похотью, а усталостью и страданием.

«Ракета ушла», – всплыло сообщение.

Василиса вскинулась.

– Какая еще ракета? Кто пустил ракету?

Секунда молчания.

– Никто, кэп. Пусковые пульта заблокированы.

– Видим ракету, – доложили наблюдатели. – Термоядерный заряд, с самонаведением на излучение двигателей.

– Что?! Группу захвата в броне – к пусковой! Я не верю,

что там никого не было.

– Но все системы показывали отсутствие живых объектов...

– Значит, это роботы! Куда она летит?

Самого по себе случившегося уже достаточно для того, чтобы по всему телу выступил холодный пот. Когда термоядерная ракета ни с того, ни с сего срывается и куда-то несется – это ЧП. Но тут аналитики дали на центральный экран предполагаемую траекторию чертовой ракеты, и Вася чуть не поседела. Примерно на ее пути был «Ийон Тихий». Сейчас точка встречи не видна, но Вася не сомневалась: захватив цель, система самонаведения скорректирует курс, и они обязательно встретятся.

– Связь! – заорала она. – Связь с «Ийоном», быстро!

– Они не желают отвечать, – панически отозвались связисты.

– Черт! Мы можем сбить ракету?

– Мы – нет, – аналитики не теряли головы, докладывая кратко и четко. – Она ушла далеко.

– Отключить самонаведение?

Краткая пауза.

– Нет связи с компьютерным блоком ракеты. Связь не активировали, потому что... ее никто не запускал.

– Черт, черт, черт! – на миг у Васи мелькнула мысль, что лучше бы она послушала мать и пошла трудиться портовой проституткой. Ибо то, что с ней сделает главнокомандую-

щий, не идет ни в какое сравнение с запросами даже самых садистски ориентированных клиентов.

Фархаду было немного не по себе. То, как разговаривали Гржельчик и Ткаченко... Так говорят потенциальные противники, сдерживаемые лишь тем, что никто из их правителей не хочет начинать первым.

Капитан резким движением обрубил связь и некоторое время смотрел в никуда. Потом тряхнул головой и приказал:
– Принц, запроси расчет прокола к Нлакису. Я хочу обратиться от этой сумасшедшей бабы как можно быстрее.

Йозефу было неудобно, что свидетелем их беседы с Васей оказался Фархад. Ни к чему романтичному юноше вся эта грязь. А чего доброго, маме наябедничает. Хотя нет, парень не из таких.

– КЭп, нас вызывают, – это связисты.

– «Дарт Вейдер»? Пусть катится к черту, там ему самое место! Не отвечать.

– КЭп, вы будете смеяться, – глава наблюдателей славился неподражаемым тоном, – но к нам летит термоядерная ракета.

– Какая еще ракета?

– Обыкновенная, земного образца. У нас таких тоже две штуки есть.

– Черт! – неверяще выругался Гржельчик. – С «Вейдера», что ли?

– Судя по траектории, – наблюдатель сделал многозначительную паузу, – да.

Не может быть! Фархад смотрел на экран, на котором по пунктиру расчетной траектории двигалась точка, и желудок сжимался все сильнее. К «Ийону Тихому» приближался термоядерный заряд, выпущенный другим крейсером. Не может быть? Так вот же, гляди собственными глазами.

В рубку ввалился Федотов с вытянутой рожей, кинул взгляд на экран:

– Правда, что ль? – и, добавив невнятное междометие, дернул Фархада за плечо: – Брысь отсюда, стажер!

Фархад беспрекословно освободил кресло, сел за второго. Федотыч устроился, пристегнулся, натянул наушники.

– Что делать будем, кэп? Командуйте! Орудия в боевое?

У Фархада по спине ползли мурашки. Он был готов к бою с противником. Но со своим же крейсером? Разве для того строили эти корабли, вооружали, обучали команду? За что они будут сражаться сейчас?

– Мы можем ее сбить? – спросил Гржельчик.

– Ваську-то? Попотеть придется, – нехотя признал Федотыч, активируя орудия. – Но, собственно, почему нет?

Капитан скрипнул зубами.

– Ракету! Я хочу сбить ракету.

– Когда ракета войдет в зону поражения, у нас будет около двадцати секунд, чтобы ее расстрелять, – доложили аналитики.

– Мы будем ждать, пока она подлетит? Или пойдем навстречу? – осведомился Федотов. – Убьем двух зайцев сразу: заодно приблизимся к «Вейдеру» для атаки.

– Мы не будем атаковать «Вейдер», – процедил Гржел-чик.

– Как не будем? Они на нас напали!

– Я сказал, нет!

Василиса точно сбрендила, но он-то еще в своем уме. Йозеф мог сколько угодно смаковать в воображении, как обстреливает «Анакин Скайуокер», но некоторые фантазии категорически нельзя воплощать в реальность. Он представлял, какой катастрофой обернется бой двух земных крейсеров. Во всех смыслах – материальном, политическом, даже моральном. Сила Земли – в каждом крейсере, и «Анакин Скайуокер» – один из них. Нет, он не станет ослаблять Землю ради того, чтобы отомстить этой дуре. И он не допустит, чтобы пострадали люди, непричастные к их с Васей личному конфликту. На горло себе наступит, но не допустит.

– Принц, что с расчетом прокола?

– Готов, капитан.

Уходить сейчас все равно нельзя. Если ракета накроет «Ийон» во время прокола, мало не покажется никому на гигаметры вокруг. Рисковать кораблем можно, когда нет другого выхода, но рисковать системой, в пределах которой находишься? Черная дыра у обитаемой планеты – это уж вовсе никуда не годится. Вначале надо разобраться с проклятой

ракетой, так или иначе. Либо они ее собьют, либо она найдет их.

Фархад неотрывно следил за голографической точкой, быстро ползущей по пунктиру к лиловой полупрозрачной сфере – условной границе зоны поражения. Он сидел, как на иголках. Мучительно видеть, как к тебе приближается термоядерная смерть – и ничего не делать, только ждать. Но тугой узел в районе желудка распустился. Гржельчик сказал, ответной атаки не будет. Самое страшное не случится. Гораздо более страшное, чем все еще возможная гибель «Ийона» и его, Фархада.

Он мог себе представить, каким трудом далось капитану твердое, взвешенное решение. Он слышал, как они говорили с Ткаченко. И он знал о том, что произошло между ними раньше – версию Вилиса, наверняка не слишком корректно отражавшую реальность, но ведь дыма без огня не бывает. Он, Фархад, на месте Гржельчика атаковал бы. Понимал, какой это был бы кошмар, но все равно – не удержался бы. Каким чудом удерживается капитан?

Йозефа корежило и внутренне трясло. Подлых ударов ждешь от врага, и на союзника порой косишься с подозрением, но своим всегда доверяешь... Он пришел на помощь «Скайуокеру», вытащил его сперва из одной задницы, потом из другой, подменял его, пока тот ремонтировался. А вместо благодарности получил ракету. И теперь ему остается только сцепить зубы и проглотить это, потому что он не станет ни

стрелять в ответ, ни докладывать в Центр. Непонятно, за что Ткаченко так его невзлюбила, и выяснять уже смысла нет. Скоро он умрет, и она снова делается нормальным капитаном, каким была прежде. Ни к чему портить ей жизнь и карьеру.

Точка на голограмме коснулась лиловой сферы.

– За каким половым органом вы сюда приперлись? – неприятливо спросил Хайнрих.

Собеседник выглядел опешившим. Подобное выражение лица противника очень нравилось Шварцу.

– Н-но наш координатор договорился с вашим, – промямлил мересанец в темно-сером форменном халате. На экране связи он был виден по грудь, и Шварцу было жутко интересно, есть ли у него меч на поясе. – Мы прибыли за нашими согражданами. Мы предупреждали о визите.

«Песец» и «Михалыч», как обычно, вышли навстречу чужаку, вынырнувшему из прокола. Стандартная схема: перехватить, допросить, направить под конвоем на станцию для досмотра или демонтажа орудий... Однако нынче Шварц упрявился:

– Нас предупреждали, что придет мирный транспорт, а не долбаный линкор.

– Но все наши ГС-корабли – линкоры! – взмолился мересанский капитан. – Господин Шварц, не будьте формалистом! Мы не собираемся заходить вглубь системы. Разрешите

те нам пришвартоваться к станции. Мы передадим вам груз, заберем своих и уйдем. И все!

– Ага, ща-ас, – протянул он. – Ищите дурачка. Я позволю вам приблизиться к станции только тогда, мать вашу, когда у вас не будет ни пушек, ни лазеров.

– Но, господин Шварц, – лицо мересанца вытянулось, – конструкция линкоров не предполагает...

– Проблемы индейцев шерифа не волнуют, – отрезал Шварц. – Решайте их, как хотите. Если в следующий раз, когда ваш летающий таз появится тут снова, он не будет напоминать мирное судно, я из него сделаю дуршлаг без предупреждения.

– Но мы...

– На счет «три» вы уберетесь, если не желаете стать поиметым дуршлагом немедленно. Раз... два...

Линкор включил двигатели и стал поспешно удаляться. Хайнрих рассмеялся. Подождал, пока вокруг него не запылаха радуга, и взял курс обратно на станцию. «Михалыч» шел рядом.

– Что это за самоуправство? – возмутился посол Созвездия, призывая Салиму в свидетели. – Они прибыли в срок, как было оговорено! А вы позволяете себе!..

– Это они много себе позволяют, – огрызнулся Шварц. – И совершенно зря. У вас, как у посла, отличная память, – польстил он. – Вы же должны помнить, как звучала договоренность.

– Конечно, я помню! – с оттенком самодовольства произнес Веранну. – Мересань присылает транспорт и оплату, Земля отдает пленных.

– Вот! – Хайнрих поднял указательный палец. – Транспорт, было сказано. А эти самки животных что прислали?

– Корабль, – непонимающе ответил посол. – А вы чего ждали? Поезда?

– Вы, господин посол, человек образованный, – Шварц решил снова подсластить пилюлю, – и наверняка должны знать, чем судно отличается от корабля, а транспорт – от линкора. Так вот, о линкоре уговора не было!

– Но это же очевидно, что у Мересань нет других кораблей с ГС-приводом! – с досадой воскликнул Веранну.

– В самом деле, адмирал Шварц, – мягко вмешалась Салима, – ваше решение спутало карты господину послу. Он теперь вынужден задержаться здесь и отменить многие из запланированных дел.

– Ваша станция для того и существует, чтобы чужие линкоры причаливали к ней, а не садились на планету, – заметил Веранну.

– Но не тогда, когда здесь координатор этой планеты, – парировал Шварц. – Пока Салима ханум на станции, вооруженный чужак подойдет сюда только через мой труп!

– Ваша забота, адмирал Шварц, трогает меня, – слегка улыбнулась Салима. – Но что же делать с несчастными вооруженными чужаками? Видимо, мне придется уехать.

– Нет! – быстро возразил Шварц. – Не надо. Мы этот вопрос урегулируем. Я же не сказал, что совсем не пущу их на станцию! Пущу. Только без оружия. Разве это не логично?

Посол застонал. Он решительно не понимал, как этому бравому вояке с периферии раз за разом удается ставить его в тупик.

Точка вспыхнула. На голографической схеме это выглядело невыразительно, но Вася знала, что там, в нескольких гигаметрах, зажглось злое маленькое солнце, неустойчивая солнечная капля, стремящаяся пожрать все вокруг себя за краткий отпущенный ей срок. Еще немного водорода превратилось в гелий; по меркам Вселенной, полной гигантских звезд – сущая мелочь, а корабль, кажущийся таким неуязвимым, слизнет и не подавится.

Или не слизнет? Вася искренне надеялась, что «Ийон» сбил ракету. Гржельчик не первый день крейсером командует. Конечно же, он сбил ее. И теперь готовится атаковать «Вейдер». Васе хотелось завывать в голос. Что делать? Сбежать? Но по приказу «Дарту Вейдеру» еще месяц болтаться у Рая. Не может Вася уйти, да и некуда. На Земле ее по головке не погладят – в лучшем случае разжалуют, а то, глядишь, и обвинят в измене. В Раю – не поймут: твое дело на дальней орбите торчать, а не на планете прятаться, да еще от своих же. Уходить к противнику? Ждут ее там, ага. С распростертыми объятиями. А может, и да: это от гъдеан хорошего не

жди, а чфеварцы могут и принять. Только лучше уж умереть, чем навсегда войти в историю предательницей своего мира.

Что делать? Остаться здесь и ждать, пока «Ийон Тихий» не уничтожит ее корабль? Ей придется вступить в бой хотя бы для того, чтобы у кого-то из команды было время спастись. И тогда ее имя снова окажется в веках, и снова на тех страницах, где его видеть невыносимо. Попытаться поговорить с Гржельчиком? Так он не хочет разговаривать! А если бы и хотел, как ей объяснить ему ситуацию, которую она сама не понимает? Куда ни кинь – всюду клин.

– «Ийон Тихий» исчез, – доложили наблюдатели, и Вася вздрогнула.

– Что значит – исчез? – а где-то глубоко внутри уже знала; знала, но боялась произнести вслух.

– Он не обнаруживается никакими средствами наблюдения, – ответ был подчеркнута нейтрален. Но наблюдатели – живые люди. Что сейчас творится у них в душе? Неужели тот же кошмар, что у Васи?

Она уронила лицо в ладони. Почему? Почему он не сбил эту чертову ракету?

– Красавица и чудовище, – ерничая, прокомментировал Кит Левиц.

Сяо Чжу снова посмотрел на столик, где расположились, о чем-то негромко беседуя за телячьей отбивной с гарнирами, координатор и комендант.

– Милашка Шварц нашел себе новую жертву.

– Жертву? – Сяо Чжу покачал головой. – Координатор от него не зависит. Захочет – встанет и уйдет. Еще и орден отберет, если сильно разозлится. Это же координатор!

– А это – Шварц, – не согласился Кит. – Посол от него тоже не зависит, но стонет, не особо скрываясь. Если наш любезный комендант захочет кого-то достать, то достанет, будь тот хоть самим Господом Богом.

Салима отложила вилку, засмеялась и что-то сказала Шварцу. Он смутился, как школьник.

– Непохоже, Кит, чтобы он ее достал, – проговорил Сяо Чжу.

Хайнрих чувствовал себя не слишком уютно под прицелом десятков внимательных и придирчивых глаз. Но куда еще пригласить женщину поесть? А не пригласить было невозможно. Она не оставила ему другого выхода.

– Почему бы вам, как подобает рыцарю, не пригласить даму сердца на ужин? – лукаво осведомилась она, когда расстроенный посол их покинул.

Для Хайнриха это оказалось полной неожиданностью. То есть он знал, что кавалеры так обычно и поступают. И не раз угощал девушек в земных ресторанах. Но это были самые заурядные девушки. Ни на одной из них он не собирался жениться, и ему было плевать, как они отнесутся к его неумению пользоваться ножом и вилкой и прочим застольным манерам.

– Э-э... – он махнул рукой и выдавил: – Я чавкаю за едой.

– Вы же хотели на мне жениться, герр Шварц, – напомнила Салима. – А что вы думаете о свадебном банкете? Съедутся гости: главы государств, члены королевских фамилий, видные общественные деятели...

Он зажмурился и тихо застонал.

– Что, уже не хотите? – участливо спросила она.

– Хочу, – слабо проговорил он. – Очень хочу. И ради этого выдержу даже свадебный банкет. Ладно, давайте поужинаем. Я постараюсь не чавкать.

И он действительно старался. Ради нее он был готов на что угодно. Отдать жизнь или даже научиться владеть ножом и вилкой. Если бы на них еще не пялились! Окружающим было страсть как интересно, о чем это они говорят. На виду у всей станции он не решался дотронуться до ее руки, хотя держал ее в объятиях каждую ночь. Вынужден был обращаться к ней на «вы», дабы никто ничего не подумал. Он не имеет права рисковать ее репутацией. Она ничего ему на этот счет не говорила, он сам так решил.

Ее охрана, конечно, знала. С ООНовскими гвардейцами у него было вооруженное перемирие: они держат при себе свои мысли насчет его человеческих и моральных качеств, а он не доводит их до ручки. Условия, весьма выгодные охранникам: иллюзий насчет собственных моральных качеств у Хайнриха и так не имелось, а в высоком искусстве доведения до ручки он был мастером. Перемирия достигли не сра-

зу: мастерство пришлось пару раз наглядно продемонстрировать, чтобы до гвардейцев дошла польза хотя бы показного взаимоуважения.

– Ну что же вы, герр Шварц, – промурлыкала Салима. – Не сидите, как столб, наслаждайтесь едой.

Хайнрих вздрогнул. В самом деле, сидеть на ужине с дамой с деревянной спиной как-то противоестественно.

– Если вы будете так напряжены, – шепнула она, – люди могут счесть, будто мое общество вам в тягость.

Ему было начхать, что там сочтут люди. Гораздо хуже, если *она* так сочтет.

– Ваше общество, – пробормотал он, – столь приятно, что я боюсь дать себе волю, находясь на людях. Вы рискуете оказаться вместо блюд на этом самом столике, причем в раздетом виде.

Она подняла бровь.

– Хотите меня съесть?

– Ну... дабы не смущать ваш слух грубыми выражениями, можно и так сказать.

Она засмеялась.

– И что же вам мешает это осуществить, герр Шварц? Да, моя охрана проявит недовольство. Но зато тогда вам уж точно придется на мне жениться. Я не смогу отказаться, чтобы не потерять лицо, и для вас пути назад не будет.

Хайнрих прикрыл глаза руками. Черт знает что! Она не может не понимать, что он так не поступит. И все равно про-

воцирует и подкалывает его, и это возбуждает до безумия.

– Для меня и так нет пути назад, – выдавил он.

Сяо Чжу, потягивая чай, неотрывно следил за собеседниками. Они с Китом не слышали, о чем говорят координатор и комендант, но флегматичный и внимательный китаец уже составил свое мнение – по выражениям лиц, по характерным позам.

– Они друг друга стоят, – промолвил он негромко. – Поверь мне, Кит. Два сапога пара.

– Госпожа Ткаченко, – проникновенно сказал Винк Лис, – наши рабочие ни за что не допустили бы столь досадную оплошность.

Вася орала на него уже полчаса, и выражение бесконечно-го терпения на бледной физиономии начальника доков стало потихоньку вытесняться оскалом, предваряющим вхождение в священное безумие. Он всеми силами стремился отодвинуть этот роковой миг. Надо держать себя в руках. Клиент всегда прав. В особенности такой клиент, который может шарахнуть с орбиты какой-нибудь неприятно взрывающейся пакостью.

В какой бы истерике ни находилась Василиса, обязательств она не нарушила. Крейсер оставался на орбите Рая, готовый к отражению любой атаки. Вася прибыла в Генхсх шаттлом, когда стало ясно, что в пусковой в самом деле никого не было: ни организма, ни механизма, – и команды на

старт ракеты не поступало. Значит, что-то не так сделали во время ремонта, решила Вася. Где-то неправильно соединили цепи, что-то неаккуратно изолировали, какие-то узлы не проверили. Она ворвалась в кабинет начальника доков и спустила на него всех собак.

– Наши рабочие не допускают идиотских ошибок, госпожа Ткаченко. Они тщательно вышколены...

– Значит, они сделали это специально! – обвинила она. – Это преднамеренная диверсия!

– Сто червей могильных, ну о чем вы говорите? – не выдержал Винк. – Зачем кому-то из нас заряжать ракеты на самопроизвольный старт? Чтобы они били по нашим стратосферникам и сторожевым катерам, если рядом не окажется другой цели? Мы же не враги себе!

– Вы – может, и нет, господин Винк. А за своих подчиненных вы тоже головой поручитесь? Может, среди них скрывается вражеский агент!

– Госпожа Ткаченко, вам не кажется, что инопланетному агенту было бы крайне затруднительно затеряться среди шшерцев? Разве кто-нибудь из землян сошел бы за кетрейи, если бы постарался не умничать. Но не будете же вы утверждать, что все это подстроили земляне? Это абсолютно, как любят выражаться ваши тсетианские друзья, нелогично.

– Я имела в виду не инопланетян, а тех, кого они могли подкупить!

– Подкупить? Очень, очень сомнительно, госпожа Ткачен-

ко! За деньги можно продать многое, но не родину, – заметив скептический взгляд землянки, он взмахнул руками: – Хорошо, оставим нравственный аспект, хотя он очевиден для любого шшерца, даже самого недалекого кетрейи. Есть ведь еще техническая сторона. Не знаю, как у вас, а наша электронная денежная система прозрачна. Если у кого-то появляется крупная сумма из неизвестного источника, стража тут же отследит это, и ему придется дать подробные ответы на возникшие вопросы.

Вася задрала глаза к небу. Наивность этого вампира, столь уверенно разглагольствующего о всеобщей лояльности народа и о всесии стражи, ее изумляла. Совершенно не обязательно переводить на счет диверсанту крупную сумму. Можно несколько мелких, в разное время и на разные счета, и можно прикрыть эти суммы легально – скажем, перевод за какую-нибудь стрижку газонов или покраску машин... А можно платить и не деньгами. Деньги – далеко не единственное, что интересует людей. Карьера, выгодные знакомства, здоровье, родные... Можно вообще не платить, всего лишь пообещать не делать плохого ребенку или жене. А кетрейи стоит только умеючи заморочить голову – и даже грозить не надо. На дурака не нужен нож...

– Ваших кетрейи обвести вокруг пальца – раз плюнуть!

– Госпожа Ткаченко, они знают, что можно и что нельзя, – возразил Винк. – Они ничего не станут делать сверх регламента.

– Станут, если будут уверены, что это необходимо! Навешать им лапши на уши – и дело в шляпе.

– Простите, не понял, – затормозил Винк.

– Что тут непонятного? – взвилась Василиса. – Ваши кетрейи – слабое звено! Вы не проверяете за ними, и вот результат! Кто знает, чего они там понатворили?

– Это очень легко узнать, госпожа Ткаченко. У нас ведется видеозапись всех работ. Как раз для того, чтобы у клиента не возникало необоснованных претензий, – он не удержался от шпильки.

Запись была плоская, не голографическая, но – Васе пришлось это признать – исчерпывающая. Записывались абсолютно все операции, вплоть до полировки. Ремонт длился не один день, и производил его не один рабочий, поэтому на просмотр архива даже в ускоренном режиме у Васи ушли целые сутки. Все, как положено. Рабочие, как это принято не только в Раю, сопровождали свои действия словесными комментариями, типа: «А сейчас я снимаю эту круглую металлическую фигню, кладу ее в контейнер для мусора и ставлю на ее место такую же фигню, только новую и более круглую». Комментарии велись на шитанн, и Вася ничего в них не понимала, но все действия внимательно просмотрела в присутствии Винка, одного из мастеров и независимого эксперта – дуурдуханского инженера. Никто не заметил никакого криминала. Да что там криминала! Шшерских рабочих и мастеров в простой неаккуратности и то нельзя было обвинить.

Все делалось на совесть, и ничего лишнего.

– А может быть, – вкрадчиво спросил начальник доков, – вы сами эту ракету запустили, а теперь на нас свалить пытаетесь?

– Совсем обалдели? – рявкнула Василиса. – Я ума не лишилась – стрелять в своих!

– Да кто вас, землян, знает, – неопределенно протянул Винк. – Вы – существа странные...

Мересанский линкор являл собой жалкое зрелище. Военные корабли с демонтированными орудиями всегда выглядят противоестественно, словно скопцы в бане. Ларс фыркнул. Мересанцы, конечно, не забудут такого унижения, но было бы о чем горевать – все равно уже война. А Шварц, положив руку на сердце, правильно сделал, что не пустил сюда синих при оружии. Оружие, оно создает иллюзию вседозволенности. Вот и не надо будить лихо.

На погрузо-разгрузочных работах распоряжался посол Содружества Планет. Ценности, привезенные мересанским линкором, тщательно пересчитывались и грузились на «Максим Каммерер». Пленные из эскадры т'Лехина нетерпеливо дожидались разрешения покинуть ненавистную станцию и взойти на свой корабль, но торопить господина Веранну не смели. Тем не менее светлый миг был уже близок. Увы, не для всех: адмирал т'Лехин наблюдал за суетой с обреченностью. Вот он, линкор, совсем рядом – но за адмиралом,

не доверяя важную миссию солдатам Шварца, зорко следят гвардейцы ООН. Этот пленник не должен сбежать.

Веранну сделал для несчастного адмирала все, что мог: выхлопотал у Салимы позволение забрать т'Лехина на Землю и держать при посольстве под надежной, но ненавязчивой охраной. Мересанец все же добился встречи с координатором, пытался умолить ее отпустить его домой.

– Сказать по правде, адмирал, мне тоже не слишком нравится идея отправить вас на Землю, – молвила Салима. – Меня устроило бы гораздо больше, если бы вы находились вдали от нее – в идеале, на этой станции, под жестким приглядом коменданта.

Т'Лехин спал с лица, двенадцатикратно жалея о том, что вообще завел этот безнадежный разговор.

– Однако господин Веранну настоятельно просит смягчить вашу неволю, – продолжила она. – И я пошла вам навстречу. Я разрешаю вам покинуть станцию и жить на Земле, причем не в тюрьме, а в посольстве Созвездия. Если вам это неудобно, могу договориться о вашем содержании в каком-нибудь дворце. Вам будет предоставлено достаточно свобод и льгот. Помните только одно: если вы попытаетесь ими злоупотребить или вести себя не так, как подобает почетному пленнику – мигом отправитесь сюда, где с вами гораздо меньше мороки.

В последний день Шварц донимал т'Лехина особенно активно: чувствовал, что птичка вот-вот выпорхнет из рук.

Подарил ему на прощание завалывшийся эасский сувенир: стеклянное сердечко с электрической подсветкой. Пригрозил, что приедет на Землю в отпуск и проверит, как т'Лехин хранит его подарок. В красках описал, как глубока и чревата последствиями будет его обида, если тот, не приведи Господи, выкинет дар его искренней симпатии. Адмирал попал: теперь придется постоянно таскать с собой этот пошлый электрический кошмарик и все время волноваться, как бы его не потерять. Ладно, он был согласен даже на это, лишь бы поскорее убраться от безумного Шварца.

Предстоящая передача мересанцев и отъезд адмирала т'Лехина на Землю вызывали грусть у капитанов «Джона Шепарда» и «Джеймса Кирка». Ремонт, безусловно, замедлится, а внимание к ним адмирала, чтоб его, Шварца усилится. И поделаться ничегошеньки невозможно.

Впрочем, в последнее время Шварц пребывал явно в измененном состоянии сознания. Почти не ругался и не издевался – так, лишь для проформы. Кит Левиц предположил, что комендант подсел на мересанскую траву. Сяо Чжу так не думал. Не тот человек Шварц, чтобы позволить затянуть себя наркотической зависимости. Сволочь, но отнюдь не дурак, и силы воли – на троих. Что-то более глубинное с ним происходит. Наверняка связанное с визитом высоких гостей. То ли благословение кардинала подействовало, то ли дало результат суровое внушение главнокомандующего, то ли красота координатора сразила наповал. Одно из трех,

посла можно откинуть: он инопланетянин, а с инопланетянами Шварц не считается.

«Ваше высокопреосвященство!

Корабль наш находится на орбите богомерзкого Шшерского Рая. Возможно, именно с этим прискорбным фактом связано обострение необъяснимых в мирском понимании проявлений негатива, по моему глубокому убеждению, свидетельствующих об активности дьявола».

Темные буквы торопливо выстраивались на светлом поле экрана, теснясь, складывались в предложения и абзацы, то прерываясь, то вновь спеша прибиться к строке.

«Капитан Василиса Ткаченко с некоторых пор избегает не только исповеди, но и любых разговоров с духовным наставником. Это не может не быть тревожным признаком, ведь еще недавно она была верной дочерью Церкви. Лицо ее отражает душевный непокой, поступки и речь резки, импульсивны и нерациональны. Состояние души любого капитана крайне важно для флота, но я не стал бы обращаться к вашему высокопреосвященству, если бы меня беспокоил один только этот факт. Я постарался бы справиться с ситуацией сам, если бы она не явилась всего лишь предвестником и спутником другого несчастья, кое не объяснить иначе, как кознями врага рода человеческого.

Вчера с «Анакина Скайуокера» была запущена термоядерная ракета с самонаведением на чужой двигатель. Мне

доподлинно неизвестно, произошло это по тайному приказу капитана или же, как гласит официальная версия, имело место случайное срабатывание пусковой установки. Так или иначе, вмешательство дьявола здесь не вызывает сомнений – в разум капитана или в электрические сигналы цепей управления, в конечном счете все равно. И это вмешательство имело трагические последствия: был уничтожен ГС-крейсер «Ийон Тихий».

Ваше высокопреосвященство, в этой войне против нас стоят не только обычные противники – государства и миры. Против нас выступили силы зла. Какой бы ни казалась видимая причина этого удара, он нанесен ими. Мы всегда готовы к борьбе с этим врагом. Но, чтобы посрамить дьявола, а не пасть в неравном бою, потребуется вся мощь и влияние матери нашей Церкви, а не одно лишь рвение скромного священнослужителя, ни в коей мере не способного претендовать на лавры святых. Я прошу вас не оставить без внимания происки врага и организовать достойный отпор.

Епископ Ян Гурский».

– Даже уезжать не хочется, – расслабленно промолвила Салима.

Суматошный день был позади. Мересанцы покинули станцию на своем ободранном линкоре, «Максим Каммерер» загружен сырой платиной и урановой смолкой. Впереди – утро, пара ободряющих слов здешнему контингенту, отбы-

тие, возвращение к заждавшимся делам. А сейчас – краткая передышка, тонкая прослойка ночи между вчера и завтра, стремительно тающая с каждым мгновением.

– Нет проблем, – брякнул Хайнрих. – Оставайся. Капитаны будут счастливы до охре... в общем, до опупения счастливы, что мне не до них.

Она тихо засмеялась.

– Правильно, остаться тут, а политика – по боку. Пусть другие с ней разбираются, – смех стал грустным. – Может быть, когда-нибудь. Но не теперь, когда идет война.

Ее голова лежала у него на груди, взгляд слегка затуманен. Хайнрих блаженно улыбался, глядя куда-то в потолок.

– Выйдешь за меня замуж после войны? – спросил он с новой надеждой. Она ведь обещала подумать. Может, надумала уже?

Она молчала долго.

– Ты всерьез намерен на мне жениться?

– Я говорю тебе об этом каждый день! – он укоризненно покачал головой. – И каждую ночь подтверждаю.

Он провел рукой по волне черных волос, поднял пальцем тонкий подбородок, чуть повернул к себе, чтобы заглянуть в глаза.

– Ты не выйдешь за меня, – сказал понимающе и разочарованно.

– Ты сам-то осознаешь, на что хочешь подписаться? – спросила она мягко и снисходительно. – Муж координатора

– волей-неволей политическая фигура, неважно, король он или консорт. Всегда быть в центре внимания корреспондентов и шпионов, бестактных просителей и сумасшедших террористов. Постоянно следить за собой, постоянно находиться в напряжении. Надевать на приемы официальный костюм, есть ножом и вилкой, выбирать слова...

– Я привыкну, – пообещал он. – Научусь выражать свои мысли без мата, честное слово.

– Поверь, мне все равно, как ты говоришь, – она с нежной улыбкой прижалась щекой к его щеке. – Для меня важно, что ты делаешь, и это мне нравится.

Он невольно ухмыльнулся. Такое признание дорогого стоит.

– Салима, я сделаю все, чтобы тебе не пришлось меня стыдиться. Я стану таким, как ты хочешь.

Она вновь негромко засмеялась.

– Хайнрих, я люблю тебя такого, какой есть. Мне больно будет видеть на твоём месте издерганную мумию, замученную приличиями. Я хочу, чтобы ты оставался собой, в том-то и беда.

«Сайрес Смит» ушел. Подзадержался здесь Миленич, небось прокликает последними словами шнуругрызующих мегавошек, из-за которых проторчал у Нлакиса лишние пол-месяца.

– Вызывает «Райская молния», – доложили связисты.

Мрланк – тут же радостно всплыло по ассоциации. Но нет, конечно же, на экране был Ххнн Трагг.

– Мы загрузились. Кто теперь в вашей эскадре главный? Ты, Гржельчик?

– Я, – проворчал он.

– Можно нам уйти?

– А то нет. Ты к Раю пойдешь, Хрен?

– Ну неужели к Ханту? – бывший старпом позволил себе улыбку.

Йозеф поколебался. Он пока не понимал, может ли доверять Ххнну. Мрланку бы доверился без раздумий, но что толку рассуждать о несбыточном? «Молнией» командует Ххнн.

– Хрен, заскочи ко мне перед убытием, – попросил он. – Нам надо поговорить.

– Так говори, – Ххнн не понял. Йозеф снова засомневался. Доверить – не доверить? А-а, можно подумать, у него есть какой-то другой вариант!

– Дело интимное, – проскрипел он. – Не для открытого канала связи.

Лицо шитанн слегка вытянулось.

– Гржельчик, ты что имеешь в виду?

– Наедине скажу. Пожалуйста, Хрен. Чем ты рискуешь? Если тебе покажется, что я тебя обидел – укусишь меня, и дело с концом.

Все, что говорится по радио, записывается. Должно быть,

аналитики в штабе изрядно повеселятся, прослушивая эту запись. Ему было плевать. Пусть сочтут, что он желает вкушать ласк шитанн в обмен на разрешение покинуть орбиту Нлакиса. Пусть вообще думают, что хотят. Все равно он скоро умрет. Лишь бы не догадались о том, зачем ему на самом деле нужно пообщаться с Ххнном тет-а-тет.

Ххнн подумал так же.

– Знаешь, Гржельчик, – заявил он, входя, – что-то я за тобой раньше не замечал склонности к интиму с кем попало.

– И правильно, – буркнул Йозеф. – Слушать надо как следует. Я не об интима упоминал, а об интимном разговоре. Почувствуй разницу.

Шитанн уселся в кресло с явным облегчением.

– Кофе будешь? – Гржельчик помнил, что вампир вроде как не приветствует алкоголь. – Или чай? Угощать тебя ретихи смысла не вижу.

– Все равно что, – отмахнулся он. – Наливай и выкладывай.

Йозеф вздохнул.

– На орбите Рая сейчас должен находиться «Анакин Скайуокер».

Ххнн кивнул. Видел крейсер, уходя к Нлакису.

– Им командует Василиса Ткаченко.

Он припомнил цветущую женщину с уложенной вокруг головы светлой косой. Не была б она такая злая, к интиму с земным капитаном он отнесся бы с гораздо большим энту-

зиязмом.

– Я тебя прошу, Хрен: встретиться с ней. Так же, как со мной, с глазу на глаз.

– А если она не захочет встречаться со мной с глазу на глаз?

– Блин! Сделай так, чтоб захотела. Попроси как следует. Как я – тебя.

Ххнн с сомнением хмыкнул.

– Мне надо, чтобы ты передал ей несколько слов, только и всего. В обход каналов связи.

– А чего сам не сказал?

Чего, чего! Как говорить с бабой, захреначившей в тебя термоядерной ракетой? Йозеф не стал отвечать. Не сказал, и все.

– Передай ей вот что, Хрен. В тот день, когда я ушел от Рая, в системе появился гьдеанский разведчик. Небольшой катер, которому удалось обмануть моих наблюдателей. Маленькая отдаленная цель,двигающаяся по рваной траектории. «Анакин Скайуокер» не мог достать ее лазерами. Было принято решение уничтожить разведчика термоядерной ракетой с самонаведением. Проследив курс ракеты, «Ийон Тихий» также обнаружил гьдеанина и, находясь ближе, нанес по нему лазерный удар. Совместными усилиями с разведчиком было покончено.

Ххнн смотрел озадаченно.

– Командир «Анакина Скайуокера» не знает о том, как

протекал бой с участием ее корабля?

– У нее провалы в памяти. Контузия, понимаешь. Скажи ей, что я отправлю рапорт об этом происшествии. Скажи, что будет разумно, если она поступит так же. Сделаешь?

– Сделаю, – кивнул Ххнн, помедлил и спросил: – Гржельчик, а ты не хочешь рассказать мне, что там произошло на самом деле?

– Не хочу, – отрубил Йозеф.

– Ладно, как скажешь, – покладисто согласился Ххнн. У него внезапно возникло ощущение, что к некоторым тайнам лучше не приобщаться.

– Передай, Хрен, что я желаю ей удачи в боях, благоволения начальства и мира в душе. И надеюсь, что у нее хватит такта не плясать на моей могиле.

Ххнн посасывал чай, уповая на то, что Гржельчику незаметно его замешательство. Дураком шитанн не был. Может, и не тянет он на настоящего капитана, но в старшие помощники без мозгов не попадают. Что-то не то случилось в системе Рая. Ракета, безусловно, была выпущена, и лазерный удар нанесен – командование легко может проверить это по автоматическим записям бортовых журналов. А вот был ли гдеанский разведчик? Сто червей могильных, в кого они там стреляли?

Он зажмурился и помотал головой. Не его это дело! Он даже думать об этом не станет. Гржельчик просит, и он выполнит его просьбу, вот и все.

Но от сетования он не удержался:

– Сто могильных червей, Гржельчик! Когда я ждал, что ты об интимах будешь просить, мне легче было.

– Ты впрямь думал, что я... – Йозеф удивленно запнулся. – Почему тогда вообще приехал?

Ххнн отвел глаза.

– Умиравшим не отказывают.

– Вот и не отказывай, – отозвался Йозеф. Реплика вампира его не задела. Что толку отрицать очевидное? Он умирает. – Передай ей то, что я сказал. Хорошо?

Станция опустела. Не совсем, конечно: экипажи «Джеймса Кирка» и «Джона Шепарда» все так же томились ожиданием, а их капитаны – перспективами общения с адмиралом Шварцем. Но мересанский линкор ушел, захватив с собой всех мересанцев, кроме т'Лехина, а тот отбыл на «Максиме Каммерере» вместе с координатором, послан, главнокомандующим и кардиналом. На забытой Богом станции не осталось никого, способного заинтересовать Шварца, кроме Кита Левица и Сяо Чжу, встретивших его в столовой обреченными взглядами.

Конечно, к ним он и сел, по обыкновению пожелав приятного аппетита и испортив его напрочь.

Хайнрих пребывал в несвойственной ему меланхолии. Салима уехала, ничего не пообещав. Если не считать обещания уладить с великим магистром мальтийцев его вступле-

ние в орден и усилить периметр еще одним сторожевиком. Это прекрасно, но главный вопрос его судьбы так и остался нерешенным.

А еще без нее было грустно. Отъезд Максимилиансена его только порадовал, и о расставании с посланцем он не жалел – тсетианин был слишком важной шишкой, чтобы получать неосложненное удовольствие от пикировок с ним. Но отсутствие Салимы он прочувствовал в первый же день. Вроде бы она не так много времени с ним проводила, занимаясь делами – но она была где-то рядом, и это грело душу. А уж когда она действительно была рядом...

Образ прекрасной принцессы складывался у юного Хайнриха по мультфильмам, а поскольку с реальными принцессами ему в жизни не приходилось иметь дело – таким и остался в мечтах. Этакое эфирное неприступное существо в пышном белом капроне, бриллиантах и золоте, беззаботно проводящее досуг на балах и в салонах. Салима в этот мифический образ не вписывалась. Были у нее, разумеется, и золото, и бриллианты, но украшения она использовала очень дозированно, а воздушному капрону предпочитала шелковые деловые костюмы. Нет, она абсолютно не походила на этот мультяшный фоторобот, впечатливший мальчика. Она была гораздо привлекательнее! Горячая и смелая, остроумная и ехидная... Ее совершенно не волновали вещи, которые повергли бы в шок классическую принцессу. И ей нравилось то же, что ему. Поддразнивать друзей, торжествовать над вра-

гами. Она его понимала. Может быть, даже лучше, чем ему хотелось бы.

Не будь она координатором, он бы точно уговорил ее на брак. Но она не из тех, кто легко поддается уговорам. Ее ежедневно какие-нибудь послы и делегаты на что-нибудь пытаются развести. Она делает лишь то, что сама решает сделать. Очень сильная личность. Это восхищало его – вопреки тому, что отдаляет осуществление его мечты. Но лучше ходить в любовниках у сильной личности, ловя насмешливые взгляды ее охраны, и ждать ее решения, чем жениться на капроновой кукле, которой легко помыкать, но уважать не за что.

Она ничего не подарила ему на прощание. В общем-то, даже и не попрощалась. «Адмирал Шварц, благодарю вас за службу», – и официальное рукопожатие вместо поцелуя. С другой стороны, то, что она не сказала «прощай», обнадеживает. И, наверное, дарить поклоннику свою фотографию или голограмму – пошло и заезжено. В конце концов, разве он в интернете ее изображения не найдет?

– Кстати, – он задумчиво пододвинул к себе тарелку, полную сосисок, – надо, наверное, стереть эту картинку с «Песца».

– Какую картинку? – переспросил Кит Левиц. – Ту, что прославляет ваши подвиги... Э-э... в налаживании межрасовых отношений?

– Да, – буркнул он.

Кит разочарованно крикнул.

– Адмирал, да вы что? А как же враги? Вы лишите их возможности любоваться на этот шедевр?

– Пусть прутся в долбаный музей на шедевры любоваться, – огрызнулся Шварц.

– Такого ни в одном музее нет, – возразил Кит. – Что с вами, адмирал? Самое страшное позади. Координатор уже узрела этот образчик искусства и не выгнала вас из флота. Теперь-то чего?

Он вздохнул. Чего да чего! Не выгнала – достижение, конечно. И даже решила лечь в постель с героем порнокартинки – вообще апофеоз доброй воли. Но вряд ли она выйдет за такого героя замуж. Едва она объявит его женихом, въедливые корреспонденты тут же кинутся раскапывать компроматы. И незачем облегчать им задачу.

– Сотру, на хрен, – утвердился он в своей мысли.

– Адмирал Шварц, – подал голос Сяо Чжу, – вы не подумайте, будто мне нравится это изображение, и я всецело одобрил бы ваше стремление к пристойности... Однако, если вы позволите заметить, столь полной и бескровной победы над мересанцами без этой картинки вы бы не добились.

Хайнрих засопел. Правоту китайца нельзя было отрицать. У каждой монеты две стороны.

– Верно, – подтвердил слова товарища капитан «Джона Шепарда». – Синим просто крышу снесло. А были бы в себе – не миновать нам потерь. Это же отличное психологическое оружие!

А то он сам не понимает. На это и было рассчитано.

– Слышь, Левиц, – Хайнриху пришла в голову мысль, – а давай тебя вместо меня нарисую!

– Э, а при чем тут я? – Кит немедля сдал назад. – Это же ваш корабль, а не мой.

– Ну и что? Ты мужик фотогеничный.

– Я женат! – открестился Кит. – И моя жена не потерпит, чтобы...

– Кстати, я тоже женат, – поспешил вставить Сяо Чжу, поймав взгляд Шварца. – Второй раз.

– Козлы вы оба, – плюнул Хайнрих. – Я вас вместо вампира нарисую. Одного на «Песце», второго на «Михалыче».

Умом он понимал, что угроза бессильна. Если он посмеет ее воплотить, капитаны подадут в суд и выиграют. Это над чужими можно изгаляться, как угодно – и то лишь до той поры, пока посол Созвездия не стряхнет лапшу со своих больших ушей.

От расстройства сосиски кончились скорее, чем ожидал Хайнрих. Он поколебался, не взять ли еще, махнул рукой в сердцах и ушел, как обычно, оставив капитанам пустую тарелку.

– Уж не заболел ли наш железный комендант? – хмыкнул Кит. – Позволить каким-то драным приличиям восторжествовать над мощью искусства, разящей наповал? Это во все не в его духе, Чжу!

Китаец, молча помешивая кофе, перебирал варианты.

Благословение, разнос или?..

– Бутылку ставлю, что герр Шварц влюбился, – заключил он наконец.

Кит неверяще заржал.

– Господи, в кого?

Сяо Чжу снисходительно посмотрел на капитана «Джона Шепарда».

– По-твоему, много кандидатур? Прямо скажем, вряд ли в кардинала.

«Молния» приближалась к Раю, и с каждым мегаметром напряжение покидало Ххнна Трагга, и холодный пот испарялся со лба. Задал ему Гржельчик задачку... Сперва Ткаченко не желала встречаться с Ххнном наедине, а по радио он не мог объяснить, что его острая нужда не имеет никакого отношения к ее нежной шейке и пышной груди. В сердцах он сказал ужасную вещь, которую ни за что не произнес бы, адресуясь к действительно желанной женщине: мол, капитан Гржельчик, с которым он общался совсем недавно, был с ним куда приветливее. Услыхав о Гржельчике, она вздрогнула и расширила глаза.

– Когда вы его видели?

– Да пару часов назад, – буркнул Ххнн.

Она поколебалась.

– Ладно, заезжайте.

Первый вопрос, которым она его встретила, был:

– С «Ийоном» все в порядке?

– Насколько я мог заметить, – аккуратно выразился Ххнн, – да.

В ее глазах мелькнуло облегчение, но голос мягче не стал.

– Выкладывайте, чего хотели от меня, Хан или как вас там... Если банально трахнуть, то поищите кого-нибудь более подходящего для этой цели – типа вашего координатора.

Ххнн подавился. Познакомившись с Гржельчиком, он решил, что земляне сильно изменились за тысячу лет. Познакомившись с Ткаченко, понял – ничего подобного. От этой землянки его мороз пробирал.

Сев, он, несмотря на нервозность, обстоятельно изложил то, о чем просил его Гржельчик. Капитан «Анакина Скайуокера» выслушала его, не меняясь в лице. Кажется, ей это тяжело далось. В самом конце она не совладала с собой: согнулась, уткнувшись лицом в ладони, и просидела так пару минут. И за эти минуты картина окончательно сложилась в уме Ххнна. Не было никакого гъдеанского разведчика. Вообще никого рядом не было. «Анакин» и «Ийон» стреляли друг в друга.

Она подняла голову, и их глаза встретились. И она, конечно же, увидела все то, что он хотел бы скрыть. Она поняла: он знает. И ему стало ясно, что она это поняла. Пальцы ее поигрывали рукояткой лазерного пистолета, и волосы Ххнна, привычно лежащие в клановой прическе, вдруг воспротивились и попытались встать дыбом. Никогда в жизни, даже

в том безнадежном бою с гъдеанами, который он проиграл бы, не задержись Мрланк на краю иного плана бытия, он не ощущал в такой степени близость смерти. Он – ненужный свидетель. Если его не станет, никто никому не расскажет о том, как стреляли друг в друга два земных крейсера.

– Благодарю вас за хорошие вести, капитан Хан, – сухо проговорила Ткаченко. – Идите.

Нет, она не убьет его здесь. Его ждут на корабле. Случись что – начнут волноваться, узнают – быть бою. Она его отпустит. Ровно до корабля. А потом ударит по «Райской молнии» второй ракетой с термоядерным зарядом. Где одна, там и две. А что «Молния»? «Молнию» никто не видел и не слышал. Может, она из ГС-перехода не вышла. Может, не заладилось что-то. Сшили-то ее белыми нитками из кусочков, когда все мастера в один голос твердили, что ей пора в утиль.

Ххнн вышел, чувствуя на спине взгляд землянки. Очень холодный взгляд, взвешивающий, жить ему или нет.

– Уходим! – заорал он, едва бот пристыковался. – Кто за пультом? Полный вперед и влево, меня в рубке не ждать, топливо не экономить!

Пилот еще и переспросил. Что за гадство! Мрланка слушали беспрекословно.

«Молния» сорвалась с курса, помчалась, шныряя туда-сюда, сбивая с толку чужие прицелы. «Анакин Скайуокер» так и не выстрелил. Не успел, наверное. Ну, а то, что пассажиры опять заблевали коридоры, что ускорители выжрали топли-

во почти в ноль... Это, в сущности, такие мелочи.

Когда «Райская молния» села в Генхсхе, Ххнн вышел без куртки и стоял на площадке трапа, ловя лицом снежинки и не веря, что все обошлось.

– Э-эх, хороший рейс, – сказал кто-то за его спиной. – Целые и невредимые вернулись.

– Ага, – откликнулся собеседник. – Славно. Жаль только, что кэпа нет.

Ххнн быстро обернулся. Два кетрейи болтали между собой, застегивая куртки и предвкушая отдых в порту. Обижаться бесполезно, ругать подчиненных – тем более. Они не поймут, за что. Сможет ли экипаж когда-нибудь принять его как капитана? Если даже удачный рейс не помог...

Хелене удалось сдать контрольную по алгебре с третьего раза. Ей помог одиннадцатиклассник. Но не за просто так и не за пару поцелуев. Поцелуи – это для детского сада, сказал он. Хочешь серьезных отношений – раздвигай ножки. Она не хотела серьезных отношений, но написать мерзкую контрольную хотя бы на тройку было позарез как надо. Если ее выгонят и из этой школы, папа поставит на ней крест. Мама уже бросила ее. Хелена слышала, как она кричала папе: «Забирай свою дуру! Не желаю с ней больше возиться!» Хелена ужасно боялась разочаровать еще и папу. Надо удержаться в этой школе. Она зажмурилась и раздвинула ноги. Это оказалось совсем не похоже на романтические фильмы,

которые она обожала. Темнота ночной раздевалки, жесткая скамья под спиной, потные руки Артура, по-хозяйски щупающие ежащееся тело. Ей было противно и очень больно, она даже расплакалась. «Целка! – засмеялся Артур и велел: – Терпи, если хочешь тройку». Она закусил губу и вытерпела. А назавтра, получив от преподавателя условия задач, она через несколько минут обнаружила в своем планшете их решения. «Как это?» – удивилась она потом. «Есть такая штука – интернет, – сказал Артур. – Тебе, дуре, не понять». И снова отшел в раздевалку, где потребовал совсем уж несусветного. Помня о том, что эта контрольная не последняя, она согласилась.

Следующей была контрольная по физике, и Артур неожиданно отказал ей в помощи. «Я, – заявил, – не специалист». Уговаривая его, Хелена позволила ему вовсе кошмарные вещи, о чем потом жалела несколько дней. Артур пообещал свести ее со специалистом. Это был такой же противный одиннадцатиклассник, который хотел от нее того же самого. Очередная неделя обернулась знакомством со специалистом по хантскому языку.

Как бы наивна ни была Хелена, у нее зрело ощущение, что ее разводят, как лохушку. Но куда деваться? Конец четверти, контрольные сыплются одна за другой, своими силами их никак не написать, а гадкие девчонки объявили ей бойкот. Косились презрительно, шипели вслед обидные слова.

– И что это ты, Хеленочка, на одни тройки учишься? –

сладенько протянула вредина-отличница из соседней комнаты. – Своими блудливыми глазками никого получше не высмотрела? Шлюха для отстойных троечников!

Хелена опешила. Что значит – для троечников? Артур и его приятели-специалисты были отнюдь не мечтой юной девы, но такими умными, что она не понимала и половины их разговоров.

– Хи-хи, да ты вообще ничего не соображаешь! Эти бездельники, кандидаты на вылет и то умнее тебя в сто раз.

Хелена спохватилась:

– Откуда ты узнала?

– А кто не знает? – снова хихикнула отличница. – Эти придурки всем и каждому хвастаются, что нашли себе давалку еще глупее, чем они! Трудно, знаешь ли, не понять, о ком речь. Ты же у нас одна такая уникальная!

Хелена бы, наверное, не поняла, о ком речь. Как эта очкастая стерва поняла? Небось, из-за того, что умная! Ну почему она, Хелена, такая глупая? Это ужасно несправедливо, что умным живется гораздо проще. Преподаватель геометрии любит приговаривать: «Нет ума – считай, калека». И посмеивается этак ехидненько.

Артуру она устроила скандал. Ты меня обманывал, обвинила она его. Утверждал, что умный, а сам – троечник! И хвастун вдобавок. Как ты мог про меня такое говорить? Я для тебя... а ты...

– А я разве где-то неправду сказал? – огрызнулся он. – Ты

же тупая, как пробка. Да по сравнению с тобой я – гений! Где еще, по-твоему, неправда? Скажешь, что не даешь всем за задачки?

Хелена возмутилась. Сгоряча пообещала, что не даст больше. Ну и сиди с хвостами, хмыкнул он и ушел. Нехорошо получилось. Артур, конечно, скотина, но как она теперь? Не надо было скандалить. Хвосты начали расти...

Ларс Максимилиансен просматривал рапорты. Поездка к периметру выбила старика из колеи, и рабочая рутина явилась целительным успокоительным средством. Хайнрих Шварц был прекрасен, когда находился в четырех тысячах гигаметров. Действительно, лучшего командующего дальней обороной Земли еще поискать. Всего-то и надо избежать непосредственных встреч с ним, разрушительно действующих на психику, и все будет отлично. Ларса несказанно изумляло, что некоторые (весьма немногие, что показательно) люди могут находить в общении с ним удовольствие. Прежде он, особо не задумываясь, списывал подобное нетривиальное отношение к Шварцу на неадекватность. Но Салиму он всегда считал на редкость здоровой личностью. Лучшей из девяти координаторов, с кем он имел честь быть знакомым. Как же так?

Вот и читал он рапорты, чтобы отвлечься от разлада в мыслях. И тут, как назло, явился кардинал, чтобы внести еще больший раздрай.

– Разрешите вас побеспокоить, главнокомандующий, – тон Джеронимо Натта не оставлял сомнений: разрешения он испрашивает лишь формально. Вздумай Ларс не разрешить – все равно побеспокоит. Лучше уж...

– Что у вас, ваше высокопреосвященство?

– Тревожные вести, главнокомандующий, – лицо словно высечено из гранита. – Я настоятельно прошу вас отозвать на Землю крейсер «Анакин Скайуокер» и передать Церкви капитана Василису Ткаченко для всестороннего расследования вмешательства дьявола.

Максимилиансен в сердцах хлопнул ладонью по столу. То «Ийон Тихий», то «Дарт Вейдер»! Святоши совсем зарвались.

– Что за охота на ведьм такая, черт побери? «Вейдер» нужен мне у Рая, и он с места не тронется без веских причин.

– Главнокомандующий, Ткаченко ненадежна. Уже случилась большая беда! С «Анакина Скайуокера» запущена термоядерная ракета, и рука дьявола в этом несомненна.

– Прекратите паниковать, ваше высокопреосвященство, – поморщился дед. – С военных кораблей то и дело запускают ракеты, и причастна к этому рука оператора, дьявол совершенно ни при чем.

– Эта ракета уничтожила крейсер «Ийон Тихий»!

У Максимилиансена вытянулось лицо, и Джеронимо подумал было, что ему удалось пробить брешь в броне стариковского скептицизма, поразить его в самое сердце. Но нет

– дед гневно скривился и выплюнул:

– Вы что, издеваетесь? «Ийон Тихий» у Нлакиса, цел и невредим, сторожит планету от гъдеан. Связь с ним была час назад. Вы за кого меня принимаете, а?

Тут уже лицо вытянулось у кардинала.

– Но у меня имеется информация...

– Либо вас дурят, либо вы меня дурите, – перебил Ларс, – одно из двух! Термоядерная ракета, скажите пожалуйста! Вот у меня два рапорта, один с «Вейдера», второй с «Ийона», и в деталях они, что характерно, не расходятся. Ракета была выпущена по гъдеанскому разведчику, его же обстрелял «Ийон» из лазеров. Обычное дело, на войне как на войне.

– У меня есть надежное свидетельство... – Джеронимо невольно сделал шаг назад под крайне выразительным взглядом главнокомандующего.

– Мне вот интересно, чего вы добиваетесь, – старик сделал шаг вперед, сверля кардинала тяжелым взглядом. – Хотите опорочить капитанов и протащить на их места своих ставленников? А? Или просто лавры инквизиции покоя не дают? Костров давно не разводили? Один крейсер выпустил ракету по другому, это ж надо додуматься! Свидетельство у него есть... Засуньте себе это свидетельство знаете куда? И проверните пару раз для верности.

– Стадо вяленых какашек!

Адмирал Ен Пиран был недоволен флотом. Прекрасным

объединенным флотом, равного которому по численности еще не бывало в Галактике. Чфеварские драккары, линкоры Мересань, симелинские фрегаты и, разумеется, гъдеанские эсминцы во главе со своим адмиралом. Плюс наемные триремы эсцев. Эас не вступала в войну, но капитаны трирем были не прочь подзаработать. Итого тридцать семь кораблей. Ен Пиран намеревался раздавить заслон у Нлакиса и разделить планету между четырьмя союзниками, заплатив эсцам рабами из земного контингента и шшерских греховодников. На орбите Нлакиса сейчас всего четыре крейсера. Конечно, они вызовут подкрепление. Но оно будет не слишком большим: часть кораблей на ремонте, до сих пор расхлебывает последствия знакомства со шшурогрызками. Кроме того, земляне не позволят себе оголить другие стратегические объекты, тот же незащищенный Рай, к примеру. Но Ен Пиран и не собирался ждать, пока к землянам подойдет помощь. Не давать им времени! Смять одним мощным, согласованным ударом, прорваться к Нлакису и захватить рудники. А потом, угрожая расправиться с заложниками, можно требовать чего угодно – там преимущество не у того, кто сильнее, а у того, чей нож ближе к чужому горлу.

И все было бы хорошо, если бы не тот флот, которым адмиралу предстояло командовать. Сборище разношерстных варваров, каждый из которых тянет одеяло на себя и не желает считаться с остальными. Они наверняка подрались бы между собой, если бы их не объединяли общая цель – Нла-

кис и общий враг – Земля. Но это еще не самое страшное. Взаимную агрессию можно переориентировать вовне, обратить себе на пользу. Куда хуже, что половина этого сброда отчаянно трусила. Не было боевого духа ни у обжегшихся уже чфеварцев, ни у мересанцев, чей единственный толковый адмирал томился в позорном плену. Они не смирились, не склонили головы, они хотели отомстить, отыграть свое – но в глубине души предпочли бы, чтобы за них отомстил кто-нибудь другой. Страх, однажды поселившийся внутри, нелегко изгнать.

– Пьяные паралитики, – неодобрительно хрюкнул Ен Пиран, глядя на маневры симелинцев. Эти вроде храбрились, но, с точки зрения адмирала, неумение держать строй простительно лишь домашнему скоту.

Без отвращения он смотрел лишь на эсцев. Проклятые торгоши хорошо знали, что неказистый товар выгодно не продать. Их триремы сверкали и топорщились орудиями, капитаны были подтянуты и деловы, экипажи бравы и бесшабашны. Но это – не их война. Они будут воевать, лишь пока это прибыльно. Почуют убыток – уйдут, и ничего с грешниками не поделают.

Значит, надо провести операцию без убытков. В конце концов, у него огромный флот, больше, чем у любой отдельно взятой планеты. И все капитаны поклялись подчиняться ему в данной операции – он на этом специально настаивал, ведь неумелое и несогласованное командование способ-

но погубить всю затею. А у Нлакиса всего четыре крейсера. Ен Пиран был уверен: если среди их командиров нет никого похожего на очень своевременно усопших Мрланка Селдхреди или Йозефа, провалиться в выгребную яму всей его родне, Г-р-жельчика – проблем не будет. Нет, будут, конечно – крейсера есть крейсера, – но не такие уж великие.

Йозеф потер глаза – от ударной дозы обезболивающего изображение двоилось – и переспросил:

– Что?

– Сюда идет корабль, – терпеливо повторил связист. – Тсетианский эсминец «БМ-65».

Йозеф поморщился от боли. Из-за боли, не гасимой легкими лекарствами, он разговаривал раздраженно и отрывисто. Перейти на сильные средства? Не хватало еще капитану при исполнении сесть на наркотики.

– Какого рожна тсетианину тут надо?

– Давайте я кину вам на экран сообщение, – предложил связист.

– Нет! – Йозефу не хотелось признаваться, что ему трудно различать буквы. – Говорите так.

– «БМ-65» везет грузы и рабочих для освоения свободных месторождений траинита. У Тсеты есть договор с Землей на этот счет. Из Центра поступило распоряжение пропустить эсминец к поверхности планеты.

– Хорошо, – кивнул Гржельчик.

И тут же пожалел, что двинул головой слишком сильно: картинка перед глазами поплыла. Чтобы унять головокружение, он устался в пол. Пол в рубке был усыпан изображениями звезд и зеленого нлакисского солнца – не совсем то, что нужно для успокоения вестибулярного аппарата. Йозеф с тихим стоном прикрыл глаза. Зачем он только принял проклятые лекарства? Лучше бы напился.

– Прокол 48-13-95, – доложил отдел наблюдения.

– А вот и тсетианин, – брякнул связист, довольный, что успел вовремя сообщить капитану об эсминце.

– Прокол 48-17-94, – снова послышался доклад наблюдателей. – Еще 48-21-93... 67-70-46, 65-70-42... – голос звучал все быстрее и встревоженнее.

– Это не тсетианин, – скрипнул Йозеф. – Связь с эскадрой, быстро! Боевая тревога! Всем занять свои места!

Усилием воли он стряхнул сонливость, но двоиться в глазах не перестало. Вот черт, как же некстати эта немощь! Сейчас он не может позволить себе болеть.

– Клару сюда, – приказал он. – Пусть возьмет с собой что-нибудь этакое... чтобы мамонта поднять из вечной мерзлоты.

– Прокол 44-38-12, 44-35-16... – тараторила женщина из наблюдателей.

Коллега из того же отдела перебил ее:

– Тип трех первых кораблей опознан. Симелинские фрегаты.

Вбежала Клара в белом халате на голое тело, следом вампир тащил ее медицинский чемоданчик. Вот ведь, парочка.

– Вам плохо, кэп?

– Нам всем сейчас будет нехорошо, – буркнул он.

Пилоты пристегивались как следует, надевали шлемы, руки бежали по пульту, снимая блокировки.

– Еще четыре корабля опознаны. Симелинские фрегаты.

– 39-26-51, 37-30-52, 35-34-53...

– Хватит! – рявкнул Гржельчик в микрофон связи. – Докладывайте только об опознанных, – и повернулся к докторше. – Клара, есть у тебя какое-нибудь магическое зелье поядренее? Мне срочно нужна ясная голова и послушное тело. Пусть потом будет похмелье, пусть я состарюсь на десять лет...

Женщина помялась и вздохнула.

– Есть. Тяжелый наркотик. Привыкание с первого раза на всю жизнь.

– Давай, – он махнул рукой. – Сколько ее, той жизни?

– Четыре корабля опознаны. Гьдеанские эсминцы.

Клара достала ампулу из самого низа чемоданчика. Йозеф закатал рукав.

– Шесть чфеварских драккаров.

Клара ввела иглу в вену капитана. Обманчиво безобидная желтоватая жидкость медленно выдавливалась из шприца, смешиваясь с кровью и поднимая гормональную бурю, которую уже не погасить – только поддерживать, пока он не

умрет.

– Два мересанских линкора... Один тсетианский эсминец, кэп.

– О, блин, – отметил Йозеф. – Вот и он. Нашел время, честное слово!

Капитан Асхарду не ожидал дурного. Нлакис контролируют земляне – надежные союзники, во главе эскадры – старый знакомый Гржелчик. О чем, право, беспокоиться? Рейс к Нлакису казался легкой прогулкой с приятными встречами.

Тем не менее Асхарду оставался тсетианином и во главу угла ставил инструкции. А инструкция гласит: как только ГС-привод отключается от энергии, освободившийся резерв перекинуть на дефлекторы. Мало ли что там, в точке выхода?

Дотошное выполнение инструкций спасло ему жизнь. По крайней мере, на некоторое время. Едва «БМ-65» вынырнул из прокола, как по нему жажнула раскаленная плазма. Корабль тряхнуло так, что лязгнули зубы.

– Засоси меня черная дыра! – выругался Асхарду. – В чем дело?

Ожили экраны, и без всякой помощи отдела наблюдения стало видно невооруженным глазом, что пространство вокруг полно кораблей. Чужих.

– Что тут, восьмерка гнутая, происходит?

Ответом стал новый залп.

– Капитан, рядом с нами четыре эсминца Гъде, шесть др-

аккаров Чфе Вара, семь трирем Эас...

– Орудия в боевое положение! – победить такого противника невозможно, так хоть умереть, сражаясь.

– Капитан, вас вызывает гъдеанский эсминец «Синий».

Он вздохнул. Вряд ли враг намеревается вести светскую беседу. Но лучше говорить, чем умирать. Он, Асхарду, и его экипаж – люди военные, к гибели всегда готовые, однако полторы сотни пассажиров за спиной не располагают к смертельной схватке.

– Примите вызов.

На экране связи возник гъдеанин с обрюзгшим лицом и седеющими волосами, зачесанными назад и собранными на загривке в короткий хвост. Взгляд у него был недобрый и какой-то масляный.

– Асхарду, – представился тсетианин. – Командир эсминца «БМ-65» космического флота Тсеты. Что вы все, восьмерка гнутая, тут делаете?

Гъдеанин нахмурился.

– Ен Пиран, адмирал космических сил Гъде. Вы, капитан, никак с меня отчета требуете? Так и быть, скажу: мы здесь проводим операцию.

– Почему вы нас обстреляли?

– Вот дерьмо, а почему бы нет? Тсета заодно с Землей, значит, вы – наш враг.

– Я не в рейде, – возразил Асхарду. – У меня на борту мирные пассажиры. Вы не должны были...

– Не вам решать, что я должен, а что – нет! – разозлился адмирал. – Вам сейчас предстоит принять совсем другое решение. Вариант раз – вы сдаетесь добровольно и делаете то, что я прикажу. Тогда вы в худшем случае умрете быстро, а в лучшем – вместе со всеми вашими погрязшими во грехе пассажирами будете переданы эсцам для выкупа или перепродажи. Вариант два – вы пытаетесь артачиться. Тогда мы захватываем вашу лоханку силой, сажаем вас на кол, а экипаж и пассажиров пытаем по очереди перед экраном связи, пока земляне не сломаются и не отойдут от Нлакиса.

– Они не отойдут, – пробурчал Асхарду. Он довольно хорошо знал Гржельчика.

Ен Пиран ухмыльнулся.

– Поспорим? На колу вы протянете достаточно долго, чтобы дожидаться результата.

Тсетианин скрипнул зубами. Повел глазами туда-сюда: кругом вражеские корабли. Не уйти.

– Мы сдаемся.

– Вот и молодец, – похвалил его адмирал, словно мальчика. – С вами, тсетианами, одно удовольствие иметь дело. Вы не совершаете нелогичных поступков.

Асхарду закусил губу. Compliment адмирала был горек.

– Направьте камеру на пульт, – приказал Ен Пиран. – Я хочу видеть, как вы блокируете цепи управления орудиями. Ну?

– Да, адмирал, – вздохнул Асхарду и, сделав знак связисту,

нехотя защелкал блокировками.

– Сидите тихо и оставайтесь на связи, – бросил адмирал. – Ускорители не включать, ГС-привод не трогать. Отвечаете лично. Посадить вас на кол никогда не поздно, правда? – он усмехнулся и исчез с экрана.

Отошедшего адмирала сменил другой гъдеанин, узколицый и коротко стриженный.

– Привет, греховодник, – лениво произнес он. – Я Кор Левен, капитан эсминца «Синий», имеющего несчастье быть флагманом гъдеанской эскадры. Руки от пульта убери, не гневи судьбу. Если будешь паинькой и все пойдет, как надо – жив останешься. Тебя нам сами небеса послали.

Кор Левен был не прочь поболтать. Ненависти к тсетианину он не испытывал. Будь сдавшийся капитан шитанн или землянином, отношение было бы иным, но Тсета пока не сделала Гъде ничего плохого. Всего лишь друг врага, а не настоящий враг. Так же, как погрязшие во грехе симелинцы – враги врага, но никак не друзья.

– Ты нам поможешь землян отжать, – сказал Кор Левен.

– Помогать вам? – вскинулся Асхарду. – Я не буду ничего делать! Я сдался в плен, а не вступил в союз с Гъде.

Гъдеанин хмыкнул.

– Не шуми, Асхарду. Ты будешь делать то, что скажет адмирал, или закончишь свою жизнь на колу, как он пообещал. Он, знаешь ли, слов просто так не бросает. Впрочем, делать тебе ничего и не надо. Отдыхай, наслаждайся беседой. Мо-

жешь закурить или выпить чего-нибудь, я не против. Расслабься. Ты анекдоты знаешь?

Нелегко наслаждаться беседой, когда на тебя направлены пушки нескольких эсминцев, а собеседники раз за разом возвращаются к теме сажания на кол. Эта тема изрядно нервировала бывалого капитана. Он был согласен умереть, если надо, только как-нибудь по-другому. Однако прервать разговор не получится, раз победитель желает поговорить.

– Вам не понять наших анекдотов, капитан Кор, – ответил Асхарду.

– *Господин* капитан, – поправил Кор Левен. – Пленнику надлежит быть почтительным. Больше почтения – меньше проблем. Нужны тебе проблемы? То-то и оно. Если адмирал сочтет, что ты не в меру дерзок – мигом окажешься на колу, – тсетианин аж сморщился с досады. – А заступиться перед ним за твою задницу, кроме меня, некому. Понял?

– Да, господин капитан, – угрюмо промолвил Асхарду. – Простите. Вам анекдот рассказать?

– Лучше два-три. И таких, чтобы я понял, – тонко намекнул Кор Левен.

Так ужасно Хелене еще никогда в жизни не было. Три двойки на четвертных срезах – математика, физика и английский. Едкие насмешки девчонок, отстраненное равнодушные мальчиков, тщательно скрываемое снисходительное презрение преподавателей. Ее вызвали на педсовет, где ре-

шался вопрос о ее отчислении, и спросили, что она может сказать в свое оправдание. А она ничего не могла сказать, ну ничегошеньки. Только слезы катились из глаз.

– Гржельчикова, вы совершенно бесталанны, – заявил физик. А с виду такой приятный, улыбочивый мужчина. Все эти улыбочки – обман.

– Как вас вообще угораздило поступить на физико-математическое отделение? – непонимающе воскликнул математик.

– Она на гуманитарном дня не продержалась бы, – заметила литераторша. – На что надеяться, если к пятнадцати годам девочка по-английски говорит с ошибками? Промолчу о том, как она пишет!

– По-хантски еще хуже, – молвил седовласый преподаватель хантского языка. – Гржельчикова, вам не стыдно? У вас отец – космолетчик, с инопланетянами общается, хантский должен знать в совершенстве. Неужели вам было трудно попросить его с вами позаниматься?

Хелена всхлипнула.

– Он все время на работе...

– Перестаньте реветь, – сурово сказал директор. – Никого вы не разжалобите. У нас тут специализированный учебно-научный центр с полуторавековой историей, образовательное учреждение для наиболее развитой части нашей молодежи. А вовсе не богадельня для умственно отсталых. Предлагаю представить Хелену Гржельчикову к отчислению.

Кто за?

Лес рук – так это называли учителя.

– Собирайте вещи, Гржельчикова. И звоните родителям, чтобы приехали вас забрать.

Обливаясь слезами, она поплелась в свою комнату. Кто-то из девиц поставил ей подножку, и она упала, больно ударившись коленом и порвав красивые колготки. У комнаты ее догнал Артур.

– Чё, выперли? – спросил ехидно, без всякого сочувствия. – А нечего было недотрогу из себя корчить.

– А ты... – задохнулась она от возмущения. – А вы все...

– Давай попросаемся, – он втолкнул ее в комнату, вошел следом и сграбастал ажурную кофточку на груди, прихватывая кожу. – Ну-ка смирно! – прикрикнул он, почувствовав сопротивление. – Наставлю синяков, объясняйся потом с родителями.

Хелена затихла, вообразив, как рассердится папа, узнав, что она... Лучше потерпеть последний раз. Она терпела долго, Артур никак не оставлял ее, мочаля изнутри и снаружи. Будто и так всего мало навалилось! Когда он ушел, подарив напоследок мерзкий слюнявый поцелуй, она, плача, нашарила мобильник и набрала папин номер.

– Абонент находится вне зоны доступа, – бесстрастно отзывалась сеть.

Она набирала снова и снова, и все бесполезно. В конце концов она позвонила маме. Та взяла телефон с первого раза.

– Мам, меня из школы выгоняют, – заныла Хелена в трубку. – Когда ты можешь приехать?

– Я никуда не поеду, – отрезала мама. – С меня хватит. У тебя есть отец, тебя отдали ему по суду, он за тебя и отвечает.

И отключилась. Хелена еще некоторое время тупо смотрела на телефон. Потом нажала на кнопку, опять набрала маму. Звонок сбросили.

В отчаянии она еще раз позвонила папе. Все тот же механический, безэмоциональный голос какой-то тетки. Папа опять был недоступен. Наверное, в космосе сигнал плохо ловится, наивно подумала она и шмыгнула носом.

Что-то стукнулось снаружи о стекло. Она подняла глаза. В окне висела картонка, спущенная с верхнего этажа общежития, а на картонке намалевано: «Хеленка – дура!» Наверняка кто-то из этих противных отличниц. Она бы вновь заплакала, но слез больше не осталось. И утешения искать не у кого. Мама от нее отреклась, папа – неизвестно где. А если и объявится, какими глазами на нее посмотрит – дуру, неумеху, безвольную подстилку для троечников? На что ему такая дочь?

Прижимая к груди мобильник, она прерывающимся голосом надиктовала сообщение:

– Папа, я тебя люблю. Жаль, что я у тебя не получилась. Женись на ком-нибудь и сделай себе другую дочку.

Хелена выпустила из рук телефон, и он соскользнул на пол. Медленно, словно во сне, она надела свой самый кра-

сивый наряд – лимонную кофточку с блестками и рюшами, открывающую верх груди, юбку из густого серого кружева. На шею повесила ожерелье. Пусть ее похоронят в лучшем. Она распахнула окно, с отвращением оттолкнула гнусную картонку, взобралась на подоконник – каблукки немного мешали, – и, зажмурившись, полетела вниз.

Конечно, она не предусмотрела, что шершавый асфальт превратит ее роскошный наряд в рванье, туфли она потеряет, а ожерелье порвется.

Захват тсетианского корабля окрылил Ена Пирана. Это ж надо, какая удача! Грамотно себя повести – может, и сражаться не придется.

– Связь с земной эскадрой, – потребовал он. – Пусть сразу дадут мне командира, с мелочевкой терять время не буду.

Экран подернулся невнятицей настройки, и вскоре в нем появился землянин. Розовощекий блондин слегка похудел, и щеки потеряли цвет, но в целом мерзавец был узнаваем.

– Гржельчик?! – Ен Пиран чуть не подавился. – Ты еще не сдох?

Ненавистный блондин скривился:

– Не дожدهшься, тварь.

– Ты давно должен быть мертв! – возмущению адмирала не было предела. – Я рискнул душой, я заплатил... Я... – он осекся.

Гржельчик сощурился.

– Я еще тебя, сука, переживу.

– Это вряд ли! – рявкнул Ен Пиран. – Здесь тридцать семь кораблей объединенного флота.

– Спасибо, мы уже сосчитали, – процедил землянин.

Его непрошибаемость бесила Ена Пирана. Наверное, адмиралу стало бы легче, узнай он о том, что капитан бодрится напоказ. Самому Гржельчику было предельно ясно, что, даже пережив предстоящий бой, до следующего дня рождения он не дотянет.

– И что ты мнешься, продажная девка, со своими хваленными тридцатью семью кораблями? – агрессивно спросил землянин. – Боишься нас четверых? Правильно, достаточно и четырех самцов, чтобы оттрахать в хвост и в гриву тридцать семь жалких самок.

Адмирал чуть не лопнул от праведного негодования, когда до него дошло, о чем толкует проклятый Гржельчик.

– Много болтаешь, греховодник! Придется тебе поучиться воздержанию. Мы тут прихватили за задницу твою любимую самку, спешащую на случку, – адмирал захохотал, довольный тем, что сумел высказаться в тон землянину. – Короче, так. Вы отходите от Нлакиса и не лезете в наши дела здесь, а мы сохраняем жизни экипажу и пассажирам тсетианского «БМ-65».

Гржельчик презрительно фыркнул.

– Поменять целую планету на один корабль, да к тому же не земной? Удовлетвори меня орально, Пиран.

Адмирал взбеленился:

– Меня следует называть «господин Ен»!

– Зови меня «муж мой и повелитель», – невозмутимо отозвался землянин.

Ен Пиран яростно плюнул. Попал, что характерно, не в Гржельчика, находящегося в нескольких метрах, а в кого-то из собственной свиты.

– Ты сменяешь Нлакис на тсетианский кораблик, погрязший во грехе урод, – почти обещающе произнес Ен Пиран. – Если ты не сделаешь этого добровольно, тебя заставит твой координатор. На борту «БМ» мирные люди. Полтораста пассажиров, тсетианских подданных. Свяжись с координатором, и посмотрим, позволят ли тебе их угробить.

– Не знаю ни о каких пассажирах, Пиран, – Йозеф сделал морду валенком. – Может, ты сам их придумал. У тебя же фантазия извращенная.

– Я тебе устрою сеанс связи, – сквозь зубы выговорил адмирал, зло глядя на Гржельчика.

Полминуты – и засветилось соседнее окно экрана. Взору Йозефа предстал Асхарду. Старый знакомый был подавлен.

– Асхарду, что у тебя? – осведомился Йозеф.

– Нас захватили, Грзельтик, – неохотно ответил тсетианин. – «БМ» держат под прицелом четыре гдеанских эсминца. Стоит мне шевельнуться – и нам всем конец. Себя не жаль, работа такая. Но пассажиры-то ни при чем, восьмерка гнутая.

Гржельчик нахмурился.

– То есть у тебя к нам просьба или еще что?

Асхарду сторбился.

– Если я скажу, что нет, меня посадят на кол. Поэтому отвечаю, что да, провалиться мне в черную дыру. Я, капитан Асхарду, – произнес он бесцветно, словно выученную речь, не принятую сердцем, – официально обращаюсь к земному командованию с просьбой принять ультиматум адмирала Гъде ради спасения ста пятидесяти мирных граждан.

– Понятно, – сухо промолвил Йозеф.

У тсетианина явно не было другого выхода. Но положение земной эскадры он усложнил, что есть, то есть. Официальное обращение не проигнорируешь. Придется связываться с Центром, гори Ен Пиран синим пламенем.

– Все уяснил, грешник? – осклабился адмирал. – Сроку тебе сутки. Если эскадра не уйдет, начнем убивать тсетиан. По одному и очень мучительно. Мне как раз пришло в голову несколько идей.

Ухмыльнувшись напоследок, он прервал связь.

Йозеф скорчил рожу вслед исчезнувшему изображению гъдеанина и бросил связисту:

– Вызывай командование.

За окном выла сирена реанимационной машины, удаляясь. Директор оторвал взгляд от кровавого пятна на асфальте рядом с корпусом общежития и, резко задернув штору,

отошел от окна.

– Только этого нам и не хватало! – сказал он в сердцах.

Все было так прекрасно, как только может быть: расцвет карьеры, всеобщее уважение... И на тебе! Воспитательница рыдала, размазывая тушь и окропляя слезами телефон Гр-жельчиковой с прощальным сообщением. Да, директору тоже было жаль глупую девку, все-таки тварь Божья. Но куда больше он жалел себя. Пока родители ее не забрали, не поставили свои подписи на документах – за нее отвечает интернат. Как же обидно будет слететь с теплого кресла из-за того, что какая-то отчисленная дурочка не вовремя психанула!

– Что там у нее? – отрывисто спросил он.

– Перелом трех ребер, – затараторила школьная медсестра, пообщавшаяся с врачами «скорой», – обеих ног, левой ключицы... Повреждено левое легкое, селезенка... И самое серьезное – черепно-мозговая травма.

– Вряд ли можно повредить мозгам, когда их нет, – вполголоса проговорила завуч.

Воспитательница зарыдала громче.

– А вы не хнычьте! – директор нашел, на кого свалить ответственность. – Это ваш просчет! Вас для чего на эту должность поставили? Вы должны быть нашим ученикам второй мамой. Знать все их помыслы, быть для их слез жилеткой, а для их дурацких тайн – хранительницей. И как вы выполняете свои обязанности? Ваша подопечная сиганула в окно, а вы даже были не в курсе, что она собиралась покончить с собой!

Не пресекли вовремя, не провели воспитательную работу.

Воспитательница растерянно захлопала глазами с потеками косметики.

– А... а как...

– Вот что вы тут сидите, Виктория Павловна, а? – директор не ослаблял напора. – Вы уже связались с ее родителями? Рассказали им о происшествии, объяснили все в нужном свете?

– А... – пискнула воспитательница. – У нее только отец. Сведений о матери в личном деле нет.

– Ну и что? – рассердился директор. – Отец – не родитель, что ли? Сообщите ему.

– Я звонила, честное слово! У него телефон не отвечает.

– Звоните еще! Рано или поздно ответит.

Директор озабоченно потер переносицу. Достаточно ли он застрашал эту овцу? Чувствует ли она себя виноватой? Не ровен час, самоубийца помрет-таки, и он вовсе не хотел стоять с повинной головой перед ее отцом. А пуще того не желал, чтобы на него завели уголовное дело. Для роли козла отпущения вполне подошла бы Виктория Павловна.

Телефонный звонок прервал беседу Салимы с московским куратором.

– Извините, господин Каманин, – слегка улыбнулась она и ответила на вызов. – Что стряслось, Ларс? Я немного занята.

– Нам объявили ультиматум, – голос старика был напря-

жен.

– Срок? – спокойно уточнила она.

– Сутки.

– Отлично, у нас есть время все обсудить. Вы можете приехать в Ебург? Разговор, очевидно, не телефонный.

Спустя два часа они сидели в гостиной резиденции московского куратора уже втроем. Владимир Каманин, как хозяин, позаботился о кофе и коньяке для гостя. Но Максимилиансену, похоже, было не до кофе и даже не до коньяка. Он выглядел так, словно у него кость застряла в горле. Молча раскрыл ноутбук и включил запись разговора Гржельчика с Еном Пираном и Асхарду.

– Занятно, – резюмировала Салима.

– Занятно? – у адмирала глаза полезли на лоб. – Да ведь нас хотят поставить ра... Боже правый, неделя со Шварцем даром не прошла, – сокрушенно покаялся он. – Салима, что здесь занятого? Ен Пиран поставил нас... в общем, в безвыходное положение. А проклятый Гржельчик, чтоб ему пусто было, еще и подлил масла в огонь своим хамством!

Салима посмотрела на главнокомандующего с внимательным любопытством. Насколько она его знала, он должен был одобрить все реплики Гржельчика, а в хамстве обвинить, естественно, противника.

– Что вы не поделили с Гржельчиком, Ларс?

Вот оно, опять. Максимилиансен нахохлился.

– Да ничего.

Она подождала, но больше он ничего не сказал. Тогда она спросила:

– Ларс, что вы предприняли в ответ на ультиматум Ена Пирана?

Дед, ушедший было в какие-то черные мысли, встрепенулся и стал докладывать:

– К Нлакису отправляются еще четыре корабля. Не к самой планете, чтобы не раздражать гъдеан и прочую шушеру. Они должны появиться далеко за периметром, за пределами обычной зоны наблюдения, и, в идеале, не привлечь внимания.

– Что ж, чудесно.

– Возможно, Салима. Но это ни на йоту не приближает нас к решению главного вопроса: как быть с ультиматумом? Я сделал то, что напрашивалось, но данный вопрос целиком в вашей компетенции. Да или нет?

– Не знаю, – мило улыбнулась она.

Наверное, не время дразнить старика. Но на такой вопрос не ответишь с ходу. Как его ни реши – все плохо. Выбирать придется меньшее из зол. В принципе, она уже понимала, какое. Но...

– Господин Каманин, – обратилась она к москвичу, – вот прекрасная ситуация для анализа. Изложите нам, не торопясь, в чем состоят плюсы и минусы, скажем, нашего отказа.

Куратор откашлялся, подвинул к себе чашку кофе, но пить не стал. Владимир Каманин достиг высшего поста в сво-

ей стране, где несоответствие людским ожиданиям означает смерть, в весьма молодом возрасте, ему не исполнилось еще и тридцати трех. Блестящий ум в сочетании с самолюбием и карьеризмом делали его многообещающим политиком. Он отлично понимал, зачем Салима пожелала встретиться с главнокомандующим в его присутствии, зачем завела этот разговор. Ему предстоит нечто вроде экзамена на профпригодность. Останется он лишь куратором до тех пор, пока не перестанет устраивать народ и его машину не взорвут, или докажет свою способность думать в масштабах Галактики и решать за всю Землю, чтобы когда-нибудь по рекомендации уходящей на покой Салимы стать координатором планеты?

– Плюсы... – повторил он, будто смакуя слово. – Плюс очевиден: мы сохраним Нлакис как сырьевую базу. Вместе с Нлакисом мы сохраним нашу репутацию сильного и уверенного в себе мира, не допускающего разбазаривания своих владений по первому требованию каких-то проходимцев. Мы сохраним честь своего флота, не отступающего даже перед превосходящим противником.

– Но что-то и потеряем? – намекнула Салима.

– Несомненно, – он вздохнул. – Возможно, мы потеряем дружбу с Тсетой. Тсета – хороший сосед, надежный партнер и верный союзник. Может быть, капитан Асхарду и готов умереть, но он произнес официальное обращение к Земле, зывающее к долгу союзника, и долг предписывает нам спасти эти сто пятьдесят тсетиан. Если мы пренебрежем долгом,

то утратим доверие Тсеты и, вероятно, всех нынешних и потенциальных союзников.

Она кивнула:

– Прекрасно.

Ларс решительно не понимал, что в этом прекрасного.

– А если мы согласимся?

– Тсета будет рада, – ответил Каманин и тут же добавил: – Но недолго. Пленников Ен Пиран не отдаст, надеяться на это смешно. Если повезет, использует как рабов, а скорее уничтожит – какие из тсетиан работники? Герои мышки и клавиатуры. Да, мы останемся чисты перед мировым сообществом, но выгоды это нам не принесет. Захватив контроль над Нлакисом, Гъде его не уступит. Возьмет в заложники находящихся на рудниках землян и шшерцев, будет пытаться манипулировать нами с помощью шантажа, так что наш флот больше не посмеет подойти к Нлакису, опасаясь расправы над контингентом рудников, – он посмотрел на Салиму и подвел черту: – Я бы не согласился, Салима ханум.

Она пожала плечами.

– И правильно сделали бы. А теперь расскажите, как нам быть с теми отрицательными последствиями, что несет отказ.

Горло у Каманина пересохло, но он так и не притронулся к кофе.

– То, что мы лишаемся доверия мирового сообщества – очень печально, – произнес он после раздумья. – Полагаю,

мы должны проявить добрую волю в каких-то иных аспектах, чтобы не оттолкнуть тех, кто может от нас отвернуться. Возможно, пойти на уступки в торговле...

Лицо Салимы было непроницаемо. Не поймешь, довольна она ответом или разочарована. Сказать по правде, Каманину самому не нравились его предложения, но другие в голову не шли.

– Если Тсета будет решительно настроена на разрыв отношений, нужно постараться расстаться мирно, – продолжил он. – Пусть мы потеряем друга, лишь бы не обрести врага.

Салима покачала головой.

– Господин Каманин, вы умеете анализировать и принимать необходимые решения, что очень радует. Но мне кажется, пост куратора, вынуждающий вас быть милым для ваших и наших, вертеться и лавировать, потакать одним и угрождать другим просто для того, чтобы не завершить свой путь слишком рано, мешает вам осознать одну простую истину: на всех не угодишь. В своих решениях нужно быть последовательным и понимать: что бы вы ни решили, всегда найдутся недовольные. Ваши позиции должны быть достаточно сильны, чтобы не задабривать оппонентов, роняя свое достоинство, а спокойно принять факт их существования. Земля сильна, господин Каманин, и если мы откажемся от позорного ультиматума, то потеряем в крайнем случае несколько крейсеров, но в моральном плане сделаем наш мир еще сильнее. Никаких уступок, господин Каманин, никакого по-

сыпания головы пеплом, никаких униженных извинений. Если кто-то перестанет нам доверять, нам от этого ни холодно, ни жарко. И на Тсете, господин Каманин, свет клином не сошелся. У нас есть другие соседи – к примеру, Шшерский Рай, другие торговые партнеры – взять хоть Чфе Вар, который после этой войны можно будет остричь, как барашка. Тсетиане, к слову, не станут делать глупостей. Они не разорвут союз, как вы опасаетесь, потому что это было бы нелогично: они потеряют на этом больше, чем мы.

– Я думал, вы любите тсетиан, – пробормотал Каманин.

– Конечно. Как их можно не любить? Они честны и предсказуемы, и вообще симпатичны. Но я и землян люблю, знаете ли, – она жестко улыбнулась. – А вы представляете себе, сколько землян, моих соотечественников и единоверцев, погибло от произвола узурпаторов, пока я ждала удобного момента, чтобы вторгнуться в Эмираты и начать войну за трон? Уж куда больше, чем полтораста. Любить следует без соплей, господин Каманин. Хотите, поспорим, что тсетианский координатор того же мнения?

– Нет, – он отрицательно мотнул головой. – Я еще не выжил из ума, чтобы с вами спорить.

– А это зря, – неожиданно сказала она. – Спорьте. В спорах не рождается истина, вопреки общему мнению, но оттачивается красноречие. Умение спорить вам очень понадобится, когда вы окажетесь на моем месте. И, как правило, это будут споры, в которых нельзя проигрывать, даже если

вы неправы. Тренируйтесь на своих, чтобы не проигрывать чужим.

Она очаровательно улыбнулась. Милой, доброй улыбкой.

Телефон Йозефа Гржелчика не отвечал. Виктория Павловна тщетно названивала уже несколько часов подряд. И зачем он оставил ей этот номер как контактный, если не отвечает по нему? Что это вообще за родитель, до которого невозможно дозвониться?

Молодая воспитательница пребывала в истерике, помутившей разум. Поступок Хелены, с виду такой светлой, улыбчивой девочки, поверг ее в шок. С подобной ситуацией Виктория Павловна столкнулась впервые, и она поразила ее в самое сердце. Эмоциональная воспитательница не думала о карьере, о возможной уголовной ответственности. Она вообще сейчас не могла думать, только жалеть непутевую Хелену и сердиться на ее неуловимого папашу, а потом жалеть несчастного папашу и сердиться на черствую Хелену. Ну как можно было такое отмочить? И как можно, Господи Боже, столько времени подряд не брать телефон?

Отчаявшись достать отца, пока что ни сном, ни духом не ведающего о трагедии, по мобильнику, Виктория Павловна раскрыла личное дело Гржелчиковой и нашла его место работы. Космический флот. Интернет мигом выдал несколько телефонов – Управление торгово-пассажирского флота, Инженерная служба орбитального и суборбитального флота,

Генштаб военного флота... Виктория Павловна начала систематический обзвон.

– Йозеф Гржельчик у вас работает?

– Нет, – коротко ответили в Инженерной службе и отключились.

– Спасибо за ваш звонок, – загнусавил автоответчик Управления торгово-пассажирского флота. – Оставайтесь на линии. Ваш звонок очень важен для нас. Освободившийся оператор тотчас свяжется с вами...

Он бубнил что-то еще, а Виктория нервничала. Вдруг Хелена умрет, а она так и не успеет дозвониться, и отец не сможет проститься с ней?

– Слушаю вас, – раздался наконец приятный женский голос. – Вы хотите заказать билеты?

Виктория Павловна растерялась.

– Нет... Мне не надо билетов.

– А жаль, – женщина, кажется, искренне огорчилась. Возможно, ее зарплата зависела от количества проданных билетов. Но Виктории не было до этого дела.

– Йозеф Гржельчик – ваш сотрудник?

– Минуточку, я уточню по базе, – женщина пропала, и заиграла навязчивая музычка. Вскоре ее голос послышался вновь: – Сожалею, но у нас в штате нет такого человека.

Генштаб встретил Викторию четким военным приветствием:

– Здравия желаю, дежурный лейтенант Оразгалиев.

– Э... здравствуйте. У вас Йозеф Гржельчик работает? – задала она тот же вопрос.

– Во флоте, мадам, не работают, – назидательно произнес лейтенант. – Во флоте служат.

– Да какая разница? – истерически воскликнула она. – Он служит у вас или нет?

– А вы, собственно, кто такая и с какой целью интересуетесь? – подозрительно спросил Оразгалиев.

Виктория досадливо охнула.

– Это из школы, где учится... училась его дочь. Я ее воспитательница. Мне очень нужно поговорить с господином Гржельчиком!

– Как вас зовут? Полное имя, пожалуйста, – потребовал лейтенант. – Дата рождения, место рождения. Как давно работаете в школе? Номер школы, кстати? Как зовут директора школы? А как зовут дочь господина Гржельчика?..

Закусив губу, Виктория отбарабанила ответы на вопросы. Вояка придирчиво проверял ее личность. Такие уж они... Вопросы сыпались все новые, один за другим. В конце концов она взмолилась:

– Пожалуйста, хватит! Вы же видите, что я – это я? Время очень дорого. Вы можете соединить меня с господином Гржельчиком?

– Соединить? – переспросил лейтенант после небольшой паузы. – Никак нет. Могу лишь дать утвердительный ответ на ваш запрос: да, капитан Гржельчик у нас служит.

– Так позовите его к телефону! – вскричала воспитательница.

– К какому телефону, мадам? – увещающе, словно к душевнобольной, обратился Оразгалиев. – От капитана Гржельчика до ближайшего телефона семнадцать световых лет. Он, знаете ли, служит на боевом корабле, а не полы в штабе моет. Придется подождать, пока он не вернется на Землю.

– Сколько? Сколько надо ждать?

– Если не случится форсмажора – не более двух месяцев.

– Что? – внутри у Виктории все упало. – Два месяца?! Вы не понимаете, он нужен мне срочно!

– Боюсь, что это вы не понимаете, мадам, – сочувствие в голове лейтенанта не убавляло ему твердости. – Ждите. Он непременно вернется, и вы поговорите.

Под конец лейтенант Оразгалиев слегка покривил душой. Вернется ли капитан Гржельчик от Нлакиса – в свете недавно вскрывшихся обстоятельств, большой вопрос.

Йозеф собрал командиров подразделений в одной из кают-компаний. Кое-кто взял с собой заместителей или просто тех, с чьим мнением считались. Майор Райт притащил Аддарекха, и вампир как бы невзначай занял место подальше от епископа. Флагман находился на связи с другими кораблями эскадры, и там тоже ждали, что скажет капитан Гржельчик.

– Из Центра сюда идет резерв, – произнес Йозеф, и все разговорчики стихли. – Еще четыре крейсера. Они будут че-

рез несколько часов в тысяче гигаметров отсюда, но вряд ли подойдут ближе. Нам рекомендовано сидеть тише воды, ниже травы, и не провоцировать врага.

Командир стрелков разочарованно эхнул.

– Что толку? – негромко проговорил Аддарекх, вроде как обращаясь к Райту, но услышали его все. – Соблюдай условия Ена Пирана, не соблюдай – он все равно не выпустит тсетиан из лап. Надо бить.

Йозеф обозначил сдержанную улыбку.

– Безусловно, лейтенант Аддарекх, ваше мнение очень ценно. Не представляю себе, как координатор могла принять решение без его учета.

Шитанн смутился. Йозеф знал: он и впрямь разбирается в том, о чем говорит. Ена Пирана он видел ближе, чем все без исключения присутствующие, и о том, что тот творит с попадающими ему в руки, вампиру известно не понаслышке. Но нынче Аддарекх не гость на «Ийоне» и не зарубежный советник, а офицер десанта. Субординацию никто не отменял.

– Мы принимаем ультиматум? – спросил капитан «Мефа Аганна», суровый грек, типаж которого явно конфликтовал с мундиром космофлота, требуя кожаной туники, золоченого шлема с перьями и меча со щитом.

Йозеф помедлил.

– Нет.

Он следил за реакцией своих офицеров и других капитанов. И остался доволен: никто не усомнился в правильности

этого решения.

– Мы не отступим, – сказал Йозеф. – Но пока и не нападаем. Остаемся на своих орбитах и ждем.

– Чего ждем-то? – поинтересовался капитан «Игоря Селезнева».

– В идеале – ошибки врага.

Ее может и не случиться. Тогда ожидание закончится через сутки. Крейсера резерва подойдут ближе, ударят с тыла... По-всякому, восемь на тридцать семь – бой будет жестокий. Но лучше бы Ен Пиран допустил ошибку. Любую, неважно какую, лишь бы она позволила свалить на гьдеан вину за начало сражения. Йозеф понимал, чего хочет координатор. Она в любом случае не примет ультиматум, но предпочтет сделать вид, что гьдеанский адмирал сам допустил вероломство. Впрочем, надежды на ошибку врага немного. Ен Пиран – тот еще змей, но змей расчетливый.

Отступить было некуда, оставалось лишь идти вперед. Директор сказал: «Достаньте отца хоть из-под земли», – и она достанет. Только он не учел, что есть места, откуда достать человека труднее, чем из-под земли.

Виктория Павловна нашла в интернете адрес генштаба и купила билет на самолет в Байк-паркинг.

В городе было ветрено. Осень Ебурга совсем не походила на осень казахстанской степи. Шквальный порыв сорвал с Виктории шляпку, и она покатила куда-то вдаль со скоро-

стью, исключаяющей возможность ее догнать. И как тут самолеты не сносит? Виктория успела задубеть под пронизывающим ветром, пока разыскивала генштаб космического флота. Посиневшие губы подрагивали, а зубы постукивали, когда она вступила в диалог с дежурным, остановившим ее на проходной.

– Мне нужен господин Гржельчик!

Дежурный справился в компьютере.

– Его тут сейчас нет.

– Я уже знаю, но мне очень надо. Помогите мне с ним связаться. Пожалуйста! – на замерзших глазах начали оттаивать слезы.

– Как? – вздохнул дежурный. – Там телефон не работает, дамочка.

– Ну, пошлите ему радиограмму, – Виктория всхлипнула.

– Во имя Аллаха, какая радиограмма? – он схватился за голову. – Радиосигнал дойдет до точки через семнадцать лет, когда вашего капитана Гржельчика там давно не будет. Или он будет там снова, в двадцать пятый раз... Вы что, не понимаете?

– Но как-то же вы связываетесь с кораблями, – она смотрела умоляюще.

– О чем вы? Квантовая связь знаете сколько стоит?

– У него дочка умирает! – вновь зарыдала Виктория. – Имейте же сострадание!

Дежурный тихо выругался.

– Я позову начальника.

Начальником оказался черноусый майор, который спустя полчаса увещеваний отправил ее к подполковнику, а тот – к полковнику.

– Да вы, матушка, – обращение седого, как лунь, мужчины к молоденькой воспитательнице звучало странновато, – вообще представляете, о чем просите? Там – противостояние с врагом. А вы тут со своими слезами и своей дочкой...

– Это не моя дочка, – нечеловеческим усилием Виктория подавила слезы. – Это *его* дочка! Помогите, пожалуйста! Я не буду отвлекать его от боя, – если бы она знала, что такое бой, вряд ли сказала бы так, но она не знала и обещала искренне. – Мне надо просто рассказать ему о том, что случилось. Он имеет право знать. И он должен знать!

У полковника Собакина не было ни дочек, ни сыновей. Поэтому он не очень твердо себе представлял, как принято поступать, если с дочерью стряслась беда. Может, и так, как говорит эта баба. Еще хуже – он не мог поставить себя на место Гржельчика, не мог предсказать, как тот отреагирует на известие. Кабы мог – наверное, прогнал бы заплаканную просительницу, вежливо отговорясь временными техническими неполадками со связью. Но самое плохое – над ним не имелось никого, на чьи плечи можно было бы переложить решение. Генералы заперлись вместе с главнокомандующим и готовы были убить каждого, кто посмеет нарушить секретность их совещания. Полковник озабоченно потер лоб

и сдался.

– Хорошо. Три минуты связи. Это максимум, что я могу позволить.

– Спасибо! – благодарно воскликнула Виктория.

Она бы расцеловала этого замечательного человека, если бы он предусмотрительно не остановил ее вытянутой рукой.

– Спокойно, матушка, – решительно приказал он, и командирский тон подействовал: Виктория собралась, перестала судорожно всхлипывать, истерически смеяться и нетерпеливо переминаясь с ноги на ногу. Может, зря я это делаю, мелькнула здравая мысль у старика. Но женщина была так простодушна в своей настойчивости, и слезы текли так красноречиво... Ну, как ей отказать? – Ждите в коридоре.

Выдержав паузу, пока женщина выходила из кабинета и закрывала за собой дверь, полковник Собакин ругнулся под нос и набрал номер.

– Натхармапутра? Тут одной курице позарез нужен капитан Гржельчик. Проще сделать, как она хочет, чем объяснить, почему это невозможно. Вроде бы он – отец ее больной дочки, или что-то в этом роде. Небось, денег будет просить. Дай ква-связь с «Ийоном Тихим», пусть Гржельчик сам со своей бабой разбирается.

Ен Пиран не спеша жевал южный фрукт и лениво любовался на крейсера на экранах обзора. Вот они, как на ладони, четыре штуки. Четыре смертельные махины, беспомощные,

как гигантский хищник, заманенный в яму первобытными дикарями. Вроде и когти при нем, и зубы, а окружающие человечки слабы и мягки, но попробуй вылезти. Земная эскадра попала в яму. Не в прямом и физическом смысле, конечно. Не будь одного маленького нюанса, греховодники могли бы вступить в бой и, чем судьба не шутит, даже нанести существенный ущерб. Но они не посмеют. Стены этой ямы построены из мыслей, однако они куда крепче бетонных. Ен Пиран читал эти мысли, словно был телепатом. Если мы шевельнемся, думают земляне, «БМ-65» конец. Мы не можем рисковать мирными гражданами. Во-первых, это противоречит идеалам гуманизма, – Ен Пиран прямо-таки видел наяву, как эту фразу со скорбно-слащавой улыбкой произносит какой-нибудь хант из Совета координаторов. Во-вторых, Тсета наверняка расценит это как пренебрежение своими интересами. Скорее всего, она не рассорится с Землей напрочь – слишком уж тесно они повязаны, проклятые грешники, – просто перестанет поддерживать ее в войне. Вроде бы тсетианский флот на фоне земного – невеликая добавка, но это еще как сказать... Без боевых хакеров Тсеты операция, проведенная землянами у Чфе Вара, была бы невозможна. Так что поостережется Земля сердить Тсету. Будет сидеть в яме и кусать локти.

Капитан Кор Левен, оставив за пультом помощника, подошел к адмиралу. Вряд ли затем, чтобы получить удовольствие от его общества: свои побаивались грозного и непод-

купного Ена Пирана немногим меньше врагов. Кор Левен хотел высказать наболевшее.

– Господин адмирал, земляне не уходят.

– Уйдут, никуда не денутся, – отмахнулся Ен Пиран. – Срок истечет – уйдут.

Капитан помялся.

– Но, господин адмирал, прошло уже десять часов. Не может быть, чтобы они до сих пор не приняли решение. Если они решили уйти, почему бы не уйти прямо сейчас?

– Капитан, вы идиот, – вот поэтому подчиненные обычно и избегали обращаться к адмиралу. – В построшке сортиров вы, должно быть, лучше разбираетесь, чем в психологии врага. Это же земляне! Гордые твари, хуже хантов. Они будут торчать здесь до последнего только для того, чтобы мы не подумали, будто они слишком торопятся выполнять наши условия. А потом уйдут с видом обосравшейся королевы – медленно, вальяжно, демонстративно морща нос: мол, кто это тут навонял? Уж точно не мы, мы вообще никогда не какаем. Наверняка специально опоздают, чтобы лишний раз показать, как им наплевать на нас. Но не более, чем на несколько минут: всерьез рисковать тсетианскими штатскими они не решатся.

– Откуда вы все это знаете, господин адмирал? – недоверчиво спросил Кор Левен.

Ен Пиран взглянул на капитана с ярко выраженным презрением.

– В отличие от вас, Кор, я умею думать. Попробуйте на досуге. Я не уверен, что у такого дебила, как вы, это получится, но попытки еще никому не вредили.

Кор Левен отошел с каменным лицом, мысленно желая своему адмиралу плюхнуться в глубокую лужу дерьма, впрочем, без особой веры в то, что это случится.

Ен Пиран кинул огрызок на пол – уборщики подберут – и снова принялся разглядывать земные корабли. Ближайший – «Меф Аганн», «Игорь Селезнев» чуть дальше и правее. Земляне называют свои крейсеры человеческими именами. От кого-то он слышал, что вымышленными. Ни один крейсер не назван именем реального, существовавшего когда-либо человека. Над этой загадкой он уже не раз ломал голову. Если уж вообще давать кораблю настоящее имя, то в честь великого полководца прошлого, не иначе. Вот как ханты, к примеру. Заносчивый и неприятный народец, но в высоком понимают. Почему земляне не делают так же? Может быть, варвары считают, что нельзя тревожить дух героя его неуместным именованием? Вот и придумывают идолов, чьи имена можно трепать безнаказанно. Или все по-другому? Может, они полагают, что лишь идол способен накопить должную силу и вложить ее в корабль, а мертвецам это не по плечу? Кто знает, о чем думают эти грешные дикари...

Ен Пиран внезапно ощутил потребность поделиться с кем-нибудь своими мыслями. Посмотрел на Кора Левена... и промолчал. Этот недалекий служака не поймет. Адмирал

вновь отвернулся к экранам. А не спросить ли у кого из земных капитанов? Все равно время ожидания тратится впустую.

Он поискал глазами «Ийон Тихий». Далековато торчит, зараза. Из пушки не достать, хотя лазеры, наверное, добьют. Флагман и должен располагаться так, что его запросто не обстрелять. Не будь это враги, Ен Пиран бы их похвалил. Проклятый Гржельчик – ушлый греховодник. Адмирала неприятно поразило то, что он до сих пор жив. Колдовство давно уже должно было опутать его душу, увести во тьму и сгноить ее там. Почему этот мерзавец никак не сдохнет? Хотя, быть может, колдун специально сделал так, чтобы именно он, Ен Пиран, окончательно отправил землянина во мрак? Свел их пути, чтоб адмирал смог насладиться смертью врага в полной мере? Интересная мысль!

Ен Пиран взялся за второй фрукт. Эту мысль стоит обдумать. Нанести сокрушительный удар по «Ийону Тихому» чрезвычайно соблазнительно. Примерно так он и собирался поступить изначально, пока не подвернулся тсетианин. Изза «БМ-65» он вместо стремительной атаки предъявил землянам ультиматум и тем самым в определенной степени связал себе руки. Теперь, пока назначенный срок не кончился, нападать нельзя, иначе окажешься в фекалиях по уши. А когда он кончится, земляне уйдут. Вот дерьмо!

Адмирал скрипуче рассмеялся. О чем он рассуждает? Жалеть, что не придется схлестнуться с крейсерами? Ну уж нет!

В бескровном разрешении ситуации заинтересованы отнюдь не только земляне. Ну его, этого Гржельчика, помрет и сам. Качественно помрет, в муках – не то, что в скоротечном бою. Чем хорошо колдовство – колдуны никогда не подведут, не схалтурят, ведь они питаются жизненными силами жертвы и ее страданиями.

Фархад ерзал в кресле второго, поглядывая на огоньки кораблей, скопившихся в пространстве у Нлакиса. Он мог даже различить несколько силуэтов – два эсминца и эсская трирема, находившиеся ближе всех, виднелись достаточно четко. На сердце у него было муторно. Он верил в мощь земных крейсеров, но как противостоять этакой армаде, собранной по многим мирам? Однако не страх перед превосходящим противником терзал его, а ожидание. Как можно ждать? Весь адреналин успеет уйти. Предстоящий бой был уже не первым для Фархада, но он никак не мог относиться к этому спокойно, вот как Футболист, сидящий за первого пилота. Камалетдинов убивал время примитивным тетрисом – игры с виртуальной реальностью на бортовом компьютере запрещены. Вообще-то Фархад показывал неплохие результаты в этой незатейливой игре, но в нынешнем состоянии вряд ли продвинулся бы дальше пятого уровня.

Поодаль от пульта, рядом с голограммой, изображающей схему построения кораблей, расположился в кресле капитан Гржельчик. В последнее время он сильно сдал, но сейчас вы-

глядел бодрым и решительным. Взял себя в руки перед лицом критической ситуации, сказал бы Фархад, если бы Камалетдинов не шепнул ему, заступившему на пост, что капитан принял сильный наркотик. Это не совсем укладывалось в голове. Фархад, конечно, был мальчиком из на редкость благополучной семьи, но людей, употребляющих наркотики, встречал. Он поверить не мог, что капитан добровольно ступил на эту тропу, ведущую вниз, к полному разрушению личности. Расплата за нынешнюю бодрость будет ужасной. Понимает ли капитан, что это его последний бой? Человека, сидящего на игле, не потерпят во флоте. Несоответствие должности, позорное увольнение, унижительные скитания по притонам... в лучшем случае – по больницам... Гржельчик – умный человек; разумеется, он все это понимает. То, что он пошел на такой шаг, может означать лишь одно: ему все равно, что там, впереди. Потому что там, впереди, для него ничего нет. Его недомогание – не хроническое похмелье, не аллергическая реакция на препараты, способствующие срастанию переломов. Это – смертельная болезнь.

Гржельчик рассматривал вражеские корабли. Молча, без всякого выражения на лице. Казалось, его не трогает ни собственное будущее, ни ультиматум гьдеан. Просто решает какую-то задачу по комбинаторике, сугубо теоретическую. Вычисляет число перестановок из тридцати семи и четырех...

– Связь с Центром, – раздался доклад связиста. – Капитана к микрофону, срочно.

Йозеф отвлекся от размышлений, как лучше разбить всю эту, увы, многочисленную шушеру, оставаясь в целости, и, подрулив на кресле поближе к пульту, надел гарнитуру.

– Капитан Гржельчик слушает. Новые приказы?

Вряд ли что-то иное могло явиться причиной экстренной связи, но Центр его удивил.

– Лейтенант Натхармапутра, генштаб. Тут одна женщина чего-то от вас сильно хочет.

– Жена, что ли? – Марта настолько решительно от него отмежевалась, что он даже не знал, радоваться или тревожиться.

Пауза – видимо, лейтенант уточнял.

– Нет, не жена. Говорит, дочка у нее от вас.

– Бред! – отрезал Йозеф. – Гоните аферистку поганой метлой. Нет у меня никаких внебрачных детей и быть не может.

Двадцать лет он был верен Марте. И чем все кончилось? Лучше бы гулял, хоть не так было бы обидно слушать ее обвинения.

– А, нет, – поправился Натхармапутра. – Это у вас от нее дочка. То есть...

Йозеф начал сердиться.

– Прекратите нести чушь и дайте микрофон этой тетке, пусть сама скажет, что ей надо!

Судя по всему, тот так и сделал – в наушниках раздались женские всхлипы.

– Я Виктория Павловна.

– Йозеф Гржельчик, – сухо представился он.

– Да, я знаю, – женщина шмыгнула носом. – Я воспитательница Ебургского специализированного учебно-научного центра. Там, где учится... училась ваша дочь Хелена, – пояснила она, не слыша никакого ответа.

– Что, деньги в родительский комитет? – обреченно спросил он.

– Н-нет, – Викторию немного шокировало, что в такой момент Гржельчик думает о деньгах, но тут же она сообразила, что он пока не знает, какой именно момент переживает прямо сейчас. – Господин Гржельчик, с вашей дочкой случилось страшное, – она не удержалась и снова заплакала.

– Она завалила все контрольные? – понимающе спросил он. – Ее выгоняют?

– Нет... да... гораздо хуже, господин Гржельчик!

Он вполголоса фыркнул. Куда уж хуже!

– Хелена, – Виктория опять шмыгнула носом, – она такая милая девочка, но очень эмоционально неустойчивая. Она... – воспитательница набрала воздуха в грудь и все-таки выговорила это: – Она пыталась покончить с собой. Выпрыгнула из окна.

– Боже, – вырвалось у Йозефа. Такого он даже в шутку предположить не мог.

Некоторое время в наушниках слышались лишь рыдания.

– Поломалась страшно, почти насмерть, – справившись с собой, выговорила воспитательница. – Врачи не уверены,

что выживет.

– О Боже, – тупо повторил он.

– Господин Гржельчик, вам нужно приехать.

Он заскрипел зубами.

– Я не могу!

– Вы ведь отец! У бедной девочки нет никого, кроме вас.

– Боже мой...

– Возможно, это ваш последний шанс ее увидеть. Вдруг она умрет? Неужели вы допустите, чтобы ее хоронили чужие люди за казенный счет?

Йозеф застонал.

– Вы должны быть рядом. Вы должны поддержать ее. Может, тогда она поверит в вашу любовь и выкарабкается.

– Черт, вы просто не понимаете, где я нахожусь и что тут вокруг, – слабо пробормотал он. – Двенадцать часов до начала боя, а потом...

– Господин Гржельчик, дорога каждая минута! – умоляюще воскликнула Виктория.

– Да, я понимаю...

– Хелена оставила для вас сообщение.

Виктория Павловна включила воспроизведение, и тонкий, срывающийся голосок Хелены, искаженный передачей, произнес:

– Папа, я люблю тебя. Жаль, что я у тебя не получилась...

Йозеф стиснул челюсти. Да, не получилась Хеленка. Святая правда, именно у него не получилась. Разве она виновата

в том, что такая бестолковая? Какую папа сострогал, такая и есть. Единственный родной человечек на всем свете.

– Я приеду, – выдавил он.

Он уделял дочери слишком мало внимания. Ему некогда было возиться с малышкой, он почти не бывал дома – работа такая, но ведь ребенку от этого не легче. Его раздражала глупость подростковой Хеленки, он ругался из-за этого с женой. Откупался подарками, но разве подарки заменят общение? Когда дочка оказалась на его ответственности, он думал только о том, куда бы ее сбагрить. А она все еще любит его. Она не предала, как Марта. Ну, хоть теперь он поступит, как надо. Попрощается с Хеленой и сделает все, чтоб она жила и была счастлива. А после уже помрет с чувством выполненного долга.

Йозеф стряхнул гарнитуру на пульт.

– Всем занять места согласно боевому расписанию, – неподвижное лицо застыло в полугримасе. – Мы быстро разгоняем этих ублюдков и идем к Земле.

– Кэп? – изумленно оглянулся Футболист.

– Освободи место! – потребовал Гржельчик.

– Но вы же с ногой... то есть без ноги...

– На хрен мне тут ноги? Это не автомобиль с механической коробкой передач.

И верно, управление кораблем напоминает не езду на машине, а скорее игру на пианино.

– Капитан, – нерешительно вклинился Фархад, – навер-

ное, вам не стоит управлять кораблем, находясь под воздействием наркотика.

– Мать твою! – на автомате рывкнул Йозеф. Тут же, как обычно, спохватился и сделал вид, что продолжает: – Не должны волновать такие мелочи.

Будь на месте Камалетдинова Бабаев, что с кэпом на «ты», или авторитетный и основательный Федотов – может, и отговорили бы. Но Футболист испытывал к капитану пиетет, а Принц – и вовсе стажер, лицо без права слова. Гржельчик, помогая себе костылями, перевалился в пилотское кресло, пристегнул ремни.

– Орудия – в боевую готовность. Принц, расчет прокола! Связь с эскадрой, живо!

– Кэп, у вас будут неприятности, – попытался образумить его Камалетдинов.

Он отрывисто рассмеялся – резко, без веселья. Он уже прошел черту, за которой о неприятностях можно не беспокоиться.

– Это мои проблемы. Вас никто не обвинит. Вы обязаны исполнять приказы капитана.

– Кэп, я задал расчет прокола для вектора 27-43-19, – доложил Принц.

– Отлично, – отозвался Гржельчик. Осталось всего ничего – встать на этот курс, предварительно разгромив гъдеан и их пристяжных. – Эскадра! – гаркнул он в микрофон. – Слушай мою команду. На счет тридцать – залп по ближай-

шим врагам на поражение. Затем подходят четыре корабля резерва, берем эту толпу в клещи и мочим до готовности. А потом расчищаем мой вектор 27-43-19. Я ухожу, а вы добиваете уцелевших.

– Но, кэп... – заикнулся капитан «Игоря Селезнева».

– Исполнять! – оборвал его Йозеф. В положении командира эскадры есть свои преимущества. – Начинаю отсчет.

На западе разливалось горизонтальными полосами зеленое золото. Захар до сих пор не привык к этой потрясающей красоте. К некоторым вещам нельзя привыкнуть, настолько они необычны. К прекрасному зеленому закату, к прекрасной красноглазой женщине, сидящей рядом в вездеходе на месте водителя. Эта поездка была так же иррациональна, как красота заката на необитаемой планете. В ней не имелось нужды. Просто так покататься по окрестностям, о чем-нибудь поговорить по дороге – или даже поболтать ни о чем, полюбоваться в окна на зеленоватые облака, песок и скалы, и на закат в первую очередь, конечно.

Красота временно свела его с ума, и он решился:

– Ортленна, вы ведь не будете против, если я вас поцелую?

Она посмотрела на него изумленно – Боже, какая же она красивая, ни на кого не похожая, с яркими губами на белом лице, прозрачными радужками глаз, подвижными заостренными ушками. Изящная, грациозная, словно молодая кошка. И удивление ей так идет. И любое другое выражение ли-

ца – тоже.

– Захар, – промурлыкала она, – а вы больше не боитесь, что я вас укушу?

– Боюсь, – признался он. – Ужасно.

Она засмеялась. Когда она смеется, то выглядит просто восхитительно!

– Так, может, не стоит рисковать, а?

Говорит всерьез или дразнит? Он нерешительно потянулся к манящим губам. Сердце бешено колотилось. Укусит – полбеды. Он разное слышал о вампирах. Если она разозлится, в священном безумии может и голову оторвать, в самом буквальном смысле.

Ее губы двинулись навстречу, приоткрываясь. В закатных лучах ярко сверкнул тонкий белоснежный клык, и Захар покрылся холодным потом, но не остановился. Он сознавал, что фактически добровольно сует голову в пасть хищнику, но это сознание не отвращало его, а напротив, придавало чувствам особую остроту, возбуждало до сумасшествия.

Она вдруг вздрогнула и повернула голову. Его губы уткнулись в холодную мраморную щеку.

– Что это? – прошептала Ортленна.

Она смотрела куда-то на восток, в темнеющее небо. Захар проследил за ее взглядом. В небе плясали огни. Настоящий фейерверк.

– Видите огоньки, Захар? – шепот был испуганным.

– Да, – он кивнул. – Что это за явление?

– Это не явление, – она покачала головой. – Это бой в ближнем космосе. Я такое уже видела здесь, и не раз. Вру: не такое. То, что сейчас там творится, втрое-впятеро масштабнее, чем самый грандиозный бой прошлого. Захар, – ее чудесные губы задрожали, – я боюсь.

– Вряд ли стоит бояться, – поспешил успокоить ее Захар. – Наши крейсера не подпустят врага близко.

Она отвернулась.

– Вы так уверены в своих крейсерах, Захар. Вы не допускаете и мысли, что они могут проиграть сражение. Мы когда-то тоже были такими. Сильными, самоуверенными, даже надменными. Как же, сами ханты нас боялись! Иллюзия непобедимости очень опасна, Захар. Лучше бы вы избавились от нее. Вы ведь, глядя отсюда, не видите, кто побеждает. Может случиться всякое, и следует быть готовыми ко всему, – она обхватила себя руками, будто мерзла, голос стал ломким, как хрустальное стекло. – Но я не готова. Я очень боюсь, Захар.

Она завела двигатель, и вездеход резво пополз, переваливая через каменную гряду.

– Мы возвращаемся?

– Я отвезу вас, – ответила Ортленна, – заберу своих людей и вернусь к себе на рудник. Рабочие тоже это видят. Кое-кто понимает, что это. Им нужна моя поддержка, нужны твердые слова и ласковая рука.

– Ортленна, побудьте немного у нас, придите в себя, –

предложил он. – Как вы сумеете кого-то поддержать, если сама боитесь?

Она отрицательно качнула головой.

– Спасибо, Захар, я должна ехать. Рабочие ведь ждут разъяснений, хотят, чтобы кто-то их успокоил. Я за них в ответе. Я не могу себе позволить отложить их страхи в сторону и врачевать свои. Не волнуйтесь, я справлюсь. Я просто не скажу никому, что боюсь. Буду улыбаться и говорить, что крейсера непременно отразят натиск. Мне поверят, потому что захотят поверить.

Ах, что за женщина! Захар, почти не скрываясь, любовался ее бледным решительным профилем. Что за негибкая сила духа! Ортленна восхищала его все больше.

Послеобеденный отдых Ена Пирана был нарушен самым грубым образом. От чудовищного толчка он скатился с кровати. За этим последовал новый толчок, такой, что у него лязгнули зубы. Будь адмирал человеком сухопутным, решил бы – землетрясение. Но большую часть жизни он провел в космосе. И понял сразу: это обстрел. Прямые попадания в корпус, продавившие дефлекторы. Удары огромной мощности. Адмирал подскочил, спохватившись, что проспал начало боя.

Это было в высшей степени неожиданно. Как? Земляне не могли начать бой. Не могли, если он хоть что-то понимает. Уж никак не раньше, чем истечет срок ультиматума, даже ес-

ли предположить невероятное – что ультиматум отвергнут. Это же земляне! Варвары, корчащие из себя благородных. Они из примитивной гордыни не стали бы стрелять первыми, только в ответ.

– Что тут происходит? – он ворвался в рубку.

– Земляне напали, господин адмирал, – сквозь зубы доложил Кор Левен, не отвлекаясь от маневра. – Правый модуль горит. Два ускорителя уничтожены.

– Дерьмо! – выругался Ен Пиран. – Кто их спровоцировал? Я ему кишки на колесо намотаю!

– Не могу знать, господин адмирал! – Кор Левен слегка побледнел. – Точно не мы. Мы выполняли ваш приказ, господин адмирал. Может, симелинцы? – предположил он с надеждой. – У них нет понятия о дисциплине.

Адмирал зарычал. Проклятье, на расследование нет времени. Все потом. Потом он устроит этим разгильдяям допрос с пристрастием!

– Почему вы меня не разбудили, Кор?

– Так ведь вы сами проснулись, господин адмирал, – преданно вытянулся капитан. – Все началось только что.

– Хотите сказать, что они добрались до нашего брюха с первых же ударов? – Ен Пиран не поверил.

– Так точно, господин адмирал! Они не жалеют энергии.

– Где тсетианин? – адмирал оглянулся на экран, на котором все перемешалось. Если бы не цветные метки, обозначающие свои и чужие корабли, в этой фантазмагории ника-

кой детектив не разобрался бы.

– Вот он, желтый, – Кор Левен ткнул стрелкой курсора в точку. – Земляне серьезно повредили два из четырех эсминцев, его охраняющих. Потом он отключил блокировки и взорвал третий эсминец.

Сейчас «БМ-65» целеустремленно улепетывал рваными зигзагами, уклоняясь от огня. Решающий козырь потерян. Ультиматум утратил смысл.

– Нам нужно прорваться к Нлакису, – решил адмирал. – Как и планировалось раньше. Нас все еще достаточно много... сколько?

– Двадцать восемь, господин адмирал.

Несколько минут – и девяти кораблей как не бывало.

– К Нлакису! – распорядился Ен Пиран. – Все наличные силы – поворачивать к Нлакису! Дойти до планеты во что бы то ни стало!

Объединенный флот начал перестроение. Все, кто не был связан боем. У адмирала не имелось иллюзий – с теми, кто завяз в схватке, можно попрощаться. И еще со многими из тех, кого догонят расправившиеся с противником крейсера. Но кто-то обязательно прорвется, захватит контроль над рудниками и выдвинет новый ультиматум. Двадцать восемь кораблей – это много. Даст судьба, они доклюют землян – у всех крейсеров уже есть повреждения, пока несущественные, но с каждым они теряют силу.

Земляне повернули вслед за флотом, ведя ожесточенный

огонь. И тут же четыре свежих крейсера вынырнули с другой стороны Нлакиса, щедро плюясь плазмой. И флот, нежданно-негаданно оказавшийся между молотом и наковальней, дрогнул. Первыми не выдержали мересанские линкоры. Ен Пиран пообещал себе разыскать труса, который ими командовал, и собственноручно его убить. Мало того, что мерзавец дезертировал с поля боя, он увлек за собой все оставшиеся линкоры, подал дурной пример остальным, посеял панику в рядах сражающихся. Чфеварские драккары, колебавшиеся между выполнением приказов адмирала и спасением своих шкур, увидев удирающих мересанцев, колебаться перестали и ринулись за ними в свободный сектор, словно нарочно – может, и впрямь нарочно – оставленный землянами. Уходящих не преследовали. Восемь крейсеров сосредоточились на симелинцах и гъдеанах, перемалывая корабли в труху и почему-то не трогая эсцев.

– Сжимаем клещи, – приказал Гржельчик остальным капитанам, находящимся на связи.

Порскнули прочь мересанцы, занервничали чфеварцы, метнулись следом. Какой-то частью души Йозеф одобрил их маневры: важнее сохранить корабли, чем ввязываться в заведомо проигрышный бой. Другая часть взирала на них с презрением: если бы они навалились разом, навязали крейсерам свою схему боя – могли бы нанести значительный ущерб. Но они трусили, показали спину.

На экране возник Андроникос Спатос, командир «Мефа Аганна».

– Разрешите догнать уходящих? Ударим в спину, добьем окончательно...

– Нет, – отрезал Гржельчик. – Не до них. Пусть сваливают. Здесь еще есть, с кем сражаться.

Наивысшую опасность представляли даже не гъдеане. Они больше всех заинтересованы в драке, и Ен Пиран не даст им поддаться панике, покинуть место в строю, он выжмет из них все. Но эсминцев мало, и по тактико-техническим характеристикам они уступают крейсерам. А вот с триремами Эас – мощными и обильно вооруженными махинами – легко не справиться. Они хорошо держали строй и вели непрерывный огонь, пока еще не смертельный, но в перспективе сближения кораблей он будет серьезной угрозой.

– Связь с эасцами, – потребовал Йозеф. – Мне нужен их командир.

На экране возникло изображение сероглазого светлокожего мужчины, задрапированного в тунику, подпоясанную кожаным ремнем. Напялить такое на Спатоса, из него получился бы натуральный древний эллин, хоть сейчас снимай кино на любой мифологический сюжет. А эасцу одежда не шла. Ему бы костюмчик клерка. Жители Эас тонковаты в кости и не культивируют мускулов, худые обнаженные бицепсы эасца проигрывали даже Васе Ткаченко. С другой стороны рассудить, зачем им мышцы? Эас – технически развитый мир,

а для деловой хватки не мышцы требуются, а мозги.

– Капитан Терна, – представился эсэец и слегка дернул головой, что можно было интерпретировать и как обозначение вежливого поклона, и как знак раздраженного нетерпения. Длинное птичье перо на шапочке капитана мотнулось в воздухе, хотя голова сдвинулась от силы на миллиметр. – Командир тринадцатой триремы Эас, а заодно всей эскадры. Кто вы такой, и чего вам надо от меня?

– Йозеф Гржелчик, – откликнулся он в тон. – Капитан ГС-крейсера «Ийон Тихий», а заодно и... Честно говоря, мне от вас ничего не надо. Мне, наверное, нужно кое-чего от гьдеан и симелинцев, до сих пор не сбежавших... Это, конечно, делает им честь, но не выводит из списка наших врагов. Однако мы не находимся в состоянии войны с Эас. Вы можете уйти.

Капитан Терна криво усмехнулся:

– Боюсь, что нет! Нам заплатили, чтобы мы сражались.

– Но я же плачу вам больше, – вкрадчиво заметил Йозеф.

Глаза Терны заблестели. Деловой разговор – совсем не то, что пустая перебранка с противником.

– Сколько? – осведомился он с жадным интересом.

– Ваши жизни, Терна, – проникновенно ответил Йозеф. – Величайшая ценность на свете – жизнь и свобода. Ну, и из материальных ценностей – ваши корабли, конечно.

Лицо эсэца исказилось гримасой. В ней было все: и разочарование, что не удастся нажиться, и понимание, что зем-

ляне предлагают на самом деле немало...

– Это выгодная сделка, Терна, – заметил Гржельчик. – Если она состоится, мы не будем уничтожать ваши замечательные триремы вместе с их храбрыми экипажами. Кроме того, мы представим нашему руководству ваше присутствие здесь как случайность, Земля не станет объявлять Эас войну и даже не устроит скандала в Совете координаторов. Видите, сколько бонусов? Прекращайте огонь и уходите, мы вас не тронем.

Капитан Терна скрипнул зубами. Выгоды были ему вполне ясны, но и честь у него имелась.

– Думайте скорее, Терна, – с легким раздражением поторопил его Гржельчик. – Мне некогда. У меня личные проблемы. Если что-то будет меня сильно задерживать, я попросту смету преграду с пути, не считаясь с потерями.

Эасец посмотрел землянину в глаза, и увиденное там не понравилось капитану. Этот Гржельчик не блефует, не пугает. Так он и сделает, если Терна не согласится на его условия. В обычном бою с эскадрой Гржельчика триремы, может, и вышли бы победителями. Но врага, настроенного подобным образом, победить невозможно.

Одна за другой эасские триремы разворачивались и покидали поле боя в правильном строю, словно на учениях. Ен Пиран гневно затопал ногами, но гнев его был бессилён. Вломить вслед эасцам турболазерным залпом? А смысл? Даже

если кого-нибудь собьешь, враги-то – не они. А неприятностей с правительством Эас потом не оберешься.

С уходом трирем сражение было проиграно. Симелинские фрегаты отважно бились, но эти берсерки неспособны к согласованным действиям. Земляне разобьют их по одному.

– Отступаем! – скомандовал адмирал.

Один из земных крейсеров, добив мересанского подранка, тоже вырулил из свалки и заскользил куда-то вдаль. Адмирал прищурился. Это же «Ийон Тихий»! Ну, и куда ты намылился, проклятый греховодник?

В этом бою ловить нечего, но у Ена Пирана вдруг возник еще один, особый интерес. Интерес к «Ийону Тихому». Провались в дерьмо Нлакис, раз уж так, но с ненавистным Гржельчиком он посчитается во что бы то ни стало. Прямо сейчас.

– Смена цели, – распорядился адмирал. – Догоняем и перехватываем «Ийон Тихий».

Хоть на это-то пяти эсминцев, оставшихся от восьми, хватит?

Он чувствовал, что невольно кривит душой. Не от восьми, нет. От восемнадцати. Двенадцать кораблей было в начале войны под командованием Ена Пирана, еще шесть находились в королевском резерве. С тех пор, как судьба столкнула его с Мрланком Селдхреди и Йозефом Гржельчиком, он только и делал, что терял корабли. Пора положить этому конец!

– Нас преследуют пять гъдеанских эсминцев, – сообщил отдел наблюдения.

Йозеф выругался.

– Принц, прокол готов?

– Пятьдесят шесть процентов.

– Усилить дефлекторы! До выхода этих уродов на дистанцию огня с курса не сходим.

Сердце билось часто-часто, холодный пот сочился сквозь поры, но это не от страха и не от волнения. Всего лишь плата за ясную голову, четкое зрение, легкость в теле. За отсутствие боли. Йозеф привык к тому, что у него постоянно что-то болит. В последние дни – все. Не чувствовать боли на удивление приятно! Невзирая на побочные эффекты.

Гъдеане начали стрелять. Все мимо: слишком уж далеко. Но залпы понемногу приближались, обретали силу.

Гржельчик посмотрел на стажера. Принц молча держал курс. С виду спокойный, лишь самую чуточку скованный. Должно быть, парню не по себе, но жаловаться не станет. Везет же некоторым родителям с детьми!.. а детям – с родителями.

– Все будет хорошо, Фархад.

Стажер покосился на него. Ничего не сказал: возражать, демонстрируя пессимизм, глупо, соглашаться еще глупее – жизнь непредсказуема.

– Не веришь? Зря. Я не сумасшедший. До умственной де-

градации я не доживу просто. «Ийон» прорвется – я знаю, о чем говорю. И твоя стажировка закончится.

– Но срок еще не...

– Я уже вижу, что ты собой представляешь. Какой смысл ждать? В новом рейде у «Ийона» будет новый капитан. Хочешь начать все сначала? Пока мое мнение что-то значит, и я могу решать, я приму решение, касающееся тебя, – он заговорил твердым, официальным тоном: – Фархад ибн-Саллах аль-Саид. Я, Йозеф Гржельчик, капитан первого ранга, командир ГС-крейсера Земли «Ийон Тихий», подтверждаю вашу квалификацию пилота. Предлагаю вам войти в экипаж «Ийона Тихого» на постоянных основаниях.

Фархад сглотнул.

– Спасибо, капитан. Я... почту за честь.

– Вот и отлично, – кивнул он, снова став самим собой, без позы и пафоса.

Залп эсминца просвистел совсем рядом. Гржельчик подмигнул молодому пилоту:

– А теперь – последний мастер-класс.

И резко включил правый ускоритель. Гравикомпенсаторы жалобно загудели, не справляясь. Корабль кинуло влево, все, что не было закреплено, и всех, кто не был пристегнут – вправо. Гъдеанин промахнулся; другой, быстро переведя прицел, чуть не угодил в своего же.

– Не ждем команды, – приказал Йозеф стрелкам. – Как только сможете зафиксировать цель – поражайте.

Новый рывок. Сверкание лазеров, и корабль снова уходит из чужих прицелов. Фархад отметил, как экономно Гржельчик пользуется ускорителями. Секунда-другая, не более, а каков эффект! Признаться, Фархад опасался, что наркотик подействует на капитана растормаживающе. Нездоровое веселье, неспособность трезво оценивать ситуацию, бесшабашная храбрость, безудержный кураж – всякое бывает. Но нет, Гржельчик контролировал себя полностью. Ни одного лишнего движения и ни одного лишнего грамма топлива. Невольное напряжение оставило юношу. Он мог только восхищенно глядеть на голограмму, отображающую замысловатую траекторию «Ийона» и тщетные старания вражеских эсминцев хоть куда-то попасть. Он, Фархад, так ни за что не сумел бы. Да что там – ни один из инструкторов Академии так не умел.

Вспышка позади – попадание турболозеров «Ийона Тихого» разнесло «Малиновому» несколько ускорителей. Эсминец безнадежно отстал от собратьев, но те упорно преследовали крейсер, лупя из всех орудий.

– Какого шайтана они вообще за нами увязались?

Фархад мог понять, почему где-то бросили угодивших под пресс симелинцев – хотя одобрения это у него не вызвало. Но ради чего, благополучно выйдя из проигранного боя, тут же нарываться на новый? Тем более – с кораблем, который уходит от Нлакиса?

Гржельчик, не поворачиваясь от пульта, усмехнулся:

– Просто Ен Пиран очень меня любит. Так любит, что прямо-таки изнемогает от желания. И не может понять очевидного: рядом со мной он – не мужик. Как дела с проколом, Принц?

– Восемьдесят пять процентов.

А дадут ли где-то лечь на курс? Фархад усомнился. Пусть они не в состоянии причинить вред виртуозно уворачивающемуся «Ийону», их преследование не позволит выровнять траекторию и уйти в прокол. А Гржельчик торопится. Фархад слышал его разговор с Землей. Нарушить приказ – безумие, но дочке капитана он даже слегка позавидовал. Отец так ее любит, что махнул на распоряжения командования рукой, чтобы быть рядом с ней в тяжелый момент. Вот интересно, мать решилась бы ради него, Фархада... не нарушить приказ, конечно – кто ей посмеет приказывать? – а, скажем, забыть на пару минут о политике? Совершить взбалмошный поступок, зная наверняка, что его осудят? Да или нет? Не поймешь, пока не проверишь, но лучше уж не проверять.

– Эти суки когда-нибудь с хвоста слезут?

Где-то начали раздражать Гржельчика. Скоро будет рассчитан прокол, а дальше? Как только «Ийон» перестанет маневрировать, по нему ударят со всех сторон. Дать всю энергию на дефлекторы – не останется на ГС-привод.

– Да чтоб тебя перекожежило! – выругался Йозеф.

– Новый корабль в зоне обстрела! – закричал кто-то из

отдела наблюдения.

Из ниоткуда вдруг возникла какая-то хреновина, отблескивающая в зеленых лучах светила Нлакиса, и стремительно пронеслась навстречу, охваченная голубоватым свечением торможения. Никто не успел среагировать, кроме Гржелъчика, крутнувшего первый попавшийся тумблер. «Ийон Тихий», вновь завизжав гравикомпенсаторами, шарахнулся с пути хреновины, на бешеной скорости вломившейся в гъдеанский строй, разметав его. Что-то взорвалось, залив экраны ослепительным сиянием, брызнули во все стороны капли металла, на глазах превращающиеся в пар. «Синий» отшвырнуло прочь, стесав боковой модуль, как и не было. Лишь чуть-чуть изменив курс от столкновения и потеряв какие-то части, хреновина умчалась в звездную даль.

– Что это было? – ошарашенно спросил у пространства Йозеф.

– Тип корабля определить не удалось, – отозвался аналитический отдел. – Не успели, – покаялся аналитик. – Но это не ГС-корабль, точно. У него фотонный разгонник. Был, – уточнил он. – До столкновения.

Гъдеанам было уже не до преследования. «Бирюзовый» взорвался, «Малиновый» безнадежно отстал, «Черный» и «Коричневый» крутились вокруг пострадавшего «Синего».

– Этот летучий голландец появился как нельзя более вовремя, – заметил Гржелъчик. – Как придем к Земле, выпейте за него, раз уж мне нельзя.

– Расчет прокола готов, – доложил Фархад.

– Поехали, – капитан сдвинул рычаг до упора, и энергия щедро хлынула в ГС-привод.

Противоперегрузочные кресла немного смягчили удар, но ремни врезались в тело даже сквозь пассивную защиту, зубы лязгнули друг о друга и стали крошиться. Ихер Сим ощутил во рту вкус крови, и его чуть не стошнило – он же не шитанн, в самом деле.

– Сотня червей могильных! – взревел Ччайкар. Старик обычно был сух и сдержан, и Ихер Сим, не ожидавший столь бурного проявления негативных эмоций, вздрогнул. – Мы потеряли фотонный разгонник.

Ихер Сим прикрыл глаза. Это конец. Они лишились последнего двигателя. Теперь то, что осталось от «Райской звезды» – консервная банка, да и только.

– Милый, с тобой все нормально? – заботливый голос Цхтама.

Молодой гьдеанин мысленно желал постылому старпому провалиться в какой-нибудь неожиданно открывшийся люк. Но сейчас его спокойная, в контраст капитану Ччайкару, речь и твердая рука, легшая на плечо, вселили надежду.

– Да, я в порядке, – промямлил он, открыв глаза. – А что случилось?

– Мы в кого-то врезались, – процедил Ччайкар. – Знаешь, кто это, Сим? Глянь запись.

Ихер Сим отстегнулся, неуверенно поднялся с кресла. Мышцы побаливали. Он послушно подошел и, встав рядом с пультом, посмотрел на экраны.

– Гъдеанские эсминцы, – тут же узнал он. – А вон то – крейсер Земли. Вы можете получить от землян помощь! Свяжитесь с ними, господин Ччайкар.

– Крейсер куда-то делся, – хрустнул кулаком тот. – Превратился в радужное пятно и исчез, как не было.

– О, – понял Ихер Сим. – Это прокол. Гиперсветовой переход. А что гъдеане?

– Гъдеане остались, – Ччайкар бросил хмурый взгляд на нижний экран. Точки гъдеанских эсминцев уже растаяли где-то позади, но сканер еще отслеживал излучение их двигателей. – Вызывать их я не буду. Прошлая наша встреча мне не понравилась, – он болезненно скривился. – А нынешняя наверняка не понравилась им.

Цхтам подмигнул:

– Один из кораблей Гъде после столкновения взорвался, другой сильно поврежден.

Ихер Сим опустил глаза. Хорошее настроение старпома было ему понятно, но сам он не мог разделить его радость от урона, нанесенного Гъде. А ведь и капитан мрачнее тучи.

– Господин Ччайкар не рад, – заметил он.

Цхтам хмыкнул.

– Как мило с твоей стороны обратить на это внимание. Господин Ччайкар – капитан этой жестянки, и ему, знаешь

ли, неприятно потерять последнюю возможность маневрировать.

– А вы-то чем довольны, господин Цхтам? – поинтересовался гъдеанин.

– Сладкий, мы ведь живем уже гораздо дольше, чем могли бы, разве нет? – старпом ласково потрепал его по щеке. Ихер Сим уже привык, не стал отшатываться. Шитанн забавляло, если его пугали прикосновения. – Это не значит, что я не желаю больше жить. Но в моей душе мир, и я благодарен судьбе. В твоих силах, сладенький, – он заговорщически наклонился к гъдеанину и зашептал, касаясь уха холодными губами, – слегка расшевелить капитана Ччайкара. Давай, помоги ему. Он стар, но ему тоже нужна кровь. Иногда. Сейчас бы очень пригодилась, – Цхтам улыбнулся; Ихер Сим попятился, но он удержал его за руку. – Подними старику тонус. Подойди к нему, обними нежно, подставь шею...

– Я не хочу, – пролепетал Ихер Сим.

– А я тебя не спрашиваю, – шепнул Цхтам, не меняя тона, и легонько подтолкнул его по направлению к угрюмо застывшему в кресле Ччайкару. – Делай, что говорю.

Голограмма главнокомандующего выглядела виновато.

– Они вступили в бой первыми, не дожидаясь, пока выйдет срок.

– Они – это гъдеане? – уточнила Салима.

– Нет, – он понурил голову. – Они – это эскадра под ко-

мандованием Гржельчика.

– Тогда следовало сказать «мы».

Максимилиансен скрежетнул зубами. Он не хотел говорить «мы». «Мы» предполагает «и я тоже», а от сумасбродств Гржельчика он желал решительно отмежеваться.

– Что с тсетианским кораблем? – спросила Салима. – Взорван? Или Ен Пиран снимает очередное кино с участием экипажа?

– «БМ-65» ушел к поверхности Нлакиса. Крейсеры уничтожили двух его конвоиров, а он, отключив блокировки, подбил третьего и выскользнул из клещей.

– Прекрасно, – она кивнула. – Докладывайте дальше, Ларс. Чем закончилось сражение?

– Победой.

– Ларс, выражайтесь четче, вы же военный, – упрекнула она его. – Кто победил? Мы?

– Эскадра Гржельчика.

– И это хорошая новость, – она снова кивнула. – Что вы гримасничаете, Ларс, будто вас геморрой мучает? Победа обошлась дорого? Каковы наши потери?

– Э... – он запнулся. – У нас нет потерь, Салима. У трех крейсеров пострадали ходовая часть и внешнее оборудование, и еще у одного неполадки с ГС-приводом, остальное – мелочи.

– Погибшие?

– Никто не погиб. Несколько раненых и обожженных –

бой есть бой, – старичок развел руками.

Салима задумчиво прошлась туда-сюда перед голокамерами, скрестив руки на груди, остановилась, пытливо взглянула на Максимилиансена:

– Чистая победа. Интересы Тсеты не пострадали. Что-то я в толк не возьму, Ларс: чем вы в таком случае недовольны?

Дед раздраженно фыркнул.

– Мерзавец Гржельчик!

Она подняла бровь:

– Выиграл эту битву, не так ли?

Дедуля засопел.

– Он нарушил ваш приказ, Салима! Ввязался в бой без разрешения, с бухты-баракты! Он игнорирует субординацию, творит, что хочет, подвергает ход операции ненужному риску... Попадись он мне в руки – шею сверну!

Она снисходительно покивала.

– Разумеется, Ларс. А после жду вас с подробным докладом. Вместе с капитаном Гржельчиком, конечно.

Салима щелкнула кнопкой пульта, и голограмма погасла.

– Как я погляжу, Ларс, Гржельчика вы любите не больше, чем Шварца, – цокнула она языком. – Любопытно, его-то за что?

Обернись бой неудачей, обвинить в этом Гржельчика было бы естественно. Она непременно поддержала бы негодование Ларса, а может, и выдала бы Гржельчика тсетианам, если бы те потребовали ответа за «БМ-65». Но победителей

не судят. Раз он выиграл бой без потерь, нарушив приказ, значит, он слишком хорош, чтобы прозябать среди тех, кто вынужден исполнять чужие приказы. Может, здесь и кроется причина неприязни Максимилиансена? Старый волк видит в Гржельчике соперника, опасается, что тот спихнет его со скалы вожака. Причем явно с недавних пор. Раньше дед отзывался о своем подчиненном исключительно хорошо, превозносил как лучшего пилота и вообще толкового капитана, защищал заранее от любых возможных нападков. А теперь – будто черная кошка меж ними пробежала.

Но с этой проблемой справляться им самим. Ларсу следует понять, что он не вечен, а флоту Земли нужен главнокомандующий. А Гржельчик должен суметь наладить отношения с начальством, доказать, что ума у него хватает не только на сражения. Будущему главнокомандующему надо знать, что не все решается в драке и противостоянии, где-то потребен и компромисс, и мирные переговоры. Салима очень надеялась, что у них будет на это время, прежде чем годы Ларса возьмут свое. В конце концов, здоровье у старика отличное.

Вот только не могла она предполагать, что это Гржельчику остро не хватает времени. По врачебным прогнозам, капитану не увидеть Рождества.

– Где? – заорало изображение главнокомандующего. – Где этот ублюдок?

– Вы имеете в виду Ена Пирана? – осторожно уточнил Ан-

дроникос.

– Где Гржельчик?

Андроникос Спатос, капитан «Мефа Аганна», стал командиром эскадры внезапно. День неожиданностей начался с того, что Гржельчик поднял корабли по тревоге, приказав вступить в бой, невзирая на распоряжение Центра сидеть и ждать. Потом – через какие-то полчаса – огорошил эскадру известием о своем уходе. А еще несколько минут спустя вызвал Спатоса и сказал:

– Принимайте эскадру. Ваша задача – не пускать оставшихся в живых гъдеанских отморозков и их приятелей к Нлакису. Хотите – уничтожьте их подчистую, хотите – разгоните к чертям. Думаю, вкупе с подошедшими четырьмя крейсерами вы справитесь с врагом и без меня.

– Капитан Гржельчик, смена командования в ходе боя – не лучшая затея, – возразил Андроникос. – Закончите сражение, которое начали, а потом уходите, куда вам нужно.

– Времени нет, – отрубил Гржельчик. – Желаю удачи.

«Ийон Тихий» вырвался из гущи схватки. Спатос не знал, зачем он покидает бой, просто подчинился, как велит устав. А теперь главнокомандующий на него орет.

– Не могу знать, – ответил он, молясь про себя, чтобы грозный Максимилиансен не счел его ответ издевательским. – Как только исход боя стал однозначен, капитан Гржельчик передал мне командование и увел свой крейсер.

– Куда, черт побери?

– Не могу знать, – повторил Спатос. – Он ушел с вектора 27-43-19, но...

Но прокол – вещь в себе. Прокол можно рассчитать для любого стабильного курса, и совершенно не обязательно, чтобы вектор был направлен в ту сторону, куда собираешься попасть.

Ларс зарычал и отключился. Нарушение приказа координатора чертовым Гржельчиком – ЧП, но увод крейсера в неизвестном направлении без разрешения и надлежащего доклада – просто катастрофа! За угон безобидного велосипеда и то можно в кутузку загнать, а ведь крейсер – не велосипед! Вооружения на нем хватит, чтобы стереть в порошок какую-нибудь планету, не особо озабоченную орбитальной обороной. Что у свихнувшегося Гржельчика на уме, а?

У Земли с орбитальной обороной, слава Богу, все в порядке. Максимилиансен спешно проинструктировал контингент: во избежание неприятных неожиданностей считать «Ийон Тихий» вражеским кораблем и к планете не пропускать. Впрочем, он надеялся, что до этого не дойдет. Ведь у земли есть кусачий периметр и Шварц при нем, который клялся, что не пустит ни одну падлу. В чем другом, пожалуй, что и нет, но в этом Шварцу можно верить. Ларс срочно распорядился вызвать его по квантовой связи.

– Слушайте задачу, адмирал, – приказал он. – Крейсер «Ийон Тихий» задержать.

Вместо «есть» Шварц протянул:

– Нормально-о... Если вы забыли, командующий, напоминаю: ГС-крейсера Земли имеют опознавательные коды, позволяющие им хреначить мимо моей станции, не тратя время на приветствия. И как я, по-вашему, его задержу?

Максимилиансен вполголоса выругался.

– Я прямо сейчас распоряжусь отключить его опознавательный код. Если «Ийон» пойдет к Земле, его выбросит у вас. Крейсер захватить, Гржельчика арестовать. Будет прорываться – бейте на поражение.

Шварц прищурился, отчего его бандитская физиономия стала уж вовсе пиратской.

– На поражение, значит... А ничего, что сын Салимы служит на «Ийоне»?

Ларс скрипнул зубами. Вот черт, забыл!

– Пра-ально, – Шварц демонстративно махнул рукой. – Хрен с ним, у нее еще один есть. Зато мальчишки не передерутся за наследство, как удобно.

– Прекратите паясничать! – рявкнул Максимилиансен.

– А вы, командующий, прекратите истерить. Если Салима лично подтвердит ваш приказ, я его выполню. Но только в этом случае.

– Провинциальный олух! – взорвался старик. – Пока вы тут препираетесь, Гржельчик может натворить дел...

Шварц побарабанил по ручке кресла, глубокомысленно кивая.

– Например, выиграть еще одно сражение без вашего ру-

ководства. Точняк, обидно. В общем, так, командующий. Либо обоснование приказа и подтверждение высшей инстанции – либо на стол координатору ляжет рапорт, что вы пытались вовлечь меня в заговор с целью убить ее сына.

– Да вы с ума сошли! – дед аж задохнулся.

– Это вы с ума сошли, командующий. Выпейте какую-нибудь таблетку, прочищающую мозги, и посмотрите на вещи трезво.

– Господин главнокомандующий! – ожила связь с земной станцией наблюдения. – «Ийон Тихий» у Земли, на средней орбите.

– Черт!

Он отключил Шварца – адмирал, надо же! козел этакий! – и заорал уже по другому каналу:

– Сбить их! Нет! – чувства и здравый смысл путались, боролись между собой. – Не сбивать! Просто повредить как следует! Орудия... Не пускать его к Земле с работающими орудиями!

В тот момент Максимилиансен не отдавал себе отчет, что его приказы довольно бессвязны и маловыполнимы. Как это должны были интерпретировать командиры орбитальной обороны? Сбить все-таки или не сбить? И как можно не пустить «Ийон» к Земле, не сбив его? Это же не какой-нибудь эсминец, это крейсер!

К сожалению, кардинала рядом не было. Командующие реального и идеологического фронтов недолюбливали друг

друга и избегали встреч, если обстоятельства это позволяли.

– В нас стреляют! – изумленно констатировал Фархад.

– А то я не вижу, – буркнул Гржельчик.

Земля не торопилась встречать своих героев хлебом-солью. Она встретила их огнем. Йозеф понимал, что залпы предупредительные, огонь на поражение не ведется. Пока. Но он передумал оставлять «Ийон» на орбите и спускаться вниз челноком. Нельзя бросать корабль, который так встречают.

– Считай посадку, Принц, – кинул он.

Перед глазами повисла темная пелена. Йозеф сжал веки и мотнул головой. Пелена исчезла.

– Нас вызывают с истребителя орбитальной обороны, – доложил связист.

Гржельчик молча кивнул.

– «Ийон Тихий», немедленно ложитесь на курс 50-42-97, отключите цепи управления орудиями и ждите. В случае неповиновения мы будем вынуждены стрелять!

Йозеф сморщился. Темная пелена вновь появилась, он сморгнул ее.

– Где там Клара? Кажется, мне нужен еще один укол.

– Вы не собираетесь подчиняться? – спросил Фархад. Не с упреком или испугом, скорее с нейтральным интересом. Молодец мальчик. Далеко пойдет, если переживет сегодняшний день.

– Прости, Принц. Не собираюсь.

Он продолжал вести корабль к Земле недрожавшей рукой, игнорируя лазерные залпы.

– «Ийон Тихий», вы меня слышите? – надрывались динамики. – Курс 50-42-97! Ради Бога, не делайте глупостей!

– КЭп, что с вами? – Клара с чемоданчиком быстро прошагала к нему, и плевать ей, что под ногами – весьма реалистичное изображение космического пространства. Приятно, когда рядом – профессионалы. – Что, совсем плохо?

А вампира при ней не видать. Странно.

– В глазах темнеет, – пожаловался Йозеф.

Она вздохнула.

– Действие препарата кончается. Давайте введу еще дозу.

– «Ийон Тихий», ответьте! Или мы откроем огонь!

Клара оглянулась на экран связи.

– Не обращай внимания, – махнул рукой Йозеф. – Пусть себе гундят.

Он закатал рукав, сел так, чтобы Кларе было удобнее колоть ему проклятую отраву.

– А где Аддарекх?

Она воззрилась удивленно.

– Он вам нужен?

– Нет, – он смутился. – Просто любопытно. Извини.

– Аддарекх с десантом. Там, где его место согласно боевому расписанию, – докторша язвительно взглянула на капитана. – Оно, знаете ли, вовсе не рядом со мной.

Но взгляд ее почти сразу стал виноватым. Жестоко язвить над умирающим, которому сама же помогаешь умереть.

– «Ийон Тихий», вы что, оглохли? Немедленно ложитесь на предписанный курс, иначе...

Йозеф благодарно кивнул Кларе, закрепился в пилотском кресле, включил микрофон.

– Да нет у меня времени тут с вами рассусоливать!

Дефлектор отразил первый настоящий удар. Гржельчик поморщился. Все-таки они сделали это. Посмели выстрелить в своего. А он так надеялся, что все еще остается для Земли своим... Почему? Что он такого сотворил? Не стоит и перебирать. Просто в последнее время ему везет, как утопленнику. Ничего, скоро это кончится. Только бы успеть попрощаться с Хеленкой.

Заработали двигатели «Ийона», уводя корабль с траектории выстрелов.

– Кэп, в чем дело? – раздался в наушниках голос дежурного стрелка. – Разблокируйте орудия, мы не можем ответить. Кэп!

Он закусил губу и мотнул головой.

– Мы не станем стрелять в землян!

– Тогда мы не пройдем к Земле.

– Пройдем, – упрямо возразил он. – Пройдем. Принц! Помнишь, как ты того Цаххайна уделал в «Небе в звездах»? Считаю прокол под стратосферу.

– Под стратосферу? – изумленно воскликнул Фархад. – Но

это опасно! Если при выходе не справиться с управлением...

– Я справлюсь, – сквозь зубы пообещал Йозеф. – Твое дело посчитать, мальчик.

Небесная сфера вокруг плясала, мутя желудок тем, кто непривычен к космическим гонкам. Лазеры юрких внутрисистемных истребителей били мимо. Какие-то антенны снесло скользящим попаданием. Звено истребителей разомкнулось, ударило с нескольких сторон; левый дефлектор загудел, но через миг «Ийона» уже не было в прицелах.

– Зелены вы со мной тягаться, – пробормотал Йозеф под нос. – Цепные шавки рядом с волком.

– Стационарные посты орбитальной обороны активируют орудия, – доложил наблюдательно-аналитический отдел.

Земля уже совсем близко, но вокруг планеты – плотный пояс военных спутников, последний рубеж обороны. Их не пройти. Их командиры знают свою задачу, последние посты не остановятся ни перед чем, Земля – прямо за ними.

– Пуск ракеты со спутника LZ, – сообщила женщина-аналитик. – Самонаведение, термоядерная боеголовка. Пуск со спутников LR, LT...

– Сколько у нас времени?

– Двадцать четыре секунды. Двадцать три... двадцать две...

– Принц, что с проколом?

– Девяносто восемь процентов, – голос юноши звучит хрипло.

– Пятнадцать... четырнадцать...

Ракеты были уже видны невооруженным глазом. Это ощущение, когда ты видишь, как к тебе с трех сторон приближается смерть, нельзя сравнить ни с чем. Волосы встают дыбом, душа с тихим писксом прячется в пятки, нетренированные сфинктеры забывают о своих функциях... Мрланк и то замер в углу рубки с глазами какающего лемура – вряд ли понимал, что означает изображение на экране, скорее ощущал чувства присутствующих людей.

– Девяносто девять процентов, – прошептал Фархад. – Но если они ударят во время прокола...

– Мы ляжем на параллельный вектор, – отрывисто бросил Гржельчик.

– Шесть... пять...

Корабль нырнул вниз, пол провалился под ногами, гравикомпенсаторы не успевали. С визгом и воем, с гигантскими перегрузками крейсер ушел с траектории. Компьютеры внезапно потеряли цель, но системы самонаведения работали исправно – каждая из трех ракет зафиксировала излучение двигателей двух новых целей. Ракеты слились где-то вверху и сзади, и вспыхнувшее облако плазмы начало стремительно расширяться, догоняя «Ийон».

– Сто процентов, кэп.

На спутниках уже поняли, что произошло.

– Кэп, LR запускает новую ракету, – доложила аналитик. – И LZ тоже...

– Фархад, дай оценку, сколько займет прокол.

– Так близко – три секунды.

Йозеф включил ГС-привод. За три секунды их не достанет ни горячее дыхание термоядерного взрыва, ни новые ракеты.

Радуга, разлившаяся по экранам, продержалась три удара сердца, а потом «Ийон» мотнуло, потрянуло, повело куда-то, стрелки приборов бешено заскакали по шкалам. Фархад невольно прикрыл глаза. В космосе все направления равны, но здесь в атмосфере, есть верх и низ, и здесь можно разбиться, упав с высоты. Выла тревога, корабль кидало, ударяя будто о камни – на такой скорости неоднородности воздуха казались вполне ощутимыми препятствиями. На экранах было видно, как горит обшивка. Безумно хотелось крикнуть что-нибудь паническое, но отвлекать капитана, колдующего за пультом, закусив губу так, что струйка крови ползла по подбородку – вот настоящее безумие. По носу бушевало белое пламя – носовые ускорители работали на торможение.

Тяжелый бомбардировщик летел над Сибирью. Нет, он не собирался кидать бомбы, эмблема на борту была российская, а что номер московский, а не сибирский – кто же различит? Чтобы не заметили беспокойные обыватели, самолет набрал большую высоту. А касаясь постов ПВО... Экипаж надеялся, что придираяться не станут. Тещи у всех есть, в конце концов.

Бомбардировщик вез на родину тещу второго пилота.

Бабке приспичило повидать старых подруг и былых ухажеров. Кто-нибудь пробовал отказать теще в сокровенном желании? То-то и оно. Командование отнеслось понимающе.

Первым заметил неладное штурман. Сзади по курсу, слегка левее и выше, вспыхнуло радужное сияние, переливаясь, стало стремительно смещаться к северо-северо-востоку, словно след на воде от гигантской кисти, окунутой в смесь люминесцентных красок. А в середине этого сияния открылась дыра в ничто, куда ухнули, деформируясь и корежась, подсвеченные облака, доселе степенно плывшие по небу. Ветер забился, сменил направление, закрутился вихрем, всасывающим воздушные массы в дыру.

– Твою мать! – только и успел он вымолвить.

Руки командира действовали быстрее мозга. Он еще толком не осознал, что случилось, а самолет, снятый с автопилота, уже резко уходил прочь, пытаясь вырваться из чудовищного вихреворота. Плоскости скрипели и трещали, машина кувыркалась в предательском воздухе, кто-то матерился в шлемофоне, визжала теща второго.

Три секунды, и радуга погасла, дыра схлопнулась, выплюнув что-то настолько громадное, что и летать-то по воздуху не должно; тем не менее оно непостижимым образом летело, на глазах окутываясь пламенем; прямо по направлению движения забили клубы белого огня и дыма. Громадина, непрерывно горя и извергая огонь короткими фонтанами, на счет «раз» настигла реактивный самолет, движущийся в режиме

форсажа, пронеслась мимо, обдав его жаркой турбулентностью, и за пару секунд исчезла вдали.

– Блин, что это за хрень? – ошарашенно спросил штурман. – Сделала нас, как стоячих.

Командир с трудом выровнял самолет, воздушные потоки все еще схлестывались в кильватере этого чудовища, как бешеные.

– О-ох, – застонала бледно-зеленая бабка. – Уморить меня решил, зятек?

– Да что вы, мама, – несчастно возразил второй пилот.

– Ты все это специально подстроил, чтобы поиздеваться над пожилой женщиной, – убежденно обвинила его теща. – Я же вас знаю, алкашей и хулиганов! Никакого почтения к старости...

– Принц, не спи, – позвал Гржельчик. – Проси разрешение на посадку. Видишь, мне некогда.

Этот приказ, отданный будничным тоном, привел Фархада в себя. Капитан просит посадку. Значит, он рассчитывает сесть, а не рухнуть. И впрямь, болтанка стала меньше, горизонт выравнивался, пламя, бушующее снаружи, опало.

– Капитан, Байк-паркинг отказал в посадке. Спрашивать Канаверал?

– Ну, спроси, – скептически согласился Йозеф. – Для очистки совести.

Отказ его не удивил. Коли уж «Ийон» чуть не расстреляли

на подходе...

– Кэп, Канаверал тоже не дает.

– Что и требовалось доказать, – пробурчал капитан. – Готовь посадку в Ебурге, мальчик. На территории Академии есть такое большое тренировочное поле, знаешь?

– А нам разрешат на него сесть? – недоверчиво уточнил Фархад.

– Разумеется, нет. Только спрашивать мы не будем. Некогда уже. Посадка мне нужна через пятнадцать минут.

Тренировочное поле Академии космоса не простаивало. В солнечных лучах натужно поднимались в воздух, неуклюже барахтались в нем и плюхались на землю, порой разбиваясь, большие пенопластовые муляжи космических кораблей. Сегодня будущих пилотов учили стартовать и сажать корабль на планету. Игрушки на дистанционном управлении были промежуточным шагом между компьютерным симулятором и реальным учебным катером на двоих с инструктором. Центр подготовки в Финиксе традиционно пренебрегал этим этапом: руководство считало, что, раз интерфейс симулятора идеально отвечает рубке корабля, то никаких переходных этапов и не требуется. В Ебурге полагали иначе. Интерфейс интерфейсом, но мы живем не в виртуальности, а в реальном мире, настолько многофакторном, что никакие компьютерные технологии не помогут его исчерпывающе описать. А посему отвлекись-ка, курсант, от любимого

ноутбука, сядь за учебный пульт в углу поля и погляди своими глазами, как кидают порывы ветра пятиметровую пенопластовую хреновину с гордым названием, намалеванным гуашью на борту. Почувствуй сам, каково ей, такой хрупкой, приближаться к земной поверхности под твоим неумелым управлением, как летят полимерные крошки от стабилизаторов, чиркающих по бетону, как разваливается на куски казавшаяся надежной конструкция оттого, что пилот не учел какой-нибудь ерунды. Послушай матерные вопли инструктора вместо корректного замечания операционной системы: «Вы проиграли», – и порадуйся еще, что это не плач безутешных родственников тех, кого ты погубил своей недостаточной квалификацией.

Грохнулась на покрытие площадки очередная пенопластовая фигня, вырезанная в виде ГС-крейсера, хрустнула перемычка между правым модулем и центральными отсеками, часть «корабля» отвалилась и запрыгала по бетонке независимо, кувыркаясь и крошась.

– Ньюмен, вы тупица! – завопил инструктор Молчанов. – Безрукий неуч! Когда вы уже научитесь садиться, а не только взлетать? Земле не нужны камикадзе! Наши корабли слишком дороги для того, чтобы быть одноразовыми! Даже эта пластиковая бандура – чересчур дорогое удовольствие, она не рассчитана, черт побери, что ее будут ломать так часто! Ньюмен, так вас и разэтак! Если вы повредили не только пенопластовый каркас, но и электронную начинку, я вас отдам

в рабство мастерам на две недели, пока не прочувствуете на своей шкуре, каково паять всю эту лабуду для развлечения криворуких идиотов вроде вас!

Он перевел дух и вновь завопил:

– Ньюмен! Неужели у вас в детстве не было вертолета на дистанционном управлении?

– Был, – признался юноша, красный, как вареный рак.

– И что, вы так же над ним издевались?

– Ну-у, нет. Он нормально садился. Но с вертолетом ведь легче, у него винт...

Инструктор всплеснул руками.

– И это все, чего вам не хватает, Ньюмен? К следующему разу вырежьте из пенопласта винт и приклейте к этому несчастью! И назовите его «Карлсон»!

Валяющееся на бетонке разбитое творение Ньюмена носило название «Конан Варвар». Называть муляжи крейсеров настоящими именами, используемыми в обиходе, строго воспрещалось, но курсанты старались придерживаться традиций и выбирали имена героев сказок и фантастики.

– А чего сразу Карлсон? – тихонько проворчал другой курсант, блондин по имени Свен.

Молчанов орал громко, но слышал хорошо.

– Разговорчики, Карлсон? К пульта, быстро! Как вы называли свой летающий гроб, лишь по недоразумению имеющий силуэт крейсера?

– Эта-а... «Капитан Флинт».

– Карлсон, вы что, офонарели? – инструктор аж изменился в лице. – Живо за водой и тряпкой! Меняйте название, не то Кенвуд Флинт, командир «Игоря Селезнева», вам в страшных снах будет являться! Как же можно называть тренировочные хреновины именами живых людей? Вы подумайте, Карлсон! А вдруг ваш гроб разобьется? Черт, он наверняка разобьется!

– Да-а, – обиделся Свен, – а «Карлсон», значит, пусть разбивается, и ничего?

Молчанов шикнул на несчастного Свена, и тот побрел за тряпкой.

– Та-ак, кто у нас следующий? Вон то страшилище, «Птица Рух» – чье оно? Эта птица хоть взлететь сможет?

Черноволокный паренек небольшого роста шагнул к пульту, ввел свой код. «Птица Рух» поднялась в воздух, покружила над полем, задрожала под неожиданным порывом ветра, идя на посадку, клюнула носом.

– Разве птицы так садятся, черт возьми? – рывкнул инструктор. – Птица ваша пьяная, или вы пьяны, а?

– А вы сами попробуйте! – предложил черноволокный. – Покажите нам, как надо.

– Вот-вот, – поддержали его из задних рядов. – Покажите!

Эрик Молчанов нахмурился. Он ругал курсантов не потому, что они были так уж плохи, а в воспитательных целях, чтобы они стремились превзойти себя. На самом деле управлять верткой, непослушной пластиковой конструк-

цией сложнее, чем настоящим кораблем, устойчивым, имеющим кучу вспомогательных цепей управления и стабилизации. Эрик был неплохим пилотом, но немного опасался опозориться. Он поднял глаза на внезапно потемневшее небо, пытаясь угадать направления ветров на разных высотах, и вдруг замер. Вниз стремительно опускался корабль. ГС-крейсер. Не пенопластовый, всамделишный.

– В стороны, – просипел он.

Курсанты порскнули по краям поля, не отрывая глаз от зрелища. Корабль гнал перед собой горячий ветер, разметавший остатки пенопласта. Стали различимы буквы на борту: «Ийон Тихий».

– Что он тут делает? – удивился Свен.

– Садится он тут, – сухо ответил инструктор. – Просили показать, как надо? Смотрите.

Он и сам ни черта не понимал, почему один из крейсеров садится не в порту приписки, а здесь, практически на лужайке, ну разве что залитой бетоном для местных нужд.

Раскаленная обшивка, местами прогоревшая, дышала жаром. Наметанным глазом Эрик определил следы попадания лазеров и отсутствие нескольких антенн. Но урон не тот, чтобы идти на аварийную посадку у ближайшей помойки. Загадка прямо. Только курсантам он ни за что не признается в незнании разгадки.

С ювелирной точностью громада опустилась на бетонированную поверхность. Пыль поднялась и осела. Инструктор

откашлялся.

– Теперь поняли? Вот так и нужно сажать корабли.

Заскрежетал люк, и вниз, раскладываясь на секции, полетел трап. Аккуратно, чтобы не задеть горячую обшивку, из крейсера вышел человек в капитанском мундире и стал поспешно спускаться, гремя костылями. Йозеф Гржельчик, понял Молчанов. Он, конечно, не был знаком с ним лично. Но кто же еще это может быть, как не капитан «Ийона»? Он шагнул к нему.

– Капитан Гржельчик... Очень прошу вас, скажите курсантам пару слов.

Гржельчик озабоченно почесал голову, повернулся к будущим пилотам, стоящим с отвисшими челюстями, и изрек:

– Есть у кого-нибудь мобильник и машина? Мотоцикл тоже устроит. Только звездолет, туда его, не предлагать – свой имеется!

Йозеф вложил сим-карту в чужой телефон, пока они шли к машине Молчанова. Тут же вывалилось огромное количество пропущенных звонков. Не меньше половины – от Хеленки. Сердце сжалось.

Он вызвонил Викторию Павловну. Они подобрали ее у ворот интерната, и дальше она показывала дорогу. По всему видать, она не раз бывала в этой больнице: знала, куда поворачивать, где лифт, какой этаж нажимать, сколько нужно дать санитаркам, чтобы впустили в неприемный час.

Хелена была бледненькая-бледненькая, вся в гипсе, на растяжках. Голова в бинтах – побрили, небось, изверги, не понять им, что значат красивые волосы для глупой девчонки. Аппараты какие-то. Надо было Клару с собой взять, хоть объяснила бы, что к чему.

– Дочка, – он коснулся ледяной ладошки, садясь на табурет рядом, обхватил своими грабками, отогревая. – Хеленочка, я пришел, – он осторожно поцеловал белую щечку, стараясь не задеть бинты.

Она открыла глаза. Большие-пребольшие, светло-серые, как и у него. Она вообще была сильнее на него похожа, не на Марту. Папина дочка.

– Папа, – прошептала она, и из глаз покатались слезы, огромные и крупные, как жемчужины.

– Хеленочка, ну не плачь.

– Они сказали, ты не придешь, – всхлипнула Хелена.

– Как я мог не прийти? Ты же моя дочка, – он гладил холодную ладошку.

– Мама не пришла. Она меня больше не любит.

– Ну что ты, детка! Конечно, любит.

– Меня никто не любит, – прерывающимся голосом сказала Хелена, – потому что я тупая! Мама ненавидит меня за это. Она не захотела со мной разговаривать.

Чтоб ты провалилась, подумал Йозеф. Со своими собаченьками, суками прожорливыми, разговариваешь, а дочь родная – по боку.

Он прижал дочкину ладонь к небритой щеке.

– Хеленочка, я тебя люблю. И мне все равно, тупая ты или нет.

– Правда? – сквозь слезы в глазах сверкнула крупинка надежды.

– Детка, чтобы скорее повидать тебя, я нарушил приказ Центра. Рискнул сотней с гаком мирных граждан, развязал бойню, каких в истории еще не было, уничтожил полтора десятка вражеских кораблей.

– Чё, правда? – Хеленка изумленно расширила глаза. – Па, а тебя ругать не будут?

– Будут, – честно ответил он. – Но мне плевать.

– Папочка! – слезы моментально высохли, глаза залило полным, беспредельным счастьем. – Ты самый лучший папа на свете!

И почему перед глазами снова повисла пелена? Только не темная, а светлая. Йозеф моргнул, и щека стала мокрой. Прямо сообщающиеся сосуды какие-то. Хеленка перестала плакать, так слезы все равно нашли, откуда течь.

– Папа, ты такой клёвый! Я тебя обожаю.

– Тогда пообещай мне кое-что, детка. Больше никогда так не поступай, ладно? У меня нет никого, кроме тебя. Ты – мое единственное сокровище, – он старался всеми силами донести до нее это, чтобы глупышка поняла. – Ты должна меня пережить. Продолжить мой род, наплодить толпу внуков, и только потом...

Хелена хихикнула.

– Ну все, дочка. Мне нужно идти. Я поговорю с Викторией Павловной, с доктором, найду для тебя новую школу...

В светлых глазах снова мелькнула паника.

– Нет, папа! Не бросай меня! Не отдавай меня больше в школу, пожалуйста!

– Ну как же, детка? Тебе надо учиться.

– Не-ет! – она опять заплакала. – Я не могу учиться, как ты не понимаешь? Я ведь глупая.

– А что же делать? – он растерялся.

– Забери меня отсюда! – взмолилась Хелена. – Забери к себе!

– Куда я тебя заберу-то? – пробормотал он. Что у него впереди? Больница, могила...

– Возьми меня на корабль! Я качки не боюсь, – бедная Хелена; кажется, она недопонимала, на каком корабле служит ее папа. – Я буду хорошо себя вести и во всем тебя слушаться, честное слово! И прыгать за борт не стану. Клянусь, что буду жить долго-долго и внуков тебе нарожаю, сколько хочешь. Только обещай, что заберешь меня с собой. Па-ап!

Йозеф сглотнул.

– Обещаю.

– Правда? – Хелена радостно попыталась его обнять, но с переломанными руками это вряд ли ей удалось бы, даже не будь растяжек. – Честно-честно? И ты всегда будешь рядом со мной?

– Да, детка. Когда ты поправишься. А сейчас тебе нужен покой и хорошее лечение. Слушайся доктора и не забывай пить витамины, ладно?

– Ладно, – пробормотала Хелена, закрывая глаза. – Я очень тебя люблю, папочка.

Ладошка, в конце концов ставшая теплой, выпустила его руку. Йозеф некоторое время смотрел на задремавшую Хеленку, словно пытался запомнить. Потом дернул плечом – за остаток жизни не забудет, – резко встал и вышел из палаты.

Виктория Павловна нагнала его на лестнице. Шла рядом, приноравливаясь к его неровному, хромающему шагу, наконец, произнесла вслух то, что грызло ее изнутри.

– Вы ее обманули. Вам не позволят взять девочку на корабль. Да?

– Да, – ни капли раскаяния в голосе.

– Как вы могли? Вы же отец!

– А что я должен был сказать, Виктория Павловна? – остановившись, он обернулся к ней. Раскаяния не было и в его лице, одна лишь горечь. – Что мне и самому больше не ступить на трап «Ийона Тихого»? Если меня не расстреляют прямо сегодня, я умру от болезни через пару месяцев, – воспитательница охнула и прижала ладони ко рту. – Пусть она верит. Это поможет ей выздороветь, крепче встать на ноги. А когда она узнает... ну, что поделать – форсмажор. От смерти невозможно застраховаться, что бы там ни воображали себе страховые компании.

У Виктории Павловны задрожали губы.

– А мать у нее есть хотя бы?

Он открыл было рот, чтобы высказаться о Марте не самым приятным для нее образом. Но передумал, мотнул головой. Либо хорошо, либо ничего, вот так. Марта все равно, что умерла. Та женщина, которую он когда-то любил, которая терпеливо возилась с непутевой Хеленкой – умерла. Ее тело словно занял кто-то другой, чужой и незнакомый.

– Нет.

Он посмотрел на воспитательницу. Хорошая вроде женщина, и переживает за Хеленку.

– Виктория Павловна, позаботьтесь о ней. Я знаю, ее отчислили, и юридически вы не обязаны, но... Вот, – он не глядя выгреб из бумажника почти все, что там было – купюры, полоски платины, кредитки. – Пожалуйста.

– Ну что вы, не надо денег, – пролепетала Виктория Павловна, слабо отталкивая его руку. – Я ее и так не оставлю. Что вы, право... Вам самому пригодится...

– Мертвому деньги ни к чему.

Он насильно сунул ей в руки свое невеликое богатство – обрезок платины упал меж пальцев на пол, – повернулся и быстро заковылял прочь. Когда Виктория, подбирая на ходу выпадающие купюры, добежала до выхода, его уже нигде не было.

Ларс Максимилиансен рвал и метал, и каждый поступав-

ший рапорт приводил его во все большее неистовство. «Ийон Тихий» прошел все пояса обороны, ушел от шести истребителей, от трех термоядерных ракет, потеряв лишь несколько антенн. «Ийон Тихий» сел на Земле, несмотря на то, что ему отказали в посадке. Ларс был в ярости. Выходит, вся система безопасности Земли никуда не годится!

– Это просто Гржельчик чересчур хорош, – попытался успокоить его адъютант, но лишь всколыхнул новую волну гнева.

Отряд, срочно посланный в Ебург арестовать проклятого Гржельчика, упустил его. Когда они прибыли на место, своенравного капитана там уже не было. Ребята попытались устроить засаду, экипажу это не понравилось, слово за слово, началась драка, и десант «Ийона Тихого» отметелил спецотряд в хвост и в гриву. Еще и этот позор вдобавок!

Дед гневно прихлебывал кофе, сдобрив его ударной дозой коньяка. Будь он магом, под его взором все бы давно повспыхивало и сгорело синим пламенем. К счастью для окружающих, сверхъестественными способностями главнокомандующий не обладал. И даже когда дверь кабинета отворилась, и перед ним предстал пресловутый Гржельчик собственной персоной, взгляд Ларса не пригвоздил его к полу и не испепелил на месте, хотя очень хотелось.

– Вы! – взревел Максимилиансен, вскакивая из-за стола и комкая важные бумаги. – Вы что себе позволяете, сукин кот, а?

Гржельчик невозмутимо подошел, постукивая костылями, и положил на стол тонкую папку.

– Что это за филькина грамота?

– Мой рапорт, – ответил он. – Может, пригодится. В том числе о том, как мой корабль обстреливали земные посты обороны. Вам не нужно, так координатору будет интересно почитать.

– Как вам удалось миновать посты? – рявкнул дед.

– Мастерство не пропьешь.

Тон Гржельчика был негромким и отрешенным, фило-софским каким-то. И это еще больше вывело главнокомандующего из себя.

– Гржельчик, вы у меня будете рыдать кровавыми слезами! Вы обвиняетесь в измене родине!

– В чем моя измена? – спросил он так же спокойно. – В том, что я разбил вражеский флот? Или в том, что ни разу не выстрелил в ответ, когда меня пытались сбить свои же?

– Замолчите! – гаркнул старик. – Вы нарушили приказ, вы дезертировали с поля боя, вы...

– Я уже понял, что несимпатичен вам в общем и целом, – кивнул Гржельчик. – Следствие будет, или так расстреляете?

– Да я вас собственными руками придушу, мерзавец!

Йозефу было все равно. Какая разница, как умирать, по большому счету? Так, наверное, даже лучше, чем от ломки. Темная пелена висела перед глазами все дольше и отступала все неохотнее, вызывая головную боль. Несправед-

ливость главнокомандующего слегка напрягала его чувство собственного достоинства, но какое это будет иметь значение, когда он умрет? Скоро все кончится.

Кардиналу доложили о появлении капитана Гржельчика в Байк-паркинге. Наконец-то неверующему старику хватило ума отозвать его! Так думал Джеронимо Натта, ибо истинным ходом событий главнокомандующий не считал нужным с ним поделиться. Даже о том, что Гржельчик входит в здание генштаба, кардинал узнал от своих собственных осведомителей.

Вопли Максимилиансена, услышанные еще из коридора, заставили его прибавить шаг. В то, что главнокомандующий так отчитывает капитана за недостаток благочестия, как-то не верилось.

Он распахнул дверь и чуть не споткнулся. Осенил себя крестом и сквозь зубы выговорил:

– Стоять! Главнокомандующий, отойдите от него, быстро! На этом человеке печать проклятия.

Вредный дед, как ни странно, послушал. Видно, прозвучало в голосе кардинала что-то такое, с чем невозможно не считаться. Отдернул руку, которой едва не схватил Гржельчика за ворот в состоянии аффекта, и попятился на несколько шагов.

Торопливо бормоча молитву, Натта расставлял свечи по углам кабинета, кропил вокруг застывшего Гржельчика святой водой, крестил мелко со всех сторон. Он знал, что это,

но с проявлением столь мощной черноты сталкивался впервые. Не прекращая молитвы, он достал мобильник и послал сообщения монахам из своих помощников, вызывая их. Через полминуты кабинет заполнился людьми в черных рясах, затаивших хором какое-то песнопение и захлопотавших.

– Это Йозеф Гржелчик? – обратился Джеронимо Натта к Максимилиансену, подбородком указуя на капитана, которого усадили на стул и окуривали каким-то ароматным дымом.

– Да, – хрипловато ответил старик. То ли голос сорвал, крича на подчиненного, то ли дошла серьезность происходящего.

– Нужно было вызвать его раньше, – констатировал кардинал. – Когда я впервые сказал вам об этом. Мы чуть не опоздали.

– А... а что с ним? – растерянно спросил Ларс.

– Слуги дьявола поймали его душу в ловушку. Тьма поглощает его. Еще немного – и было бы поздно.

Нестройное пение монахов плыло по кабинету, завораживая.

– Но... но... кто это сделал?

– Мы обязательно выясним, – каменная маска, заменившая Джеронимо Натта лицо, сделалась еще жестче. – Уничтожим приспешников сатаны и само их гнездо таким образом, что еще тысячи лет никто не решится повторить подобное.

– А он? Вы его вытащите?

– Мы спасем его душу, – твердо ответил кардинал. – Это наш долг, и это все, что я могу обещать. Тьма слишком глубоко погрузила в него свои когти, разрушая плоть. Я удивлен, что его дух еще сопротивляется воздействию тьмы. Очень сильный человек.

Он шагнул к Гржельчику, устало и грузно привалившемуся спиной к спинке стула. Монахи расступились, и кардинал возложил ладони ему на лоб, шепча что-то про себя. Гржельчик вздохнул глубоко – от боли или от облегчения, не понять.

– У таких сильных духом людей – своя беда. Зло не может пробить их броню сразу, соскальзывает с нее, бьет по уязвимым местам – детям, внукам, прямым потомкам. Сын мой, – он дотронулся до руки Гржельчика, – у тебя есть родные дети или внуки?

– Дочка, – прошептал он едва слышно. – Она недавно пыталась покончить с собой. Значит, это из-за меня...

– Нет, – строго возразил Джеронимо. – Не из-за тебя! Нет твоей вины в том, что ты стойко сопротивлялся дьявольским козням, за это лишь хвала тебе. Те, кто на самом деле виновен, ответят перед Богом и людьми, не сомневайся. И не волнуйся за свою дочь. Ее тонкие структуры не совсем идентичны твоим, зло не могло проникнуть в нее глубоко. Я пошлю к ней монахинь. С ней все будет хорошо, сын мой.

– Спасибо, – выдавил Гржельчик.

Кардинал вновь повернулся к Максимилиансену, полы красной мантии крутнулись вокруг колен.

– Соскальзывая с брони, зло брызжет в стороны, находя души, не защищенные верой, укореняется в них, чтобы ранить извне. Друг оборачивается врагом, жена – злодейкой, любимая собака кусает... Случайный знакомый подставляет ногу, попутчик лезет в драку, начальство... – он окинул главнокомандующего многозначительным взглядом, – начальство придирается и орет...

Ларс почувствовал себя ужасно. Словно туман, морочащий его, сдернуло порывом ветра, и он наконец осознал, что творил. Он действительно придирался к Гржельчику не по делу. Первое время еще ругал себя, пытался самому себе объяснить рационально, что повода для враждебности к подчиненному нет, а личную неприязнь следует искоренить, коли она мешает служебным отношениям. Потом стал выдумывать для себя оправдания: мол, Гржельчик ни во что его не ставит, хочет подсидеть; злорадствовать начал, изобретать для него неприятные задания, порочить перед координатором. А чем все едва не кончилось? Смотри на минувшее, он ужасался своим собственным приказам. Можно каяться сколько угодно, ставить свечи, бить поклоны иконам, но того, что сотворено, не вычеркнешь. Это был его приказ – сбить «Ийон Тихий». Даже такой одиозный маньяк, как Шварц, пытался его отговорить, но он никого не слушал. Как теперь оправдаться? Приказ был отдан не в здравом уме, не в

трезвом состоянии? Раз так, главнокомандующего пора менять. На кого? На кого, Господи, если человека, наиболее подходящего на это место, он сам едва не угробил?

– Спасите его, – взмолился он. – Пожалуйста!

– Все в руках Божьих, – сухо ответил кардинал.

– Если Божьим рукам потребуется помощь, – Ларс признавал, насколько жалко это звучит, – вы только скажите, ваше высокопреосвященство.

– Богу требуется лишь крепкая вера в Него, – кардинал повернулся к Гржельчику, и его железный тон изменился, слова прозвучали почти заботливо: – Сын мой, ты сможешь идти, или прислать коляску?

Гржельчик встал, придерживаясь за спинку стула. Взор застилала темнота, не желая уходить, и в голове засела боль, буравя все сильнее, но он усмехнулся:

– Меня так просто не свалить.

Джеронимо Натта одобрительно кивнул и знаком велел двум монахам взять его под руки.

– Гржельчик, – вымолвил Максимилиансен, нещадно краснея от стыда, – простите меня. Я обещаю сделать все, чтобы вы поправились. Я... буду молиться об этом.

Он вновь издал смешок.

– Боюсь, мне теперь только молитва и поможет.

– Так и есть, сын мой, – серьезно произнес кардинал. – Так и есть.

Салима не возмущалась и не осуждала, вообще не выражала никаких оценок. Просто произнесла спокойно, как вынужденный итог:

– Думаю, вы меня поймете, Ларс, если я временно отстраню вас от командования флотом.

Старик промолчал. И хотелось бы сказать что-то в свою защиту, но смысл? Салима хорошо его знает. Не исключено, что она продолжает ему доверять. Но доверие флота он утратил. Ему нужно время, чтобы оправдаться. Нужно следствие, которое убедительно докажет, что у него отсутствовал злой умысел и корысть. Унизительные процедуры, без которых не обойтись, если он хочет, чтобы капитаны не смотрели на него, как на несостоявшегося убийцу одного из них.

– «Ийон Тихий» так и стоит в Ебурге?

– Да, Салима, – дедок потерял свой золотой крестик. Что-то часто он стал его трогать. – Жителям столицы есть на что полюбоваться. Интернет пестрит кадрами со всевозможных ракурсов. Конечно, корабль надо оттуда убрать. Перегнать в космопорт, отремонтировать и использовать в другой задаче. Но...

– Но кораблю нужен капитан. Кого вы предлагаете на замену Гржельчику?

– Я... я не знаю, – он досадливо помотал головой и признался: – Мне кажется, если отдать крейсер другому, Гржельчику станет не за что держаться в этом мире, и...

– Значит, надо назначить не капитана, а временно испол-

няющего обязанности.

Он вздохнул.

– Салима, вы не представляете... Дать кому-то капитанские полномочия, а потом отобрать? Причем не в наказание, а просто потому, что он лишний? С хорошим специалистом грех так обращаться, а плохой на командном посту не нужен.

– Неужели у вас нет хороших специалистов, которых вы терпеть не можете? – она лукаво наклонила голову набок.

– Есть, – еще более душераздирающе вздохнул главнокомандующий. – Недавно Гржельчик таким и был.

– Хорошо, Ларс, – она вытянула руку ладонью вперед, как бы останавливая его. – Я вижу, что ваши муки долга вступают в противоречие с муками совести. Не терзайтесь. Раз вы отстранены, то не обязаны решать этот вопрос. Я сама его решу.

Он не стал спрашивать, как она планирует его решить. Не его это дело. Но он не мог не спросить:

– Кому вы отдадите флот?

– Вашему заму по идеологии, кому же еще? Джеронимо Натта.

Максимилиан с неудовольствием поморщился. Глупо спорить, но еще глупее делать вид, что это ему нравится.

– Салима, вряд ли этот человек смыслит в том, как командовать флотом.

– Зато он смыслит кое в чем другом, – заметила она. – Если эта война перестает быть делом нескольких миров и

переходит в пласты света и тьмы, то мы поступили верно, поручив возглавить ее тем, кто привык действовать в этих пластах. Крестовый поход из названия превращается в суть. Занятно, хоть и несколько страшновато. Никогда не думала, что...

Ларс кашлянул. Ему было неловко, но он все-таки задал вопрос:

– Салима, а сейчас вы не жалеете, что не затеяли джихад вместо крестового похода? Не хотели бы все переиграть, доверившись тем, кто вам ближе?

Она покачала головой, обернутой на сей раз бледно-голубым платком.

– Какая разница, Ларс, как назвать войну меж тьмой и светом? Она выходит и за пределы религий, и за пределы миров. Все уже началось, пусть продолжается. Коней на переправе не меняют.

Он мог бы уже вести содержательный диспут с любым земным попом на предмет того, что происходит с душами, покинувшими тело. И он вышел бы в этом диспуте победителем, поскольку опыт неопровержим. Но бестелесная душа не умеет говорить. Если только в чьем-то сне, но разве он приснится какому-нибудь попу? Может быть, лишь в ночном кошмаре, исключаящем всякий конструктивный диалог.

Он не чувствовал ни времени, ни пространства. Их просто не было. А он хотел, чтобы было. Где-то там, во времени

и пространстве, лежало тело, и кто-то шептал его имя, звал из пустоты, а он не понимал, где. Однажды зов почудился совсем близким, и он ворвался в пространство-время, а минуту спустя едва не умер опять от ужаса: кругом были незнакомцы, и тело было совершенно незнакомым, полным и морщинистым, и вообще не таким... Силуэт в зеленом бросился к нему – он не успел понять, кто это, – заорал:

– Имя? Назови свое имя!

Он назвал.

– Полное! – крикнул зеленый.

Он не успевал соображать, безымянные предметы кружились перед глазами, и он никак не мог вспомнить, как же они называются и для чего нужны. Он дико тормозил, словно программа для современного компьютера, запихнутая в древний счетный ящик, занявшая весь жесткий диск и вяло-вяло копошащаяся, не в силах перевариться дохленьким процессором. Невероятная жуть вдруг пронзила его.

– Не-ет! – застонал он. – Выпустите меня отсюда!

Зеленый склонился над ним, в глазах мелькнуло понимание и сочувствие:

– Ты шитанн?

– Н-навверное, – вымучил он. – Я не помню, как это называется. Не хочу... не хочу так!

Ему почудилось, что доктор в зеленом халате шархнул его по голове тяжелой рессорой, но это был всего лишь электрический удар, вышвырнувший его обратно, прочь из

чужого седого тела, принадлежавшего только что умершему кетрейи с таким же именем, как у него. Он перепугался страшно, это был настоящий шок. Он еще много раз слышал, как его звали, но боялся. Боялся, что откроет глаза и вновь обнаружит себя среди чужих и, что самое ужасное – тормозящим, отупевшим... продвинутый софт, убитый примитивным хардом...

Но очень трудно не следовать зову, если хочешь жить. Часть тебя содрогается, а другая часть пищит, словно мышка: жить, жить, хотя бы так!

И он не смог устоять. Там будет плохо, верещала от ужаса часть его, а другая часть нетерпеливо подпрыгивала: там будет хорошо, конечно же, хорошо!

Он вынырнул в полумраке. И, разумеется, было плохо, просто смерть как плохо. Болело все, от макушки до кончиков ног. Какая же мука – иметь тело! Он застонал; что-то мешало, и он шевельнул рукой, выдирая пластиковые трубки изо рта.

Рядом раздался визг. До боли знакомый, до сводящего ощущения в повздошье.

Она неотрывно глядела на приборы и, конечно, первая заметила, как размеренные ритмы электрических импульсов сменились резкими всплесками и провалами, но не поняла, что это значит. А потом он шевельнулся, и она закричала – то ли от страха, то ли от радости, то ли от всего вместе.

Ворвавшиеся доктора чуть не сбили ее с ног.

– Жить, – прохрипел он. – Я хочу жить! Помогите...

– Как вас зовут? – вот оно, опять! Врач в зеленом тянется к шокеру – сейчас он знал, как это называется и для чего нужно: чтобы выбросить сознание вон, если окажется, что оно заняло не то тело. – Слышите? Скажите свое имя!

– Мрланк, – а под ложечкой сосало: вдруг не угадал? – Селдхреди.

– Жену свою помните?

Он скосил глаза.

– Это не она. Это Эйцца.

– Это он, он! – звонко прощebetала Эйцца. – Хирра Мрланк! Я сейчас позову хирра Айцтрану, – и, включив коммуникатор прямо в реанимационном блоке, где это строжайше запрещалось, принялась набирать номер.

– Вон отсюда! – гаркнул один из докторов, подкручивая настройки на каком-то приборе. – В коридор, мышка, там звони!

Он посмотрел на врачей мутноватым взором и пожаловался:

– Больно... Сделайте что-нибудь, а?

Пожилая докторша хохотнула.

– Да что мы *еще* можем сделать? Думаете, раз вы к нам вернулись, так самое худшее позади? Самое худшее только начинается. Терпите, милый.

Топ-топ, тук-тук. Размеренный цокот убаюкивал, непре-

кращающийся ветер завывал колыбельную. Здесь, на высоте четырех тысяч метров, постоянно дули холодные ветра. Кто бы мог подумать, что на Земле еще остались места, куда не добраться ни самолетом, ни вертолетом? Небольшой караван из навьюченных флегматичных лам, обросших длинной шерстью, взбирался вверх по каменистой тропе. Караван сопровождали тепло одетые монахи, вооруженные, помимо икон и четок, парализаторами и винтовками – древнее оружие, но от того не менее действенное против крупного зверя ли, недоброго человека ли, закосневшего во зле и не внемлющего слову Божьему. Монахи степенно вышагивали по бокам каравана, без лишней спешки погоняя лам и несуетливо вознося молитвы столь близкому здесь небу.

Только один человек не шел пешком, а покачивался в седле, прильнув к гриве ламы так, что фактически лежал, заботливо обернутый в меховые одеяла и привязанный ремнями, чтобы не упасть. Монахи отдавали дань почтения его стойкости, не дающей смертельно больному пасть духом, сломаться, но одолеть путь на своих ногах ему было бы не по силам. Слишком он был изранен в неравном бою с тьмой.

Караван выбрался на небольшое плато, головная лама остановилась. Один из монахов аккуратно похлопал седока по спине, распуская ремни:

– Брат, слезайте. Вам помочь? – не дожидаясь ответа, он подставил жилистые руки для опоры.

Йозеф очнулся от полудремы. В последнее время он стал

путать явь со сном: в яви перед глазами то и дело темнело, а боль и тошнота донимали даже во сне. Он тяжело сполз вниз, постоял, приходя в себя, уткнувшись лицом в спутанную шерсть. Лама пахла ламой – мохнатым животным, за которым в меру ухаживают, но не купают с шампунем. Значит, явь.

Воздух был чист, разрежен и холоден. Йозеф тер виски, пока тьма перед глазами не рассеялась, сопроводив свой уход новой порцией острой боли. Прозрачное небо было окрашено в розовые закатные цвета. На фоне заката парила большая птица – кондор, не кондор, он особо в зоологии не разбирался. Розовые солнечные блики отражались в позолоченных крестах монастыря, будто приклеившегося к западному склону одной из вершин Анд. Четыре тысячи сто метров над уровнем моря. Выше в небо – ближе к Богу, так сказал кардинал Натта. Йозеф еще пошутил тогда: может, сразу в крейсер – и в космос? Запросто, пошутил в ответ кардинал, если ваш главнокомандующий отрядит один из крейсеров под летающий храм и передаст Церкви.

Джеронимо Натта понравился Йозефу. Суровый, деловой мужик, чуждый излишеств и слащавости, часто присущих священникам. Он не скрывал, что будет трудно. Будет *очень* трудно, сказал он. Тебе надо забыть об интернете, о войне, о женщинах. О дочке – можешь помнить, но только о ней. Укрыться от цивилизации, как от заразы в стерильной операционной, где твою душу станут чистить от инфекции опыт-

ные хирурги. Без наркоза – он и этого не скрывал. Душа – не тело, наркоз здесь только навредит, а то и сделает операцию вообще невозможной.

– А тело? – спросил Йозеф. – Я хочу верить, что вы спасете мою душу, но... я умру?

– Все мы умрем, – философски ответил кардинал. – Возможно, и скоро. Возможно, и ты. Пути Господни неисповедимы. Твоя болезнь наведена дьяволом, излечишь душу – уйдет и она. Однако... помнишь, что я говорил про наркоз? Выдержишь боль исцеления – будешь жить. Не хотел бы я оказаться на твоём месте, сын мой, – откровенно признался он. – Мне и на своём неуютно, ибо в муках ты станешь меня проклинать за то, что я обрек тебя на них.

Йозеф упрямо закусил губу.

– Не стану.

– Может, и не станешь, – согласился кардинал. – Есть в тебе стержень. Да пребудет с тобой Божье благословение, – он перекрестил Йозефа, поцеловал в лоб и оставил одного.

А потом за ним пришли монахи. Помогли собраться в дорогу, сопровождали в аэропорт, затем на поезд... Следом пришел черед лам.

– Это монастырь святого Бенедикта, – пояснил монах, видя, как он разглядывает острые пики, венчающие каменную ограду, возвышающиеся над ней кресты и колокольню. – Здесь вы избавитесь от зла, терзающего вас, брат.

Насчет боли кардинал не обманул. Йозеф еще и в воро-

та не ступил, а боль грызла нещадно. О том, чтобы взять с собой лекарства и тем паче наркотик, речи не было. Муки ломки перебивали привычные страдания медленно умирающего тела. Есть он не мог уже двое суток, пил с трудом. Но все-таки сострил:

– Или зло избавится от меня. Одно из двух, кто-то да победит.

– Мы будем молиться за вашу победу, – заверил его монах.

Они двинулись к воротам, монахи поддерживали его под локти. Навстречу просеменил худой изможденный человек, подозрительно легко одетый, взял поводья лам, придерживая их, чтобы пропустить идущих людей. Йозеф сморгнул вновь зависшую темную пелену, присмотрелся. Так и есть, человек был бос.

– Кто это? – спросил он.

– Кающийся грешник, – как ни в чем не бывало, ответил монах и кликнул: – Эй, поди сюда, раб Божий!

Человек послушно примотал поводья к столбику, быстро подбежал, встал, смиренно потупив взор и сложив руки на животе. Руки у него были замерзшие и покрасневшие, как и ступни, пальцы которых он невольно поджимал.

– Расскажи брату Йозефу, кто ты такой, – велел монах.

Он шмыгнул носом.

– Я великий грешник, – пробормотал, не поднимая глаз. – Я виновен в преступлениях против рода человеческого и Земли, колыбели светлых религий, – похоже, текст был твер-

до заучен; не исключено, что грешника заставляли, скажем, ежевечерне повторять покаяние, стоя на коленях: такая методика надежно впечатывает повторяемое в подкорку. – Я надеюсь искупить свой тяжкий грех добровольным умерщвлением плоти и смиренным служением матери нашей Церкви.

Интересно, насколько добровольно его самоистязание, подумал Йозеф. Наверняка добровольно-принудительно.

– Что за преступление ты совершил? – ему было любопытно, за какие грехи светская власть, твердо держащая в руках всю пенитенциарную систему, сочла целесообразным передать преступника Церкви.

Грешник съежился.

– Я... я служил злокозненным нехристям, предавая им род человеческий, аки Иуда Господа нашего Иисуса Христа, получая денежную мзду, – стилистика текста была отточена; и кто из здешних монахов балуется высоким слогом? – Я открыл ящики Пандоры, полные богопротивных тварей, изготовленных злокозненными нехристями по сатанинскому наущению, дабы лишить Землю силы и низвергнуть ее в пучину...

– Парень, – не выдержал Йозеф, – ты по-английски нормально говорить умеешь?

– Да, – он опять шмыгнул носом и поежился, бросив быстрый взгляд на монахов. – Я был гдеанским агентом. Передавал им только безвредную информацию, ничего такого, не

подумайте... Но потом они приказали мне получить посылку и подсунуть на корабли несколько ящиков. Я даже не знал, что в них!

Йозефа осенило.

– А там были шнурогрызки! – он шагнул вперед, сгребая грешника за ветхий ворот. – Ах ты, скот, мать твоя шлюха, я ж тебя...

– Не надо, брат, – монах остановил Йозефа, ненавязчиво похлопав по руке. – Не сейчас. Спасти вашу душу гораздо важнее, чем его.

Он уронил ладонь, едва не стиснувшую худую шею.

– Да... конечно.

И прошел об руки с монахами в ворота.

Скальная толща экранировала сигналы навигаторов, мобильных и радиопередатчиков. Но для того, что воспринимал юноша, растянувшийся на каменной плите, словно на роскошном диване, не было ни преград, ни расстояний. Юноша был обнажен, но не чувствовал холода и неудобств. Здесь были его владения, здесь концентрировалась его сила. Здесь ему было хорошо. Он довольно потянулся, ошущая усиливающиеся страдания жертвы, трансформируя их в мощь, в сладкую энергию для себя и для Хозяина, покровителя колдунов, которого никто никогда не видел, но в существовании которого ни один колдун не осмеливался усомниться. Эгоистичная натура колдуна не допускает служе-

ния кому-либо, Хозяину не служили. Просто энергия никогда не доставалась колдунам полностью, большей частью уходя ему – неизвестной сущности, для простоты называемой Хозяин. Попытки отсечь Хозяина и пользоваться всей энергией в одиночку ни к чему хорошему не приводили: колдовская сила исчезала на несколько лет, которые были наполнены мукой прозябания. Повторная попытка за всю историю была лишь одна; колдун, дерзнувший вновь посягнуть на неотъемлемое право Хозяина, умер страшной смертью, явившейся уроком для остальных.

Колдунов никогда не было много. Колдуну нужны жертвы, иначе сила иссякнет, а хорошую жертву найти непросто. В большинстве людишек слишком мало жизненной энергии, они быстро сдаются, высасывать их – никакого удовольствия, только войдешь во вкус – и все уже кончилось, как эрекция у импотента. Хорошие жертвы попадают лишь несколько раз за всю жизнь, и они способны доставить колдуну не только огромную силу, но и высшее наслаждение, даже не сравнимое с жалким сексом, любимым развлечением людишек. И теперь колдун наслаждался, нежась в эманациях чужих мучений. Пик был близок, он уже скоро, последний выплеск искореженной души, последний ее истошный вопль, этакий бесплотный оргазм, отголоски которого еще несколько лет будут приносить эйфорию...

Предвкушение было разрушено самым грубым образом. Нити, по которым струилась к колдуну чужая сила, затре-

щали под чьим-то напором, и несколько из них оборвались. Колдун яростно встрепенулся. Никто не смеет!.. Никто на этой планете, облюбованной колдовским племенем, не способен разорвать сплетенное колдовство! Что за жертву подсунул ему этот мерзавец, трясущийся от страха и ненависти урод?

Лопнули еще две нити, и колдун собрался. У него не отнимут эту жертву, ни за что! Он торопливо начал сплетать новые нити, крепить узлами старые. Эта жертва принадлежит ему! Ему! И Хозяину, само собой...

Где-то пели на непонятном языке суровые мужчины в черном, кто-то, распластанный на столе, метался, извиваясь в путях, и кричал до хрипоты, разрывая горло. Битва только начиналась. Не на жизнь, не на смерть, а на нечто более важное...